84Р7(2Р-4Кем)
О-38

ОГНИ КУЗБАССА

№ 3-4
2003

ИЗДАНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ КУЗБАССА

В НОМЕРЕ:

- **Проза:** В.Соколов, Ю.Лавряшина, В.Арнаутов, Л.Яковлева, Г.Трохин, Ю.Торубаров, А.Кругляков
- **Поэзия:** А.Валентинов, В.Махалов, Л.Яковлева, Н.Трусь, Н.Фролова, А.Бельмасов, А.Ребров
- **Литературная студия "Притомье"**
- **Лики земляков:** Тайга-город. Интервью с мэром Тайги А.В.Маером. Б.Атрошенко, В.Коробейников, С.Павлов, М.Александрова
- **Светлица**
- **Православные чтения**
- **Рецензии, отзывы, обозрения**

Открытие Центрального дома литераторов Кузбасса в г.Кемерово

84Р7(2Р-4Кем)
О-38

ИЗДАНИЕ
СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗБАССА

ОГНИ КУЗБАССА

№ 3–4
2003 г.

R.S.L. KEMEROVO
151334

Главный редактор
В. М. БАЯНОВ

Ответственный секретарь
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Б. В. БУРМИСТРОВ,
В. В. ИВАНОВ,
А. И. КАТКОВ,
И. А. КУРАЛОВ,
Ю. А. ЛАВРЯШИНА,
В. М. МАЗАЕВ,
В. В. МАХАЛОВ,
Л. А. НИКОНОВА,

Художник
В. П. КРАВЧУК

АЛЬМАНАХ ВЫХОДИТ
БЛАГОДАРЯ ПОДДЕРЖКЕ
АДМИНИСТРАЦИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И АДМИНИСТРАЦИИ г. ТАЙГИ

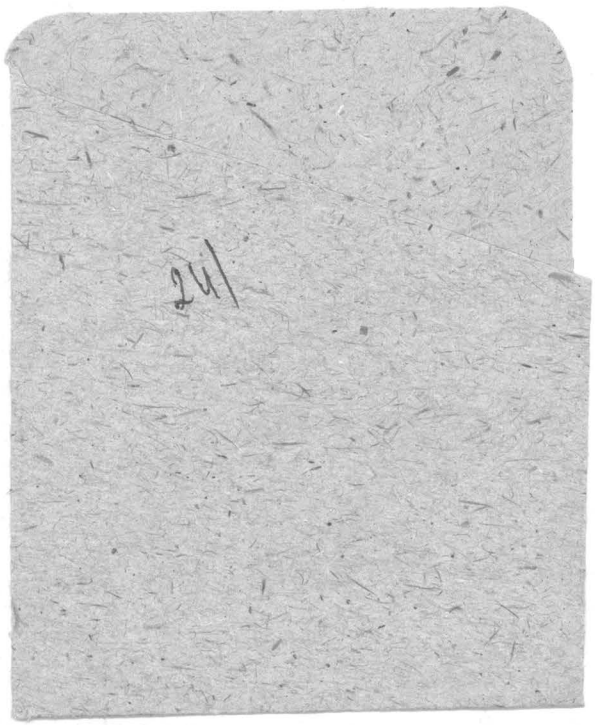
Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются.

Адрес редакции:

650099, г. Кемерово,
Советский проспект, 40.
Телефон 36-85-14.

Альманах «Огни Кузбасса»
зарегистрирован Омской
региональной инспекцией
по защите свободы печати
и средств массовой информации.

Свидетельство № Г-0659
от 3 августа 1995 года.

Федор ТЮТЧЕВ

* * *

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.

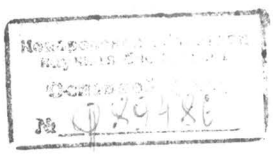
Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

1865

В центральном Доме литераторов Кузбасса 5 декабря прошел вечер, посвященный 200-летию со дня рождения великого русского поэта Федора Ивановича Тютчева. Несмотря на забывчивость Центрального радио и телевидения величать Тютчева — любимого поэта — собрались писатели, актеры, библиотекари, школьники и их учителя.

ПЕРВЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

Анатолий ВАЛЕНТИНОВ

СТОЯТЬ НА СВОЕЙ ЗЕМЛЕ

* * *

Ночь на всходе. Совиные толки.
Звезды тьму разгущают едва.
Чуть виднеется на проселке
Чья-то светлая голова.
Слева кладбище, справа подлесок –
Все недобро, все страхи таит.
Только пришлый, пожалуй, предерзок –
И охотой удрать не горит.
Вот так случай! Ужель пацаненок? –
Только-только пошел восьмой.
Да ведь жутко, поди, до печенок:
Поминутно вертит головой.
Где ж такого набраться пылу:
Тут и взрослого проберет.
Знать, пошел на нечистую силу,
Как иной на медведя идет.
Или славе он бросил вызов:
Уж кто-кто, ну а я не трус!
У детей много разных капризов.
Это минус. А может, и плюс.
Так не хочется быть последним!
Не отсюда ли взял на магнит
Лес, наполненный духов и ведьм,
И погост, где сам воздух дрожит.
Суеверия! Предрассудки!
Неискусность в добре и зле.
Им осталось последние сутки
Доживать на его земле.
Детской смелости детский лепет!

3

Мир не здесь, не сейчас страшней!
Этот – волосы только потреплет
Да прицепит к штанине репей.
Что ж, гордыня – плохой советчик.
Но стоял он, держа обет,
Пыль, совсем еще человечек,
С мирозданием тет-а-тет.
И не раз били зубы дробью,
Не однажды был нос утерт,
Но не вылез покойник из гроба,
И не вышел из леса черт.
Видно, черт еще не родился,
Глянул вверх – небосвод стал чист.
И домой уже возвратился
Непреклонный матерьялист.

* * *

Порой усомнюсь в самоценности слова –
От леса в душе не останется пня.
Печальная старость поэта Козлова
Не знаю, но чем-то тревожит меня.
Так вот вы, бытийности поздние главки –
Лекарство – как пища, а пища – как яд,
Стирание памяти, а соцнадбавки
Гораздо о большем, чем стих, говорят.
Повыветрен угол, и внучек-пропойца –
Тяжелый экстракт подзагнившей страны.
У внука особого рода геройство –
Сидеть на загривке героя войны.

Почтенный, согбенный, Козлов и не ропщет –
Уходит и бродит, где бродит – бог весть,
А время, а время – остатнее топчет.
Уста не исторгнут дежурную лесть.
Все в прошлом: рождение, ладная младость,
Любовь и влюбленности, воля и стих,
Война, и военные горе и радость,
И послевоенные счастье и жмых.
А надо дожить еще до расставанья
С сим миром благим, ну а жить – все трудней.
Все меньше меж близких людей пониманья,
Все явственней между людьми суховей.
Свистит по проспекту азарт соцкультбыта,
На стогнах содомовых царствует «рупь».
Нет, видимо, все-таки что-то забыто,
Упущено что-то, не вобрано вглубь.
...Зайдет он в Союз, в кресле тихо подремлет,
Когда в разговоры войдет невпопад.
Не ведают сильные, боги не внемлют –
О чем это тросточки сирых стучат.

* * *

Когда завечереет над землей,
по-летнему усушенной до звени,
когда с полей воротятся домой,
едва сгибая локти и колени,
когда по стойлам усмирится скот,
когда мое родимое селенье
как будто с облегчением вздохнет,
дождавшись от жары отдохновенья,
когда истает золотом закат,
устанут птицы спорить с тишиною
и по лесам детей угомонят,
и справятся в поселке с детворою,
когда река задумает туман,
как женщина невиданное платье,
утихнут ветры из далеких стран,
а бог Морфей откроет в мир объятья,
когда Селена выглянет из мглы,
и выпасы отмякнут под росою,
когда сберут нехитрые столы
и на устаток примут со слезою,
когда повеет боговым с высот,
день прошлый окончательно увянет,
хвала всему, что на земле живет,
когда на песню от трудов потянет.

4

* * *

Я все чаще мечтаю
о деревенском доме,
где картины –
кричат петухи
и речушка течет,
я как будто когда закопал векселя
в черноземе,
и забыл, где зарыл, и меня
к чернозему влечет.
Эта чудь, как бальзам,
мне на раны душевные льется,
свой рисую приезд
в знойном буйстве июльских цветов.
Как там дом мой стоит? – я спрошу
у чумазого хлопца –
будет хлопец шустер,
как десяток исправных волчков.
Вдоль заборов пойду, эстафетой
собак поднимая,
и неволей села
любопытство к себе привлеку.
Принимаю – и лай,
и людской интерес принимаю,
и ворчанье гусей,
обращенные к чужаку.
Будет жарить, да так –
даже пыль шевельнуться не в силах,
переманит река, поверну –
и бегом к ней почти.
Я почую нутром, что речушка
меня полюбила, –
и позволится мне
как посу́ху
ее перейти.
Я к жилому вернусь,
набродившийся досыта в плавнях,
умирая от жажды, зайду
в приглянувшийся дом –
с тихим счастьем во всем:
и в крылечке нехитром,
и в ставнях –
и хозяйка, вся в светлом,
приветит меня молоком.

Боже мой,
как она в моем сне
нестерпимо уютна!
И живет, как поет,
а поет, будто в долю зовет.
Как умеет она: неземно и несиюминутно –
будто лавры кому –
горделиво кувшин подает.
Принимаю и пью, нипочем
не желая проснуться,
и досадно хоть капельку мне
на полы обронить.
Возвращая кувшин, незаметно
руки прикоснуться,
и шепнуть, как скомандовать армиям:
«Жить...»

* * *

Нынче нет дела площе,
Чем времени слать хулу.
Золотокудрая роща
Тихо грустит по теплу.

Осень цвета утвердила –
Сладко в красе увядать.
Время ли победило,
Радость ли ожидать.

Ветром аукнется в спину –
Милый, толкаешь куда?
Якорь из сердца я выну –
Вместе пойдем в холода.

Березы, осины, ивы –
Что перышки на крыле!
Ах, как же они красиво
Стоят на своей земле.

г. Кемерово

Анатолий КРУГЛЯКОВ

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Рассказ

Университетский парк сильно разросся. Длинные асфальтированные дорожки пересекали его вдоль и поперек. Скамейки, расставленные через каждые сорок метров, были пусты. Ветерок заметал опавшие сухие листья: несколько ночей подряд были заморозки. Стояла золотая осень.

Иван Шереметьев шел по аллее, наслаждаясь тишиной и утренней свежестью. Он присел на скамейку, и вдруг далекие, сладостные воспоминания нахлынули на него. Они, студенты-первокурсники, закладывали этот парк, высаживали деревья и кустарники. Бог ты мой, как давно это было: годы учебы, аспирантура, и вот он – преподаватель истории средних веков в университете. Он посмотрел на часы: скоро начнутся его лекции. Три пары сегодня, и ему просто необходимо получить заряд бодрости.

По аллее прямо к нему шел маленький человечек. Он размахивал тростью, сшибал с кустарников пожухлые листья. Шереметьев узнал в нем однокурсника Алексея Батурина, тоже преподавателя университета и, как он считал, человека неординарного. Батурин с первого курса увлекался хиромантией, черной магией, полтергейстом и вообще всякой чертовщиной.

Шереметьев встал, захотел уйти. Батурин был уже рядом, проговорил:

– Подожди! Граф, ты мне нужен. (Иван был крестьянским сыном и никакого отношения к дворянскому сословию не имел.)

Шереметьев показал на часы: спешу, мол, на лекции.

– Идем вместе, граф. И у меня лекции... Ты, наверное, слышал, что я работаю над диссертацией

«Жизнь после смерти». Осталось провести один опыт. А там – защита, мировая известность. Ты знаешь, граф, мне бы хотелось, чтобы ты присутствовал сегодня на эксперименте. Провожу опыт над хомяком. Представляешь, зверек говорит голосом бывшего преподавателя Павла Гавриловича Смычкова!

Пошли рядом. Шереметьев высокий и статный. Он походил на Смычкова. Батурин семенил рядом, для солидности помогал себе тростью, и его длиннополая шляпа колыхалась вверх-вниз. Он был низенький и тщедушный.

– А ты, граф, похож на Смыча, – хохотнул Батурин, – как две капли. Я, предсказатель, предупреждаю: ты повторишь его судьбу... Давай-ка приходи сегодня после лекций к Эльзе Брауншвейг. Увидишь чудо: ее хомяк говорит голосом Смыча. Дух его переселился в зверька!

«Что за чушь – реинкарнация?» – подумал Шереметьев. Помнит ли он Эльзу? Конечно. И никогда не забывал ее, одно время ему казалось, что он влюбился в нее.

– Дай слово, граф, – привязался Батурин. – Мне важно знать твое мнение...

– Хорошо, – бросил Шереметьев и пошел в свою аудиторию. Ему вдруг захотелось увидеть Эльзу.

Эльзу Брауншвейг и жалели, и любили все. Беженцы из Казахстана – отец, мать и дочь. Молоденькая, пухленькая, она скорее походила на куклу Барби. Вот и прибрал ее к рукам преподаватель Смычков. Он получал пенсию по старости. Так что

денежки у него водились. Надо отдать ему должное, лекции он читал прекрасно. Голос у него громкий, хорошо поставлен. Он очень много знал. Работал в свое время в трех посольствах. В совершенстве владел немецким и английским языками. Но в конце концов его сгубила страсть к женскому полу. Так он и оказался преподавателем истории средних веков в университете.

Эльза приняла его предложение, поскольку ей некуда было деваться. Родители ее пока не работали, ютились на квартире в частном доме. А на мизерную стипендию не проживешь. Смычков жил в семейке, имел комнату в восемнадцать квадратов. До этого у него была прекрасная трехкомнатная квартира в центре города, но он оставил ее бывшей жене и двум детям.

Вторая страсть Смычкова – коллекционирование старинных монет и золотых украшений. Он скупал по дешевке у студентов золотые и серебряные безделушки. Все это он хранил в своем сейфе, ключ от которого всегда носил с собой.

Он любил рассматривать свои сокровища, когда Эльза спала. Он напрасно думал, что она такая уж простушка. Чуть приоткрыв глаза, она наблюдала за Смычом, который рассматривал монеты и золото перед настольной лампой. На серванте стояла клетка. В ней жил хомяк. Он был любопытный и тоже внимательно наблюдал за хозяином.

В минуты вдохновения Смыч командовал:

– Эльза, раздеваемся. Будем сегодня заниматься сексом...

Они раздевались догола. Смыч вставал на четвереньки, молодуха садилась ему на спину, и он катал ее по комнате. Позанимавшись таким образом сексом, он шел в сидячую ванну, и Эльза купала его, обмывала огромную бессильную плоть, и Смыч похрюкивал от удовольствия.

У Смычкова стала слабеть память. Он уже не мог запомнить фамилии студентов, которые приходили к нему с зачетками, приносили золотые украшения или просили в долг под залог той или иной безделушки. Всю эту бухгалтерию стала вести Эльза. Она так вошла к Смычу в доверие, что тот передал ей ключ от сейфа, позволил принимать студентов в его отсутствие. Она брала «дары» и оплачивала их. При этом была рассудительна и скупа:

– Да что может стоить одна сережка? Ничего... Вот тебе деньги и не стони, – шипела она, – и выметайся!

Училась Эльза Брауншвейг отлично. Да и Смыч помогал ей. Недостатка ни в чем не испытывала. Одевалась прилично да и питалась отменно. Муж ей ни в чем не отказывал. Конечно, и он чувствовал себя уверенно, когда у него был сейф, набитый золотом.

Но вот незадача: он вдруг начал быстро дряхлеть. Шамкал за столом и во время лекций, шаркал ногами. Когда он шел из университета вместе с Эльзой, все думали, что идут дедушка и правнучка.

Ему недавно с шиком отметили семьдесят лет. Перестал он заниматься литературой, чем-то вообще интересоваться. Взирал на окружающий мир с каким-то равнодушием. Бросил заниматься сексом. Эти игры были уже не для него. Последний раз он не мог самостоятельно вылезть из сидячей ванны, а у Эльзы не хватало сил, чтобы вынуть его оттуда. Пришлось ей бегать и звать студентов. Так и просидел он в ванне больше часа. Вот только хомячка и любил. Кормил его свежими булочками, поил пивом, к которому хомяк пристрастился. Так они и пили на двоих. Хомяк стал походить на толстого поросеночка.

Смыч одряхлел еще и потому, что в последнее время много пил. Любил он пиво, а водку хлестал стаканами, Эльза не успевала выносить за дверь пустую тару. Время неумолимо наступало. И лекции его стали скучные и блеклые. Он уже не выговаривал отдельные слова и фразы. А вот однажды произнес: «Насратьдамус сказал...» Он еще что-то добавил и даже не заметил, что в аудитории стоит сплошной смех. Так он сказал или нет, долго потом спорили. Словом, его уволили. Он вышел из университета, бросил в мусорный контейнер потрепанный кожаный портфель с конспектами и поплелся домой.

Он столкнулся на пороге своей квартиры со студентом Шереметьевым. А Смыч его даже не заметил. Он вошел в комнату, разделся и лег на диван. Уснул. Эльза приготовила обед (первый съел Шереметьев). Она подошла к дивану, потрясла мужа за плечо: «Смыч, вставай, поесть приготовила, вставай...»

Но муж не отзывался. Она начала его трясти посильнее, пока ее руки не почувствовали холод его тела. Она все поняла. «Умер. Что теперь делать? Как жить? – замелькали мысли... Она взяла большую сумку, открыла сейф и стала выгребать золото. – А надо ли это делать? Все мое».

– Шушька! Воровка. Шашем берешь мое золото? – послышался шепелявый голос Смыча. – Сексом давай заниматься, сексом...

Она подняла голову. В клетке на задних лапах стоял хомяк и внимательно смотрел на нее.

– Заткнись, хомячья твоя морда, – сказала Эльза и накрыла клетку тряпкой.

Она оделась и пошла в университет.

Похоронили Смычкова скромно. Были некоторые преподаватели, которые много лет с ним работали, два-три студента. Эльза была в черном одеянии, будто специально готовилась к дню похорон. Она располнела, была похожа на Винни-Пуха. Она подошла к Шереметьеву, шепнула: «Приходи после похорон...»

Близкие и друзья собрались в комнате Эльзы. Только выпили по сто граммов, как в комнату вошли три человека.

– Мы университетская комиссия, – объявил один из них. – Вот вам решение комиссии, – передал бумагу хозяйке. – Освобождайте комнату, а вам мы дадим место в общежитии...

Эльза даже не посмотрела на бумагу, достала свои документы: паспорт с загсовской печатью, доверенность Смычкова на владение ею комнатой и справку о беременности. Просмотрев все это, старший сказал:

– Хорошо. Живите пока... – Уходя добавил: – Ну, Смыч, силен был мужик. Успел-таки ребенка заделать.

Тут и гости стали расходиться. Она задержала Шереметьева, сказала ему: «Будем жить теперь вместе. Ребенок-то от тебя».

Шереметьев дернулся. Он не сомневался, что был у Эльзы первым. Но сильно сомневался, что ребенок от него. Он так и сказал ей.

– Вон, пошляк! – просто сказала она. – Видеть тебя больше не хочу.

Когда он шел к двери, вслед ему прозвучал голос Смыча:

– Эльза! Гони этого хмыря! Пинка ему, пинка!

Он оглянулся и увидел напряженное лицо Эльзы и хомяка, который смотрел на него сверху вниз. «Чертовщина какая-то», – мелькнула мысль, и он выскочил в коридор.

Прошло несколько лет. Все эти годы Шереметьев интересовался судьбой Эльзы. Она родила ребенка и якобы оставила его в роддоме. С отличием окончила университет. Потом она ходила по паркам и набережной, выступала с говорящим хомяком. Она зарабатывала приличные деньги, особенно в месяцы, когда был наплыв туристов.

– Помогите бедной вдове, студентке университета, – вопил хомяк. – Подайте и мне копеечку. Пива хочу, пива!

Шереметьев даже побывал на одном представлении, бросил в корзинку большую купюру, но Эльза вернула ее хозяину: «Подавись...»

Она забрала хомяка, посадила в корзину и ушла. Расходились и зрители, косо посматривая на Шереметьева. Один подвыпивший верзила пробасил:

– Тебе что, гад, рыло начистить?..

И вот осень. Неожиданная встреча с Батуриным. Шереметьев решил принять предложение этого чудака и побывать у Эльзы. После лекций он пришел в преподавательский корпус, в котором бывал много раз. Позвонил. Дверь открыла она сама.

– Здравствуй... Меня пригласил Батурин на эксперимент, – на всякий случай сказал он: боялся, что выгонит его в шею.

– Знаю... Проходи, – распахнула она дверь.

Эльза с годами стала еще привлекательней. Ее лицо было красивым. Светлые волосы тяжелым узлом были уложены на голове, отчего она казалась выше ростом. Пышные формы, округлые груди так и манили, так и притягивали его взгляды. Любил ли ее Шереметьев? Он не знал, но постоянно скучал по ней. Жил одиноко в такой же гостинке, в соседнем корпусе.

По комнате бегал карапуз лет пяти. Эльза что-то ему сказала. Шереметьев разобрал лишь два-три слова. Она говорила с мальчуганом по-немецки. «Ее сынишка, – подумал он, – а говорили, что оставила в роддоме. Может, ребенок жил у дедушки и бабушки? Вон как шпарит по-немецки».

Шереметьев прошел в глубь комнаты. На столе и подоконнике Батурин устанавливал приборы, датчики. Проводки от них шли к несчастному хомяку, который был опутан ими. Расплывший, седой, он уныло посматривал на то, что с ним происходит.

– Ну давай, хомяк, говори, – сказал Батурин и защелкал тумблером. – Не спи... Работай!

– Пива, дай пива... шушька ты, – сказал вдруг хомяк голосом Смыча. – Сыра дай, жмот, сыра...

Батурин кинулся к своим приборам. Они светились, но на экранах ничего не было.

Он достал из портфеля бутылку пива, налил хомяку в блюдце, сунул в клетку кусок сыра. Пока он возился, к Шереметьеву на колени залез мальчуган и сказал ему в ухо:

– Папка, а почему ты мамку бросил?..

Шереметьева чуть не перекосило. Он ссадил пацана, укоризненно посмотрел на Эльзу и пошел к двери. Участвовать в этом спектакле он больше не хотел.

– Стой! – строго сказал Смыч (тут же засуетился Батурин, стал нажимать кнопки). – От своего сына отказываешься, мерзавец!

Это было слишком. Он гневно глянул на Эльзу. Ее лицо было напряжено. Халат распахнулся, и он увидел голое тело. Живот ее колыхался, две груди, как спелые дыньки, тряслись.

– Хрен однояйцевый! – отрубил Смыч.

И тут Шереметьеву стало все понятно, хотя он и раньше догадывался. Он чуть ли не со смехом смотрел на суетившегося Батурина. Ну и Эльза! Заморочила всем голову. О том, что у него одно яйцо, знала только она. Когда он был маленьким, ползал по хате, наткнулся на гвоздь. Получилось заражение, потом была операция.

Шереметьев подошел к клетке. Хомяк неподвижно лежал, уткнувшись мордой в блюдце с пивом. Видно, не выдержав испытаний над ним, он просто сдох. Батурин и сам понял это, стал складывать все свои прибамбасы в портфель.

– Извините, Эльза, извините, – пробормотал он и раскланялся. – И ты, граф...

Батурин ушел. Шереметьев спросил:

– Эльза, где ты этому научилась?

Она улыбнулась:

– От моих предков передалось. Более ста лет назад они выступали во всех театрах и цирках Европы. Тогда чревовещание было в моде.

– А как будешь жить дальше? – он кивнул на дохлого хомяка.

– У меня красный диплом, сейф с золотом. Да и ты... Ведь любишь, знаю. Погляди, графчонок-то твой. Можешь на ДНК проверить. Исцарапала бы тебе всю морду, да не хочу графскую физиономию портить. Садись к столу, я тут угощение приготовила по случаю...

Он сел. Мальчуган взгромоздился ему на колени. Эльза наполнила бокалы вином:

– Вот тебе и новая жизнь после смерти Смыча... За это!

Они чокнулись. Тонко зазвенел хрусталь.

...Прошло еще какое-то время. У Эльзы Шереметьевой родился второй мальчик. Потом супруги исчезли. Поговаривают, что они уехали за границу.

г. Кемерово

Юлия ЛАВРЯШИНА

НИЧЕГО СТРАШНОГО

Рассказ

У него была волшебная трубка. Вернее, трубочка, размером со свирель, вот только он никогда не видел свирели и даже слова такого не знал. Как все чудесное, она появилась в его жизни сама по себе, преобразила ее совершенно, и теперь он не помнил времени без нее. Если б кто-нибудь читал ему сказки про волшебную палочку, он мог бы назвать ее и так. Но в словах не было необходимости, разве могли они что-то добавить к тому блаженному состоянию, в которое он погружался, ощупывая трубку толстыми, неловкими пальцами, которые за шестнадцать лет не вывели ни одной буквы?

Разновеликие шершавинки на теле трубки неуловимой другими пульсацией рассказывали ему... Не истории даже... Целый рассказ, даже самый короткий, его память вряд ли удержала бы. Это были, скорее, бессвязные эпизоды несуществующих историй, похожие на высвеченные молнией сцены. Кем были эти люди, чьи лица открылись так внезапно и ненужно, ведь через миг ночь уже задернула занавес? Он и не пытался угадать, что стало с ним потом, когда пальцы перебрались на другие крошечные бугорки. Он счастливо цепенел оттого, что эти люди просто появлялись в его жизни. Ведь они не кричали на него...

– Вот придурок! Опять на перекресток поперся... Торчит там целые дни всем на посмешище!

Наверное, это и было его имя – Придурок, иначе к нему никто не обращался. Его не очень занимало, каково оно на самом деле, имен других людей он тоже не знал. Но лица помнил и безошибочно находил свою дверь среди десятка похожих в подъезде, неотличимом от остальных. Женщина, открывавшая эту дверь, не любила его. Не за что было зацепиться любви: сутулый, грузный кусок плоти, причем кисло пахнущий и не умеющий улыбаться. Но смех иногда прорывался наружу из того мира, который можно было бы разглядеть через волшебную трубку, если припасть к ней с обратной стороны. Только в мире не было человека, столь небрезгливого...

Да они, все эти люди вокруг него, и не догадывались, что можно увидеть, используя этот диковинный прибор! Женщина, открывавшая дверь и приходившаяся ему теткой, о чем, наверное, он знал когда-то, но позабыл, кричала вслед:

– Чтобы тебя задавили на этом перекрестке, придурок! Там же одни многотонники ходят, расплющат в лепешку, будешь знать!

Она не понимала, о чем говорит, ведь секреты трубки были неведомы ей. Еще ни разу, хотя бы тайком, просто из любопытства, она не попыталась заглянуть в обнаруженный им крошечный тоннель в другой мир. А может, ей и не удалось бы разглядеть то, ради чего он отправлялся на перекресток в любую погоду и простаивал там часами, неповоротливый и потешный в своей узкой, с короткими рукавами курточке, на вороте которой сразу сидела голова, увенчанная помпоном красной шапки. Откуда она взялась, эта шапка, за которую цеплялся взгляд каждого водителя, по-бычьи откликающегося на этот цвет?

Он не догадывался, что на него поглядывают из-за шапки, и торопливо прятал за спину трубку – свое главное, свое единственное сокровище. Он подносил ее к глазу на короткое время, потом рывком опускал, чтобы никто не успел заметить. Но сам-то успевал увидеть, как движутся огромные фантастические существа, не похожие ни на что в его мире. Их бока источали перламутровый блеск, сверкающие диски колес выстреливали искрами, заставлявшими его смеяться от радости, и они тихо, приятно урчали в предвкушении сладости, которой намеревались испить.

Много раз он отыскивал следы той чудотворной жидкости, которую они находили за тем далеким поворотом, куда ему не велено было ходить. Отдельные капли оставались на дороге, в лужах, когда эти сытые красавцы неторопливо возвращались назад. Всего от одной капли на асфальте возникали переливающиеся пятна диковинной формы, они пахли пронзительно, волнующе. Когда становилось совсем темно и перекресток сиротливо затихал, он опускался на колени и громко, жадно втягивал будораживший его дух.

Эти разноцветные следы оставались, даже когда он опускал трубку, хотя сами пришельцы тотчас оборачивались невзрачными, серыми фургонами, хлопающими брезентом, грузовиками, заляпанными грязью, и тяжело, одышливо вздыхающими на поворотах. В них не было ни блеска, ни завораживающего достоинства исполинов... Тогда он опять испуганно прижимал к глазу свою трубку и смеялся от радости и облегчения...

– Эй, пацан, заправка далеко еще?

Он поспешно спрятал трубку. Шустрый детеныш, тоже стремившийся к сладкому водопою, мгновенно превратился в обычную легковушку. Правда, имя у нее было нездешнее, и ее владельцы гордились им, только он не запоминал имена...

– А, это ж тот придурок! – из машины донесся смех. – Да ты помнишь, я ж рассказывал. Он тут с утра до ночи ошивается, прям как на посту стоит. В трубку все смотрит. Вон, спрятал ее! Дебил полный.

Дверца мягко захлопнулась, потерявшая к нему интерес машина покатила дальше, и уже вдали опять стала милым, чистым малышом. Он рассмеялся, неловко погладив трубку мизинцем...

...Они вернулись, когда совсем стемнело, и он наслаждался сиянием многих огромных глаз. Они любили его, эти глаза, они светились от любви...

– Эй, пацан! – донесся тот же оклик. – Иди-ка сюда.

Зажав в кулаке трубку, он попятился, но из машины неожиданно выскочили (он даже не успел заметить – двое? трое?), больно вцепились в его локти, поволокли куда-то. У него сам по себе вырвался крик, но по спине ударили, и он подавился собственным голосом. Впрочем, он и не собирался звать на помощь, он не додумался бы до этого. То, что можно было назвать его мыслями, сосредоточилось на трубке, которую нельзя было потерять, ужаснее этого он и вообразить ничего не мог.

Инстинкт заставлял его упираться и пытаться высвободить руки, но страх перед тем, чего он не понимал, разлился такой слабостью, что это сопротивление не помешало затолкать его в машину. С двух сторон сразу сели те, кто тащил его, и все пришло в движение, понеслось смазанными огнями. Они все исчезали позади, а машина летела во тьму все быстрее и быстрее. Зачем-то ей была необходима эта ночь, эта тьма...

– Иначе ты мужиком не станешь, – проговорил сидевший за рулем. – По бутылкам палить – это одно, а по человеку без привычки не всякий решится. Тренировка нужна. А то прижмет тебя, а ты и выстрелить не сможешь.

Тот, что был впереди с ним рядом, отозвался нервным, сиплым голосом, который мог бы показаться смешным, если б в нем не было столько злости:

– Да замочу я любого, если приспичит! И нечего тут, слышь, проверки устраивать!

– Вот сейчас и посмотрим, как ты замочишь...

– А если этого дурака искать будут? Еще сядешь из-за такого...

Один сзади подал голос:

– Да он с одной теткой живет, я его знаю. Гришка он, что ли... Тетка материт его целыми днями. Она тебе еще спасибо скажет!

Они засмеялись чему-то. Гришка вздрогнул и сжался от этого смеха. Не от слов, которых не понял. Зажатая в руке трубка уже стала горячей, ему нестерпимо хотелось заглянуть в нее, может, там, внутри, было не так темно и страшно? Но ее могли отобрать, если б заметили, это он помнил. Только это и помнил.

– Таких не ищут, – опять заговорил тот, старший

из них, что вел машину. – Если на ком и пристреливаться, то лучше этого не найдешь. Все равно зря небо коптит... Правда, было дело, одного такого Гришку и травили, и топили, и стреляли...

– Ты к реке? По воде, слышь, звук далеко разносится...

– Не уделайся, трясешься весь.

– Чего?! Где это я трясусь? Да я...

– Заткнись! Заткнись.

Замолчав, тот оглянулся назад. Взгляд его казался бешеным даже в темноте, сгладившей все лица. Большой палец Гришки судорожно елозил по стершимся уже пупырышкам трубки. Его тянуло к свету, что, наверное, и сейчас был в ней, но он не смел поднять руку. Внезапно его поразила догадка, очень смутная, скорее ощущение, чем догадка: если сквозь волшебную трубочку взглянуть на тех, что сидели с ним рядом, то увидятся красивые, добрые лица, которые улыбнутся ему. Не могут не улыбнуться, ведь они же из другого мира. В этом ему никто не улыбался, может, поэтому и он не научился...

Несколько минут Гришка мучился этим желанием, сопел и вошкался, а его толкали то в один бок, то в другой и ругались тихо, но зло, теми словами, которые обычно кричала ему тетка. Когда она распалялась и забрасывала его ругательствами с неистовством дворовой собаки, он, защищаясь, вскидывал свою трубочку и смеялся, потому что тетка тотчас оборачивалась кудрявой девчонкой, корчившей незлые гримаски. Такая жила в соседнем дворе... Почти каждый день она проходила через его перекресток и скрывалась в сером здании, в котором жила музыка. Она становилась слышна, если перейти дорогу... Иногда Гришка перебегал ее, топоча и посмеиваясь от изумления над собственной решимостью, останавливался под окнами школы искусств и прислушивался, но зайти не осмелился ни разу. Как это можно? Внутрь пускали детей красивых и чисто одетых...

Он даже на крыльцо не поднимался, хотя машины, которые в эти минуты были обычными, раздраженно рычащими, мешали слушать музыку, и Гришка бурчал на них, вспоминая любимые теткины слова. Он всегда бормотал себе под нос, а с другими почти не разговаривал. О чем? Они ведь не видели в своей жизни ничего интересного. Волшебной трубки у них не было...

...Когда его ужас заполнил машину целиком и стало нечем дышать, Гришка не выдержал и быстро поднес трубку к лицу. Но заглянуть не успел, сидевший с ним рядом выхватил ее точным движением хищника.

– Ну-ка, дай сюда! Это что еще за хреновина?

Гришка тоскливо заскулил, не решаясь отобрать свое сокровище.

– Он с этой штукой вечно носится, – равнодушно пояснил сидевший слева. – Это у него вроде как подзорная труба. Чан, отдай ему, пусть пока...

Он не договорил, остальные тоже почему-то замолчали. Поглядев через трубку в окно, Чан хмыкнул и сунул ее Гришке.

– На... Ничего там нет. Он плюется через нее или как?

– Не плюется, просто смотрит. Мужики, а может, нам кого другого найти? Бомжей вон до фига!

Вспоминавший Распутина ругнулся:

– Раскис уже? Сам же тут распинался, что этого придурка никто искать не будет!

– Ну... Да чего-то жалко его, дурака. Он же безобидный совсем! Торчит целый день на перекрестке, на машины смотрит.

– А тебе-то что до него?

– Да ничего... – он дернул плечом, и Гришка снова сжался. – Пустое место без него будет, вот что.

– Переживешь, – заверил тот, которому предстояла проверка. – Тебе, что ли, стрелять? Чего дергаешься?

Гришку бросило вперед, и он увидел внизу что-то темное и блестящее, даже без трубки похожее на фантастическое существо с длинным, влажным телом. Ничуть не противным. Гришка и слизнями не брезговал, и червяков никогда не рубил надвое, как другие мальчишки. Почему у них вызывало такой восторг, что каждая извивающаяся половинка продолжала свою жизнь? С ними ведь такого быть не могло...

Конечно, Гришка не размышлял над этим, и реку не узнал, ведь его никто никогда не возил сюда даже днем. Машина зашуршала по камням и остановилась. Несколько секунд все сидели, не шевелясь и словно выжидая, потом старший резко сказал:

– Выметайтесь.

Гришку выволок Чан, потому что сам он не понял, что надо выходить и зачем это надо.

– Не тормози, – приказал тот же голос. – Убирай его, и поехали.

– Сейчас, – что-то щелкнуло позади Гришки, но тот не обратил внимания.

Он принюхивался к тому, что звалось рекой. От этого странного запаха что-то заволновалось в нем, и захотелось пойти по берегу, не задумываясь – куда, и смеяться, и ловить взглядом звезды, весело покачивающиеся в мелких волнах. Гришка умел ходить быстро, но скоро уставал, и его нагнали бы в два счета. Да он и не решился бы на это, ведь сперва нужно было вырваться, оттолкнуть Чана, который все еще держал его за рукав, а Гришка ни разу в жизни ни с кем не дрался...

– Нет, ты уж спереди зайди. В спину-то каждый сможет... Ты ему в глаза смотри, чтоб в следующий раз не струсить.

– Чьи-то шаги захрустели совсем рядом, Гришка оглянулся и наткнулся на взгляд, полный страха. И ненависти к нему за этот страх.

– Где его трубка? – выкрикнул другой, срывающийся голос. – Эй, придурок, слышишь? Смотри в трубку! Ну?!

Обрадовавшись тому, что никто больше не запрещает и не грозится ее отобрать, Гришка торопливо прижал трубку к правому глазу и увидел именно то, на что так надеялся. Просветлевший воздух оглаживал улыбающиеся лица, склонившиеся к Гришке с выражением заботливой любви. Он хрипло, радостно рассмеялся оттого, что наконец удалось увидеть существа, так похожие на людей, только они были гораздо красивее и добрее.

– Ты чего ржешь?! Чего он ржет?

– Да ты мужик или нет? Какого ты хрена его мучаешь?

– Мужик!

Гришка не слышал этих слов, ведь отвратительные голоса не могли принадлежать тем неземным созданьям, что окружили его, но не заслонили собой нашептывающую сны реку и тонкий месяц над ней, и...

– Тьфу, зараза! Теперь в его мозгах все... Не мог в сердце выстрелить?

– Ты сказал «в лоб»! Ты же сам сказал: в «лоб»!

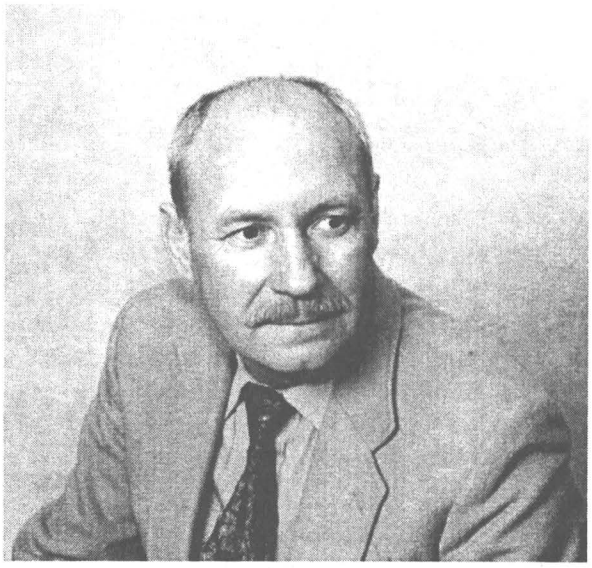
– Не ори. Истерика у тебя, что ли? Не говорил я ничего про лоб... Ладно, тащите его к воде. Смотрика, трубку свою не выпустил! Ну, ты очнулся? Мужик... Видишь, ничего страшного!

г. Кемерово

Виктор АРНАУТОВ

ВСЕ! ВСЕ! АНТРАКТ!

Рассказ

Яловый доцент сельхозинститута Иван Сергеевич Тюрин в последнее время стал замечать за собой нехорошее. Ладно бы, к пятидесяти годочкам огруз, поседел, полысел; морщины разрослись под нижними веками, что корни сорняков на грядках. Оно и понятно – возраст. Куда от него денешься? Беда в другом – с памятью стал не в ладах. Как сам же и говаривал, дебет с кредитом не сходятся. А это уже совсем никудышно.

Нет, свои старые лекции по бухгалтерскому учету читал, как и прежде, без конспектов, а вот новое запоминалось с трудом. Хотя запоминаться вроде и запоминалось, но тут же и забывалось напрочь. И что интересно: понимать все понимал, а воспроизводил ущербно.

А еще все чаще стал обижаться Иван Сергеевич на негласное прозвище – Яловый. Прилепил его Тюрину новоиспеченный доктор наук Олег Сомов с кафедры ветеринарии. Из молодых да ранних. И тридцати пяти еще нет, а уже доктор наук, вот-вот профессора получит. Ему-то, Ивану Сергеевичу, и доцента-то ваковского не так давно присвоили, после двадцати лет работы в институте старшим преподавателем. С аспирантурой в свое время не получилось. А потом, уже под сорок, все отговаривался, дескать, к чему она ему и аспирантура, и эта кандидатская. Так себе – квалификационная работа для молодежи. А когда эта самая молодежь, его же бывшие ученики, обходить стала, да к очередной аттестации обязали его учебное пособие выдать – поднапрягся Тюрин, написал. Получил внутренние и внешние положительные отзывы.

Напечатали то пособие тиражом в тысячу экземпляров – жена помогла спонсоров найти в тепличном совхозе. Послали его документы в Москву, в ВАК. Там и присвоили ему уже звание доцента. Ялового, как злословил Олег Сомов, потому как без ученой степени.

Ялового-то ялового, только пособия те пустил Тюрин в дело по назначению, Сомову с его докторской да шестнадцатым разрядом ЕТС и за год не заработать, сколько он за месяц делал. Особенно в сессии. Додумался Тюрин каждому студенту на консультациях перед экзаменами то пособие по сотне сбывать за свой автограф. Нет, чтобы так вот, впрямую, вроде вымогательства, – не было. Он только намекал студентам: мол, кто приобретет его пособие и прочтет – «удовл.» на экзамене уже гарантировано! Вот те и приобретали, а куда деваться? А Тюрин давно уж мечту лелеял – машину купить под старость лет. Только как ее купишь при четырнадцатом разряде?! Едва на текущие расходы хватало. Подрабатывал, правда, Тюрин теми же лекциями и в других местах, но большого капитала так и не скопил.

...Так вот, память у Ивана Сергеевича стала дырявая, как прохудившийся черпак. Нет, то, что было раньше положено в дальние закутки, – лежало и хранилось прочно. А вот недавнее – будто вирус компьютерный слизывал. Особенно после возлияний. И не сказать, чтобы уж слишком частых, но и нередких по нынешним меркам: разок, а то и два в неделю случалось, поводы всегда находились.

Стоило Ивану Сергеевичу принять две-три рюмки – язык развязывался, а память – словно реле какое срабатывало – размыкало. Забывались фамилии студентов; цифирь, точные цитаты, коими он любил щегольнуть при случае; путались имена, даты, даже формулы. Стихи свои – чем грешил по молодости – и те забывались. Новые, чужие, понравившиеся ему, и вовсе откладывались с трудом.

Да бог с ними, со стихами. Хуже то, что перестал Тюрин норму свою чувствовать. Раньше-то как бывало? В

компании какой сидят – ему словно изнутри кто подсказывает: пропусти, лишнюю не выпей! А теперь будто бес какой всякий раз нашептывает и руку к стопке подталкивает: обнесут ведь, ой, обнесут! Жадноват стал Тюрин на водку, особенно на халявную. А ее в последнее время почему-то все чаще стало перепадать.

Пришел как-то Тюрин домой. И выпили с коллегами не так чтобы много, литра по два пива всего-то. Спать уже было лег. По обыкновению книжку открыл почитать на ночь для души. И аж подпрыгнул на кровати!

– Ты чего это?.– переполошилась жена.

– У меня же студентка-заочница в аудитории осталась!

– И что с того?

– Так я ж ее посадил готовиться. Экзамен она сдает...

– Ну ты даешь, Тюрин! – захохотала жена. – Поди на пятерку уже все выучить успела! Пить надо меньше...

– Да сколько мы выпили-то? – обиделся было Иван Сергеевич. – Пиво ведь... Забыл... Это надо же, а?! Вот ведь пенек старый! Все! Кончать, однако, надо, завязывать...

– Ой, Тю-у-урин... Кто бы говорил... Сколько раз уж зарекался... Докатишься еще и не до этого...

Похоже, как в воду глядела.

...Проснулся Иван Сергеевич как обычно, в половине седьмого. Голова – чугунная. Все мысли – что моток лески-бороды на спиннинге. Отыскал в кладовой-темнушке на полке трехлитровую банку компота из черноплодки с ранеткой. Открыл жестяную крышку, поднес дрожащими руками банку ко рту, нетерпеливо присосался к краю. С пол-литра на одном дыхании выцедил.

«Все! Антракт! Надоело! Кодироваться пора!..» – костерил себя он всякий раз после попойки.

Стал припоминать вчерашний день. Хорошо хоть окно сегодня, нет занятий. Видать, потому вчера и позволил себе расслабиться. А может, все тот же бес в сивушный омут затянул.

От попыток вспомнить вчерашнее всякий раз становилось еще тошнее и муторней. Он принимался постанывать, будто у него с нарастающей болью ныли зубы.

Иван Сергеевич надел пуховик, шапку, обулся и вышел на улицу выгулять собачку, что давненько уже поскуливала, просясь на двор. «Начало марта уже, а уши защипало. Градусов двадцать пять, под тридцать», – безошибочно определил он. Собачонка, коричневый карликовый пуделек, сделав дело, затрусила на морозе, поджимая недавно подстриженные лапки, словно какой пьяница с похмелья.

...Вчера-то после четвертой пары лаборант с соседней кафедры зашел, Игорь Дерябин. День рождения, дескать, у него. Не худо бы хоть немного и отметить. Дата, оно конечно, не круглая, сорок два всего, а все повод.

Зашли в лаборантскую кандейку. Дерябин бутылку водки поставил да полторашку пива. И закусь, как обычно, можно сказать, никакая: пара раскисших соленых огурцов, полбуханки хлеба и тоненькие ломтики колбаски.

Еще трое подошли, с кафедры Дерябина да с АХЧ. Выпили, поздравив именинника, в два приема. Разговоры пошли, языки развязались. Про работу, про студентов, начальство институтское, про грядущую аттестацию. Ну и про жизнь свою нищенскую, всеми униженную. Про власть бандитскую...

Сам именинник, однако, лишь пивом ограничился. Бутылка водки на четверых мужиков – лишь затравка. Полтинник у Тюрина завалялся – в аккурат на поллитровку. Больше в карманах – шаром покати. Прилепили к этому компанейцы еще пять десяток. На две белоголовых набралось, на закуску, как обычно, не хватило...

С трудом теперь припоминал Иван Сергеевич, что потом с кем-то играл в шахматы. Затем читал свои стихи. И, как всегда, волнуясь, путал, спотыкался и забывал. А те все одно слушали его с интересом, похлопывали по плечам одабривающе и хвалили. Ну и ему приятно, оттого, видать, и напрашивался на стихи всякий раз... Хоть и яловый, а поэт, пусть и на время. Как и доцент...

Потом время покатилось, будто санки под крутую горку, с ямами-провалами, бугорками да ухабами... Сейчас ему припоминались лишь отдельные эпизоды вчерашнего. Сбрасывались еще. Кто-то бегал за добавкой: то ли сам Дерябин, то ли лаборанты, то ли он, Тюрин... А может, только собирался, но не ходил... Какая разница...

Потом откуда-то появились малознакомые люди: не то журналисты, не то местные графоманы, не то художники. Сослуживцы нахваливали им своего Тюрина-поэта. А он опять силился читать свои стихи уже гостям. Потом читали чужое. Затем вдруг переметнулись на местных: тюкали почти забытого ныне «датского» поэта Михаила Небогатова, критиковали Василия Федорова за его «Дон Жуана» на глиняных ножках; хвалили и цитировали Виктора Баянова, Леонида Гержидовича, Владимира Иванова, Виталия Крекова, кого-то еще...

Потом... Что же было потом?.. Кажется, снова бегали за добавкой. Кто давал деньги и что брали, что пили – Тюрин вспомнить никак не мог. Лишь нагроможденно-обрывочно мелькали расплывчатые картинки: будто бы он пошел домой. Сперва ехал на троллейбусе, потом брел пешком на ФПК... Кажется, падал, поскальзываясь. Об этом напоминала и правая рука – болела и распухла в запястье... И где-то около Гостиного Двора кого-то встретил. Кто же ему повстречался?.. Определенно, кто-то из знакомых... Как очутился дома – уже не помнил вовсе...

Тюрин вернулся в теплую квартиру. Собачонка, опе-

редив его, юркнула под ногами в свой угол возле двери, под стул; затаилась, свернувшись в клубочек.

Снимая пуховик, Иван Сергеевич машинально засунул руку в левый нагрудный карман и вынул оттуда в горсти свой пропуск, какие-то чеки и проездные билеты. Среди них оказались две жесткие, похрустывающие пятидесятирублевые купюры.

«Откуда они у меня взялись? – удивился Тюрин. – Я же вчера еще отдал Дерябину последнюю полусотку!..» Больше денег у него не было. Это он не то что помнил – знал наверняка. Что касается денег, Иван Сергеевич всегда относился к ним с почтением, с самого раннего детства и безотцовского студенчества. Любой рубль-трояк, если и занимал у кого, старался при первой же возможности вернуть. До получки оставалось еще два дня, и та полусотенная была последней. Если, конечно, не считать отложенных на машину. Ну и НЗ – как без этого?

«Что за диво?! Не было у меня никаких денег...» – еще уверенней пришел он к выводу.

И тут словно откуда-то всплыло: его же вроде за добавкой вчера посылали те самые журналисты! Или нет?! Дай бог памяти... Ну, конечно же... Добавляли. Они ведь пришли позднее. Вроде трезвыми были... Та-а-ак! Это что же получается?! Выходит, ему еще давали на две бутылки водки?! А он, стало быть, домой упорол?.. Вместе с теми деньгами?!

От этой догадки Тюрина бросило в холодный пот. Стало быть, опрокинул он их вчера?! Забыл, как про ту студентку... Боже! Позор-то какой!..

Тюрин разделся, прошел в кухню, вертя в руках злополучные деньги. Налил уже в кружку еще компота, выпил. Вроде полегчало маленько.

«Надо как-то реабилитироваться перед мужиками. Ведь не нарочно же я... Что они обо мне вчера подумали, господи... Мало того, что ушел с ихними деньгами – лишил их «кондиции»... А это похуже всякого лохотрона будет. Там – чужие дурят, а тут – тебе доверились...»

Ему вдруг припомнилось, как однажды, под самую завязку, их состарившаяся на кафедре вечная лаборантка втихаря умыкнула принесенную ими добавку, пока выходили покурить. И сама смылась. Ох и пересчитали же ей тогда косточки! Плохо перебрать. Еще хуже недобрать! Правда, так думается всегда во время азартного гульбища, в момент «разноса», но не после, когда голова гудит и думаешь: «Ну и к чему она была, та самая, последняя?!» Ну, Тюрин, как говорит жена, и впрямь докатился!..

Кошки на душе продолжали царапать по живому, а от самобичевания становилось только горше.

«Позвонить Дерябину? Узнать хоть: кто же ему вчера деньги давал? Да и вернуть их немедленно, покаявшись публично... Так ведь рано еще, семь часов утра только. Поди, спит еще Дерябин».

И он опять, в который раз силился вспомнить и никак с уверенностью не мог: посылали его за добавкой или нет и кто давал деньги?

С нетерпением Иван Сергеевич дождался восьми утра. Позвонил Дерябину. Тоном нашкодившего повинился. Поинтересовался, не костерили ли его вчера мужики. Тот удивленно ответил, что ушел одним из первых и что Тюрин тогда еще был вполне в норме.

Иван Сергеевич принял душ, побрился. Долго чистил мятной пастой зубы, надеясь удалить перегарный дух. Выпив крепкого чая, поехал в институт. Там мимо него проскользнул ядовитый Олег Сомов, спеша к студентам на лекцию. Подмигнул ему интригующе.

Тюрин зашел на соседнюю, дерябинскую, кафедру. И там было пусто, все были на занятиях, даже лаборанты. Нашел все же одного в лаборатории, другого, отозвал потихонечку. Все допытывался: кто вчера давал ему деньги на добавку? Те удивленно пожимали плечами, дескать, не знают, не помнят...

– Может, журналисты? – предположил один. – Ты с ними еще оставался.

– Слушай, – сказал другой, – а может, они тебе на дорогу домой сотню дали? На такси?

– Скажешь тоже, – обиженно возразил Тюрин. – Что я – барин или новый русский на такси домой возвращаться?! За стольник?! Не-е-ет! Да и они далеко не Березовские и не Мавроди...

– Ну, Сергеич, извини. Некогда нам, сам видишь – занятия. Сам выясняй.

– Да не мучайся ты, обойдется, – успокаивали его.

– А вы телефонов их случайно не знаете?

– Да откуда? Они вроде к Дерябину иногда заходят. Его знакомые...

Весь оставшийся день промучился Тюрин в неведении и догадках. Даже пивом похмеляться не стал.

А вечером, часов в девять, раздался телефонный звонок. Звонила старшая дочь, что жила уже отдельно своей семьей.

– Папа, ты маме деньги передал?

– Какие деньги? – удивился Тюрин.

– Ну, ты что, забыл? Я же тебе вчера вечером сто рублей давала. Для мамы, чтобы она за свет заплатила – мне некогда... Ты веселенький еще такой домой возвращался. Ну, возле Гостиного Двора. Неужели не помнишь?

– Вот теперь вспомнил!

Иван Сергеевич облегченно рассмеялся. Словно гора с плеч свалилась у него от такой вести.

А про себя, уже в который раз с утра, подумал: «А и впрямь докатился ты, Тюрин! Все, все! Антракт! Хотя бы месяца на три. Для начала...»

Кемерово, 7–9 марта 2003 г.

Дорогой Валентин Васильевич!

Поздравляем тебя, известного русского поэта, с 70-летним юбилеем. Мы уверены, к нам присоединяются многие почитатели твоего доброго (знаем, что ты любишь это слово) таланта!

Валентин МАХАЛОВ

ВСЕРЬЕЗ ЗАДУМАЛАСЬ ДУША

ПРЕДВОЕННОЕ УТРО

Затопила мама печь
Рано-рано утречком.
Проплывает по избе
Молодою уточкой.

Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.
Просыпается за речкой
Птичьим щебетом лесок.

На дворе растет трава,
На траве лежат дрова.
Говорит мне моя мама
Очень добрые слова:

– Петушок пропел давно.
Просыпайся, мой сынок...
Солнце мягкой позолотой
Красит в спаленке окно.

Я гляжу на белый свет –
Мне всего-то восемь лет.
Я впервые понимаю,
Что меня счастливей нет,

Потому что моя мама
На меня светло глядит,
Потому что наши беды
И потери впереди.
Из трубы летит дымок
Небу в синий потолок.

* * *

Я тогда объезжал лошадей
И гордился работой хорошей.
Начисляли мне пять трудодней
За одну усмиренную лошадь.

Я скакал на веселом коне,
Никакого не ведая страха.
Пузырем надувалась на мне
От горячего ветра рубаха.

На прогретой июлем земле
Молодые хлеба вызревали,
Да метелки седых ковылей
На меже мне приветно кивали.

А под вечер в грязи и пыли
На коне запотевшем, покорном,
Чтобы все меня видеть могли,
Я шажком проезжал у конторы.

Словно маршал, сидел я в седле,
Убывающим высвечен светом...
Мне одиннадцать минуло лет
В то военное горькое лето.

Новгородская областная научная библиотека
Основной фонд
№ Ф 89506

К общей радости, к общей беде
Я в те годы сполна причастился.
Я тогда объезжал лошадей
И хорошей работой гордился.

ЗЕМЛЯНИКА

Краснолика, ростом невелика,
В тех местах, где солнышко печет,
Ягода лесная земляника
В травушке-муравушке растет.

Убегу я в детство спозаранок,
Прихватив плетеный туесок.
На одной из утренних полянок
Я найду багряный островок.

Золотыми капельками солнца,
Источая тонкий аромат,
В гулкое берестяное донце
Ягоды-наливы застучат.

Будут птицы обо мне судачить
На верхушках шелковых берез:
— Городской, мол, житель, не иначе —
Ишь, как жадно ягоды берет.

Что ответить вам на это, птицы,
Птахи перелетные мои...
Разум с вами тихо согласится,
А душа обиду затаит.

Я — парнишка, без вести пропавший,
А теперь вернувшийся домой.
Только стал я чуточку постарше,
Строже взглядом, сдержанней душой.

Помоги мне, сторона родная,
Здешним мне остаться повели.
Земляника, ягода лесная,
Жаркая кровиночка земли.

ЖЕРЕБЕНОК

Жеребенок-стригунок,
Звонкие копыта.
Наглядеться я не мог
На тебя досыта.

По асфальту — цок да цок,
Словно в чистом поле.
Жеребенок-стригунок,
Взялся ты отколе?

Осторожно, шоферня,
Жми на поворотах.
На веселого коня
Поглядеть охота.

Поглядеть, как он сейчас
По асфальту скачет.
Может, нам в последний раз
Выпала удача.

СТАРИК

Потемневший от горя и стужи,
Интерес потерявший к земле,
Никому он на свете не нужен,
Словно уголь в остывшей золе.

Он весной на завалинку вылез,
Чтобы кости на солнце согреть.
На усохшей и жилистой вые
На бечевке мотается крест.

Может, в Бога он верит взаправду.
Так скажите тогда, почему,
По какому ниспослана праву
Эта доля собачья ему?..

Ничего-то он вам не ответит.
Только молча глазами взморгнет.
И слеза ему щеку пометит
И на грешную землю падет.

* * *

Состарюсь, но не повзрослею.
Не дописав последний стих,
Уйду в осеннюю аллею,
Надежд несбывшихся своих.

И буду долго-долго слушать
В настороженной тишине
Свою ребяческую душу,
Еще звенящую во мне.

И вдруг в каком-то озаренье
Последним напряженьем сил
Пойму, что жизнь — одно мгновенье,
Которым я не дорожил.

* * *

На судьбу не жалуюсь.
Бога не виню,
Голову усталую
На траву клоню.
Пусть бывало разное:
Жил – не унывал.
К праздникам опаздывал,
К горю поспевал.
Выпестован, вынянчен
Росною землей,
Все болезни вылечил
Ключевой водой.
Я расту, как деревце
На крутом ветру.
И совсем не верится
В то, что я умру.

* * *

На поляне, руки вразброс,
Я лежу, осиянный зноем.
Шмель, как маленький бомбовоз,
Тяжело гудит надо мною.
Шебаршат в траве муравьи –
Работящий, чудной народец,
Словно родственники мои,
Заколдованные природой.
В этом мире чужих забот,
Измеряемых трудной мерой,
В сердце медленно прорастет
Чувство гулкое Гулливера,
Беззаботность мою круша,
Перепутает быль и небыль.
Я пойду домой не спеша,
Головой задевая небо.

МЕДВЕЖИЙ РОДНИК

А. ВОЛОШИНУ

Прибрежной сторожкой тропою,
Слегка замедляя шаги,
Под вечер пришел к водопою
Косматый хозяин тайги.
Башку тяжело опрокинув,
С потяжливым всхрипом в груди
Нагорбив мослатую спину,
Он медленно влагу цедил.
Вздымались и вновь опускались
Худые медвежьи бока,
Кроваво глаза отражались
В закатной воде родника.
Гляжу, как в лесное затишье,
Уже не опасный теперь,
Студеного зелья испивший
Уходит стареющий зверь...

Я в этом краю заповедном
Не раз, выбиваясь из сил,
Под вечер, подобно медведю,
На этот родник выходил
И пил запаленно, зверино,
До хрипа, до стона в груди,
И думал счастливо и длинно,
Что вся еще жизнь впереди.

МАРЬИН КОРЕНЬ

Было так.
Ливень вымотал душу,
Вымыл тело до белой кости.
Нас держала тайга равнодушно,
Как букашек, в косматой горсти.
А когда мы спустились с предгорий,
Шли по травам, побитым дождем,
Окаянный цветок Марьин корень
Полыхал греховодным огнем.
Нам казалось: вот-вот загорится
От него молодая трава.
Веселели усталые лица,
Веселее дышали слова.
И всего удивительней было –
Сколько в этом цветке собралось
Негасимой и трепетной силы
В этом мире, продрогшем насквозь.

ГОНЧАРНЫЙ КРУГ

Завидую искусству гончара,
Его рукам, порывистым и грубым.
Да здравствует веселая игра
Гончарного танцующего круга!
Я верю: в чуде превращенья – жизнь.
Я знаю, все мы – на гончарном круге.
Вершит Земля крутые виражи,
И нас формуют опытные руки,
Натруженные руки гончара –
Их мастерство отточено веками.

И я комочком глины был вчера
Под этими тяжелыми руками.
Мне отдал все, что мог,
Гончарный круг –
Пытливый ум
И жадную влюбленность...
Горячим лбом твоих касаюсь рук
И чувствую свою незавершенность.

* * *

Живет на свете женщина
Невесело и странно,
Как ветер, переменчива,
Как совесть, постоянна.
В ней боль земная смешана
С последнею надеждой.
Живет на свете женщина
Красивой и нездешней.
Свои глаза-печалины
Она несет по городу
До смелости отчаянно,
Возвышенно и гордо.
С путями этой женщины,
Задумчивой и строгой,
Случайно перекрещены
Мои пути-дороги.
Я знал ее любимого,
Любимого, неверного,
Никем не заменимого
В душе ее, наверное.
Рассветы, весны, осени
С ним накрепко запомнены.
Куда его забросили
Дороги заокольные?
Ужели его, грешного,
Ни разу не окликнула
Тревога этой женщины,
Любовь ее великая?
Прошу у жизни малости,
Прошу у жизни милости,
Не доброты, не жалости,
А просто справедливости.

* * *

Что-то соловья давно не слышно
Ни вблизи от городов и ни в глуши.
Видно, песни запретил ему всевышний,
А вот карканье воронье разрешил.
Свадьбы – реже.
Чаще похороны.
И беда стучится в каждый дом.
Заслонили белый свет вороны
Черным лакированным крылом.

Солнце утопает в грозных тучах,
Молнии кромсают небосвод.
Мы еще надеемся на случай –
Вдруг нам вправду завтра повезет.
Повезет, когда ударят звоны
Русских вечевых колоколов.
И слетят, шарахаясь, вороны
С золотых церковных куполов.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Нет ничего превыше доброты.
Но почему при этом убежденье
Лишь красоте приносим мы цветы,
Лишь перед ней склоняем мы колени?

* * *

Упруго, резво катится волна
И с берегами так от века ладит,
Как будто умудренная жена:
Крутой – грызет,
Пологий – мягко гладит.

* * *

Упрека матери страшнее нет:
«Зачем тебя я родила на свет?»
И горше нету осознанья зла:
«Зачем на свет меня ты родила?»

* * *

За годом шел счастливый год –
Душа дремала без забот.
Но, горечь с радостью смешав,
Всерьез задумалась душа.

г. Кемерово

Людмила ЯКОВЛЕВА

ОТЕЦ

Мама часто говорила мне: «Съездила б ты, доченька, в Москву, познакомилась с отцом».

Странно, наверно, звучат слова: познакомиться с отцом... Но так уж сложилось, что прожила я четверть века на земле и сама стала матерью, а в Москве ни разу не была и отца своего не видела.

Отец ушел на фронт в первые дни войны, когда мне не было еще и года. Брат мой, Женька, – он двумя годами старше меня – утверждал, что помнит отца, помнит, как однажды они вдвоем пили в «американке» пиво. Мама с улыбкой вносила ясность: пиво пил отец, а Женьке покупал лимонад. Я знала отца только по фотографиям и письмам с фронта. И любила его, и гордилась им, и ждала с нетерпением его домой с мамой и братом наравне.

Мама говорила в те далекие военные годы: «Вот разобьет папа всех врагов и вернется к нам». Тогда я так и думала, что наш папа самый главный на фронте, что от него одного зависит, как скоро разобьют врагов и закончится такая бесконечная, как казалось тогда, война.

Я помню редкие фронтовые письма отца – треугольнички, часто грязные и затрепанные, написанные карандашом. Мама нередко с большим трудом разбирала отдельные слова. Почерк у отца ломкий, с наклоном влево.

А потом пришло письмо, написанное чужой рукой. Мама вдруг тяжело опустилась на стул. Помню, как изменилось мамино лицо, стало вдруг пепельно-серым, а губы побелели. В письме том сообщалось, что наш отец был тяжело ранен осколком снаряда где-то в Чехии. В прифронтовом госпитале оперировать его не решились. Осколок засел между двумя позвонками, задев нерв. Вместе с другими тяжелоранеными отца самолетом отправили в Москву.

Мне кажется, мама сдала и постарела именно тогда, в свои двадцать восемь лет, когда в далекой от Сибири Москве шла борьба за жизнь отца. Сначала – за жизнь, потом – за способность двигаться, так как появилась угроза паралича ног. Когда мама узнала об этом, она сказала, плача и смеясь, прижимая нас с братом к себе: «Господи, да что ноги? Живой ведь!»

А когда и эта беда – паралич – обошла отца стороной, писем из Москвы не стало. Месяца три длилось глухое непонятное молчание. На мамин запрос ответили, что из госпиталя отец выписался в удовлетворительном состоянии.

Потом пришло письмо. От отца. В нем он писал, что обзавелся в Москве новой семьей, что ждут они с молодой женой ребенка.

Говорят, время лечит, зарубцовывает раны. Но шрамы остаются. Что пережили мы тогда! Маму сразила непонятная какая-то болезнь. У нее отнялись ноги. Сколько вынесла она в войну: изнурительный двенадцатичасовой труд, голод и лютый холод – на улице в обветшалой одежонке и дома – из-за отсутствия дров. Дрова тоже приходилось готовить ей самой. Возили их с соседкой на санках по первопутку. Да однажды вместо дров соседка привезла на санках нашу маму. Ее свалил на полдороге голодный обморок. И в эту страшную годину держалась мама одним – ожиданием встречи с отцом. А тут как срезало ее.

Увезли маму в больницу, а нас с братом отправили в детдом. Больше года прожили мы в детдоме сиротами при живых отце-матери.

Мама выздоровела и приехала за нами, а мы в первое мгновение не узнали ее. В больнице маме отрезали длинные, до пояса, косы. Короткие пряди

волос она заправила за уши и заколола их шпильками. От этого, что ли, мне показалась очень тонкой ее шея. Нос заострился, глаза мамы сделались глубокими и наполнились такой темной тоской, что я не сдержалась, заплакала.

– Не надо, – сказала мама, гладя меня по голове бледной тонкой рукой. – Я с тобой, с вами. Сейчас поедем домой. Огород будем садить. Дом-то о нас соскучился, поди.

Домик наш показался мне маленьким и низким. Шел самый голодный из послевоенных, сорок седьмой год. Картошки на посадку дали наши соседи: кто картофелину, кто три, а кто и полведра. Бабушка Чувалиха принесла ведро картофельных очисток с росточками. «Попробуй, Веруша, посади лушпайки, чем зазря земле пустовать. Может, что и даст Господь».

Был в том замешан господь, нет ли, но картошка из чувалинских очисток уродилась отменная. Вот только ждать ее пришлось долгонько. Выручали крапива да лебеда.

А из Москвы молодая отцова жена Наташа писала: «Танюшке нашей исполнился годик. Такая капризная барышня растет. Деликатесы и те не кушает».

Я сейчас вот удивляюсь маминой святости: ведь она все эти годы переписывалась с отцом и его женой.

Тогда мы с братом спросили, что такое деликатесы. «Ну, пряники», – сказала мама нерешительно и замолчала. Она не нашлась, что бы назвать еще. Большего лакомства мы тогда не знали.

Деликатесы... Мама ушла на работу. Мы с братом съели по кусочку липкого черного хлеба. Мучил голод, а в доме ни крошки. Я обшарила все углы и нашла в ведерке немного картофельных очисток, горсти две, не больше. Если бы было полное ведро, их можно было бы обменять на молоко. За ведро очисток, идущих на корм скоту, хозяйки давали пол-литра молока. Я взяла это ведро и пошла по тропинке через огород к дому Чуваловых. Меня терзали стыд и голод. Последний одержал верх. Я вошла и остановилась молча на пороге дома соседей.

– Чего тебе? – спросила бабушка Чувалиха.

– Очистки, – сказала я упавшим голосом.

– Где? – спросила старушка и склонилась над ведром. – Ой, господи, да сколько ж я тебе за них молока налью?

– Не надо молока, мне картошки...

– Ох, ты горе, горе. – Чувалиха открыла люк подполья и достала пять небольших сморщенных картофелин.

Мы пекли с Женькой картофельные тонко нарезанные пластики. Прямо на плите. На картофельных кружочках быстро подгорала тонкая пленка. Она пузырилась, шипела, лопалась. Мы хватали руками горячие, но сырые внутри пластики и, обжигаясь, ели.

– Вот это деликатэсы, – сказал весело перемазанный сажей Женька.

А еще помню такое письмо от Наташи: «Милые детки, Женик и Людочка, может быть, скоро папу привезут к вам домой».

Оказалось, у отца во время операции удалили только один осколок, тот, что крупнее. А в спине его остался еще один, совсем крошечный, иголочное ушко. Отсюда те приступы боли, о которых отец писал в письмах. Осколочек сделал-таки свое дело. В июле сорок седьмого отца снова пригвоздил к постели паралич. Предстояла вторичная операция. Испугавшись нежелательного исхода, Наташа подготавливала почву для отправки отца к нам. Но и эта операция прошла удачно, и отец по-прежнему остался жить в Москве. Не знаю, как мама и Женька, а я плакала тайком с горя, что отец выздоровел. Ведь в противном случае он приехал бы к нам, домой.

Соседки, с которыми мама делилась своими бедами, в голос советовали написать отцу письмо на работу да вложить в конверт Наташкино, раскрыть ему глаза на его милушку. Вот этого мама сделать не могла.

– Пусть сам смотрит, ему жить, – сказала она строго.

И вот теперь, в отпуск, я поехала в Москву. Стараясь унять нервную дрожь, нажимаю кнопку звонка. Дверь квартиры открывает полная светловолосая женщина. Губы ярко накрашены, на ногтях темный лак. Наташа. Теперь, конечно, Наталья Ивановна. Куда моей маме до нее! Морщины избороздили мамино лицо, шею, натруженные, с узловатыми пальцами руки. Сколько доброго на земле переделали мамины руки! А эти, с ярким маникюром, белые и холеные. Золотое кольцо вросло в палец, не снять. Ни дня не работала Наталья Ивановна за отцовой спиной.

– Здравствуйте! – говорю я как можно приветливее. Но чувствую – не очень удается.

Почему-то именно в этот момент вспомнила, как мы с братом тогда, в сорок пятом, после отцовского письма о женитьбе, выкололи ему на портрете глаза. Когда мама увидела это, она молча опустилась на стул и беззвучно заплакала, сотрясаясь от рыданий и закрыв руками лицо.

– Что-то я вас не знаю, – немного растерянно говорит хозяйка квартиры, придерживая рукой дверь и не торопясь приглашать меня в прихожую.

– Люда я.

– Люда... Люда... Люда?! Мишина дочь?! Проходи, Людочка! Подумать только...

Наталья Ивановна вдруг всхлипывает, приложив ладонь к глазам. «С чего бы это?» – думаю я неприязненно. А она действительно плачет, вытирая слезы.

– Ох, горе какое, не увидишь ты папочку.

– А что с ним? – спрашиваю я.

– Я же написала твоей маме. Ну да, не получили еще, видимо, письма. Папу посадили.

– Посадили? За что?

– Да ни за что. Не виноват он. Приписали групповое хищение. Десять лет. Боже мой, десять лет!

– Ого! – вырывается у меня. – Десять зря не дадут.

– Бухгалтера крутили. А он что? Подписывал готовое, верил людям. За доверчивость свою и пострадал. Ты же знаешь, Людочка, он эти годы работал начальником по снабжению. Больше ста тысяч недостача по управлению. Сколько лет не было глубокой проверки, а сейчас сделали ревизию и вот... Ты подумай, ведь все описали, все. Девяносто шесть наименований в описи имущества: машина, холодильник, телевизор, мебель, ковры, хрусталь... – она перечисляет вещь за вещью. А у меня в голове все встает на свои места. По крайней мере, объяснимы ее слезы.

– Наталья Ивановна, – перебиваю я ее. – Сколько отец получал?

– Около четырехсот вместе с пенсией. А что? – в ее глазах настаивается настороженность.

– Около четырехсот, – повторяю я в раздумье. Вас четверо (в сорок восьмом у меня в Москве появился еще и брат по отцу) и нас четверо. И у нас с мужем месячный заработок составляет столько же, около четырехсот. Но у нас ни машины, ни ковров, ни хрусталя нет.

– Это, Людочка, – говорит отцова жена, сдерживая злость, – от хозяйки зависит. Жить надо уметь. – И опять вспоминает о своем горе и становится мягче от жалости к себе.

– Это ведь мне теперь работать придется. – И опять вытирает покрасневшие веки и сморкается в отворот воротника дорогого халата.

– Ничего, – говорю я. – Вы так выглядите, что свободно можете выйти замуж. Хотя бы на то время, пока отец будет в тюрьме. – Я знаю, что говорю гадость, и иду на это сознательно, так велика во мне с детства застоявшаяся неприязнь к этой женщине.

– Что ты, Людочка?! – пугается Наталья Ивановна. – Как ты можешь так? Ведь я любила папу, – говорит она как о покойнике. – Он, Миша, до чего внимательный был. Ведь никогда без подарка домой не явится. Хоть безделушку какую, но обязательно мне принесет. Толк в вещах понимал. Уж если колечко подарит, так золотое. Вазочку ли какую, так только хрустальную. – Она опять вытирает набежавшие слезы.

Что ж, не состоялась встреча с отцом. Побродив два дня по Москве, возвращаюсь домой, в Сибирь. В дороге достаточно времени для раздумий. Став взрослой, я иногда пыталась найти оправдание отцу. Отвык за годы войны от мамы, полюбил другую. Говорят, любовь зла... Действительно, зла, если можно было променять нашу маму на такую женщину, как Наталья Ивановна. Я понимала, отца осудили не зря. И знала еще: если бы он жил с мамой, то никогда не оказался бы там, где находится теперь. Правда, есть пословица: «От тюрьмы да сумы не зарекайся». Но разве нельзя дать зарок быть честным человеком?

Когда-то, в годы моего студенчества, отец спросил меня в письме, не нуждаюсь ли я в чем-нибудь и не нужна ли его помощь. И я, едва сводя концы с концами, живя на стипендию, ответила ему, что от него мне ничего не нужно. Письмо мое было коротким, колючим и злым. Отец, обидевшись, написал мне: «Плохо тебя воспитала мать. Не сумела она, видно, привить тебе уважения к старшим, к отцу...»

Да, меня воспитала мама. Много, наверно, их, всевозможных факторов воспитания. Это и воспитание личным примером, и словом, и убеждением. А есть еще вот это: воспитание действием. Росли мы с братом без отца. Казалось бы, он никак не мог влиять на нас. А влиял. Воспитывал в нас определенные черты, сам не подозревая об этом. Иначе откуда бы взяться во мне при такой матери, как моя, с ее бесконечной верой в людей и в добро, той подозрительности к людям: «А этот какой? Может быть, только прикидывается хорошим?»

Как тяжело было мне в детстве ответить на вопрос: «Где отец?». Даже в школе, в первом классе, когда учительница делала опрос ребят о родителях, я, опустив голову, сказала сдавленным голосом: «Папа погиб на фронте».

Ложь эта имела пренеприятные для меня последствия. От школы мне дали (как дочери погибшего) талон на обувь. Маме пришлось пойти в школу, извиниться и вернуть этот талон.

В купе со мной ехала такая симпатичная общительная старушка. Она угощала меня вареньем собственного приготовления и надавала мне кучу кулинарных рецептов. Я записывала их, не надеясь, впрочем, когда-либо ими воспользоваться. Старушка много рассказывала о своих детях и внуках, расспрашивала о моей семье.

– А родители ваши живы? – спросила она.

– Мама жива, с нами живет. А отец... – жаркая волна прилила к моему лицу. Показалось совершенно невозможным произнести горькие слова правды. И я, как в детстве, опустив голову, сказала тихо: – Отец погиб на фронте.

1970 г.

ОСТОРОЖНО, ЛОСИ!

Первая моя встреча с лосем, вернее – маленьким новорожденным лосенком, состоялась очень давно, в тысяча девятьсот сорок восьмом году. Тогда я заканчивала первый класс. Как-то во второй половине мая Тайгу облетела весть, что накануне вечером по неизвестной причине в наш городок из леса пришла грузная, почти равнодушная к людям и местным шавкам лосиха. Не спеша, с трудом переставляя длинные ноги, прошествовала она по тихой вечерней улице и направилась к тридцать третьей школе, куда привлек ее, видно, густо засаженный деревьями и кустарником школьный сад. Там устало опустилась на траву и прикрыла глаза.

Учителя при активном содействии школьной уборщицы тети Дуни прогнали от садовой ограды любопытных, попросили оставить лосиху в покое. А утром на примятой траве под деревьями обнаружили маленького лосенка. Его мать бесследно исчезла. Услышав эту историю от взрослых, мы с братом помчались через весь город к тридцать третьей школе. Здесь, у ограды, толпились и ребятня, и взрослые. В саду хозяйничали тетя Дуня и ее хромой муж. Лосенка подняли с земли. Он с трудом сохранял равновесие, покачивался на растопыренных ногах. И были его ножки такими тонкими, что я всерьез опасалась, как бы они не переломились под тяжестью.

Вцепившись в прутья ограды и прижавшись к ним лбами, мы с бьющимися сердцами наблюдали за этим чудом – лесным теленочком. Такой он был беспомощный, такой хорошенький, с огромными влажными глазами на милой мордочке.

Тетя Дуня принесла из дома парного молока в бутылке с надетой на нее детской резиновой соской. Муж уборщицы придерживал одной рукой лосенка под живот, другой пытался удержать его мордочку, которую тот упорно отворачивал от бутылки. Наконец тете Дуне удалось засунуть соску в рот лосенка. Он замер на миг, пробуя на вкус содержимое бутылки, и вдруг начал жадно, с придыханием сосать молоко. Толпа задвигалась, ожила, все заулыбались. Но погрозивший пальцем строгий тети-Дунин муж призвал всех к порядку, и снова наступила тишина.

Целый день у ограды школьного сада дежурили, сменяя друг друга, старшеклассники. По очереди из домов, где имелись коровы, приносили ребята теплое молоко, несколько раз в течение дня кормили лосенка. А взрослые ломали головы: что же делать с ним дальше? В то голодное послевоенное время каждая крошка еды, каждая капля молока были на учете.

Только все разрешилось само собой. С наступлением вечерних сумерек на улице, ведущей к школе, опять появилась лосиха. Заметно окрепшая, отдохнувшая в лесу, она важно прошествовала через воротца сада к своему малышу. Заботливо облизала его, повернулась к нему боком, расставив задние ноги. И лосенок – до чего умный! – потянулся на запах материнского молока, припал к набухшему вымени, принялся сосать.

Потом, рассказывали, мамаша и дитя спокойно улеглись на траве, где и провели ночь. А утром, на рассвете, лосиха неспешно направилась к лесу, но теперь уже вместе со своим детенышем.

Тогда – повторяюсь – в сорок восьмом голодном году ни у кого из моих земляков не возникло мысли о том, что уходит у них из-под носа дармовое мясо. Ни у кого не поднялась рука на беззащитного зверя. Только жалость, сострадание, желание помочь читалось в глазах людей. И потом – всеобщая радость за удачный конец этой истории.

Вторая встреча с сохатым, как называют в Сибири этого великолепного зверя, состоялась у меня в пятьдесят пятом году. Наша семья жила тогда в городе Колпашево Томской области. В конце сентября, солнечным погожим днем мы с мамой собирали на дальнем сухом болоте клюкву. Крупные ягоды, налитые соком, словно драгоценные рубины, блестели под солнцем на светлой, мягкой моховой подстилке. Держались клюковки на тонких, не заметных для глаза плодоножках-ниточках. И казалось, что кто-то доброй, щедрой рукой просто рассыпал по мху это богатство: не ленись, собирай. Мы и собирали. Расставишь согнутые пальцы рук, проведешь ими, как расческой, по поверхности мха, загребешь ягоды, которые легко отрываются от своих «ниточек», и ссыпаешь их пригоршнями в плетеную корзинку. Незаметно отдалилась я от мамы на несколько метров, подобралась к краю нашего щедрого сухого болотца, к каким-то кустам. Здесь клюква проигрывала в количестве, но была крупнее и сочней, чем на середине болота.

Неожиданно я услышала за своей спиной шелест сухой травы, уловила чье-то присутствие. Разогнулась, повернула голову к кустам и опешила. В нескольких шагах от меня стоял могучий лось. Я успела рассмотреть его широченные серые рога, огромные с влажным блеском глаза, мощную грудь, покрытую густой, отливающей на солнце дорогим металлом шерстью. Я не испытала тогда ни капли страха, а только радостный восторг – надо же, повезло! Чудо какое рядом со мной. Длилось это всего не-

сколько секунд. Заметив меня, зверь раздул ноздри, шумно втянул воздух, неспешно развернулся и пружинистой поступью удалился, скрылся под деревьями, что росли за кустами.

Мама поднялась во весь рост, что-то почувствовав, тревожно окликнула меня:

– Что там, доченька? Зачем так далеко отошла? Иди ко мне. Здесь ягоды полно.

– Мама, ты не видела? – отозвалась я. – Лось был рядом. Такой огромный! Не видела? Ах, как обидно!

В году семьдесят четвертом мы купили прекрасную машину – «Жигули» ноль третьей модели вишневого цвета. Это сейчас, при огромном количестве на российских дорогах разного рода иномарок «Жигули» перестали щекотать нервы автолюбителей, а тогда, в далеком уже семьдесят четвертом...

Мужу моему, Валентину, выделили талон на покупку машины как передовику производства, активисту-общественнику и еще бог знает за какие заслуги. Приобретя «Ладу» (табличка с таким названием красовалась на задке машины), мы с мужем взяли отпуск и всем семейством, прихватив с собой двух дочек, отправились в путешествие по родному Кузбассу.

Сейчас мы с удивлением вспоминаем то благословенное время: ни решеток на окнах, ни пулебомбонепробиваемых металлических дверей, ни хитроумных кодовых замков – ничего этого не было еще в помине. Закрыли дверь своего «частного строения» на обыкновенный висячий замок, оставили на веранде жирному ленивому коту пищи и воды на неделю – и покатили.

Чудесной была эта поездка: и погода благоприятствовала нашему путешествию – стоял июль – макушка лета, и рыбалки были успешными, и дочери наши отдыхали не в пионерлагере, который они почему-то не очень жаловали, а вместе с папой и мамой. Что еще нужно для счастья?

Но во время той нашей поездки произошло еще одно событие, пополнившее копилку наших впечатлений. Почему-то в то утро мы необычно рано встали. Поднялись, позавтракали, свернули палатку и тронулись дальше, в сторону Междуреченска. Откуда-то наполз вязкий белый туман. На трассе он не был слишком густым, а вот прилегающую к дороге низину словно залили молоком.

Неожиданно Валентин заметно сбавил скорость машины и указал мне вправо: смотри! Я посмотрела туда, куда указывал муж, и застыла от изумления: там, в низине, залитой туманом, покачиваясь, плыли головы и спины лосей. Впереди – огромный самец с откинутыми назад рогами, за ним – три самки. Они двигались параллельно трассе, не отставая от нас и не обгоняя нашу машину, и представляли собой фантастическое зрелище. Ноги и нижняя часть туловища были скрыты туманом, а головы и спины животных, покачиваясь, словно на волнах, с довольно приличной скоростью неслись неведомо куда. Сначала вдоль трассы, потом свернули в сторону от нее и вскоре скрылись из вида, утонули в белом облаке тумана. Я перевела дух, вздохнула наконец полной грудью. Здорово! Как повезло! Будто какая-то высшая сила подняла нас в то утро ни свет ни заря, и оказались мы по воле ее в нужное время в нужном месте.

Доченьки наши спали на мягких подушках, расположившись валетом на заднем сиденье машины. Тогда жаль было их будить, потом я жалела, что не разбудила, не увидели они этого чуда...

А это был год восемьдесят второй. Припоздились мы с мужем на рыбалке, до последнего солнечного лучика засиделись на дальней старице, до той поры, пока можно было различить поплавок на воде, и домой пришлось возвращаться потемну.

Уже показались впереди огни нашего города, проехали мы указатель с названием «Тайга», выложенный из бетонных блоков, и вдруг заметили, как с обочины выбрался на асфальтовую дорогу мотоцикл с коляской «Урал». Тяжелый, груженый – так определил Валентин – и покатил впереди нас к городу.

Когда наш автомобиль подъехал к тому месту, где с лесной грунтовой дороги только что выбрался на трассу мотоцикл, муж почему-то остановился, заглушил мотор и вылез из кабины. Я последовала за ним. Погасли фары, и оказалось, что еще не так уж и темно. Отчетливо были видны в вечерних сумерках деревья, кусты, трава. Что-то шевельнулось в ближних зарослях. У меня тревожно екнуло сердце, а Валентин бесстрашно, стараясь не производить шума, двинулся дальше. И я за ним следом.

Внезапно муж остановился и вдруг из его груди вырвался болезненный стон, а вслед за ним – негромкое, но с надрывом и ненавистью: «Вот гады! Наелись, твари? Нажрались?!» Я положила руку на его плечо, заглянула за него.

Моим глазам открылась жуткая картина: на траве под кустами валялись голова и внутренности лосихи, а над ними стоял маленький лосенок-сосунок. Он вздрагивал тощим тельцем, прял ушами, то наклонял голову к останкам матери, то поднимал ее и беспомощно оглядывался по сторонам, блестя в сумраке глазами.

– Что же делать с ним? – спросила я беспомощно мужа, целиком полагаясь на него, потому что привыкла считать: он всегда найдет правильный выход из

любой ситуации. И, кажется, впервые Валентин не оправдал моих надежд.

– Что тут сделаешь? Погибнет он теперь без матери, маленький еще... Твари! Догнать бы их, хоть номер мотоцикла запомнить. Но не получится, далеко ушли... В лесхоз надо будет утром сообщить, может, они что-нибудь придумают, спасут теленочка.

И сообщил. Но не нашли лосенка люди. Вполне вероятно, что те, на «Урале», совершили еще одну ходку в лес и прикончили лосиного ребенка. Что им? Одним грехом больше, одним меньше... Не боятся такие-то греха.

А еще... Это было в девяносто первом. Мы тогда ездили на рыбалку уже не вдвоем, а втроем. Приучили к речке и удочке свою внучку Ирочку. С шести лет сделалась она азартным рыбачком. Первое время просила меня или деда надевать на крючок червячка, а потом ничего, привыкла и стала сама справляться с этим тонким делом. Бывали дни, когда внучка почти не уступала нам в улове.

Так вот, после удачной рыбалки на речке Яе выехали мы с боковой дороги на асфальт в том месте, где расположены строения насосной водопроводной станции, именуемой в народе перекачкой. А там, в сотне метров от нее, озерко имеется маленькое. Неглубокое, заросшее по берегам камышом и осокой.

– Ой, что это, кто? – закричала Иришка, протянула ручонку к озерку.

– Вот это да! – радостно отозвался Валентин и сбросил газ, медленно повел «Ниву» (теперь уже «Ниву») вдоль озерка.

Там, в нескольких метрах от берега, от трассы, по которой то и дело проносились на скорости автомобили, не обращая на них никакого внимания, купался лось. Он стоял по колени в воде. Время от времени поднимал высоко переднюю ногу и, согнув ее, с силой ударял копытом по воде. Тут же в воздух вздымался мощный каскад брызг. Они обдавали живот и бока зверя, дождем сыпались на его спину. Лось перебирал задними ногами, тряс головой, шеей. А потом – опять удар широким, мощным копытом по воде и фейерверк брызг.

– Прелесть какая! – промолвила зачарованная необыкновенным зрелищем внучка.

– Ты запомни, Ирочка, вот это чудо, хорошенько запомни, постарайся, – говорила я. – Очень может быть, что больше никогда не удастся тебе увидеть лося живьем и так близко. Это для тебя большая удача.

Это было удачей и для нас, взрослых. Позже при воспоминании о случае на озерке у перекачки сложились у меня вот такие строчки:

Это было, словно ток по нервам, –
мне еще увидеть довелось,
как купался в девяносто первом
мой последний в этой жизни лось...

А на столбе у перекачки, где сверток на яйский водозабор, появился вскоре смешной и грустный плакатик с изображением силуэта любимого мной животного и надпись: «Осторожно, лоси!». Где они, эти лоси? На водителей автомобилей было рассчитано, вероятно, это предупреждение. А мне подумалось о том, что не к нам, двуногим, обращался автор фанерной таблички, а к самим четвероногим. Осторожней, лоси! – молил их сердобольный человек. – Берегитесь, милые, уносите свою красоту и стать подальше от людей. Или нелюдей? От безжалостных, азартных, жадных до щекочущих нервы острых ощущений и просто жадных вообще, вооруженных и очень опасных...

С той поры минуло двенадцать лет, и больше ни разу, хоть немало исколесили мы лесных дорог, не довелось нам встретиться с сохатым. Печально, но, думаю, так оно и есть: в девяносто первом году тот купающийся лось действительно был последним в моей жизни. Но, с другой стороны, я счастлива, что на протяжении этой жизни судьба преподнесла мне щедрый подарок – встречи, пусть и нечастые, с великолепным животным – сохатым. И запомнились эти встречи навсегда, на всю жизнь, с первой и до последней.

Апрель 2003 г.
г. Тайга

ЛЕТОМ В ЗЕЛЕНИ ОН УТОПАЕТ...

Надежда ТРУСЬ

* * *

Видишь, снова небо в тучах рваных,
Льют дожди который день подряд.
Я проснусь сегодня рано-рано:
За моим окошком листопад.
Мне давно твое лицо не снится,
Мне сейчас не снится ничего.
Ты однажды одичавшей птицей
Улетел из дома моего.
Позову, а ты уже не слышишь,
Так беспечно крутишься один.
Улетай,
Смотри, над нашей крышей
Задержался журавлиный клин.
Все машу рукой последней стае,
Как вдогонку медленно бегу.
Я тебя теряю и теряю
И остановиться не могу.

* * *

...Лучше я в лесу заблужусь,
В возвращенье свое не веря.
В непролазной чаще наткнусь
На берлогу дикого зверя.
У него свирепый оскал,
А в глазах – ни тепла, ни боли.
Он, конечно, тебя не ждал
И был занят самим собою.
Я стою от него вдали,
И от страха сердце немеет.
Надо просто к нему подойти,
Только я почему-то не смею.
Вот его поманю рукой,
А душа наполняется стоном.
Он мне нужен только такой –
Он живет по лесным законам.
Приручить бы его поскорей,
Да вот как, я еще не знаю.
Я побуду с ним восемь дней
И сама совсем одичаю.
...Где-то город шумит большой,
Где-то плачет вьюга седая...
Мы живем вдвоем под сосной,
Я теперь такая лесная.
И в лесу совсем не скучаю,
И почти забыла подруг...
Я когда-то отбилась от стаи,
А теперь вот отбилась от рук.

ДОЧЕРИ АНЮТКЕ

Я совсем не верила в приметы...
В серебре дороги и дома,
Пролетает осень незаметно,
Впереди холодная зима.

Сяду я на старенький диванчик,
Пусть сверчок за печкою ворчит.
Девочка, мой легкий одуванчик,
Мы сегодня просто помолчим.

Желтая метель над крышей стонет,
И во сне березы шелестят.
Лучше протяни к огню ладони –
Так надежен наш с тобой очаг.

Посмотрю в глаза твои несмело,
Согревая душу у огня...
Я себе признаться не посмею:
Ты сейчас похожа на меня.

Я была снегурочкой, царевной –
Хрупкий лед, хрустальная слеза...

Ты меня попросишь непременно
Эту сказку на ночь рассказать.

Я тебя баюкаю, качаю,
Нежно наклоняясь над тобой.
Таю, таю, постепенно таю,
Превращаюсь в голубую боль.

...Затихают звуки понемногу,
В доме замирает тишина.
Спи, моя царевна-недотрога,
Ничего, что впереди зима.

ДОЧКЕ

Я живу – и радуясь, и плача.
Счастьем загораюсь и виной...
Белый лебедь Госпожи удачи
Не кружится больше надо мной.

За окном еще поют метели,
Сладко спи, печаль моя и боль.
Тихий вечер песней колыбельной
Над твоей склонился головой.

Незаметно пролетело детство.
Отшумела первая гроза...
Дочка, дочка, белая невеста,
Опустила грустные глаза.

Мне тебя совсем утешить нечем,
От невзгод тебя не уберечь.
Легкий ливень кружев подвенечных
Тихо соскользнул с невинных плеч.

Слышишь ранней птицы переливы?
Распахнуло утро два крыла...
Дочка, дочка, будь хоть ты счастливой,
Если я счастливой не была.

г. Тайга

Людмила ЯКОВЛЕВА

НОСТАЛЬГИЯ

Оживленность южного перрона,
Горы фруктов, шум и суета.
Вычурно подрезанные кроны,
Белизна ажурного моста.

Век живи и умирать не надо.
Загорай, жуй фрукты и дыши.
Ну не жизнь, а сущая отрада,
Рай земной, ей-богу, для души.

Ночь пришла, и все кругом уснуло.
Мне бы тоже спать, да не могу.
До тоски домой вдруг потянуло,
В серую, дождливую Тайгу.

МАМА

Вся травой-муравой поросшая,
Тропка к старому дому ведет.
И опять ты, моя хорошая,
Ждешь меня у своих ворот.

Заслонила глаза от солнца
Смуглой, ласковой, доброй рукой.
У виска чуть приметно бьется
Жилка маленьким родником.

Вновь бегу я к тебе, как в детстве,
И родные целую глаза.
И спешу поскорей о бедах
И о радостях рассказать.

Ты в ответ головой киваешь,
Гладишь ласково по волосам.
То грустят, то в улыбке сияют
Дорогие твои глаза.

За окном синева. Дело к вечеру.
Я к плечу твоему прижмусь.
Стану маленькой и доверчивой,
Словно в детство опять вернусь.

ЛИСТОПАД

Все ненужное отброшено,
Словно листья с тополей.
На душе одно хорошее,
Мир добрее и светлей.

Рассмеяться вдруг захочется,
Будто в детстве, невпопад.
Предрассветная бессонница –
За окошком листопад.

Грусть порой коснется легкая,
Затуманит дымкой взгляд.
Неужели лето кончилось,
В самом деле листопад?

Листья в заводи качаются,
Листья в воздухе кружат.
Пусть подольше не кончается
Это чудо – листопад.

г. Тайга

Наталья ФРОЛОВА

МОЙ ГОРОД

Летом в зелени он утопает,
А зимою – в роскошных снегах.
Не случайно его называют
Поэтично и просто: Тайга!
В нашем городе улиц не много,
И гигантов промышленных нет,
Тесно связан с железной дорогой
Он еще с незапамятных лет,
И порою нас будит до света
Электрички встревоженный свист...
Здесь профессий почетнее нету,
Чем диспетчер, монтер, машинист.
Здесь растил свой талант Чивилихин,
Здесь прекрасные песни поют.
В нашем городе, светлом и тихом,
Вдохновенные люди живут.

ЧУЖОЕ ПОЛЕ

За окопчиком – поле,
Погонять бы в футбол!
Вечер встречи был в школе,
Смог бы – тоже пришел,
С одноклассницей строгой
Повстречаться б хотел,
С той, что перед дорогой
Повидать не успел...
Как, друзья и подруги,
На родной-то земле –
Все метели да вьюги,
Как всегда в феврале?
А под небом Кавказа
Распустилась весна –
И не чувствуешь сразу
То, что рядом – война!
Вон цветы полевые –
Тоже радуют глаз,
Хоть они не такие,
Как в Сибири у нас.
Мне купальница ближе
У колючей сосны!
Жаль, что я не увижу
Больше нашей весны...
Солнце жгло, как в июле,
Я к ручью подходил,
А о снайперской пуле
И подумать забыл,
Не почувствовал боли,
Наполняясь свинцом,
И цветущее поле
Мне упало в лицо...

* * *

Как гроза, быстротечна
На земле наша жизнь...
Но разлуки навечно
Никогда не страшись!
Не печалься, не надо,
О злосчастной судьбе –
Я вернусь звездопадом
Летней ночью к тебе!

Дождь ударит по крыше,
По привядшей траве...
Ты мой голос услышишь
В шелестящей листве,
Ветра нежной прохладой
Я к лицу прикоснусь...
Не печалься, не надо –
Все равно я вернусь!

* * *

Жизнь моя, как зеркало, разбилась...
Я осколки тихо соберу,
Призову на помощь Божью милость
И еще, быть может, не умру!
Одолев отчаянье слепое,
Я сумею веру сохранить
И поспорить с вечною судьбою –
Есть мне для кого на свете жить!
Знаю, что душа не возродится,
Но пока хоть тень ее жива,
Пусть в осколках сердца отразится
Ласкового неба синева...

г. Тайга

Геннадий ТРОХИН

КОНЕЦ ГРИШКИ-ЗЭКА

Рассказ

«Пятый лишний...». Эту поговорку, странную на первый взгляд, я услышал в больнице. К нам в палату положили четвертого. Гриша-зэк, начифиренный до «нормы», подсел в обед к нашему столику и, как всегда витиевато матерясь, сообщил:

– Ну чо, зажранцы, бля... поздравляю... Не было печали, так...

Здесь я делаю пропуски в предложениях, ибо Гриша произносил непотребные слова. Но как он их произносил! Это надо было видеть. Да-да, я не оговорился: именно видеть. Движение бедер, мимика, а руки!.. Мат без слов, и только! Когда Гриша выходил покурить, на лестнице собиралось пол-этажа. Такого отточенного мастерства мне еще не доводилось встречать.

Мы так и замерли с набитыми кашей ртами. Мы отчетливо представляли, что такое лежачий... А Иван Лукич, домбытовский фотограф, навалился впалой грудью на трость, сердито замычал, этим выражая свое отношение к сказанному.

Дня четыре четвертый не вставал. Был только заостренный нос, уныло торчащий из-под одеяла, худая, со вздутыми венами рука да старенькая, день и ночь вопросительным знаком согнутая капельница. Четыре дня и ночи ему не давали покоя: кололи, поили и кормили лекарствами, куда-то увозили на каталке, а в перерывах между процедурами он спал... спал, словно торопился напоследок отоспаться за всю прожитую жизнь.

На пятый день он встал. Сухощавый, приземистый, совсем не лысый, лет за семьдесят человек смотрел на нас васильковыми глазами. Звали его Тимофей Степанович. Шахтер-пенсионер из Абашева. Ненадоедливый и немногословный, он пришелся всем по душе, только вот... Вначале мы не придали этому значения. Перед едой он обязательно выбивал ладонями по столу чечетку, скороговоркой приговаривал: «Пятый – лишний... пятый – лишний...» Ел основательно, бережно подбирая заскорузлыми пальцами

хлебные крошки. Эта странная присказка у него – как молитва у верующего.

Первым не вытерпел Гриша-зэк. Сгорая от любопытства, как-то спросил:

– Степаныч, ты чо, бля... поминаешь все какого-то пятого? Пришил кого?..

И опять делаю пропуски в предложениях...

– Ну, милок, в жизни никого не тронул, – смущенно запротестовал четвертый.

– Ты же говорил, бля... воевал. Неужто никого не...

– Воевал. В артиллерии. Да там разве увидишь кого... Да и провоевал всего-то... чуть поменьше года: в сорок втором попал в плен под Миллерово. Трое нас... от всей батареи и одна винтовка с одним патроном.

По тому, как лежащий к нам спиной Иван Лукич перестал шебуршать газетой, понял, что разговор стал общим.

– Погнали нас как стадо баранов аж в самую Югославию, – продолжал четвертый. – Жрать поначалу не давали, кто не мог идти – пристреливали. Потом буханку ржаного на четверых стали давать. Не дай бог кому оказаться пятым – день, ну от силы два, и каюк! Почему, говоришь, не делились? Эх-х... милок, потопай-ка весь день на своих двоих... за краюху хлеба. Люди озверели с голодухи: друг у дружки норовили оттяпать, а ты – делиться. Трое нас с батареи, да еще один пристал – вместе и держались, а не то... – Он тихо выбил ладонями чечетку на острых коленях и глухо добавил: – Вот тебе и «пятый лишний», Григорий, а то... приш-шил.

Минуты через три Иван Лукич снова зашебуршал газетой. Меня позвали в ординаторскую. Заведующая давно обещала показать профессору.

...Профессор брезгливо мыл руки, бурчал сердито:

– И где это вас так?.. Гм... с радиацией имели дело? Гм... нет? Гм... с химией? Гм... лет десять назад... гм... с

таким заболеванием было примерно столько же... гм... сколько дважды Героев Советского Союза... гм... редкая болезнь, да... Ну, гм... в командировках были? Гм... – снова начал сердиться профессор.

Я назвал десятка два городов. Он сокрушенно качнул крупной головой:

– Гм... Вы знали, что в... гм... Белом Камне... гм... был маленький Чернобыль? Да... в печати не сообщали... гм. Да, понимаю... но больше туда не ездите... гм. Договорились?

Идя по коридору, ловил любопытные взгляды больных. «И какой же пожар они собираются у меня гасить? – думал про себя я. – Профессор так и сказал: загасим... гм, но лежать придется... гм... долго».

В палате, кроме четвертого, – никого. Я навзничь, как подстреленный, бухнулся на кровать, отрешенно уткнулся в стенку.

– Не спите? – сквозь затуманенное сознание пробился голос четвертого. Я резко перевернулся на спину. Четвертый сидел рядом на стуле, подложив под себя ладони: – Не берите в голову. Все образуется, вот увидите.

Я смотрел в эти васильковые глаза – они словно баюкали, – и мне сразу захотелось, чтобы он говорил, говорил еще дольше. Почувствовав, что я слушаю, четвертый продолжил:

– Сколько мне довелось пережить – не приведи Господь кому... Три раза сажали: один раз немцы, два – наши. До пятьдесят первого долбил уголек в Осинниках за лагерную баланду. Потом таких, как я, определили вроде... как на поселение, чтобы два раза в неделю отмечались у кума. Меня определили в Зыряновку. Вдвоем с таким же бедолагой соорудили землянку. Почему домой не вернулся? Так нельзя: по пятьдесят восьмой ведь проходил. Списался с родными – сам я с Кубани. Отец с фронта не вернулся, потом брат младший... Мать и померла в сорок седьмом. Жениться не успел. Была девка, так столько лет... Познакомился со своей...

Он вдруг прерывисто задышал, стал торопливо шарить в карманах. Пыхнул раз пять ингалятором, виновато сказал:

– В Югославии заработал. В горах там даже летом холодно, особенно ночью. ...В шахтовой столовой она работала. На десять лет ее старше, а полюбила...

Он смущенно махнул ладонью. Васильковые глаза налились такой синью, что я невольно подумал: «Да за такие глаза женщины с ума сходят».

– Моя Татьяна в девках, – снова донесся его тихий голос, – ладная была: черноглазая, цыганистая. Одна коса чего стоила во всю спину! А родня ее так и не приняла меня: «За зэка замуж! Вон сколько парней сохнет, только мигни».

Пошел я, как положено, в конце недели к куму: так, мол, и так, жениться приспело, а жить негде. Да и родня ее житья не даст... А я не пил, не курил, лишнего не болтал: ни-ни... и на работе были довольны мной – сведения, конечно, у него были обо мне. И вы верите? Помог ведь. Перевели в Абашево, на другую шахту. Комнатенку дали в бараке и... зажили мы душа в душу. С получки купили гармонь – отец мой был первым гармонистом в станице, научил и меня.

На втором месяце была, когда забрали меня. Пятьдесят восьмая сразу по двум пунктам: измена Родине и шпионаж в пользу иностранного государства. И загремел я на двадцать пять лет в северные лагеря. В третий раз!

Когда увозили, Татьяна моя добилась-таки свидания. Бледная – лица на ней нет, волосы, как воронье крыло, и... Лучше бы я пятым лишним... тогда... в сорок втором...

Он вдруг опять стал ловить посиневшими губами воздух. Молчание затянулось. Я уже и не чаял продолжения рассказа, когда четвертый с видимым усилием, словно свело горло, заговорил:

– Сказала: «Ждать не буду, прости – молодая еще». А еще сказала, что ребенка не будет... И ушла, ни слезинки в глазах. Эх-х... мать честная!

В пятьдесят седьмом вернулся – у нее уже трое... Где увидит, ревет горючими слезами – шибко она любила меня. Муж – бугаина, пьяница. Пить еще больше стал. Прослышал, что собирается с дружками подкараулить. Так Татьяна моя тенью за ним ходила, чтоб со мной чего не приключилось.

Все-таки словили меня. Приперли они с железными прутьями. Думаю: «Васильченко, все – вот и смертушка твоя». Откуда ни возьмись – она! Встала между нами и грозит ему: если что со мной... то сегодня же от него уйдет. Навсегда! Лучше бы порешили меня. Ради такой... да на что угодно пойдешь.

Через полгода женился – ламповщицей у нас работала. А через год, как у меня двойняшки родились, муж ее зимой замерз пьяный, как собака. Жена даже ревновала поначалу: вся ведь улица про мою беду знала...

Он надолго замолчал: видимо, вновь переживал случившееся с ним много-много лет назад.

Вдруг из своего угла подал голос Гриша-зэк:

– Бля... ну а духовку-то прочистил ей...

Видно, увлеченные разговором, мы и не заметили, когда он проскользнул в палату. Да и Иван Лукич, повернув к нам из-за спинки своей кровати правое ухо, наверное, уже давно с напряженным вниманием слушал.

– Какую духовку? – внезапно покраснев, переспросил четвертый.

Иван Лукич вдруг с завидным проворством огрел своей изящной тростью Гришу-зэка по спине.

– Я те покажу, бля, как по-людски говорить. Тюремщик проклятый!

Мне пришлось встать, а то Гриша стал не на шутку заводиться. Да и Лукич – тоже хорош: под конец такое завер-

нул, что Гриша-зэк сразу смолк – ошарашенно стал разглядывать своего обидчика.

А через неделю в палату – были только мы с Лукичом – вбегает взволнованный Гриша-зэк.

– Вы что... бля... сидите?

– А что?

– К Степанычу... бля... его бабы пришли. Одна на костылях, бля...

Четвертый как-то говорил, что жене два года назад отняли ногу – что-то с сосудами...

Мы вскочили и, не сговариваясь, гуськом заторопились к выходу. Я сразу признал в черноглазой со смуглым румянцем на щеках его первую... которая Татьяна. Чуть тронутые сединой волосы собраны на затылке в тугой черный узел. А с другого боку, притулившись к плечу четвертого, сидела полная, с одутловатым лицом одноногая женщина...

«Когда беда пришла в дом, – вспомнил я последний наш разговор, – бабы мои не на шутку сдружились. Татьяна то дом придет прибрать, то огород вскопать – я-то уже негожий».

Гриша-зэк так затягивался махоркой, словно курил в последний раз, – он был не в своей тарелке.

– Во, бля... жизнь как все закрутила... в узелок. А я-то не поверил... бля... вначале.

На этом можно было бы и поставить точку в моем рассказе, но...

Через две недели выписали, а вернее, выгнали за нарушение режима Гришу-зэка: в одну из самоволок он напился и попал в милицию. А я все ждал, когда у меня потушат... как обещал профессор. Потом потихоньку ушел Лукич, а за ним и четвертый. С четвертым мы не попрощались – меня перевели на дневной стационар, так что появлялся я раз в неделю... Уже отцвела в прибольничных огородах картошка, а я все ждал...

И вот через пять лет, на Металлургов, ранней весной меня окликают. Длинноволосый, борода до пояса, щербато улыбаясь, подваливает ко мне... кто бы вы думали? И не догадаетесь – Гриша-зэк! На нем старенькое пальто с цигейковым воротником, кроличья шапка до бровей и глаза... не наглючие, как у окуня, а... «Фу ты, черт! А где же знаменитый Гришкин мат?!»

Мы зашли в кулинарию – там была приличная забегаловка с горячими беляшами.

– Мне сока, – тихо запротестовал Гриша-зэк.

Я поставил на стол два стакана по сто пятьдесят, два стакана сока и по горячему, только со сковороды, беляшу.

– За встречу, – бросил я, а про себя: «Нечего тут рассусоливать, дома дела...» – и залпом хотел разделаться с водкой и... Гриша-зэк отхлебнул полстакана сока, к беляшу даже не притронулся.

– Ты чего?

– Великий пост ведь – нельзя.

– Ты что – верующий?

– Родительский день, Василич, а мне еще на кладбище надо, к матери. Помяни-ка лучше Васильченко.

– Это который же? – холодея, спросил я. – Четвертый?

– Да, Степаныч. На руках у меня помер, – отхлебнув из стакана, пояснил Гриша-зэк.

– Ты как выписался – это мне старшая сказала, Галина Михайловна, ей твои усы уж больно понравились, – через месяц я снова загремел... (Вы обратили внимание: я не делаю пропусков в предложениях). А потом и Степаныча... Мы еще перекинулись парой слов. Переживал он, что с тобой тогда не попрощался. А ночью и...

Я придвинул ему стакан.

– Помяни.

– Не могу: я ведь обет дал.

«Какой еще обед? – про себя подумал я, кончая с водкой. Мне уже расхотелось домой. Я все, все вспомнил... и эти виноватые васильковые глаза. «Не попрощался со мной», – с какой-то непонятной благодарностью повторял я.

– Эх-х, Василич, как они по нему голосили, как голосили... Веришь, даже позавидовал ему. Прости меня господи! – Гриша-зэк вдруг уставился в потолок и быстро перекрестился. Я с опаской тоже посмотрел вверх. – И еще подумал, Василич, кончать надо со всем этим балаганом. Кому я нужен на этой земле? До смерти – в общежитии? Женщинам? Нужны им мои красные глаза. Знаешь мою кликуху на зоне? Окунь! Гришка-окунь! Хоть и не мед теперешняя жизнь.. – Он показал шершавые, в мозолях ладони, задумался.

– А я-то думал: монахи только молятся, – наивно подивился я.

– Ну да! И камни таскаю, и землю копаю – за день так наломаешься...

Я был потрясен услышанным до глубины души! Гриша-зэк и... монах. «Во, бля, как все завязалось в узелок, сказал бы он, будь на моем месте», – с горькой усмешкой вдруг подумал я, а вслух сказал:

– Похоронили где?

– В Абашеве. Вся улица была...

Когда уходили, Гриша-зэк отнес стакан водки двум алкашам, подремывающим за соседним столиком, что-то сказал им. Потом перекрестил обоих в выпученные глаза... Мы вышли. Повернулись друг к другу, крепко обнялись. Гриша тихо шепнул на ухо:

– Василич, загасили?

– Загасили, – тоже прошептал я, и... разошлись. Он пошел своей дорогой, а я своей.

Вот и вся история: с четвертым, Гришкой-зэком, уверовавшим в Бога и ставшим первым монахом, встреченным мною в этом невероятном мире. Все имена я изменил, кроме одного...

г. Новокузнецк, 2002 г.

Юрий ТОРУБАРОВ

ДАНЬ С ПРОДАЖИ

Рассказ

Она не ждала его в этот час, чинила в детской ребячью одежку. От неожиданного окрика «Катерина!» она вздрогнула, уколов себе палец. Подхватившись, заторопилась к дверям и едва не растянулась, скомкав дорожку. Когда на пороге увидела мужа, то просто не узнала его. Он весь сиял. Таким Катерина не помнила, когда его и видела. Она сразу поняла, как благотворно подействовала на мужа поездка в Москву. Александр стал энергично разуваться. Он расшнуровал кованые армейские ботинки, которые со времени своей службы в десанте всегда называл «берцами» и предпочитал их другой обуви. Устроил на вешалку плащ и кепку. Статный, сильный, подошел к жене.

– Здоровеньки булы! – шутливо воскликнул он, взяв ее за плечи и чмокнув в щечку. Потом заговорил таким тоном, будто сдвинул горы: – Живем мы в своей Улановке из кулька в рогожку, дальше своего носа ничего не видим. Ты бы посмотрела, что в столице делается. Хватит! Немедленно за дело. За дело! – повторил муж с твердой убежденностью.

Катерина все поняла в одночасье. С недавних пор ее Саша стал лелеять мысль пойти в «отрубалы» и создать свою ферму. Это желание он не очень-то скрывал, и многие отговаривали его: «Да кто сейчас идет в фермеры! – восклицали они. – Те немногие, что ими были, давно разбежались. Разуй глаза, Сашок!» Хуже всего было то, что жена тоже держала их сторону. Но слова ли противников звучали недостаточно убедительно, желание ли было настолько сильным, он твердо стоял на своем. Теперь было видно, что после поездки Александр только окреп в своем решении. Ему очень хотелось убедить и жену в правоте своих помыслов.

– Довольно нам, Катюш, на всяких обирал хребет гнуть. Пока силы есть, надо и для себя постараться. Походил я в Москве по рынкам, посмотрел. И морковь, и свекла, и картофель – все в цене. За зиму надо подготовиться (дешевый кирпич и кровельное железо я уже нашел), весной всего понасажаем, летом гараж построим, новое овощехранилище, а по осени заявимся на столичные базары. Подходи, стало быть, налетай, подешевело! Морковь глазастая, ха-ха-ха, репа ушастая!

– Да тише ты, – шикнула Катерина на мужа. – Продавец нашелся. Ненароком детей разбудишь.

Александр подошел к широкой кровати, на которой спали двое курчавых светловолосых погодков. Он смотрел на своих сопунов таким нежным взглядом, сам теперь похожий на малыша, что у их матери сердце зашлось от радости. Очи ее заблестели.

– Растет моя подмога, – ласково проговорил отец, обернувшись к жене и заметив в ее глазах слезы. – Ты че, Катюш, не волнуйся. И тебе помощницу сделаем! Сегодня же! – и заговорщицки ей подмигнул.

Катерина зарделась, принялась собирать на стол. Потом села напротив, молодая, по-деревенски красивая и с обожанием глядела, как супруг один за другим уминает любимые свои пироги с осердием. За столом разговор продолжился все о том же, о фермерстве.

– Ой, Сашенька, сколько трудиться надо, чтобы собрать на все на это деньги, а ты вон трактор по соседям просишь.

– Нам что, нечего будет продавать?! – раздосадовался муж. – Да на одном чесноке с луком сколько заработать можно. А если грипп нагрянет, прости

господи мою душу грешную, то цена еще вверх полезет. Всяких там кредитов я брать, конечно, не намерен, потом за всю жизнь не развяжешься, – он кивнул на детей, – да еще и на их век достанется. А трактор я буду покупать старый. Вон их сколько в бывшем гараже брошено. Они ничего не стоят. Я же за зиму какой-нибудь к пахоте соберу. Как-никак механизатор.

Вся Улановка и далеко в округе знали, что механизатор Александр Евгеньевич не абы какой, а просто-таки одаренный свыше. Несколько лет назад случилась в хозяйстве у Симашкова поломка двигателя на единственном самосвале. Начал он постукивать. Александр залез под машину, взял в зубы щепку, медленно провел ею по поддону и к изумлению обступивших его сказал, что в четвертом цилиндре оборвало юбку поршня.

– А еще я хочу купить «газель», – продолжил он делиться с Катериной своими планами. – Утеплю фургон, печурку поставлю. Живи себе там и торгуй.

– «Газель»?! – жена тоже потянулась за пирожком, глядя, с каким аппетитом их уплетает ее благоверный, запивая чаем. – Да где же мы с тобой столько грошей возьмем, Сашенька?! То купи, другое купи. Все купи да купи.

– У батьки попрошу, – отхлебнув из стакана, пояснил Александр. – Пусть старый раскошеливается. Потом все верну. К дядьке в Тамбов съезжу. У него водятся изрядные деньжата. Неужто не займет? Быть того не может. Мы все родные.

– Родня-то родня, однако к своим обращаться еще хуже. Разругаться можно на всю жизнь, – по-житейски мудро рассудила Катерина.

Супруг продолжал, словно не слышал ее реплики:

– Я думаю, мы малость цену скинем, чтобы быстрее раскупали. Зато за счет скорого оборота деньжат сколотим...

На другой день с утра пораньше Александр был уже в конторе, то бишь в офисе акционерного общества «Победа». Главу компании Симашкова он нашел в его кабинете. Тот сидел в старом потертом кресле за облезлым столом, заваленным бумагами. Посетитель огляделся. Здесь ничего не изменилось с давних пор. За спиной президента «Победы» висел портрет вождя, такого же лысого, с плутовским прищуром, как и у хозяина кабинета. Александру показалось, что среди такого интерьера Владимир Данилович сейчас заговорит о трудоднях, о передовиках соцсоревнования и тому подобном. Нет, не заговорит. Интерьер интерьером, а сын-то его, оболтус, учится аж в Англии.

Поприветствовали друг друга, Александр попросил, нимало не смущаясь, продать ему трактор. Он знал, что Владимир Данилович к нему благоволит. Но благоволит утилитарно, как к хорошему спецу, к которому еще не раз придется обратиться.

– Продать трактор? Ха! – президент выбрался из-за стола, подошел к облупленному подоконнику, также загроможденному старыми деловыми бумагами. – Все, что можно, уже продали. Опоздал.

– Мне нужен старый, – упрямо произнес Александр.

Владимир Данилович по допотопному многокнопочному аппарату, то и дело барахлившему, позвал в свой кабинет экономистку. Вскоре к ним вплыла особа бальзаковского возраста, но совсем не бальзаковской наружности. С толстыми щеками, животом и задом.

– Слушаю, Владим Данилыч, – тонким слащавым голосом пропела она, игриво поправляя волосы.

– Да вот Сашка, – президент кивнул в сторону бывшего механизатора, – захотел купить трактор. Будь добра, реши вопрос по-свойски.

В гараж экономистка вместе с покупателем не пошла, послала вместо себя молоденькую помощницу. Открыв скрипучую дверь на одной петле и войдя под ветхую кровлю ангара, Александр почувствовал, как его сердце облилось кровью. Осторожно шагая меж раскуроченной техники и разбросанного повсюду оборудования, они подошли к одному из тракторов. Вся техника представляла собой жалкое зрелище: ступицы, стоящие на чурках, разбитые стекла кабин, раздрызганные, вповалку там и сям на сгнившем полу лежащие агрегаты.

– Вот этот, – сказал девушке механизатор.

На вид трактор был поновее остальных и почему-то разграблен меньше.

– За что вы, Александр Евгеньевич, собираетесь отдавать свои деньги, за это железо? Да по-хорошему вам надо за него платить, что место освобождаете, – сказала помощница экономистки, нацелившись к выходу...

Всю зиму с раннего утра до глубокой ночи будущий фермер возился в гараже или мотался по области в поисках запчастей. Зато к весне «Беларусь» торжественно выехал на божий свет. Александр крутил в разные стороны баранку, проверяя рулевые тяги, и с наслаждением слушал чистую, равномерную работу мотора. «Двигатель не работает, а просто шепчет», – радостно думалось ему. Одобрительно кивали головами обступившие трактор односельчане.

– Мастер, – уважительно произносили они и потихоньку, как бы боясь что-то нарушить, отходили в сторону.

Подошло время пахоты. Александр не брал еще своего надела, он попросил у Симашкова клин за Глушиным бором. В давние времена с него брали хоро-

шие урожаи, но из-за посуровевших условий жизни вот уж какой год этот участок не трогали.

– Бери, – махнул рукой Владимир Данилович. – А то скоро там саранча расплодится.

На распашку в поле поехали торжественно, всей семьей. Новоявленный фермер работал, открыв дверцу кабины, чтобы любоваться результатами своего труда. Катерина занималась детьми, которые после обеда дружно уснули на домотканом рядне под отцовским пиджаком...

Потом он пахал уже один, без семьи. Когда сажал картофель, сеял морковь, свеклу, лук, то у Симашкова брал в аренду нужные агрегаты: сеялку там или культиватор, а когда пришло время снимать урожай, Александр созвал на подмогу односельчан. Катерина устраивала для них по вечерам скромное сельское, но хмельное угощение.

Вскоре дело стало за машиной. Не найдет он денег на «Газель», и придется продать весь урожай оптом. Получится, что зря все лето горбатился. О ком из родных говорил он Катерине, никто не помог, и та рассказала свекру о поездке мужа в Тамбов. Тот не поленился и махнул к своему братцу. Какой меж ними состоялся разговор, одному богу известно, но деньги он привез. Александр же заартачился и не стал их принимать.

– Не хочу, – пояснил он, – с этим скупердяем иметь дело.

Но отец был строгим. Какой между ним и сыном произошел разговор, было известно не только одному богу. В конце концов отец швырнул сумку с деньгами и удалился.

Из Улановки, что на Томбовщине, Александр поехал покупать машину аж в Москву. «Там и выбор побольше, а когда буду гнать ее домой, заодно обкатаю движок, – объяснил он свое намерение жене. – Не мешает еще раз и по базарам пробежаться, вызнать конъюнктуру».

Из столицы Александр вернулся на новенькой «Газели» и с хорошими новостями о ценах на московских рынках.

Первый выезд фермер наметил перед Новым годом, объяснив жене, что под праздники цены выше, а товар разбирается лучше, да и буржуйку еще надо сварганить, чтобы в фургоне ночевать.

Столица встретила улановцев неприветливо. Перед воротами первого попавшегося рынка его остановили какие-то молодые мордовороты.

– Слышь, ты... – грубо сказал приезжему один из них, приоткрыв дверцу машины. – Будешь продавать по цене...

И пошел и поехал диктовать условия. Александра это взбесило:

– Пошел ты, кретин, знаешь куда?! – бывший десантник в сердцах хлопнул дверцей. – Будешь мне указывать.

Рослый, плечистый, с крупной породистой головой, он их не боялся, но понимал, что торговать ему все равно не дадут.

На других рынках повторялась подобная картина. В конце концов Александр решил:

– Поедем в Кольцово. Там будет поспокойней.

Действительно, тамошний рынок их встретил совсем по-другому. Они беспрепятственно въехали на его территорию. Мороз распугал многих продавцов. Торговые ряды выглядели жалко. Покупатели, толкаясь друг о дружку, сновали взад и вперед в поисках продуктов. Торговля пошла бойко. Только поздним вечером иссяк поток покупателей.

А ранним утром на другой день распродажа вновь закипела. К вечеру фургон был пуст.

– Ну что, Катюш, давай бабки подобьем, – предложил Александр, когда они перебрались в кабину.

Жена сама сгорала от нетерпения поскорее узнать, какова же выручка. Она оказалась весьма солидной. Оба, счастливые, улыбались друг другу. Вдруг дверца распахнулась и появилась какая-то фигура. Александр подумал, что это кто-то из припозднившихся покупателей.

– Тебе чего? – неприветливо спросил он.

– Тышэ ты, – послышался в ответ сочный молодой голос. – Хромой говорыт хочет.

Александр присмотрелся. Перед ним стоял крепкий детина с низким лбом и грубыми кавказскими чертами лица. Неподалеку он увидел еще троих таких же субъектов.

– Айда поговорым, – повторил низколобый.

– Сашенька, не ходи, – встревожилась испуганная Катерина.

Муж ласково, успокаивающе ее приобнял:

– Надо сходить потолковать. Уехать отсюда они все равно не дадут. Закроют ворота, а то и колеса проколют.

– Чего вам надо? – спросил Александр, приблизившись в сопровождении низколобого к его землякам и думая о том, какие они недалекие, даже не подозревают, что он служил в десанте, где учат не бить, а убивать.

– Дэлытца нада, – подошел к нему, припадая на одну ногу, какой-то невысокий и плотный.

Борода у него была с проседью, на голову натянута до глаз черная спортивная шапочка.

– Я уже поделился, – Александр достал из кармана квитанции. – За все уплачено.

– Нэ нада бумах, – перебил Хромой. – Я тэбэ парусси сказал. Нэ падэлишься, все забэрем.

Вдруг Александр увидел двух охранников, проходивших неподалеку. Сердце его радостно забилось.

– Эй, – громко крикнул он. – Подойдите сюда!

– В чем дело? – не очень приветливо спросили они, когда приблизились.

– Да вот... – начал было фермер.

Его перебил Хромой, подмигнув охране:

– А-а, пустаки.

Александр понял, что охрана куплена. А Хромой продолжал не без издевки:

– Чэво он испугался, нэ знаю. Поговорыт хотэлы. Просыт апять товару...

– У-у-у, – равнодушно протянули блюстители местного порядка и не спеша зашагали прочь.

Дождавшись, когда те скрылись за углом, Хромой подошел почти вплотную, зло зашипел, дыша морозным паром:

– Паслэдный раз гавару...

Александра взорвало:

– Почему я должен делиться?! Ты что со мной пахал или сеял?..

Низколобый подскочил сзади, больно ткнул несговорчивого мужика кастетом в бок, увидев легкий кивок Хромого. Во второй раз он еще и замахнуться не успел, как оказался на льду замерзшей лужи. Хромой, чья рука судорожно полезла в карман, моментально отлетел в другую сторону. Оставшихся двоих бывший десантник уложил ногами, обутыми в армейские полуботинки.

Расправившись с вымогателями, он бросился к машине. С силой хлопнув дверцей, крикнул жене:

– Катерина, нажми защелку!

Остывший мотор дергался и никак не хотел заводиться. Александр лихорадочно включал зажигание снова и снова. Стартер проворачивал маховик, тот в свою очередь вхолостую гонял по цилиндрам поршни, и бывший механизатор смутно догадывался, что эти гады могли еще раньше тайком засунуть в глушитель тряпку или подстроить что-то еще...

Хромой очухался первым. Теперь он ковылял к машине, припадая на обе ноги. Его согнутая в локте рука судорожно сжимала пистолет. Раздался хлопок. Сразу за ним второй. Потом еще два подряд. Катерина сопровождала их нервным вздрагиванием. Но это двигатель, «прострелявшись» скопленными парами бензина, вдруг завелся, и Александр сразу на второй передаче рванул за ворота.

Молчали почти до самой Рязани. Миновав Высокое, муж хмыкнул и сказал жене:

– Может, и до такого доживем или наши дети, что эти низколобые будут взимать дань прямо в Улановке и, как татаро-монголы, выдавать ярлыки на право торговли в Белокаменной.

г. Москва

Алексей БЕЛЬМАСОВ

БУКВЫ БЕССМЕРТИЯ

Наше внутреннее зрение способно проникать в ткань времени и свободно погружаться как в прошлое, так и в будущее. Попытаемся же обняться с самим собой мертвым – может быть, так удастся подслушать тайну у смерти!

Автор

1

На каждого из нас надеты тяжелые цепи страха:
страх поставил нас на колени
и сделал рабами мысли о смерти.
Только будучи детьми мы остаемся свободными,
а с того времени,
как узнаем,
что неизбежно когда-нибудь умрем, –
попадаем в рабство этому знанию.
Нас пугает смерть потому,
что мы не хотим гнить в земле
или быть сожженными.
Человек слишком любит свое тело,
и смысл понятия «жизнь» напрямую связывает
с ощущениями телесными.
Эгоизм и страх перед смертью
зависимы друг от друга,
они провоцируют и порождают друг друга,
они ненавидят друг друга,
но повсюду ходят в обнимку.
Абсолютная победа над эгоизмом – вот задача,
которую необходимо решить,
чтобы получить бессмертие!

2

Судьбою каждого из нас руководят не живые,
а неживые:
те, что следят за нами из прошлого, и те,
что следят за нами из будущего.
У настоящего практически нет свободы
и инициативы –

прошлое с рук на руки передает его будущему.
Мы не вольны в своих желаниях и помыслах:
каждый наш шаг надиктован прошлым
и ожидаем будущим.
Прислушайтесь к вселенскому шепоту!
То через ваши головы
переговариваются невидимки –
прошлое с будущим.
Они решают и утверждают историю жизни.
Историю каждого из нас!
Потому что сами они бывшая и – главное! –
будущая жизнь.

3

Жизнь –
это не обязательно то,
что умеет передвигаться в пространстве,
иметь руки и ноги,
потреблять пищу.
Жизнь –
это то,
что вечно существует в мироздании в противовес
нежизни,
небытию.
Она существует во имя вечного
конфликта с небытием.

4

Жизнь – вечна!
Она всегда дышала светом вселенной

и кормилась на ее пастбищах.
Как могла она не существовать,
если сейчас существует?
Чем нужно было подействовать на небытие,
чтобы возникла причина появиться жизни?!
Небытие не способно рожать.
Если оно рожает, значит, оно – не небытие!!!
Жизнь – не дитя вселенной,
а ее вечная и неотъемлемая часть.
Она сама вселенная!

5

Разум человека – это то же самое, что
сила и ловкость льва, зубы и когти рыси,
масса слона...
Разум – это
на сегодняшний день
самое универсальное и наилучшее средство
защиты.
Это защитная система всей жизни,
ибо, защищая себя, человек вынужден защищать
и окружающий мир.
Разум никогда не появится у других,
кроме человека, существ.
Он просто не нужен амебам, рыбам, птицам:
он уже есть у человека,
а значит,
он есть у Жизни.

6

Все науки придуманы человеком
с единственной целью –
обезопасить настоящее и будущее.
Это вынужденная мера,
так как с первых шагов существования на планете
за жизнью охотятся пожары, землетрясения,
болезни, голод и т. д.
Чтобы побеждать эти явления,
нужно изучить их повадки.
Стихию можно победить,
лишь хорошо изучив ее силу и слабость...
То же самое религия:
ее цель – нравственное здоровье
человеческого духа,
нравственная безопасность человеческого духа.
Поэтому разум сотворил богов –
этих надзирателей за духом.

7

Фактом конкретной смерти
(тем, что у нас принято называть смертью)
жизнь совсем не хотела ужасать человека
на все времена:
этот факт, как красная тряпка-раздражитель,
призван мощно стимулировать работу мысли,
подталкивая ее в поисках бессмертия
в самые фантастические глубины
макрокосма и микрокосма.
Жизнь поставила перед человеком условие:
изучи мир – тогда получишь бессмертие.
Рано или поздно период «ужасания» пройдет,
и человек придет к пониманию истины,
что смерть ничем не отличается
от старения, рождения и всего остального,
функционально связанного с природой жизни.
Смерть есть обновление жизни –
вот к чему мы неизбежно придем!
Практически: смерть есть рождение!

8

В семидесятилетнем старике не остается
ни одной молекулы
от того десяти-, пятнадцатилетнего ребенка,
каким он был когда-то...
Материя человека «изнашивается»
гораздо быстрее,
чем его дух.
Поэтому тело успевает переродиться
несколько раз,
прежде чем состарится и потребует
перерождения дух.
Однако переродиться – не значит
абсолютно повториться.
Абсолютно повторяется жизнь только в общем –
абстрактном смысле.
На конкретное же
при перерождении
накладывают отпечаток обстоятельства –
иное пространство, иное время,
иное окружение и т. д. и т. п.

Поэтому конкретное старое
предстает в новом виде и носит новое имя.

9

Природа жизни никогда не замысливала
конкретного Иванова, Петрова и т. п.:
она сотворила дух –
мыслящую энергию,
которая сама себя хранит и будет хранить всегда.
Если бы эта мыслящая энергия
оставалась гореть в одном человеке,
она бы могла легко погибнуть благодаря
гибели этого человека.
Но дух «разлит» во множество,
и это гарантирует его бессмертие
в пределах планеты.
До тех пор,
пока не погибнет сама планета.

10

...По дороге идут двое – старик и ребенок...
А может быть, идет только старик
и ведет за руку свое отражение?
А может быть, идет только ребенок?
...На кладбище хоронят человека...
Но не хоронят ли сами себя те, кто сейчас
на кладбище?!
...В роддоме закричал новорожденный...
И по венам всех, кто находится рядом,
побежал незаживающий крик,
словно чудо рождения коснулось всех.
Старик и ребенок, мертвый человек,
новорожденный...
Снимем же с них лица!
Уберем пространство, разделившее их, –
и увидим:
между людьми нет никакого различия –
мы все вместе представляем единое живое целое!
Словно на планете рассыпан
один огромный организм,
который одновременно молчит,
говорит и слушает,
плачет и смеется,
резвится в детстве и еле передвигается в старости,
который одновременно рождается,
живет и умирает.

11

Пусть утешатся мертвые:
идя вслед за гробом,
живые всегда идут вслед за собственным гробом,
ибо каждый человек живет и исчезает с тех пор,
как появился первый человек!
Жизнью управляет смерть –
она подталкивает жизнь к каждому следующему
мгновению,
она совершенствует и шлифует ее!
Пусть утешатся мертвые:
человек заканчивается так же,
как день, дождь или снегопад, –
заканчивается, чтобы начать сначала.

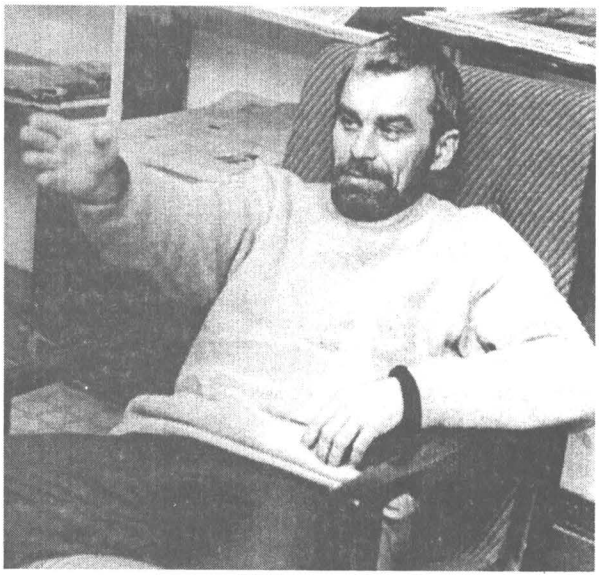
г. Ленинск-Кузнецкий, 1992 г.

Владимир СОКОЛОВ

БАСКИ

Наброски для романа

Повсюду одни сторожа и собаки...
О. Мандельштам

– Вот последнее, что от него осталось, – сказала старуха, возраст которой даже затрудняюсь назвать, очень уж древняя, оказавшаяся в какой-то отрезок своей жизни вдовой подзабытого уже лет двадцать назад писателя, и положила посередь стола черную квадратную пластинку.

Только к вечеру я смог прочитать эту дискету, найдя в одном из помещений нашего издательства списанный ноутбук, этак 201... года, вполне, впрочем, исправный. Естественно, у меня, как редактора, сразу же возник вопрос: что это за похлебка и можно ли ее есть?

Было решено и на этот раз не отступать от доброй традиции публиковать все, что «льется», то есть имеет признак духовного опыта и метку времени. Да и чего кочевряжиться, когда вам протягивают руку?

1.

– Первый, Первый, Третий и Четвертый на месте. Как меня поняли? Прием.

– Понял вас прекрасно.

.....

– Так зашифрованно говорю, а понимает?!

– Старый волчара!..

Бабий смешливый базар – на четыре голоса.

– Куда-то ты, говорят, едешь?

– В Японию.

– Только маленького япончика не привези.

– Чтой-то не привези? Привези-привези!

Скрип венских стульев в голосе Цветаевой...

– Ну что, Шорец? Привет. Как живем-буем? – Медведеобразный кавказец, изрядно облысевший во время линьки и оттого ставший смешно-плечистым, приветливо виляет хвостом, потягивается и постанывает. – Сейчас, сейчас дам гостинец!

Глаза у нынешнего лета, похоже, на мокром месте!

Кузнец – на уши слепец.

Окалина пахла березовым соком.

Сидит на флюгере трубы кукушка. Крыло свешивается, и вся она напоминает раскрытые ножницы.

Детское воспоминание: так голубиц изображал Фаворский в иллюстрациях к «Слову о полку...» – будто сейчас держу в руках эту красную потрепанную книжку. И еще две оттуда же – пушкинский альбом и «О вкусной и здоровой пище» (все играли с сестрой «в картинки»: это – мое, это – мое...).

...В рябом передничке. Будто хозяйка на кухне. Ку-ку, ку-ку... Зоб раздувает. Кого зовет?.. Может, меня?.. С чего бы! И труба холодная, и плита... И память поздняя, и голос простуженный.

И еще в детстве, в той его части, что прошла в деревне, мы, мальцы, собирали баски. Баский (баской) – значит красивый. Потом узнал. А промеж себя басками мы называли аляповатые осколки разбитых чашек, блюдец, цветные стеклышки. Наши руки часто бывали в порезах и от басок. Особенно ценились те, на которых имелся остаток узора, позволявший как бы представить целое и заглянуть в другую жизнь. Деревня была старинная и, возможно, среди басок, подворачивавшихся там и сям, попадались и такие, которым по сто и более лет. Мы гордились своими коллекциями, иногда достигавшими внушительных размеров, отдельные экземпляры шли на обмен.

Мне шесть лет. Век – сто, жить еще девяносто девять.

– Знаешь, берестянщика Хахалина не приняли в Союз художников. А он забавные, характерные (ударение на второй слог) делает фигурки мужиков и баб. В Москау посчитали, что это больше смахивает на народный промысел.

– Так-то береста. Вот Фаберже бы, наверное, взяли, с его яйцами...

Красивости жизни.

Рядом на книжной полке керамические обезьянка и бычок с накинутой на них цепочкой – в семье порядок. Когда она сердилась на него, цепочка была снята с бычка. То же самое незаметно проделывал он с обезьянкой, когда был недоволен женой. Однажды, вернувшись слишком поздно пьяным, увидел, что цепочка куда-то исчезла, а обезьянка переставлена полкой выше.

Активистке Татьяне Жулиной по внутреннему телефону:

– Давай согрешим!

– Нет, не хочу.

...

– Ну тогда – прости. Не обижайся.

– А на что тут обижаться? Это жизнь.

Умилительная бывалость. Даже телефонная трубка улыбается.

Там, где я вижу сложность, большинство проносится без всяких кочек...

Ну вот, пролил себя, как краску на площади! Теперь ничего не поделаешь. Значит, всю площадь красить!

2.

Подошел к краю крыши, перешагнув кабели прожекторов и проволоку, которой притянута караульная будка – чтобы не сдуло. Впереди зияла пропасть, и, как спасение, как надежда, в возрасте, когда все еще понарошку, по маминому хотению-велению – блеснувшая нитка паутины.

2а.

В этот гамак он и упал, пружиня, раскачиваясь на ветру... Таким может быть описание смерти виртуального человека.

3.

Стихи для меня – попытка себя упорядочить. Но не люблю упорядочиваться чужими стихами. Диктат?.. Или как у Винокурова: «Что истина? Владеет ею тот, кто сам, один, открыл ее однажды»?

Сильные впечатления последнего времени. Владимир Венедиктов. Современники его не восприняли, потомки оплевали. А он философичен, умен, построил свою поэтику на реальных переживаниях, кое-что звучит как только что написанное:

А петровскую стихию
Носим мы в своей крови,
Так что Матушку-Россию
Хоть Петровною зови!

Аркадий Кутилов, скончавшийся в 1985-м. Он мне близок. Две недели ходил, как пьяный, под Кутиловым (и пьяным тоже был) и ходил бы еще, да спрятал от самого себя его книжку.

И еще Элеонора Акопова, с хорошими стихами и полиграфией, какой не видел...

Трепетная Ирина Киселева, которой помогал составить сборник Игоря и так опрометчиво пообещал сделать четки из дерева: «Ты не хуже Кутилова можешь загибать!» – «Да? Куда уж мне!..» Но маленькое «Искушение» похвалил Крек (мол, культура чувств!), а просто так он не хвалит.

Деньги на издание дала Юлька: «Папа, это тебе сюрприз к дню рождения. Так хочется, чтобы ты не пил, встряхнулся!..»

С таким удовольствием написал «Сутки-трое...». Но компьютерный вирус все съел – почти полторы тысячи строк. Восстанавливать не хочу, не могу. Возвращать в виде призраков?.. Тьфу!.. Просто та вода утекла – изменился порядок молекул... Вот и слава богу.

Вообще-то я боюсь писать – настолько писанина моя связана с жизнью. Боится и Креков. Он для меня почти святой. Творчество чем-то сродни Гефсиманским дебрям. Публично прочесть – что голым выйти... Ведь просто стихов не бывает. Просто стихи увидел у талантливого Н. Г.: легок, ярок, виртуозен и грациозен. А читать мне его претит, за исключением тех стихов, где сквозит судьба. А кто, кроме спортсменов или юбиляров, будет повторять посвященные им ошеломляющие импровизации И., который из журналистов? Блеск мастерства и остроумия! Но все внешнее, датское – на аплодисменты...

Так вот ходишь, думаешь, не пишешь, а сядешь просто поиграть в стихи, когда найдет, нахлынет – и пошло-поехало!.. «Что ж, пора нам приняться за дело, за старинное дело свое...»

Спортсмены, конечно, большие любители поэзии. Рифме отдают «первое место». В зале тяжелой атле-

тики на стене плакат: «Медаль за труд, медаль за спорт – из одного металла льют!»

Давным-давно. Горсад. В Зеленом театре демонстрация модной одежды. Ведущая: «А сейчас у нас вынужденная пауза. Но скучать не придется. Пока девочки переодеваются, местные поэты почитают вам свои стихи. – И шепотом, уже к нам: –Двадцать минут!»

Это напомнили Федоровские чтения в деревне Марьевке, куда впервые нынче угораздило попасть.

Тот же елей, что, видимо, и раньше – в воспоминаниях знавших его, покойного юбиляра с барственно-покровительственными манерами и интонациями в голосе (Махалов, некогда крепыш и вожак в любой компании, вдруг расчувствовался, впервые видел его таким), вперемешку с совсем уж плохоньким любительским кино, где особенно часто трясущийся в унисон с марьевскими березками профиль «великого земляка» крупным планом. Каждый раз ловил себя на мысли: «ну в точности Ваня Полунин, переперченно-пересоленный братец!».

Вот, де, как следует писать! Не люблю этаких учителей. Но заставила себя выслушать казацкой сабелькой просвиставшая над всей пьющей пиво и жующей шашлыки округой правда-матка от бывшего идеологического лидера. Этот неугомонный персональный пенсионер, едва приблизившись к микрофону, тотчас вновь почувствовал стремена. И ругал, казалось, всех, чьи фамилии не Иванов, не Петров, не Федоров. Наш брат-литератор стыдливо попустительствовал. Оратор же, войдя в раж, спутал Ходасевича с Шершеневичем (этого-то откуда выкопал?), получилось Хоршеневичи (множественное число!), шибко досталось Мандельштамам, Пастернакам, Бродским, Гроссманам и иже с ними, в частности, Цветаевой. Куняев, только что отбившийся от тех, кто норовил во что бы то ни стало прочитать ему свой стишок и умереть, прямо заерзал на скамейке. Однако часть публики, сидевшая преимущественно в первых рядах, не жалела ладоней. Ну, выдал! Резковато, но все же молодец, такую проблему поднял, куда катится Россия!..

Все это слишком затянулось, по программе «пора было выпить», поэзия застенчиво стушевалась, задавленная все теми же вставками кинохроники и лирическими литаврами ставшего уже неестественно великим юбиляра, и тогда было предложено всем, кто еще не выступал, скопом выйти на сцену и прочитать только по одному стихотворению.

Перед сценой образовалась очередь. Какими мы стали – с уже неподдельными, въевшимися печатями судеб. Сколько седины! Некоторые забывали даже представиться и, отработав, побыстрее уходили прочь. Досадно, что стихи звучали в основном монотонные, все о том же, о чем, кстати, говорил и растерянный вид большинства авторов – как плохо России и ее народу. Такой уж был задан тон. «Неологизм придумал: плаколюбы», – сказал вдруг Сашка, который успел выступить раньше.

– А ты чего сидишь, давай сюда! – крикнули мне.

Но что-то затопорщилось:

– Нет, в одном венике не хочу!..

Потом упрекали: «Гордыня заела». Шут ее знает, только не понравилась мне эта общая помывка. И вдруг: если б не было К., – пошел бы.

Коля, когда отмечалось его пятидесятилетие:

– Много ли я сейчас пишу? Что вы!.. Ну пару стихотворений за год – и за то благодарен судьбе.

Истинный талант всегда непослушен и разрушителен. У него он выбивался, как рубашка из-под ремня!.. А книжек успел выпустить всего шесть или семь.

Все чаще кажется, что можно и вообще ничего не писать – только думать...

Истощились в борьбе за место под солнцем? А кому давалось это легко? Нам пришлось бороться с самими собой, со своими сомнениями. С гипнотизмом выплеска шестидесятых. Окружающее не устраивало, славословить не могли. «Уходили в бороды» и в себя, но без оглушительных деклараций. Потому что всерьез. Нуждались в нежности и понимании. И тут уж ни от кого никакой поддержки. Лирика в местных издательствах, конечно, была уже не на последних страничках, как раньше – перед разделом пародий, хотя настороженное отношение к ней вновь возобладало. Главное – чтобы гладко. Но не ярко, не броско. Чтобы «как наша российская мать-природа средней полосы». А вожделенные книги в большинстве своем – по тюрьмам и приговорены, казалось, пожизненно. И все-таки удавалось много чего найти в библиотечных фондах, часто неокаталоженного. Судорожно искали ответа во всем, что ни перепадало. А вокруг шумела жизнь, где и красота-то – независимая от человека объективная реальность! По сравнению с предыдущим поколением так мало издавались и так поздно пришли!

Разве другие не могут представить, что я уже умер?

К., которого впервые увидел на юбилее писательской организации, которым так восхищается мой крестный... Это Сальери, который музыку разъял... Кстати, вопреки собственной натуре. Ведь среди рассудочных строк (верный признак того – болезненная склонность к морализаторству, это – плохо, а это – хорошо, лири-

ческий герой непременно положителен, имеет черты пророка) вдруг промелькнет: «сверкали кони». К. не дает чувствам выбора. Он их моделирует. Не чувства его кони. У него чувства такие, какими должны быть на взгляд рассудка, который хлебом не корми – дай только привесть к порядку многоцветие.

Вероятно, когда-то К. пережил неудачную любовь, возможно, будучи еще кирзовым механизатором (мое предположение: вот он, улыбчив, добр, бодр, несмотря на годы, в элегантной обуви без претензий, а мне кажется, что... в сапогах – и ничего не могу с этим поделать), и теперь тщится доказать, как его избранница была не права: ведь он такой правильный!..

Впрочем, кто из поэтов – без того или иного комплекса? И не о себе ли я говорю?

Перед тем как бросить, сделала искупительный подарок: полуботинки...

Трактористы обширкиваются в траве после чистки отстойника. Парень, долговязый и рябой (местами – курице клюнуть негде!): «Тракториста полюбила и, как водится, дала. Три недели титьки мыла и соляркою ссала, эх!» – и в пляс посреди лужи. Впрочем, слова были расставлены иначе: «Полюбила тракториста...» В результате полдня думал над аллитерациями и внутренними рифмами, восхищаясь народным творчеством, пока не сообразил, в чем дело.

Достоевский стихи Ламартина называет долговязыми. Сама оценка забавная. Насколько же надо иметь дерзкие, раскованные мозги!..

Логика.
– Он же пьяница?!.
– Пьяница. Зато мой.

Есть ситуации морально неразрешимые. Вот разнесчастная случайность, о которой недавно рассказал В. Мазаеву. А он, как истинный, хотя и несколько «зашнурованный» (по слову Махалова) писатель (мэтр!), требовал подробностей, конкретики: кто такие да почему?

...Отпросился на побывку домой, но вовремя не вернулся, чем шибко подвел товарищей по работе. И был виноват – загулял, забыл даже о том, что билет на самолет уже в кармане. Но самолет-то, на котором должен был лететь, разбился. И вот, опечаленные было коллеги, ретиво разбирают на собрании подзадержавшегося, думают, какого взыскания тот заслуживает (в курилке, впрочем, говорят: слава богу, хоть живым вернулся) – вместо того чтобы просто дать ему на похмелку в виде поощрения. Как-никак в рубашке родился. Уж за это на Руси, испокон живущей по понятиям, всегда награждали.

А эту историю рассказал мне много лет назад горный инженер Ваксман. Связана она с его отцом. Германия. Последние дни войны. Конвой перегоняет группу военнопленных подальше в тыл.

Охрана – приказ дело святое – сдерживает попытки как военных, так и гражданского населения расправиться с ними. Откуда ни возьмись – оказавшийся во вражеском тылу небольшой отряд наших десантников, которые приносят долгожданную свободу. Радоваться бы, но те собрались круто разобраться со сдавшимися и разоруженными конвоирами. В живых их никак нельзя оставить. Тут пленные буквально стеной встали: не смейте! – с собой вы нас взять не сможете, а убить в этой ситуации их – все равно что убить нас.

Представляю, как продолжил свое шествие по разрушенной, всклокоченной стране этот наспех бедой сколоченный, наподобие гроба, коллектив, где вчерашние враги стали друзьями и теперь спасали друг друга. Делясь пищей, вырабатывая наилучший маршрут, на котором – никого бы, ни своих, ни чужих. Вот она, философская точка войны. Но этот совместный их путь неизбежно должен был прекратиться в другой – следующей точке. Где идет новая незаметная война, которая называется миром, и где правят совсем иные законы. Где бьются не народ с народом, а каждый с каждым и с государством.

Диву даешься братанию с Америкой после 11 сентября... Надолго ли? – с надеждой! И с жалостью (к ней-то!): неадекватна, реактивна. Сила не впрок. И потому, с нашей обывательской выпуклости, – опасна, как Вавилонская башня.

Видимо, подлинный рай, возможно, даже прототип библейского рая, был в несущемся по волнам Ноевом ковчеге, где каждой твари было по паре, и все они мирно уживались... пока противоборствующие силы устанавливали новый мировой порядок.

Поэтому, кстати, и тоталитарный режим еще много времени будет восприниматься, как рай. Тут есть некий смысл, который невозможно отвергнуть с ходу или оспорить, поскольку дело вовсе не в колбасе... Неизбежный вопрос. Где же наилучшим образом проявляется в нас человеческое – в экстремальной ситуации или в условиях свободы и благополучия? И что за ценность само это проявление?! Есть ли вообще какая-то в нем ценность, помимо назидательной, общественной? Или дело лишь в точке зрения: как мы это проявление воспринимаем? Ценность – в восприятии?.. И ключ ко всему – где-то в катакомбах моего сознания?

Неужели человек обязательно должен мучиться, подобно Иову, отковыривать струпья, ползать в грязи (хлебать мурцовку – говорила моя баба Иля, отсидев-

шая по сталинскому Указу об экономии хлеба более шести лет), чтобы в глазах потомков да и в нем самом кристаллизовалось нечто достойное?

Перед глазами почему-то не античные статуи, а вызывающие не меньшее восхищение нефритовые фигурки Китая – вот сидит этакий вальяжный пузан, и все в нем не так, как надо!..

Всегда восхищал налаженный, взбитый до густоты чужой быт. Случайно подслушанный стук поварешек за окном, когда на кухне вся семья в сборе, волновал, казался недостижимым раем.

...Вечером, где-то между сельпо и МТС. Подвыпивший папа с дочкой-соплюшкой. Ерошит натруженной рукой ее жидкие волосенки: «Табакерочка ты моя табочная!..» (через о).

Обычная постановка вопроса: что перевесит на весах – слеза ребенка или радость всех? Достоевский, а также вышедшие в большинстве своем из него воистину российские мыслители А., Б., В., Г., Д., Ж., З... Один из них в пылу полемики иногда даже не закавычивал взятое из «Дневника писателя», невольно выдавая за свое... Упор на эмоции: страдание – плохо. Плохо для кого? Для тех, кто страдает, и близких. Но вот все меняется – и это плохо уже для тех, кто подвергал страданиям. Но для всего человечества – хорошо, поскольку перед глазами у него пример духовного подвижничества. Оно с наслаждением смакует чужое страдание. Да нужно ли оно? (Целый год, помню, мучился, прежде чем сказать Саше: да, я согласен креститься. Ведь в основе религиозных мифов, помимо духовной составляющей, много такого, от чего хочется отвернуться, – жестокость, кровь, непонимание. От этого несло дремучим варварством).

Есть и другая твердыня – от первой улыбки ребенка, от той же античности... Вот появился Рабле, чтобы сказать в защиту плоти, появились Сервантес, Рубенс, а незабываемый сэр Джон Фальстаф с его биологическими закидонами и как прекрасна Ласочка из «Кола Брюньона»!..

Человеческий дух, как ночной небосвод, растянут на звездах преданий, но это... всего лишь шкуры – Овен, Козерог, Медведица...

Мать учила не брезговать, рассуждая почти по-библейски:

– А сами-то мы кто? Из говна вышли и в говно уйдем.

Праздничное семейное блюдо, названное по первым буквам имен моих родных, его изобретателей (Галина, Андрей, Вера, Николай, Ольга): в мясо заворачивают продольные пластики соленого огурца, обматывают нитками и в таком виде тушат.

Отец Сергий, с которым тогда еще не был знаком, передал мне через Сашу уникальный в то время дар – альбом грампластинок с хоровым церковным песнопением, выпущенный к юбилею патриарха Пимена.

Сергий меня и крестил. На исповеди, принакрытый сверху узорчатым полотенчиком, я не знал, что сказать – был растерян, подавлен обрядовостью, обстановкой, а больше всего – вниманием ко мне, и просто молчал. Хотя перед тем мои грехи так и роились в уме. Всего не перечислишь. Какие же основные? Что назвать? Пью, курю, изредка, по случаю, изменяю жене, так мало читаю и почти не занимаюсь творчеством – то ли боюсь, то ли просто лентяй, без конца унываю и в самого себя не верю... Могу ли я, не веря в себя, по-настоящему верить в Бога? Почему-то все свелось к одному слову как первопричине – моему невежеству. Но такого христианского греха вроде бы нет?

Потом стояли с Сашей над крутым котлованом новой церкви, заложенной на территории бывшего толчка, а казалось, что она уже возвышается над нами – вся в духе, и он взахлеб рыдал... В нем прорывались в экзальтации, вызванной событием (он впервые стал крестным), горечь и непутевщина жизни и разрыва с Анной. А я чувствовал себя чистым агнцем, и потому никаких слез не было. Только удивление и жалость к моего мудрому другу. Год был посвящен размышлениям: надо ли креститься? Мучился и без конца болел. После крещения на целый год болезни будто отступили от меня.

Переливается радугой паутинка... Банально. Но так.

Ласточки целовались в небе.

Ходил в собор спозаранку. Работал нижний храм. Там и помолился. Не пить чтоб.

Подошел в полутьме старый, сгорбленный и крючконосый. В прошлом – явно греховодник. Перекрестил. И на ухо – голосом слабый:

– Благословение Божье с тобой.

Не понял, почему он так сказал, чем я это заслужил, но стало хорошо, поблагодарил и тоже перекрестил его.

...Ее светящееся в кромешной тьме тельце – через него. Но – успел, поймал, схватив прямо на лету, такую со сна горячую:

– Нет! Ложись, милая. Я сам принесу тебе попить. Ведь пол – ледяной... – Сон был настолько четким, плотным, наполнил таким содержанием и счастьем,

что эти слова произносил уже вслух, сидя на кровати и не понимая, что уже не спит, опустив босые ноги на холодный пол. Произносил в пустоту. Потому что ни во сне, ни наяву не мог представить, что рядом ее уже не будет...

Это всего лишь попытка научиться красиво затачивать карандаши. Карандаш цвета «сон».

Метранпаж рассыпала набор. Собирала, лежа на животе, закатившиеся под оборудование буковки, перегородив узкий проход. А он так спешил в корректорскую – и с ходу, не замешкавшись, перешагнул через возившееся на полу незначительное препятствие в грязном халате. Женщина заплакала. Потом приходил – извинялся.

Она устроилась на работу. И он интуитивно понял: скоро бросит...

Подробно регистрировал про себя все стадии ее исчезновения.

Сначала, как ни странно, забылось тело. Потом постарался подавить свое уязвленное самолюбие: предпочла другого!.. Труднее было с их общей памяти местами, номерами автобусов, с ее привычками, манерой поведения, речью (прогоняет кошку с табуретки: не «Брысь!» или «Кыш!», а обходительно вежливое «Прыг! Прыг!»), с тем, чем так восхищался – много читала, постоянно делая для себя какие-то открытия, развивалась и как бы вела его (а он пил), еще труднее оказалось забыть свои надежды на будущее, связанные с ней.

Редкая женщина, нарожав детей, способна еще и опережать мужчину – духовно, и даже невольно вести его – исподволь, собственным примером... Она не в быт тянет мужчину, а куда-то в неведомую даль.

Ночевал у сестры. В подвале Ольга завела кур. Петух, яркий, с переливами перья в хвосте, налитый кровью гребень, ровно в четыре стал орать. Какой тут сон!.. Кричал двадцать один раз – считал, но мог ошибиться. Через час – снова орет, раз одиннадцать. Прошел еще час – всего три раза прокричал, через абсолютно равные промежутки. Спустился в освещенное лампочкой подземелье. Там дисциплина на первом месте! Петух подгоняет всех к кормушкам, поилкам. Сам не ест, пока гарем не набьет желудки. От несушек же охраняет готовую продукцию – яйца, зажав промеж лап. Господи, они же ни черта не соображают, да и зачем напрягаться рядом с таким командиром!.. Недаром говорят: куриные мозги. Вот отвалились, насытившись, – сончас.

Кормушка и кормило... Неужто однокоренные?

И в нашей жизни, думал раздраженно, дашь слабину – и тебя оседлали, переходи в разряд прачек и ложкомоев, тогда как она лежит в яблочных закромах – вся при тебе, но жалуется на головную боль и командует. Понравился яблочный запах – с ним и осядешь. До уровня плесени. И за оленьи рога еще будешь благодарить.

Расслюнявилось: вымираем...

Леня Гержидович: «Чуть не сдох я... От воспаления мозга. Врачи суетятся и не могут помочь. Вызвали родных – прощаться. И вот пришел ко мне самый, как мне казалось, родной человек. Сел на стул около койки, уставился на меня, а в глазах: «Когда же?» Будто ему уже совсем невтерпеж бежать надо. Хоть бы руку погладил, доброе слово сказал. «Нет, – думаю, – не выйдет, ошибаешься, рано меня списывать, буду еще жить». И чувствую: во рту увлажнилось. Будто Бог услышал. Наутро встал. Заставил себя встать. Если бы не этот мой родственник, точно был бы уже на том свете».

...Баба Иля умерла. Только тетя Женя была рядом. Как врач, она сразу это поняла. Ни пульса, ни дыхания. Зарыдала: «Мама, мама!..» И вдруг через несколько минут щеки покойницы порозовели, кожа снова потеплела, она открыла глаза и сказала: «Женечка...» И еще даже о чем-то спросила, озабоченная судьбой живых. И снова умерла.

Почему я о том, что должно бы забыться, о негативном? Ведь много такого, что не стереть, не избыть. Оно в старых кинофильмах, кадрах кинохроники, в стихах и в моей, слава богу, судьбе. Хотя и не густо... Как целует женщина вернувшегося с фронта мужа, так постаревшего! А то еще и раненого, безногого... Он сразу – ребенка на руки, а она – рядом, вся крутится, милуется, через шинель – и спину, и руки его... Как рыдала в трубке Таня Б., когда ее Женечка задержался в Афганистане! Как светилась жена, когда я в очередной раз благополучно вернулся со сплава, как прижималась – чтобы уже ничего между. Соскучилась, бедная! И все готова была сделать. Выпить – пожалуйста (лишь легкая тень по лицу)!

– Ты наш кормилец! – сказала как-то.

Знаки уважения! Это только сейчас по-настоящему доходит... Не пить, не пить!

Тут бандит знакомый подкатил, трудные вопросы вмиг решил.

Он сказал, что такой женщине сразу отрезал бы уши. И предложил «закопать» ее теперешнего дружка. Я в ужасе: «Давай не будем, мне же оттого станет хуже...» Но было приятно от его участия в моей глупой беде, о которой ни с кем не поговоришь и особ-

ливо почему-то – от его грубой решимости... Значит, у него есть какое-то знание, недоступное мне.

Даже расставшись, гнал от себя плохие мысли о ней – так плевок в сердцах припечатывают подошвой... Но она с неожиданной легкостью и жестокостью заявила: «Я тебя вычеркнула из своей жизни». «Как можно вычеркнуть?» – недоумевал. Где же те ночные целебные прикосновения ее рук, когда слов не надо? Тогда он попытался вспоминать про нее все плохое. Ее грубые, резкие слова... Ее щепетильную мелочность, доведенную до автоматизма?.. Но меркантильность была и у Гали, а она только новое ее воплощение, так похожи! Как он любил эту женскую, связанную с детьми меркантильность! Раз другого не дано, то всем поровну – суровой ниткой справедливости...

Нет, не то. Почерк у нее крохобористый!.. Вот до чего дошел! Самому смешно!..

...перебирал разные способы мести и в бессилии остановился на самом неудачном, рабском, но единственно возможном в его ситуации, когда руки как бы скручены за спиной самим же им выдуманной веревкой – мстить проявлениями внимания и заботы, знаками любви. Что ни день – шоколадка, цветы... Как пропуск, как возможность с ней встретиться («Но я же не даю ей соскучиться!»). Как он ей надоел своими ежедневными звонками, она проявляла всегдашнее свое терпение, но начинала срываться... Он сам себя презирал, но не мог уже не звонить, найдя эту лазейку, не мог даже дня прожить, чтобы не услышать ее голоса. «А по ночам под окна твои лез, чтоб боль моя обрушилась с небес...»

Как-то дети увидели его из окна в подзорную трубу и, явно потешаясь, подозвали ее. Она стала наводить трубу, и он спрятался за угол.

И каждый вечер – просьба погадать на картах.
И каждую ночь – огонек сигареты...

Однажды ноги сами привели к старому другу.

Сашка молчал, сопел, пытаясь распутать у него, рыдающего, сразу три висюльки на шее. А сначала порывался схватить ножницы. Ну разве тут разберешься? Тонкая серебряная цепочка вела ко кресту, на сандаловых бусах висел, скрестив босые ноги, веселый Будда, познавший истинную цену радости и печали, а на простой веревочке – магическая ладанка, внутри которой, по словам колдуна, ее изготовившего, больше сотни крохотных камешков из разных российских мест, была даже крошка от Кремлевской стены. «Надо оставить только крест», – говорил Сашка. И продолжал свое дело так уперто, с таким проникновением, будто от этого зависело спасение жизни товарища...

Она отдала все. Больше дать нечего. У них нет совместного будущего. Сокрушенно кивала головкой, вздыхала, смотрела тяжелыми кофейными глазами: «Жалко тебя, но такова жизнь». И он все понимал, все понимал...

Нет, она не меркантильная – просто мелкая. Как речка в межень. То смеется, то грустит. И всегда напевает вполголоса...

Клин клином вышибать.

– Я буду с девочкой пяти лет, у меня блузка в горошек, – сказала по телефону.

Приехал раньше, ходил возле остановки «Азот», где договорились встретиться, и разглядывал женщин сквозь бесстыдные зеркальные очки, пораженный тем, что почти на всех что-то в горошек. Блузки, юбки, платья. Если горошек белый, то фон черный, был и черный горошек на белом фоне. Крупный и мелкий. Зеленого, синего или красного почему-то не было.

Сообразил: зарплату-то выдают тканью, вот и приоделись труженицы.

До чего трогательно у Ходасевича: «Мне грезится твоя страна, твоя страна, где все из ситца... И падают к ногам твоим горошинки да незабудки».

Нашел ее по глазам.

Радиоточка в коридоре пищит «старые песни о главном», загоняя жизнь в безысходность, в тупик. Девчонка хнычет и лезет к ней на колени. Разговор за столом – о трюмо. Получила его бартером, а когда затаскивали, разбили боковое зеркало. Так расстроилась! Распаковывать не стала. Все спрашивает: если вернет, заменят или нет?

Улучив момент, запустил руку в обесцвеченную перекисью шевелюру и тут же отдернул. Напряглась, примолкла.

– Что это у тебя на голове?

– Жировики.

– Так надо ж к хирургу...

– Да они сами лопаются, – отмахнулась. На это он не знал, что сказать. Вот и я не знаю, как передать то, что он почувствовал?

.....

Как-то по-особенному увиделись дымящиеся с конца войны трубы.

И раздразненные красивые женщины уходили, несолоно хлебавши.

А одна из солоно хлебавших залезла искупаться,

расслабилась: «Чей-то у тебя такая ванна перекосолобленная?» Сразу же захотелось закукарекать!

...сама как-то говорила: чтобы боль прошла, надо мысленно войти в нее, в самую глубину, раствориться в ней, самому стать болью.

Эмоции и страсти разложить разумом, когда уже начнется безумие. А иначе – ну никак...

Самое обидное: «Ну вот видишь, тебе уже хорошо!» Пока еще не совсем...

Спросил, можно ли еще звонить? «Звони, но только без истерик». А в конце разговора все равно брякнул: «Любимая...» Потом до конца дня обмусоливал сказанное. Какой недогадливый, надо было: «Самая родная...» Тогда, глядишь, поняла бы, как неуместен разрыв!

– Мой самый родной – муж, который был до тебя, у меня от него дети...

Что с ней стало? Ведь так утверждала главенство духовной связи.

Дон Хуан у Кастанеды предостерегает от бесплодных мыслей, потому что человек окружает себя ими, как частоколом, и не видит реальный мир. Становится, как бы робинзоном. Но как их прогнать, если они так греют?.. Частокол-то, получается, – из бананов...

И еще дон Хуан утверждал, что нет победы, нет поражения: что то, что это. Есть только жизнь, и она полна до краев.

Он прав, дон Хуан. Но почему жизнь так настойчиво подводит нас к выбору между черным и белым, между «да» и «нет»? У Евтушенко: «Мои нервы натянуты, как провода, между городом Нет и городом Да».

В каждой секунде я умираю от пункта Желаю до Исполняю...

Он изживал в себе ее образ, свою беспомощную любовь.

Перед смертью, уже не вставая, дед хватался рукой за край столешницы и начинал отжимать стол – вверх, вниз... На нем стопкой лежали книги, по-прежнему стояли лампа и переживший бабушку лаковый шелушивый ридикюль с какими-то документами, и не было им дела до него, они раскачивались и скользили по вытертому сукну.

Умирая, человек страдает не из-за того, что он теряет, а, скорее, из-за того, что он не отдал.

В нем трепещет целая вселенная нерастраченной и заблудившейся нежности, сравнимая лишь с потенциалом человеческого ума, который, как известно, используется весьма незначительно. На этом построил свои размышления один философ, запальчиво утверждавший, что «спать нельзя». Но все спят, спали и ученики Христа, будущие апостолы, спали при каждом удобном случае. Даже когда Христос испытывал не то, чтобы сомнения, а прямо-таки животную смуту. Чем он ее преодолел? Рассудком? Чувством? Верой? Состраданием? Это самое трагичное во всем Евангелии место. Гефсиманские страсти не слышны. Их нелепо пытался изобразить Гоген, рисуя свой горбоносый профиль среди мокрой зелени...

Вот яблоко на столе. Целое. И рядышком – нож. Половинки в яблоке.

Давно занимает меня этот натюрморт. Уберешь острие и не будет в нем половинок. Не будет единства и любви. Они есть, пока нож спокоен, неподвижен и напоминает о себе лишь тем, что присутствует. Как закон, который нельзя переступить.

Кто-то назвал это бесконечно расходящимся и творящим единством.

Что же оно созидает, кроме боли?..

Карты говорили: если тебя любят – тьфу! Это ничего не значит. Надо, чтобы ты сам любил, это важнее... Во все века так. Что же они, карты, недоговаривали?

Ходил туда-сюда. И не замечал, что скуластые листья какого-то растения в кадке недоуменно и сочувственно поворачивались вслед за ним.

Нежность – инструмент любви. Ему казалось, что именно нежностью Христос пробил стеклянную оболочку, разделяющую людей. Когда любишь – не грешно и не глупо заблуждаться.

4.

...и в этот пролом хлынули вслед за апостолами целые народы. Им уже и умирать-то не надо в таких же муках, все сделал за них распятый. Он пробил ее, вошел в пролом и вернулся назад. Но на то он и Самый совершенный. Простой человек на такое не способен. После Христа, в принципе, должны были бы прекратиться все войны... Но в пролом-то пошли и пророки, и другие просто человеки, и потянули вслед за собой весь каинов скарб нравов, обычаев и страстей. И усмирение Медины, и крестовые походы здесь же, и Афганистан... Поскольку в подсознании война, это – тоже одно из проявлений любви и нежности. Я люблю тебя, следовательно, ты должна принадлежать мне, и я имею право тебя изнасиловать. Наиболее резко это проявилось в мусульманстве, с его мужским началом. Возле пролома возник особый чиновничий аппарат, который отпускает и пропускает... Все окультурилось, наступила эпоха классицизма, то бишь омертвления веры. Не дай бог, если приклонишься в молитве Господу перед камнем или деревом, а то вдруг перед абстрактной картиной... О самом проломе забыто. Он

– мнимый. Но все же заявленный Христом. Указанный и проделанный им.

О том, что, умирая, мы больше всего сожалеем о своей нерастраченной и заблудившейся нежности, которая и есть сердцевина любви, помогающая нам воссоединиться в яблоке, а вовсе не об изжоге жизни, удивительно сказал Афанасий Фет:

Не жизни жаль с томительным дыханьем!
Что жизнь и смерть? А жаль того огня,
Что просиял над целым мирозданьем
И в ночь идет, и плачет, уходя!

А ведь еще томят знания, опыт, стремление соучаствовать в делах?.. Но в том своем состоянии он видел одну нежность. До чего же был невнимательным, эгоистичным!..

Дворником: отбросить снег – вон до ту-уда и там только перекурить. Ради нее...

В спортзале: «Отжать на одном дыхании штангу двадцать раз – ради нее!» Очередная иллюзия: будто тем самым снова вернет ее. До чего просто. Вот и готово. Еще подход. И так постоянно. Взять больший вес уже не в состоянии. А если бы не ставил зароки, наверное, смог бы!.. Она и здесь мешала. И все-таки именно спортзал спас: в сознании хаос, а тело наливалось смыслом. Этот животный смысл и поддерживал. Однажды после тренировки и сауны вышел на мороз: сверкают пунктиром редкие малюсенькие снежинки, какого-то необыкновенного цвета небо, подсвеченное разноцветной рекламой. И вслух вырвалось: «Благодать!» А увидел-то – себя самого.

Рассудительный брат Андрей:

– Чем больше женщину мы меньше и т. д. Пушкин! Тебе же не нравится навязчивость. Пора бы остановиться!..

– Ты безработный, тебе нужны деньги. Теперь и квартиры у тебя нет. Не надеешься же ты получить ее в порядке общей очереди. Поехали с нами на разборки. Выделим и тебе долю. Купишь со временем жилье, еще и на «мерседесе» будешь ездить. Но сначала я должен познакомить тебя со всеми: завтра собираемся на жмурню. Знаешь, что это такое?

– Какая-то разновидность игры в жмурки?

– Темнота! Это по-нашему похороны. Вора в законе убили. Убили в законе вора. Приходи. Я о тебе уже говорил и теперь представлю...

Просто ужас.

– Мне неудобно. Люди там, как бы это сказать?..

– Не твоего плана?

– М-да. А разборки – со стрельбой?

– Нет, до этого не доходит. Просто культурно беседуем. Доходчиво объясняем что к чему, убеждаем. У тебя язык хорошо подвешен, вообще, базар у тебя какой-то другой, не как у нас, поэтому ты нам очень нужен. Ведь встречаемся-то с деловыми, грамотными.

И христианство погибнет. Одно только останется – пробитое Христом стекло...

Однажды кому-то из своих представил: «Киллер». Вот и кличка появилась.

Недавно видел в Культурном центре три ее работы. Произошло то, чего боялся, что предсказывал – про себя. Приобретенные ею под руководством «учителя жизни» знания пошли в ущерб непосредственности, открытости, радости, доброте. Нет уже тех многочисленных, неизвестно откуда взявшихся рук, готовых в одном драгоценном порыве навсегда прижать к себе родимое-дорогое (у Кутилова: «Я держу тебя сотней рук...»), нет «Во саду ли, в огороде», но есть идиотское название – «Триада». Скоро, поди, начнет рисовать «Мыслеформу»!..

Конец 60-х. Почти середина того чертова века. Сашка просил показать его стихи Горбовскому. Но тот по нездоровью задержался в Белоруссии. Оставался Кушнер. Позвонил, а мне женский голос: «Да, да, это я, рад встретиться с поэтом из Сибири. (Попытался объяснить, что это не я поэт, что я здесь по случаю и привез стихи своего друга, но понял, что до голоса в трубке это не дошло.) Где вы? Ага... Приезжайте прямо сейчас ко мне, в Автово». А я-то думал, что Кушнер, которого мне тогда еще не доводилось читать, – мужчина. Дверь открыл маленький, кучерявый, курносый, глазастый и лобастый.

– Мне нужна Александра Семеновна Кушнер.

– А, понял! Это вы мне звонили – проходите...

Надо же так оконфузиться! Кушнер предложил какие-то фрукты, кажется сливы, заварил кофе и дал, пока он знакомится со стихами, полистать цветной фотоальбом.

– Вот здесь у вас очень хорошо: «Прозрачной каплей паучок по камню скатится...»

– Да нет же, это не у меня, это стихи моего друга, кемеровского поэта Александра Ибрагимова...

Кушнер недоверчиво смотрит на гостя сквозь очки:

– Да будет вам, понимаю: в столицу из провинции, но все-таки не надо выдавать себя за другого: так, чтобы со стихами своего друга, – не бывает! Я же вижу вас насквозь!.. – покачивает своей пушкинской рыжеватой головой.

Попросил Кушнера обратить внимание на «Реквием космонавтам». Но он отказался даже читать эту поэму: «Понимаете, друг поэта, – можно вас так на-

зывать, Саша? – И улыбается. – Не мои слова, но я с ними полностью согласен: кто пишет о космосе, тому вообще нечего сказать. Много проблем и на земле».

Содействия в издании, к сожалению, пообещать не мог: у него и самого-то в то время положение в Москве было ненамного лучше, чем у Саши в Кемерове. Хотя Кушнер уже имел книжки. Все разъяснилось при посещении мною издательств. Литконсультант то ли в «Неве», то ли в «Авроре» (стол, как рояль, посередь огромного зала), когда ему попалась строка «прозрачный, как подросток, холод», вдруг раздраженно выкрикнул: «Опять подростки! Вот и у Кушнера – то же самое... Бестелесность! Когда же мужество проявится? За этих подростков мы его били и бить будем!» «Господи, как грубо!» – подумал. Впрочем, тогда еще охотно печатались стихи и даже в виде венка сонетов, например, о драге и сопутствующих трудовых подвигах...

Когда прощались, Кушнер пожал руку и проникновенно сказал: «Стихи хорошие. Кое-чему даже завидую. Удачи вам, Саша!»

Из нецелованной еще юности. Утро, вот-вот проснусь. Будит нежный-нежный поцелуй в губы, смешавший сновидения и реальность. Так хорошо. И стыдно – открывая глаза, увидел, как из спальни выскочила сестра Вера.

Жизнь покрылась мозолями и коростами. Как давно мы не говорили друг другу простых и нежных слов, мы разучились их говорить.

В день, когда погибли три космонавта (Волков, Пацаев, Добровольский), кактус, стоявший у него на окне, впервые выпустил три огромных белых цветка...

«У Кушнера тире победа тчк». Сашка на голове ходил по Кемерову.

И еще разок, спустя несколько лет, пытался протолкнуть Сашкины стихи – в Москве. С интересом прочитала всю рукопись Роднянская в «Новом мире», но тоже ничего не могла с ними поделать... Их совсем не восприняли в «Нашем современнике». Ко мне отнеслись надменно. Поэт Волобуев, бывший там литконсультантом: «Ну это же неграмотно – «Грудь в медалях, нараспашку...» Как грудь может быть нараспашку? К тому же и война давно закончилась, а он такого Пашку-черепашку откопал, на подшипниках? А это: «...во сне я увидел Белый дом на Красной площади...» Вот загнул!» Вошел с жиденькой чернышевской бородой известный сейчас критик. Повертел в руках подборку, как-то сбоку глянул на стихи и отбросил в сторону. Понял: он здесь главный. Удрученный, расстроенный, выхожу на свежий воздух. И прямо под окнами кабинета, в котором мы разговаривали, мне наперерез месит по тротуару талую грязь безногий на платформочке: «кулаки, как утюги».

Ко мне тоже придирались, к строчкам: «Когда поднялись в рост окопы, вздымая жизнь на острие...» (такое же непонимание метафоры), «Разметались во сне дочурки...» – до чурки?

Попался бы им Михаил Юрьевич: «С винцом в груди лежал недвижим я...»?!

Одинокая и невзрачная журналистка Ц. с восторгом: «Секретарь парткома обозвал меня, знаешь как? Проституткой!..» Вот-вот закричит: «Ура!»

Травмировало, когда услышал: «Это та ненормальная, что вертит авторучкой и воображает себя художницей? У нее же психография!» Ну и что? Зато, по крайней мере, у нее нет симметрии в понимании красоты!.. Ее ведет чувство.

Так что же теперь – одна штанина должна быть короткая, а другая длинная?! А при чем здесь штаны?

– Я тебе верну ее... – И он верил этому жесткому, безжалостному, каменному уму. Сквозь который, казалось, ни одна капля человеческого не просочится. Неужели это и была та самая паутинка, сверкавшая за краем крыши?..

– Зачем пью? Да, пора бы уж взяться за ум!.. Но я знаю только три способа останавливать время, как рыба в воде, зверь в лесу, птица в небе. Это – вино, секс и творчество.

– Я знаю еще один, четвертый...

В одной из его квартир, где ни пылинки, на редкость уютно и тихо, неестественными казались распятия, старательно, как татуировки, выведенные авторучкой над дверными косяками, и большой острый топор под кроватью. Он звякнул ногтем по лезвию, криво заулыбался, буравя гостя взглядом, и – с растяжкой замаха: «Исполнительный». Название топора?.. Или его предназначение?.. Наверное, и то, и другое. В одном, так сказать, лице.

Что это? Предупреждение?.. За что?.. На будущее?.. Впрочем, он любил прихвастнуть. В его джентльменском наборе были также «бульдог» кустарного производства, резиновый фаллоимитатор – копия члена какого-то американского порноактера – и пилюли, приготовленные из корней дерева иохимбе, которые заглатывал сразу по три, после чего глаза его становились похожими на слюдяные пластинки. Он пропускал через свой диван девиц, которые искали работу. И многим помог устроиться. Подмену, говорит, никто не заметил. Однажды пожаловался: ждал

биксу, позвонили, а когда открыл, ввалились два мента и молча, без объяснений, набили морду.

Мне показалось, что у Ричарда Третьего в одноименном фильме по мере его старения и появления новых жен все больше становился гульфик. Замечено, что смешное всегда копошится где-то рядом с кровью и топорами, тут вот – надежно спрятано в гульфике...

– Ну и познакомил бы меня с какой-то!..

– И познакомлю.

Сделка. Он вступает с ней в контакт. Что тело?!. Одежда. Включенная кинокамера будет лежать вот здесь, около телевизора... Потом каким-то образом эта пленка попадает к ее «другу и учителю». Между ними пробегает черная кошка. Они расстаются. Она снова ищет выставленного вон мужа. Он сам предложил этот план, а тот, будучи на пределе, согласился.

На сдачу требуется малость: должен встретиться с одним типом и, представившись главным инженером, только и сказать: «Все нормально. Особняки строятся. Можете не бояться – деньги ваши не пропадут».

– А где его деньги?

– Он дал их мне, чтобы я передал кому следует, а я (с трудом сдерживаемая ухмылка, восхищение собой) взял себе. Передавать-то было уже некому...

Откровенен, как со своими.

В автобусе – она: «Не встречайся с ним больше, он страшный, на все способен...» Откуда она знает? Ведь только по телефону с ним разговаривала...

Не удержался:

– Ты правда любишь его, этого своего идиота?

– Любишь.

Ах, это уклончивое «любишь»!.. Снегом за шиворот осыпало воспоминания!..

– Но я хотел поговорить с Толстобровым. Мы договаривались о встрече, через его секретаршу...

– Толстобров поручил мне держать связь с клиентами. Сейчас он в Новокузнецке. Решает срочные вопросы, связанные с вашими дачами...

– А что случилось?

– Да ничего особенного, проекты, обычная строительная рутина...

– Ну ладно, спасибо. Я вам верю. У вас хорошее лицо. И глаза. Вы меня успокоили. Приходите на новоселье. Кстати, когда оно будет, уже столько времени прошло?..

– Весной.

Доверительное рукопожатие маленького человека, который никогда больше не увидит ни своих миллионов, ни дачи. Потому что никакого Толстоброва с его строительной фирмой и секретаршей уже не существовало. Успели закрыться. Его беда потеряется в океане таких же бед.

Главного инженера тоже не увидит, хотя впоследствии еще несколько раз подъедет на ретивой своей «копеечке» к тому дому, где он якобы живет. Будет высматривать его часами. А если где-то еще столкнет их судьба, то не узнает, так как тому пришлось расстаться со своей бородой.

Докучливый опекун, полностью обеленный, только разведет руками: ну кто же, мол, знал!.. Времена такие.

Господи, попал в сети ни за грош. Только из-за своей дурацкой любви. Теперь они могут вить веревочки.

Истончилась надежда – одежда моя...

– Чего ты боишься? И в милиции, и в прокуратуре – везде наши. Не говорю уж о зоне. Никто тебя там в обиду не даст.

Ну и утешение. Стоп! Дальше ни шагу...

Вспомнился один приятель – на стройке познакомились, вырос в деревне и до работы ужас какой хваткий. Он признался, что пошел бы с интересом и на зону, доведись такое, потому что человек должен все познать в жизни. Молодой да глупый! Мало ему наших пространств, где «и невозможное возможно». Нет, надо испытать себя, душу. Искусить Бога самым дьявольским способом, прежде чем поверить в него. Поверить ли?.. Впрочем, так, без паники, как что-то естественное, часто неизбежное в судьбе, воспринимают тюрьму очень многие в Сибири...

Представляю его драгоценного беспутного дядю или соседа, с их захватывающими рассказами об этой «перевернутой цивилизации».

Думал, не сумасшедшая ведь, а она оказалась такой дурындой, что приволоклась. И приняла предложенные им просто так сто рублей: очень тогда нуждалась. И с какой-то стати много рассказывала про неудачный брак и свои кувырканья. Нашла кому исповедываться! Нет, она изначально не любила, только вид делала. В постель, однако, не легла. Фильма не получилось. Ну и слава богу. Сам не знал отчего, но стало легче: и в кого уперся?

Греет его жиденькое ситцевое солнце над кроватью с пятью или шестью только теперь различимыми в перевернутый бинокль ломаными темными пятнами... И там баски!

Не меня бы, того Андрюху, готового отсидеть в тюрьме, словарем Ожегова – по балде!.. А лучше Далем. Стал бы умнее.

...подруга, подарившая ей триста долларов, на каждой из соток написав пожелание счастья, здоровья и денег: «Ты упустил ее в какой-то момент. Она же сделала от него... Так ты что, не знал? Это их сблизило!»

5.

То в первом, то в третьем лице... Но часто мы так себя и воспринимаем. Пусть так и будет. Как свет и тень... Хотя где свет и где тень – кто скажет?

Малевич своим «Черным квадратом» просто напомнил о существовании света. Видимо, это было актуально. (Блок: «Узнай, где свет, поймешь, где тьма...», Маяковский: «Светить всегда, светить везде...») И в некотором смысле поступил, как Прометей. Увиделись во всей обнаженности контрасты, углы... Любопытно, как содержание зависит от формы. Если бы Малевич провел лишь длинную черную линию, в которой этой краски многократно больше, чем в квадрате, у него бы не получилось такого символа. Нарисуй он круг – тоже было бы совсем другое, нечто безумное (если не ошибаюсь, была и такая попытка). Ибо тогда, по идее, надо круглую раму, круглый выставочный зал... Но как представить себя и мир без углов? Где и Слово еще не сказано. То есть ни количество краски, ни круг, ни линия (прямоугольник) не дают нам возможности увидеть природу света и момент истины: мол, с этого, господа товарищи, и давайте начинать. Круг – символ божественного не проявленного начала, а квадрат... подобен тому ножику.

Круглый дурак!.. Развод, де, по-философски – благо, поскольку впереди столько новизны? Где она это вычитала? Вот именно: разве что по-философски...

И снова в который уже раз: «Поехали на разборки». А однажды:

– Умеешь стрелять?

– Ну.

– Надо сделать один выстрел. – И в ответ на растерянный, изумленный взгляд:

– Только ранить. Есть тут компьютерщик. Глава фирмы. Слишком зарвался. А за ним должок. Сразу получишь двадцать тысяч (из добротной сибирской древесины). Согласен?..

– Нет. Конечно, нет. – Но в душе что-то испуганно заметалось: что же делать? Вдруг будет шантажировать? Той историей. Да ну, не станет. Ему самому не выгодно... Впервые пришла здравая мысль.

Обезьянка открыла шлюзы и весело наблюдала, как поднимается вода, которая ее же и смоет. А его уже захлестывало.

6.

Попытка черкануть в газете о радостно-лепестковых рисунках Шри Чинмоя, которые мельком увидел на заглянувшей в Культурный центр выставке, не увенчалась успехом. Редактор заявил на планерке под смех присутствовавших: «Не надо нам Аум Синрике». При чем здесь эта секта? Но смеялись многие от какого-то бессилия перед остроумием этого борца с терроризмом. Начальник все-таки, е-комбат! Над собой смеялись. Примерно так же бывает смешно, когда неожиданно больно ударишься обо что-то локтем или пальцем ноги.

Из детства. Мама: «Ух, ух! Какой нехороший!» – и била этот выступ...

Было, впрочем, и такое мнение: «Ну какой он к черту художник, если создает несколько десятков картин за один присест?»

...Считается, что нужно якобы умываться кровавым потом и тратить уйму времени. Вот Иванов писал «Явление Христа» двадцать лет. Но не зависит ли все от состояния души в тот или иной момент, от невидимых предшествующих усилий? И даже иногда не от них, а от свойственного некоторым чрезвычайно одаренным людям умения легко и быстро настроиться на нужную волну?

Легенда о Хокусае: макнул домашнего гуся в желтую краску и пустил по свитку – «Осенние листья плывут по реке».

Тратить уйму времени... А не оно ли у нас в прислужниках? Не мы ли ему платим?

Видел мельком, а потрясение – на всю жизнь. Как часто это случается. Как слово «мельком» похоже на женские губы, улыбку, лепесток цветка... И еще, пожалуй, на ОАО «Мелькорм», где мелят (молят?) пшеницу.

– Мне сейчас уже никак без любви!.. – все кривляется какой-то клоун.

Философский замечательный фильм о певце Фаринелли, которого кастрировал старший брат, – долго не мог уснуть, было пронзительное состояние.

Тяжелая пыль на асфальте, прошнурованная дождевыми червями. И вот снова капает...

Нищий подставил ладонь под дождь... Нищий под капли дождя – к черту!.. Как раз начался дождь, а нищий выставил свою ладонь!

Ночь. Сопли паутины на ветру за стеклом...

Передний верхний зуб уже от ветра качается и все-таки пока украшает рот. Два зуба перед тем сами вывалились, образовав ямки на губе. Случилось это как раз под ее окнами. Тут есть какая-то связь. Об этом говорили с одним знакомым, который пережил то же самое.

Иногда кажется: чем индивидуальнее, тем более схож со всеми... Скоро буду, как какой-нибудь Шура, олицетворением недоступной для большинства народа стоматологии.

Креков, еще молодой, веселый, чистит утром зубы перед зеркальцем:

– Чтобы были белыми, как редька!

Вот он и при параде: черный (не новый) бостоновый костюм, галстук-бабочка и хромовые сапоги, которые справил, никак, еще в армии (в другой обуви со Второй Заречной не выбраться, да и нет ее у него). Служил в стройбате. Там, говорит картавя, ему доводилось ночевать и на ребрянках (отопительные батареи).

Вдохновил:

И когда спали мы на ребрянках,
Снились нам перистые облака...

Кому тепло, а кому серебро...

Надо на всякий случай предупредить Валентина. У него компьютерный салон, и он только что выгнал одного не в меру крутого компаньона, наверняка связанного с криминалом.

При установке металлической двери Хохол (прозвище) лишился кончика мизинца. Приняв на грудь, очень просил тетю Женю достойно похоронить эту часть его тела. Мертвую плоть завернули в тряпочку и положили в спичечный коробок. Дядя Леша поставил «Реквием» Моцарта.

...и вот уже лучшие женщины, спускаясь с холма, в белых и, непременно, развевающихся одеяниях несут его, этот бессмысленный и жалкий комочек, отпрядыш, на воздетых руках и пронзительной высоте своей песни, несут, как самое дорогое. Хохол даже прослезился.

До чего же часто стал попадаться люд в мешковатой пятнистой форме!..

Михаэль Крамер в пьесе Гауптмана: «Чтобы написать человека в терновом венце – нужна вся жизнь!» Вот так.

Дорога не душа – плоть. В ней – наша уникальность. Душа на том свете, говорят, и запахов не чует.

Нюхаешь буханку на морозе – и в глазах теплеет!..

Гусиный зоб под подбородком, рябое пигментное пятно в межключичной впадине, которая открыта солнцу, ветру, морозу. Вот и я стал старым, вполне похожим на мужика. Куда же я рвусь, вечно недовольный собой, и до чего дожил?

Мужики натягивают трос, по которому ночью будет бегать Шорец (знаю, что будет только спать – Царь-пушкой не разбудишь!). Подхожу и я:

– Ну и что вы сделали? Надо не так, ведь этот зажим одновременно и отбойник для кольца...

Беру гаечные ключи и все переделываю. Так и остается. Мужики – мои ровесники, раньше работали на производстве. И мне оттого вдвойне приятно.

Приятно и оттого, что именно я вожу Шорца, а один бывший сварщик, армянин, уже три месяца в стрелках, а к собакам даже не приближается. У него, кроме зарплаты, пенсия, хоть он и помладше, у меня же только зарплата. Что ж, надо забыть про «белые перчатки» и добросовестно делать все, что ни скажут...

7.

Сюжет это – любовь. Но где же сюжет? А разве я не родился?!

...Шум и толчея возле билетных касс автовокзала. Он с пятилетней дочкой, которую держит за руку. Растерян: столько стоять в очереди! Ребенок похныкивает и тянет в сторону, где продают мороженое. Но тут происходит событие (если это можно назвать событием), которое заставляет его взять дочку на руки и не торопить время. Оглянувшись, он увидел, что на него смотрит девушка: она находилась довольно далеко, но почему-то именно он привлек ее внимание. Было в ее глазах нечто такое, что заставило его мгновенно забыть обо всем тягостном: ни слякотной сыромятной погоды, ни толпы...

Хорошо у прокопчанки Анастасии Куприк: «...о банальном свете чьих-то глаз». Но мне, старому, из банальности уже вряд ли выкарабкаться.

Обычная, но приятная внешность, нежное, с мягкими чертами лицо, примерно его возраста или чуть помладше (так неопределенно вспоминалась она спустя годы). Он выдержал взгляд и смущенно улыбнулся. И с того момента уже постоянно украдкой старался найти ее в толпе. А девушка искала его глаза. И снова то в одном, то в другом месте автовокзала происходила эта незримая встреча между двумя незнакомыми людьми, сопровождаемая приливами крови.

Время пролетело как-то вдруг, переполненное невольными улыбками, признаниями и объяснениями без слов. Он уже купил билет и, озираясь, направился с дочкой на посадку – девушки в тот момент нигде не было. «Я ей понравился!.. – мелькали мысли. – А ребенок?.. Ничего, полюбит!..» В душе пело! Он чувствовал, что именно сейчас, после потери жены, нашел друга и даже, возможно, больше... Что именно здесь и сейчас все решается. Но где же она, не померещилась ли ему?

– Так вот вы!.. Уже уезжаете? – услышал за спиной огорченный голос, когда почти совсем уже готовился садиться в автобус. И снова те же глаза, улыбка и румянец – уже рядом и тоже смущена! – Вот, возьми! – Девушка протянула ребенку яблоко – большое и сочное, с божьими коровками брызг на гладкой поверхности. – Бери. Как тебя звать?.. – Она снова взглянула на него, но как-то по-другому, будто упрекая за то, что они так бездарно вынуждены расстаться – так ему показалось. – Я его помыла сейчас под краном...

– Спасибо! Ничего страшного... – как-то неуклюже произнес он. – Я Владимир, а это Юля, – на большее ни воли, ни фантазии в тот момент не хватило. Да что там! В кармане уже лежал билет, и дочка устала...

– А я Надежда. Вот и познакомились. Как странно!.. – вздохнула. – А мне в другую сторону.

...Автобус мягко покачивался. Маленькая Юля, засыпая, все грызла яблоко. Он боялся, что она его уронит.

– Что, вкусно?.. Дай и мне попробовать, – осторожно, с какой-то завистью, попросил он. Взял из ее рук яблоко и откусил кусочек.

8.

...такие же, только голубовато-серые, уже видел раньше. Был парад – праздник Победы. Пьяный и мятый Бойка (так называла отца мать) вдруг пристроился сзади к марширующим солдатам, стал, как они, только смешно, выкидывать ноги и кричать: «Так держать, братья славяне!» Прошло столько лет, а война, на которую он попал в шестнадцать добровольцем и был тяжело ранен осколком в голову, все еще в нем скрежетала и ухала... Я оттаскивал отца за рукав, мне было стыдно. В тот момент и увидел вдалеке такие же понимающие, исполненные невероятной нежности глаза...

Как Гамсун со своей Илояли! Она реальна? Но даже если это не так, так что?..

Он, отец, провел рукой по крышке пианино и сказал, что играть не обучен, но может сделать лучше.

Разве вообще все слова людей – не о любви?

Он купил в аптеке четырнадцать флаконов «Шипра»: «Каждый мужчина должен иметь «Шипр». Он предлагал мне взять половину...

В автобусе, тыча пальцем в полную ничем перед ним не провинившуюся бабенку: «В Бухенвальд!» Все остолбенели. Женщина чуть не плакала, ее всю трясло, она испуганно уступила мне место, но я не сел, хотя он продолжал громогласно (может, чтобы оправдать свою выходку): «Садись, я волк, а ты волчонок, волк никогда не даст в обиду своих волчат...»

Он говорил: «Достаточно топнуть по земле ногой, чтобы соприкоснуться с космосом. А мне теперь и топать не надо».

Он говорил: «Воробьи интереснее голубей...» Что еще он говорил? Он так мало мне говорил.

У Юльки занял уже около трехсот... Сколько в ней достоинства! Как стала понимать меня! Горжусь. Недавно купила малолитражку «Шараду» с бортовым компьютером!..

Он сказал, что может убить.

«Убить ничего мне не стоит. Я такой человек».

И показал ладонь с короткими пальцами.

Долго разглядывал ее и сказал, что прозвали его Данилкой-мастером.

Какая грусть!..

Ореховый ноготь на большом, загнутый, как крючок...

И дальше: сколько я слушал, столько он молчал.

Родилась Юлька. Люба обещала показать ее из окна. Перед тем влезал на тополь, чтобы их увидеть. А когда рожала, то и у самого в животе свело. Торопился. Но на Весенней встретил его. Он очень просил, чтобы взял его с собой: все-таки его внучка. Я постеснялся: такой некрасивый, на скуле – липома. На этот раз даже не с похмела, но вид – как у помешанного. Он умолял, чтобы после встречи с женой я пришел сюда, к этой скамейке, ему надо сказать что-то очень важное. Я не пришел. А он ждал. И до сих пор, мне кажется, ждет. Вон она, та скамейка... Вернее, другая. Но та там же стояла.

Люба из окна показала дочку. Спеленутая туго, она походила на сачок для ловли бабочек – рот широко раскрыт.

Спустя какое-то время встретил его в центре. Не останавливаясь, он прошел мимо, лишь кивнув головой и полоснув взглядом. Больше мы не виделись. Мне так стыдно. Я понял: он меня вычеркнул... В том же году его ограбили (как раз получил расчет за оформление аптеки – резьба по дереву), проломив голову в подъезде деда.

Передо мной сфальшивили. Сообщили о его смерти лишь через два месяца. Поэтому не смог даже участвовать в похоронах. Значил ли он для меня что-то? До сих пор боюсь себе в этом признаться: значил.

Даже после смерти он казался кое-кому опасен.

Его шандарахнуло по голове еще и на фронте, а мне теперь копаться в своей черепушке, выковыривать из серого вещества посторонние предметы!..

Когда после свадьбы она взяла меня под руку, я подумал, что теперь так и придется ходить на четырех ногах.

Пожилые кемеровские художники, из знавших его, неплохо к нему относятся. Например, Зевакин, Бурцев и еще Иван Данилович... Иван Данилович до сих пор пользуется его инструментами. Мне это приятно. Он не был подонком и угодником... Много знал наизусть стихов, не расставался с пластинками Джильи, Ланци и Карузо, сам пел по-итальянски, пытался писать сонеты о войне, которая с ними не совместима, но его вела форма... Он был тем, что называется практик. В своей практике он не совмещал несовместимое, хотя в мыслях, возможно, и уходил за грань. Пора было сказать себе: «Я созрел». Но это было бы слишком дерзко. И он предпочел остаться в учениках у самого себя и великих мастеров. У него было прозвище Боря-засоси, поскольку, поднимая стакан, он обычно говорил: «Засосем!» Он издевался над самим собой?..

...мог делать на турнике «солнышко», привязавшись ремнями. Мог, пьяный, долго ходить на руках из комнаты в комнату, доказывая матери, что алкоголь на него не действует, а мать баррикадировалась, придвигая к двери шифоньеры, иногда для защиты от побоев приглашала ночевать подругу – при ней постесняется. Утверждал, что мог бы даже стоять вверх ногами лишь на двух указательных пальцах. Наверное, он мог бы выступать в цирке. Однажды этими руками душил ее, прижав к стене. Не в тот ли момент я и сломался – уже непоправимо.

...в детский сад меня передавали горизонтально: истошно орал и цеплялся за материну одежду, в то время как воспитатели тащили за ноги.

9.

...примерно так же, по воздуху, однажды выносили двух женщин, отоварившихся водкой, после многочасового стояния в напиравшей толпе. Бабы, совсем обалдевшие, не обращали внимания на мелькание своих трусиков, они неудержимо хохотали, прижав к себе бутылки. Мужики, что похамоватее, плечами пробивали путь в оба конца очереди. Это было время, когда водку называли валютой. За пару бутылок можно было купить, например, самосвал навоза на огород. Все же к каким унижениям приводили запреты жить хорошо, регламент, пустые прилавки, как это провоцировало подлые поступки! Только у таких людей, как Креков, «бедность (гордо, утешительно) граничила с Богом».

Скромно прилобунился: не надо Царства Божьего (куда ему-то прямой путь), дайте посидеть на нейтральной полосе!

Креков: «Ты понимаешь ли, что такое русское пространство, оно у меня в стихах?» – «Нет.» – «Значит, не понимаешь... У меня такая сила, что я могу написать хоть про трусы. И это будут Трусы!» – «Ошибаешься. Это будет судьба». Потом он и правда написал о трусах своей подруги, они брусничного цвета...

Не о времени – о пространстве, да с такой болью!..

Не о том ли, где от нечего делать решили поразмяться русские богатыри? И вот бьются все яростнее друг с другом в чистом полюшке. Забыта игра. Расчерчивают, делят пространство мечами и конскими копытами. С одной стороны Илья Муромец, а с другой – Алеша Попович и Добрыня Никитич. Само собой, у супротивников – по войску. В связке Алеши с Добрыней известные воины, в частности, все те, чьи имена на «слав». И с Ильей в одной стенке столько славных имен. Но все меньше богатырей почему-то в первой дружине – перебегают к именитому Илье, не понимая, что все с предательства и начинается. Пусть даже мнимого, шутейного. Не понимая, что виртуальная действительность – тоже правда.

Кто же их подбивает, подзуживает к тому? Кому выгодно, чтобы таяло под ногами их общее русское пространство? Уже Осип, Давыдко, Яков, Борис, Лев, Леонид, Семен, Михаил, Марко переметнулись, Андрей, Иван и Мстислав колеблются... Руслан плюнул на все да и вовсе выбыл, сузившись до удельщины. Мол, хоть с краю хата, зато моя. Раньше всей землей владел от моря до моря, а теперь лишь приусадебным участком. А кто-то в тылу объявил себя новым русским и прибирает к рукам чужую славу. Никому не нужное делит. Ох вы, гой еси, богатыри русские! Опомнитесь. Вы же в порошок стерли стольких супостатов. Нет вам равных! Что ж теперь-то сами с собой вытворяете!? Зачем в отчих, издавна нашенских именах вражье ищете? Вот сели за стол, пьют из одной бутылки-братины во здравие кузбасской поэзии и земли Русской и – тошно видеть! – бросают друг на друга косые взгляды: а ты, мол, с кем? Да как тебя по батюшке? А как своего ребенка назвал? Да кто у тебя жена?..

Да не в нас ли самих это пространство?

Как она светится! Не прикасаясь, провел рукой вдоль спины:

– Сегодня на тебе черные трусики.

– А откуда ты знаешь?

Уже во втором классе чувствовал себя отщепенцем.

...в первый же день сбежал домой из пионерского лагеря в Бору, искали двое суток и наказали. Еще и за порно. За единственное тогда – сортирное. И читать толком не умел, а слегка раздвинутая, наподобие женских ног, буква «Ж» манила, как «Добро пожаловать!». Сам, правда, глазки не делал. И это, наверное, недостаток. А каково живется тем, кто проковыривал?

...чуть не ударил учителку, когда в третьем классе вызвали после уроков к доске – вызывали периодически всех, теперь была его очередь – и начали обсуждать, что же плохого натворил за неделю. Девчонки наябедничали: матерился. Когда? – не мог вспомнить. Что за несправедливость! Классная отчитывать, а он: «Сейчас харю разукрашу!» – сжал кулачки и двинулся на нее, она рванула ворот кофточки, прямо впала в истерику: «Ну бей, бей!» «И заелоблю!» – замахнулся, нечаянно наступив ногой на отлетевшую пуговку. Такого она не ожидала. В школу вернулся только дня через три – мать-учительница за него извинялась. Перевели в параллельный...

Видимо, в нем пробуждалась некая муха достоинства. Персональные разборы после этого случая были прекращены.

А у Володи Ширяева трагедия: «Разбирали, разбирали, а собрать забыли...»

...бежал с раскрытым ртом и нечаянно проглотил муху, думал, что умру. Но мне сказали: «Беги, мальчик, домой, попей квасу, и все пройдет».

...до сих пор тяга к учительнице немецкого Алле Александровне. Такая молодая и красивая, и вдруг у них – в деревне. Он показывал ей в мартовском лесу, как ловят проволочной петелькой бурундуков. Она улыбалась и заигрывала: «Когда вырастешь большой, возьми меня в жены. Я буду хорошей женой, буду любить тебя...»

Сейчас, вспоминая домашние скандалы и свои бегства: что искал? Защиты для себя или пытался инстинктивно своими задиристыми ручонками защитить мать, не оставить ее в одиночестве?

На берегу кто-то – ухаживать за матерью, а у нее нос заклеен бумажкой – чтобы не обгорел. Мне так стыдно. Ибо перед глазами калеки и сифилитики, которых столько на Руднике. Они торговали петушками и семечками. У некоторых вместо носов – заплатки.

Его представили к Герою за прорыв на Фастов (именно он на своей полуторке нашел в болотах никому неизвестную дорогу) и за спасение жизни командира дивизии, когда ту бросили в разведку боем, – ему пришлось стрелять из автомата прямо через лобовое стекло. Он утверждал, что убил сто двадцать пять человек. Как разведчик. Финкой с никелированной ручкой, которую прислал ему отец. И тут же после этих воспоминаний начинал каяться. Плакать. Дескать, был тогда слишком молодой, семнадцатилетний, еще ничего не понимал... Они жгли его память, как угли, до самой смерти. Как он их убил, во время рукопашного боя или пленных, безоружных, как ненужных свидетелей разведывательного рейда? Или из мести? Наверное, так и думать мне об этом всю жизнь. Но после всех этих подвигов его приговорили к расстрелу за мародерство. Героя так и не дали, но оставили в живых: тот командир дивизии заступился...

Слышал, что эта награда якобы до сих пор его рыщет-свищет.

Мародерство было липовое. Какой-то солдат тащил два ведра меда, узнав, где тот его раздобыл, он сходил туда и нарезал бидончик сот. Машина стояла как раз напротив штаба дивизии, и именно на него показали хозяева пасеки. Дивизия только что была снята с самообеспечения...

Почему я вижу даже ту погоду, завязшие и сброшенные в кювет машины, бомбежку?.. И тех взвинченных до осоловелости щеглов из особого отдела, которые выволакивали из кабин и тут же отстреливали водителей, стопоривших напор колонны?

Воспитывать, переделывать взрослого человека – не бессмысленно ли? Не оскорбительно ли для него? Вот сломать его можно или заставить замкнуться... Кстати, об этом – весь «Санин» М. Арцыбашева. Доколе же еще будет царить у «слуг народа» недоверие к русскому мужику!.. На этом недоверии возрос и процветает целый слой чиновничества, который видит свою сверхзадачу в том, чтобы мешать, маять, ограничивать, одергивать. Сашка: «Смотрят на мир, как из амбразуры...»

В середине 80-х удалось напечатать в «Комсомольце Кузбасса» крековскую поэму «Данилкино утро» (Креков, в отличие, например, от Куралова, не может виртуозно и лихо закручивать сюжет, все его поэмы только лирические холсты) в отсутствие редактора, который находился в командировке (кажется, по случаю запоя). Но в обкоме КПСС ему по возвращении все равно влепили выговор.

– Знаешь, к чему придрались?

– Догадываюсь. Сейчас все ЛИТО на ушах стоит: «Ткань в полоску на матрац, продавец, отмеряй-ка, чтобы снилась и у нас по ночам Америка!»

– Ан нет. Оказывается, из-за соперничества с комсомолом. Из-за строчек: «Девчонки-комсомолочки ребятам гладят челочки. А девушки партейные ходят беспарнейные».

Сейчас только дошло: ведь было тайное соперничество. Из-за благ и привилегий.

...пьяный, шел к своим родителям. Поднимаясь на этаж, страшно шумел, мочился на двери всех евреев.

Он не признавал ни заслуг, ни званий, ни чинов, ругань его, как вспугнутая летучая мышь, металась в каменном провале. Он долго колотился в дверь. Родители не пускали. Он обзывал их фашистами, выходил на свежий воздух, поправлял свой клетчатый шарфик, сплевывал и шел куда-то, совсем не качаясь...

За то ли все это, что ему приписали годы, отправляя на фронт? Дед (бывший ЧОНовец, рабфаковец, один из соратников знаменитого металлурга Бардина, в скором времени – большой областной начальник) очень боялся репрессий, а так – сын-красноармеец!

А ему бы краснодеревцем...

Он имел обыкновение тушить сигареты на руке. Выше кисти левая – сплошь в пятнах от ожогов до самого локтя. Однажды и я попробовал это сделать...

Его поэма «Буковый лес», где он выразил свою ненависть к нацизму (несмотря на предвзятое отношение к евреям), размером на триста с чем-то страниц, была напечатана на машинке. На машинке? Он подделал свой почерк под машинку. Машинок тогда на руках и в помине не было... Я-то свою «Москву» с большим трудом выписал с московской базы посылторга, шрифт ее был взят на учет.

Расписываясь, он одним росчерком рисовал голубку, которую терзает сокол... И плевать ему было, что о нем подумают!

Оказывается, есть такой дворянский герб. Принадлежит роду наших однофамильцев, выходцев из Сербии. Мы из Владимирской области, дед наполовину поляк – по матери...

В метро у старенького рюкзака, который набил гостинцами для детей (фрукты, конфеты), колбасой (как довезти, не испортилась бы!), оторвалась лямка. Замешкался у турникета. И устами какой-то заразы огрызнулась столица, обозвав мешочником. За плечами уже был старинный по сибирским меркам Минусинск, а родился в Томске, давнем оплоте областничества... Но с таким запозданием расставаться с иллюзиями дитяти, о которых хорошо сказал Крек: «Я по лицу, чтоб мать не знала, размазывал «Московский» крем...»

...позвал переночевать с ним в Плешках, у Чен Ду Сю, так как боялся ее сына, который грозился его зарезать. Мне постелили на столе посреди комнаты. Забираясь в постель к своей новой подруге Дусе, которую называл так необычно, он тихо, непрерывно и беззлобно матерился.

Потерял тот экзотичный и единственный экземпляр его поэмы. Дал почитать своему институтскому товарищу, уж очень он просил, и больше ее не видел...

А вычеркивают-то не впервые! Пора привыкнуть. Однажды в детстве запретили произносить свою фамилию... Сейчас понимаю: сгоряча! Даже запугали этим родством. Но как ученик, прилежно вспоминал ее на тетрадках: Абракадабров.

Украдкой бегал к деду, где мне выделили комнату. Но боялся стать обузой. Кто я им? На незапертом чердаке, прямо над их квартирой, соорудил себе насест из досок. Там при свете слухового окна и проводил часы над учебниками и конспектами. Дед как-то услышал шум, поднялся на чердак: «Кто тут?» Никого. Тишина...

Света: «Зачем ей такой муж? Ничего не делает. Отдежурит сутки да спит трое». Преувеличивает, конечно!..

Памятка: сегодня...

Но в душе: господи, в чем я еще не разобрался, что не разложил на простые имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, деепричастия?..

Еще раз повторить все с самого начала силенок уже не хватит. Разучился оправдываться или устал. А когда-то: «Может быть, упаду на колени со смешным монологом восемнадцатого столетия».

Во все времена чувства и страсти вели человека. Не идеи, а выбоины под ногами казались насущнее. Как своя рубашка – телу. «Гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем...»

Еще более потрясает Арсений Тарковский: «и тридевятое царство – пятна и трещины в краске».

...блики, отсветы, отражения, миражи, слухи и относительная правда, в которую верим не больше, чем во все остальное. Что ж... и такая соломинка – бревно! Блики нас формируют, становятся теми клеточками, из которых складываются бытие, судьба. Блики на воде, импрессионистическая птица без крыльев в полете, слепки прочитанных книг, приснившийся змей о трех хвостах (почему не о головах?), загорелая девочка Лиза со штрихкодом на лодыжке, праправнучка моих дедов Афанасия Ивановича и Владимира Афанасьевича, подобные землетрясению блики в душе и в уме. «Я хотел бы блеск на стеклах сохранить от волн забвенья...»

Даже Чечню подобная обыденность превращает в миф.

А давно ли камнепадом: «Егор, ты не прав!» Даже значок с такой надписью продавался. И всю страну трясло из-за того, что Егор не прав. И хоть снова – на дуэли... Заколебался Горбачев – и в знак протеста некто Ж., активист ДС, в далеком от Москвы сибирском Кемерове бросился вниз с тридцатиметровой отметки «Азота». Как глупо! Не вспомнил бы, да играл с ним пару раз в теннис...

Слышал, что на могиле моего любимого Галчинского и выбиты эти стихи: «Сохранить от волн забвенья». И еще сохранить эту трещину на стекле вышки, ныряющую пингвином...

10.

Вот, на мой взгляд, правдоподобная версия происхождения адамова яблока.

Итак, Ева протянула Адаму круглое, большое, зеленое и сочное...

По правде говоря, она хотела угостить этим Змея, который никак не мог одолеть голую часть ствола. Он жадно смотрел на плоды, пуская слюни, то и дело соскальзывая вниз, путаясь под ногами. Вот и тогда, считают некоторые исследователи, например, Пшибышевский (см. его основательный труд «Дьявольский шабаш»), его медная головенка каким-то образом оказалась меж ног Адама.

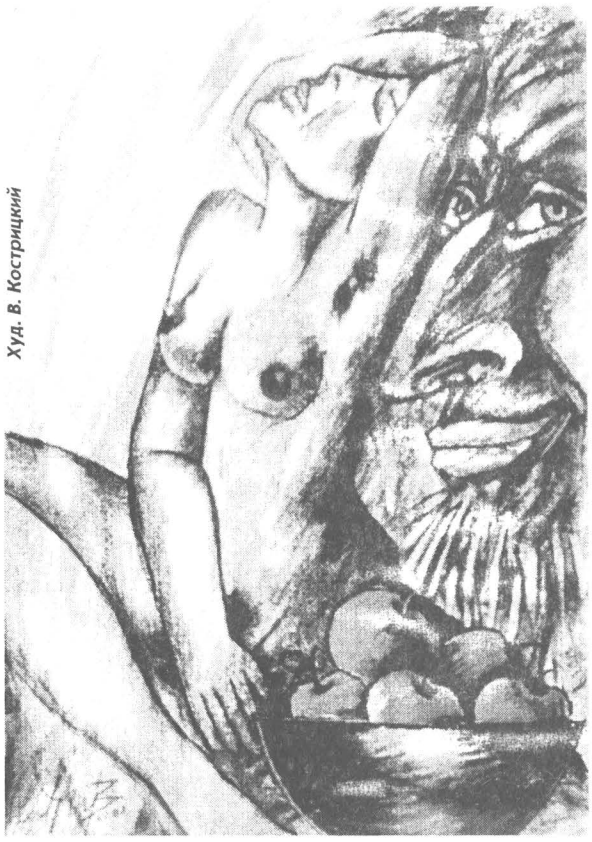
Адам вкусил от плода – это известно и... поперхнулся, как молнией пораженный: сладость ли подействовала или проявленное к нему внимание, а скорее, уже то, что он взял яблоко (предназначенное для Змея), нарушив завет.

Так даже запах алкоголя может действовать на детей и животных, на первобытные народы. К тому же и сама женщина была из облагороженного – вторичного материала, из его, Адама, ребра, и потому вовсе недурна собой, что мгновенно прозревший Адам сразу понял и оценил.

Неожиданно закашлявшись, он тут же вернул райский плод Еве, а тот небольшой первый кусочек, так и застрял у него в горле. В виде кадыка. И с тех пор олицетворяет данное человеку искушение правом выбора, а также сам его поступок, роковым образом предопределивший будущее.

Именно потому доныне мужчина обитает как бы в двух сферах одновременно – ходит по земле и витает в облаках. Ева же, которая доела яблоко, – вся земная. Она и сейчас их жует с не меньшим удовольствием, а Адам только надкусывает...

До чего же то робок, то отчаян по-разбойничьи в этой жизни Адам (человек), порой сам не знает, что ему надо, но до чего нравоучительна, рассудительна и

Худ. В. Кострицкий

по-мужски решительна (иногда и жестока) его подруга! Как она держит форму! Она сосуд, который не дает содержимому – ее, ее содержимому! – растечься, подобно времени на картине Сальвадора Дали... Она вне времени, поскольку сиюминутна. По-своему она подает мужской половине человечества пример своим обликом и поведением, наивно полагая, что эти ее качества перейдут к Адаму. Она верит в силу перевоспитания, творит указки, грубит – и часто отнюдь не переживает, ее защита – внешняя слабость, но вся Земля на ее стороне, потому что неоспорима среди людей и неподвластна даже Богу Сладость запретного плода.

Недаром говорят, что на самом деле она – мужчина, а он – женщина. И только ночью мир снова становится с головы на ноги.

11.

Чайка-черноголовка.

Дядю Лешу на Севере, в Певеке, как-то спасла от верной гибели песня «Чайка, белокрылая чайка...», он рассказывал, как она в нем зазвучала... А оказалось, что это был проигрыватель в поселке, куда он вскоре пришел, частично обмороженный.

В ворота радуги – и дымы, и тучи...

С разрешения начкара отправился за водой для чая.

– Ты почему оставил пост? – с одной из вышек. Явно от нечего делать...

– Иван, тебя что назначили помначкара? Сиди в своей будке и кукарекай через каждые два часа. А то узнаешь, что такое патроны «БАМ» со слезоточивым газом.

Но лицо у меня слишком свирепое для шуток – понял потом, взглянув на себя в зеркало. Меня можно и не понять. С годами оно становится все более свирепым. «И так ты хорошо похож на не посаженного зэка» (Бахаев с подачи Махалова). Зато, видимо, охранник что надо!..

Секрет китайского бронзового зеркала. Если при гадании оно нагревается лучом солнца, то написанное у него с тыльной стороны вдруг проступает на лицевой.

Есть хорошие, есть плохие зеркала, и тут нет никакой связи с волшебными китайскими или с магией. Хорошее зеркало может стать плохим, а плохое – хорошим. Достаточно его перевесить с места на место. Выбираешь любимую, глядя на себя в зеркало. Она должна быть похожа на отражение, но только без того, что воспринимается тобой как недостаток, чаще же наделена противоположным качеством...

Замечено, что человеческая внешность настолько текуча, то есть так зависит от психики, что постепенно муж и жена и впрямь становятся похожими друг на друга...

Он увидел себя в ней, как в зеркале. Потому что она стала не такой, какой была раньше, в ней появилась раздражительность, она не принимала его отражение, его недостатки исказили и ее.

Первое чтение стихов непременно перед зеркалом, которое имеет особенность раздваивать человека, слабые места сразу становятся видны.

Зеркало это – откровенность. Ее так не хватает в мире. Чувствуете ли вы это? Но следует учесть, что отражение всегда малость не похоже на нас. Мы, например, не можем увидеть движение своих глаз. Однако тем оно и интересно. Тут та же взаимосвязь: сцена – жизнь. Хотя неистребимо мнение, что и жизнь – сцена.

На плохое зеркало неча пенять?.. Но заболеть от него, точно, можно.

Ну кто я такой? Всего лишь сказка, чья-то выдумка о жизни...

И все же эти заметки в некотором роде – эксперимент, попытка поставить перед собой зеркало. Здесь то, что промелькнуло, пронеслось в сознании по неведомому мне плану и траектории за последние несколько – дней?.. недель?.. В который раз пронеслось. А сколько дней, недель, лет прожито! И сколько всего промелькнуло!.. Да нет, не промелькнуло – постоянно зудит, жужжит, надоедает. Никак не желает признавать времен года... Как осенняя муха. Или как осколок в голове отца. И потому это в некотором роде – рентгеновский снимок.

Но почему здесь именно это, ведь вполне могло быть и другое?

12.

Хотелось быть постарше, и перед девчонками втягивал в себя щеки.

...до сих пор как подросток. Хочу определится и заблуждаюсь, иногда пыжусь и умничаю. А потом кажусь себе полным невеждой и ничтожеством. Склонен впадать в сентиментальность и драматизировать ситуацию. Вечная депрессия. Часто путаю себя с другими людьми и книжными героями, соответственно, поступаю, как могли бы поступить они, а не я сам. Совсем не знаю, где начинаюсь и где кончаюсь. Плюс и минус во мне не имеют постоянной привязки, они то и дело меняются местами.

Особенно же меня угнетает эта прерывистость, пестрота, фрагментарность!.. Но что-то за всем этим должно же стоять! Как увидеть?

Дескать, простите за пошлость, я и по жизни, увы, такой отвратный! – улыбка «милого друга» и можно вновь в том же духе...

Сальвадор Дали, видимо, терпеть не мог дискретности, дробности. Цельность он нашел во времени, которое все обволакивает и пронизывает. Материя – лишь иллюзорные островки в нем, постоянно меняющие свои очертания...

Его знаменитая картина с расплывшимися часами («Растекшееся время») – апофеоз этой цельности, хотя немного комична. Бравада мастера?.. Или осознание невозможности найти образный аналог?

Случай на Сергеевском полигоне, где выполняли дембельский наряд. Некий чужой подполковник придрался из-за чего-то к нашему сержанту и скомандовал: «К бою!» Надо было тут же лечь. Но под ногами у изобразившего струнку воина – грязная лужа. Тот попробовал было отойти в сторону. «Нет, здесь! В лужу!» – и что за гнусные твари есть в армии! Сержант наотрез отказался. Смог бы я так поступить?

«Я тебя сгною на гауптической вахте!» (Вот как она называется!) Любят же иные служаки, у которых за душой ничего, пыжиться, как боятся сами ударить в грязь лицом!..

Во время атаки Н. И., моему отчиму, довелось перешагнуть через одного такого, попортившего много крови, уже убитого. Так хотел сам его шлепнуть...

Обкурившийся анашой старшина и без того похожий на макаку, куражась, строил нас на цэпэ (центральный проход), целился то в одного, то в другого из автомата, неестественно, как Маугли, смеялся. Кто-то бегал от него по казарме. Но в целом реакции страха, на которую он рассчитывал, не было. Всем надоел уже этот дурак. В конце концов он сам нечаянно прострелил себе ляжку. Не повезло. Но именно такие исчадия в равнодушной, задерганной и грубой стране частенько становятся лидерами, делают карьеры...

Каковы контрасты. На одной чаше весов грубость, на другой, ей супротив, – нежность, среднего нам не дано. Иногда думаю: сколько нежности и тоски принесли с собой фронтовики. Вряд ли потом любили женщин так, как они! И вместе с тем сколько они внесли в нашу жизнь примитивной определенности и грубости.

На одной чаше у нас – правдолюбие, на другой – вопиющая несправедливость. Закон у нас и то о двух концах.

Одно провоцирует, подпитывает, создает другое, свой антипод. Мы не таковы, зато таковы чиновники. Хотя каждый чиновник в отдельности, будучи просто человеком, тоже, должно быть, не таков. Мы торопимся, для нас время – деньги, а они – нет, их главное оружие – стоп-кран. Нам нравится их ругать. Мы извечно наслаждаемся своим страданием. И с удовольствием рассказываем о нем другим.

У нас только крайности!.. Эта наша уникальная российская особенность даже в народных поговорках, пословицах!.. Сегодня пан, а завтра пропал. И потому от сумы да тюрьмы не зарекайся!.. Синица в руке – журавль в небе... Сила – слабость. Блатные – опущенные (лагерей-то!). То смертная казнь, то ее отмена. То разрешить пользоваться оружием, то страх в паху – нет, народ у нас еще (!) несознательный, никак нельзя... Вот уже третий век споры: Восток или Запад?.. Да нет, это – от Рюрика!.. Богатырь все на распутье, все чешет пятерней заскорузлый свой затылок перед придорожным камнем, похожим на больную печень. Сами не знаем, какой путь более для нас приемлем, что нам надо. Или только придуриваемся? В сказках он выбирает самый худший. Из сострадания к ближнему. Может, прямо в небеса направить бег коня? Но пока петух не клюнет, те весы, по всей видимости, не качнутся. Так и будет. Финансы – романсы... Все отчетливо, выпукло. И в каждой душе – борьба противоположностей, а иногда – причудливая гармония того и другого...

– Папка-то твой безработный?

– Нет, работает.

– Кем?

– Рэкетиром.

Странно, в начале службы думал: не смогу стрелять в людей. Но когда пообвыкся, понял, что именно я бы и стрелял, к тому же и лез на рожон, несмотря на всю бессмысленность и опасность таких действий, тогда как некоторые другие воины, скорее всего, попрятались бы, разбежались по сопкам... Уж я-то знаю: разговаривал с ними, правда, в основном это были среднеазиаты, к которым армейская служба никак не прилипала. Они перенимали внешний порядок, подобно бравому Швейку, тогда как суть им была чужда. Так и в тайге: лучше обойти какое-то место, схитрить, осмотреться, а я лезу напролом, совсем не умея ориентироваться. Земля-де кругла, выйду... Но на деле что-то важное не дано мне от природы. «Топографический идиотизм», – сказала одна красивая дама. Хоть отец и был краснодеревщиком, видимо, все-таки топорно я сделан. И это свое «увы» всегда чувствую. А так хочется быть расслабленным внешне, но внутренне собранным, готовым к любым неожиданностям. Трезвым и ясным. Таких людей я знавал. Подобные открытия насчет себя сопровождают меня всю жизнь.

...Началась бомбардировка. «Прыгай в окоп, пригнись!» – крикнули отцу. Время было. А он все продолжал стоять, как Андрей Болконский.

Через такое уже прошел, что собственная жизнь как бы потеряла ценность.

В конторе Валентина побили стекла.

– Вы что, с ума сошли? Подонки. Это же мой друг, единственный порядочный из всех предпринимателей!

– Но на нем же не написано, что он твой друг. И все-таки объясни, кого ты имеешь в виду?– Объяснил.

– Нет, мы здесь ни при чем. Да и бить стекла – не по нашей части. Но если он попросит, можем вычислить. Заплатит?..

– Вообще, знаешь, лучше нам не встречаться впредь. Мы квиты. Ты мне оказал услугу, я – тебе. Крыша мне не нужна: я гол как сокол. Ни на какие разборки вместе с тобой не поеду. (Говорить или нет? Но вырвалось...) Ведь ты еще и – предатель, ты же рассказал ей о кинокамере... Не отпирайся. Я об этом от нее самой узнал – по телефону. Теперь она вообще отвернулась...

То, что он покраснел, нельзя сказать, не в лыко. Впервые мой бандит побагровел от стыда. И мне стыдно: не переборщил ли? Все-таки он мой бандит.

13.

Паучок работает, как матрос среди снастей, – раскачка ему не помеха.

Все четко. Хозяйство прирастает. Пока я обходил территорию, у него появилась парочка новых коконов.

Самонаводящиеся на вражеский пол глаза... По аналогии с танковым орудием?

Два огня смотрят пристально, не мигая, – из-под бровей темного горизонта. Напоминают глаза осьминога, поджидающего добычу. И в других огнях есть нечто зловещее. Они не похожи на городские огни. Вспыхивают в одно время и всегда одни и те же, каждую ночь. Технологические огни. И еще несколько жутких рукотворных комет с огненными хвостами, которые все падают и не могут упасть...

Одно из производственных зданий напоминает ночью накинутый на спинку стула китель с двумя рядами золотых пуговиц.

Утки. До того низко, прямо над головой. Как брошенные кем-то куски пустой трубы – шума-то... Вот возвращаются: траектория бумеранга. Как бы дают время на перезарядку и прицеливание. Петрович все собирается принести ружье.

Ночью под утками – как под перекрестным обстрелом.

К середине лета уток меньше – потомством заняты, но вчера вечером троица пролетала. При повороте менялись местами, как бегуны на гаревой дорожке.

Жулина поутру:

– Ты видел вчера трех уток?

– Почему она об этом спросила? Это же мои утки!

– Бабушка, а вон пьяный!..

– Тсс!.. Нельзя так говорить!..

– Почему нельзя, он же пьяный!..

– Нет, дяде просто хорошо. Он веселый...

Можно надо мной, великовозрастным, посмеяться... Чего же я ищу? Стыдно признаться: смысл. И значит, опору. Почву. Но не во внешнем мире, а внутри себя. Когда говорят «внутри», значит, сами не знают – в душе, в чувствах или в уме. В реальности или в воображении? И я не знаю. Поэтому пытаюсь про себя – невольно – соединить то и другое, понимая, что это примерно такая же трудная задача, как поставить мертвое в ряд с живым, подружить добро со злом, положить конец этой вечной мучительной коррекции самого себя. Наверное, в том и объяснение этого «узелкового письма», что мне приятно, когда другие люди замечают в себе то же самое, думают, как я.

Как я? И тоже бьются в этом замусоренном потоке?.. Живут среди всего этого?.. Но Бог с Дьяволом разве враги? Разве занимался бы я всем этим, если б в мутной глубине сознания не стояло, как кол: никаких противоречий в природе нет. Утешительные же мысли приходят... Видимо, очистные сооружения, куда я попал после устройства в охрану, – самое подходящее для меня место. Очистные – чистилище!

Выговориться, чтобы избавиться от пустяков. Увидеть за случайным – что..? А если и там, там то же самое?..

...лет четырнадцать: впереди муж с женой, долетают обрывки разговора – о простом, житейском. Вдруг так хорошо стало! С опротивевшей нелюдимостью покончено! Думать не только о себе, пересказывать услышанное, чаще смеяться. Быть, как все! До сих пор учусь. Никак не запоминаются анекдоты!..

В суп собакам добавляем крапиву: авитаминоз.

Давно заметил: крапива жалит ласково, даже приветливо, когда с ней поздороваешься: «Здравствуй, матушка-крапивка, не по душу твою, по тело твое пришел». Тогда и краснота быстро проходит. Как ты к ней, так и она к тебе. Запало неповторимое словечко Толстого: «острекаться».

Давно навязчивое: в крапиве красивые птицы живут...

Сменщик напяливает очки и, переломившись, заглядывает собаке в глаза: все так же ли гноятся? Они, конечно, гноятся. А я не ветеринар.

– Вот так надо принимать пост, – одобрительно, как бы мне в укор, говорит Петрович. Но это случилось уже после того, как началась история с докладными и объяснительными.

14.

Витька Зайцев: «Почва, пораженная грибницей». Хорошо сказал.

Щебет птиц и аромат цветов – явления как бы одного порядка. Уши тоже вдыхают запахи – голосов.

Солнце сквозь окна пробивает дом напротив, делает похожим на декорацию.

– Вот тебе зубная щетка, полотенце и новый бокал...

Все повторилось: и подарки те же.

Правда, имя другое. Теперь она – Света.

Давно уже одна, без надежного друга. Представилось, как бредет эта достойная женщина пустыней жизни, пересыпая сандалями (лучше – босоножками) песок с носка на пятку, обессиленно переругиваясь с дочерью...

Милая женская привычка: снять, придя с работы или перед сном трусики, внимательно посмотреть в них, быстро непременно понюхать и бросить в стирку (сунуть под подушку).

...тем чеховским ружьем на стене кто только не балуется. Вот и я себя спрашиваю: «При чем же здесь трусики? Повисли?..» – Да, на цветущей ветке...

Впервые узнал, что бывает белый шиповник – на краю отстойника высоченный куст – весь в цвету. Лепестки гладкие, чуть изжелта-слоновой кости. Растение оказалось диким.

Вчера перед сном пронзительно всплыли в памяти строчки Блока: «Странный мир! Он для сердца тесен!». Блок биографичен, искренен, чист. Стоит ему зазвучать – и откликнется струна. Звучит-звучит, но ничего не пишу – будто достаточно заполнившей меня частоты камертона...

Спор с Х., которая утверждала, что Блок вторичен, а его искренность – особая изощренность мастера. С этим трудно спорить, и все-таки он, хотя и не отринул, но преодолел свою культурную среду, возвысился над ней. Да нет, просто сумел сказать свое, личное, и прибить для нас собственную ступеньку на этой уходящей куда-то в небеса лестнице. «И на желтой заре фонари...» Желтое на желтом. Это только с натуры можно. Это пленэр и Ван Гог. Или о собратьях-поэтах: «Под утро их рвало...» Не помню, чтобы у кого-то из нынешних авторов вдруг столь же органично встало в строку «низкое» слово. Блок сбрасывал путы высокопарности, пиитизма: «Нас ведут волосатые ноги...» (из нелюбимого мною «Соловьиного сада»). Можно сравнить с «О, закрой свои бледные нози!» Ах, ах!.. Если бы не этот ноготок «зи»!.. Лишь очень культурный неповский хулиган Багрицкий отважился: «Коньяк, чулки и презервативы».

Креков о том, что в него вселилась душа Блока. Потом, когда написал вводку к его поэме, которая печаталась в «НГ», он застеснялся: лучше сделай так – всегда чувствую ее рядом. Крек же сказал, что большого поэта сразу видно: он создает свой прайд. Иначе говоря, свое львиное хозяйство. По одному неповторимому слову и интонации можно узнать такого поэта. Как царя зверей – по рыку. Крековское: «За сухим ископыченным логом...», «Трогал так, что каждая береза мякла под горячею рукой...» или «Спортивные туфли начищу я мелом...» Тут возможна своя школа, поскольку есть чему учиться и подражать – была бы к тому склонность. Но самобытности не научишь.

Крупные бабочки под фонарем. Иногда срываются отвесно вниз, как комья света или светящиеся осколки самого фонаря, который как бы беззвучно взрывается. И то, и другое – нереально, и потому, попадая в боковое зрение, заставляет оглядываться, пугает.

«Тихо и будет все тише...» Завораживающая прелесть и таинство Блока – в ощущении роковой неизбежности.

Нынешние средства связи и не снились в девятнадцатом веке. Но стали ли люди ближе друг к другу? На каком-то уровне – да. Но только не на чисто человеческом, который связан с вчувствованием. Тогда, коротая время за разговорами, читая вслух книжки или письма, обнимаясь, милуясь, обдуманно, с политесом строя фразы, произнося длинные монологи, имея мужество переносить боль, причиняемую холодным оружием, рожая дома детей, люди лучше понимали друг друга, более были способны на сочувствие, сопереживание. Вместе с тем их жизнь сопровождала некая тайна. Так мне почему-то все время кажется. А как медленно горели свечи и ползли часы!.. Те люди были умнее, тоньше и душевно богаче, в них было более развито собственное достоинство... Которое назвали чувством, вводя в ранжир.

Живуча школьная оценка дуэлей: дворянская спесь, ложные представления о чести, сословная ограниченность... Как это не вяжется с Грибоедовым, Пушкиным, Лермонтовым! Которые намного опередили свое время... Да ничуть! Это мы еще не поднялись до них.

Чтобы понять, насколько поединки были естественны для того общества и особенно для таких людей, надо вжиться в прошлое. Слово еще не совсем обмельчало и шло от сердца к сердцу. Цинизм считался ужасной глупостью. Какими же разящими могли стать косой взгляд, отказ в аудиенции или приеме, сплетня, клевета, интрига... Потому-то ни Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, а самые лучшие, наиболее умные и чувствительные дети времени разрешали спор кровью.

Опережает время тот, кто истинный сын его, плоть от плоти эпохи... С того они и стали такими, какие есть.

Первая мировая с ее пулеметами, авиетками, телеграфом и радио, социальные эксперименты... Рушились остатки изначальной, почти невообразимой теперь, вербальной системы взаимоотношений. Вот уже в ответ на вызов Санин бьет офицера кулаком. Замаячил призрак сверхчеловека. А дальше – массовые уничтожения людей, геноцид, газовые камеры... Война – как компьютерная игра: на громадном расстоянии глаз не видно.

Гумилев, ощутив этот перелом: «Я, носитель мысли высокой, не могу, не могу умереть!» И он же: «...что людская кровь не святее изумрудного сока трав».

15.

Похоронили Русика, моего племянника. Врезался в автобус на только что купленной «десятке». Юлька как раз возвращалась из Новосибирска и обратила внимание на разбитую вдребезги серебристую машину на обочине. Целыми остались – два колеса. Промча-

лась мимо, но так защемило сердце: могла ли она знать?..

Он так торопился, так безоглядно любил жизнь, что от некоторых его поступков, часто, к сожалению, связанных с деньгами, к которым он стремился не из жадности, а из желания как можно скорее утвердиться, у всей родни, а особенно у родителей, дух захватывало. Эта чрезмерность, пружинность, как причина случившегося, только сейчас видна. Каждый человек носит в себе самом свой конец. И все равно гибель Русика ни у кого не укладывается в голове. Такой был живой, мобильный, улыбчивый, аккуратный... Я бы так сказал: «Он и был то, что надо России сейчас».

Безутешная моя сестра Ольга, вся в черном, несколько дней ничего не могла есть, пила только кипяток, чтобы совсем не окаменеть. И иногда возле гроба повторяла стихи Гумилева о священном праве «самому выбирать свою смерть».

– Вот ты и выбрал, вот ты и выбрал... – И еще все спрашивала: – В чем-то мы виноваты перед тобой, да?.. Что же мы не успели тебе сказать?

Почему сказать?..

Конечно, виноваты. Я тоже чувствовал свою вину. Чувствовала, наверное, ее и моя мать: перекусить-то у них Руслан отказывался, скорее всего, по застенчивости. Я сам был такой. Однажды в детстве промок под проливным дождем и промерз вместе с матерью и отчимом, но меня никак не могли заставить влезть в сухие красные штаны с ворсом, принадлежавшие моему сверстнику, чьи родители, тоже учителя, предоставили нам ночлег... Именно такие штаны мне нравились, именно такие мне и самому хотелось тогда иметь.

На углу возле бани услышал жалобные стоны. Будто сам ветер, еще недавно свистевший за стеклами его автомобиля, отпевал лихача... Я прошел мимо этого места, потом вернулся, снова прислушался: стоны, точно, долетали. Откуда они могли взяться – Ольга стенала тихо, а стены особняка – глухие, шлакоблочные, ее плач никак не мог быть здесь слышен. Или он по-прежнему звучал у меня в голове?

В этот день никто не пил. А мне хотелось водки, чтобы почувствовать себя естественней. Забыть о вине. Я отлучился на некоторое время и в ближайшем баре выпил целую четушку. Барменша и несколько посетителей из местных жителей уже знали о случившемся, говорили: «Какая беда у Александра Сергеевича!» – так уважительно они называли Шайхелислама. Неожиданно он сам нарисовался, застав меня. Тоже выпил. Посетители деликатно примолкли, но глаз от нас не отрывали. Потом мы с ним выпили на пару еще по двести. Платил Сашка. Опьянения никакого.

Ночевал у них. Утром увидел, как Ольга и Сашка, которые вечно ссорятся, молча бросились друг другу в объятия...

Привезли священника. Он как-то буднично и невнятно, лишь краем глаза боязливо взглянув на покойника, что-то бормотал во спасение души раба божия Романа, иногда из кармана рясы вытаскивал пухлой рукой горошинку ладана, что поменьше, и бросал в кадило.

Мать, увидев приехавшую попрощаться с Русиком Юлю, очень обрадовалась и словно бы забыла обо всем:

– Юля! А что ты такая грустная?

– Ну я же не на свадьбе...

Нарезал хризантем с позволения одной из соседок в ее саду, поскольку они были подходящего, совсем уж траурного цвета. В комнате у нее ангельски чисто похрапывала грудная дочурка. Женщина сказала, что все равно бы их скоро повыдергивала, а также о том, что она с похмелья и ее бросил муж. Бедой ли своей нашу пыталась развести?

Жену его тоже звать Ольга. Значит, Руслан очень любил мать. В нем многое значило женское начало. Как ни странно, на мой взгляд, это – признак мужского характера. А мне так трудно было знаться с женщинами, которых звали Галина... Он еще находился в коме, когда этой Ольге приснился сон: он куда-то собирается и в спешке напяливает брюки, забыв надеть трусы.

Сашка, который вскоре поехал за сыном, на него легла вся организация похорон, купил своему покойнику новый костюм, рубашку, носки, ботинки, короче, все, что написали в похоронном бюро. А трусы не купил. Их и в список, который там делается, забыли внести. Ритуальный магазин уже был закрыт, Сашка нашел адрес продавщицы, вызвал ее из дома и все-таки купил трусы...

Руслан умер 13 сентября ноль второго года в 13 часов. Сумма цифр номера его машины тоже была 13. Все эти совпадения выяснились на похоронах, о них много говорили вполголоса.

Руслан вдруг стал как бы старше всех нас. До чего же хрупок наш сосуд.

Он иногда любил посидеть у камина. Перед выносом тела в камине развели огонек.

Под гроб залетела муха. И закружилась, истерично жужжа, будто в стеклянной банке, и упала на пол.

– Если мой сын кому-то остался должен, – сказал на поминках Сашка, – прошу его простить...

Один из героев Ремарка полагал, что наконец-то хоть в двадцатом веке ушли от кулачных грубостей, проявляя наивную веру в диалектический материализм, эволюцию, совершенствование человеческой природы. А плоть-то как раз и набирала силу, подавляя душевные порывы. Время плоти, в которой забродил и заблудился разум. Что последует далее? Надо, видимо, еще более заблудиться, чтобы ни света, ни тьмы... Вначале было Слово. И это Слово «Черный квадрат»? Эволюция была бы возможна, если бы существовал праэлемент.

Какие странные, нелепые, эклектичные сочетания возникают, когда пытаешься состыковать баски!.. Куда они меня заведут?

Ковякин показывал мне горсть рыжевья – золотых самородков, величиной примерно в ноготь. Он и был тот человек, который идет не по маршруту...

Он добирался до верховий Нижней Терси и других речек, где берега, как оспой, изрыты шурфами. Там он, очевидно, и сам промышлял с бутарой, воображая себя этаким одиноким волком. Природа и чувства в его произведениях – единственное, что не выдумано. Это та самая природа, что его окружала – западный склон Кузнецкого Алатау и Горная Шория. Его ойкумена частично захватывает также шаманские уголки Бурятии, морские порты Дальнего Востока.

Ум его работал четко и ясно. Как писатель, он только-только вошел в силу и выдавал в год по тысяче страниц готового текста на машинке. Философская, пронзительная, образная, душистая, связанная с судьбой проза. Где сейчас эти повести и рассказы, которые могли бы так поднять нашу литературу? Читатель ничего о них не знает. Мы с ним разговаривали по телефону дня за два до его гибели. Он предсказывал свою смерть: «Твое одинокое «я» молотило руками по лютой воде отчаяния» – вырвалось у него в одном из рассказов. Он обещал сразу же позвонить, как только вернется с Кондомы, поскольку ждал выхода своей книги «И тогда придут ржавники...». Низко свисавший над вздыбившейся весенней водой электрический провод сломал его планы, оборвал жизнь.

Он был авантюристичен, автономен, больше всего любил свободу. Он был сам себе государство и закон. И в запальчивости ожесточения и самоутверждения перешагнул какую-то грань. Он погиб, как его же старатель-одиночка Шатун в выкопанном им самим шурфе.

Критик Шапошников из Новосибирска закрестил его прозу, найдя тенденции, не вязавшиеся с социалистическим реализмом. В издательстве в очередной раз облегченно вздохнули и не стали включать в план выпуска необычные произведения, несомненно, большого, но задиристо-спорного писателя. Шапошников недели две спустя вдруг прислал покаянное письмо: дескать, тот привычный аршин, с которым он подошел к разбору, тут не уместен! И он просит у автора прощения. Честный, достойный уважения поступок. Однако к тому времени я уже отправил Ковякину в Спасск рецензию Шапошникова вместе со своим сумбурным посланием на нескольких страницах карандашом: не обижайся на судьбой навязанное мнение, ты – чрезвычайно талантлив, но опередил время, в этом твоя беда, потерпи еще немного.

Ковякин потом рассказывал, что большущим гвоздем прибил мои листки к бревнам над своей кроватью, в доме, который сам же построил. Если б, мол, не моя поддержка, могла бы быть концовка «Утиной охоты»...

Юра Шумицкий, в ком свобода протестом перла изнутри и по большому поводу, и по пустякам (еще громче), истинное дитя природы и интеллигент с классическим уклоном, впоследствии, в 80-м, прошагавший пешком от Владивостока до Калининграда, в Шушенском купил болгарские джинсы и обстриг выше колен рубчиком. Когда в этих шортах и с голым торсом (было жарко), он появился в столовой – его выгнали. Дальше я стал свидетелем такой сцены. Женщины-маляры, проходя по главной площади, стали показывать на него пальцем и покатываться со смеху... Такого в образцово-показательной, насквозь пробальзамированной деревне, где все связано с Лениным и с вариантами его имени, до сих пор не видели. Мало того, что с бородой (что тоже считалось вызовом: одному Ильичу дозволялось), еще и голый! Но Юра оказался на высоте. Присев от смеха на корточки, он сам стал тыкать пальцем в этих женщин, запятнанных с головы до ног краской... А вы-то чем лучше, разве вы не смешны?

16.

Наше восприятие мира, не без участия электронных СМИ, затюкано, затерто, заглажено, как и восприятие женского тела...

Идем со Светой на пляж – впереди молодые, но уже не бесшабашного возраста женщины. Одна за городом сняла юбку и оказалась в узеньких плавках, которые веревочкой врезались между ягодиц и были не видны. Еще долго, до самой реки, я трогал взглядом таинственные выпуклости, думая, что привлекательным в женщине как таковой остается, пожалуй, уже одна только вагина, ради нее – все слюни, весь остальной антураж сдан в утиль, и чувствовал себя обманутым, хотя зрелище и доставляло мне удовольствие. Света видела это, но крепилась, молчала, будто так и надо.

Вот и сама любовь так же обеднена, стала более примитивным чувством. Женщина приравнена к надувной матросской игрушке. Не отсюда ли и повышенный, прямо-таки болезненный интерес во всяких шоу-программах к сексуальным меньшинствам. Это же бесовщина – все самое мерзкое нашей тотально впадающей в третье время года прессой подается со смаком.

Полы теряют ориентацию, перепутали свои социальные и семейные права и обязанности, что порождает всяческие трагедии. Падает рождаемость. Новым – выщербленным – поколениям, похоже, носить пам-

персы до совершеннолетия. Потому что они могут быть лишены естественной инстинктивной защиты от пи-пи во сне. Нет уже того биологического рвения увидеть самого себя в своих детях, в их многочисленности, равной целому народу, – вспомним Библию, и отдать себя их будущему благопо...

Стоп! Стоп: тут меня, кажется, понесло! Как того бывшего трибунного работника... Давно не пил, что ли?.. Ведь я же не отдал – больше думал о себе, о своей судьбе, чем о детях, и вообще не мог жить по программе, не получалось и не хотел!

Сейчас так. Не надо любви – достаточно самоудовлетворения в ощущениях. Хотя ощущение должно лишь подкреплять...

Вдруг – как проснулся. Должно? Почему должно?.. Такое пристало лишь законченному старперу. Что за глупость! Все начинается с праздника ощущений. И вся жизнь – погоня за ними.

Сладость яблока – принцип. Ибо оно с Древа познания. Яблоко – Бог – Дьявол... Дьявол – Яблоко – Бог... Или еще как-нибудь. А Яблоко это – я. Сам человек. Вкусить – себя открыть. За ним, в тумане – распятие... А на распятии – Сын человеческий, самый совершенный. Не с того ли экстатические католики иногда называют Христа «сладчайшим»?..

Однополая любовь предполагает чрезвычайно нежный вид ласк.

Еще в 80-е случайно подсмотрел ночью, как ласкали друг друга две женщины на скамейке под нашим балконом. Как медленно и терпеливо они гладили друг другу скучные для меня, но, видимо, не для них, места ладонями, начиная с менее чувствительных, перебирали волосы. Сколько во всем этом было глубины и чувства. Мне стало грустно: порывист, иногда груб, совсем не задумываюсь об особенностях восприятия женщиной прикосновений. О, бедная моя жена!..

17.

То теза, то анти... Но я и сам не знаю, что это. Может быть, «только мука идеала» (Анненский), стремление выйти из своего замкнутого мирка?

«Жидкость от потливости ног», это безыскусное название появилось в один из моментов постперестройки, когда возник дефицит спиртного. Предназначался лосьон, однако, совсем для иных целей, по своему прямому предназначению и употреблялся нашим догадливым населением.

Дядя Леша предложил разделить с ним удовольствие. Но до чего гадкое название! Это единственное, что до сих пор не попробовал. На том и стоять бу!..

Саркастическая улыбка Игоря Киселева:

Вот Катенька Смирнова:
Любила одного,
А вышла за другого...
Но это – ничего.

Блок: «Но у женщины прошлого нет...»

Одна невзрачная, но весьма самоуверенная бизнес-леди мне популярно все объяснила: «Думать о прошлом – глупость. Сходил и сдернул!..» Вот с таким мнением я никак не могу найти соприкосновения.

Прошлое – наша плоть, наше – мое – тело, его волокна – единственное, что у меня есть. Уж это-то есть. Но это не та плоть, которая сама собой кичится. Просто никто не умер – все живы, и я с ними без конца продолжаю гулять хоть по набережной, хоть по Луне, болтать и спорить...

Например.

– Смотри, снова те же самые белые облака, подкрашенные закатом, так похожие на казацкие лампасы...

– Я ведь вам уже объяснял, что это реактивный самолет, Михаил Юрьевич!..

Опять Жулина, которую и видеть-то теперь не могу:

– Надо полностью очиститься. Отбросить свои слабости, страсти, порочные пошлые наклонности, предрассудки, суеверия и все другие узы. Не печалиться о прошлом. Жить только настоящим и новизной будущего, открыть свой канал космосу. Стать, как стеклышко, прозрачным и твердым, как стержень. Вот семья. Ты уже и не муж (как будто была мужем?), а только работник (уж это так), ты только наполовину человек (обидно такое слышать, но не согласиться невозможно). Очистившись, узришь себя и Бога.

– Ладно, спасибо за кофе. Но у меня обход. Потеряют...

– Стой, стой!.. Что? Кошек держите? Дай уберу шерстинки – нацеплял! Но такое, дорогуша, дано лишь избранным. Это связано с грандиозным одиночеством и изменением сознания, это все равно что сунуть голову в пасть льва.

Ох, уж эти наглотавшиеся текстов эзотеристы! В кого ни ткни, воображает себя избранным. Узришь!.. Некоторые напоминают мне тех полоумных старушенций с красными флажками и хорошей пенсией, которые все продолжают выкрикивать революционные лозунги. Им бы внуков нянчить. Есть в этом какое-то бесстыдство! Про эту пасть, кстати, где-то уже встречал: у Д.?, у Г.?, у В.?, у Б.?, у А.? Или у Ж?.. Ну спросит их Гамлет: что благородней?.. А они ни то ни се. Один стержень на уме...

Пытаюсь представить себя с измененным сознанием, только в «настоящем – нас таящем» (Ибрагимов): ни рук, ни ног!..

Впрочем... Они – начетники. А я?.. Я сноб. Два сапога – пара.

19.

Случайный читатель: детективный сюжет нужен! А мне так надоели сюжеты, в них какая-то заданность. В общем-то, если честно, и не мастак я по этой части... Пусть будут сюжеты как в жизни – прерванные. Вру! Прерванных сюжетов не бывает. Они продолжаются, но часто в уже недоступном для нашего зрения и понимания свете. Истинного их конца мы видеть не можем.

Читатель: «Одни фантики в воздухе!.. Где же последовательность? Где время? В чем смысл?» Понимаю. Чем гуще туман, тем круче роман... Чему можно верить, чему нельзя? Сплошные неожиданности! А раскрутка?..

Уходят родные, друзья, знакомые – мимо никак. Этому – верить. Уходят и остаются. И время останавливается вместе с ними, как бы прорастая в землю корнями. Пальцев рук и ног для пересчета уже не хватает... На днях не стало всегда распахнутого для друзей и по-детски обидчивого Володи Ширяева. Сделал себе – по пьяни – харакири, оставив нам свой образ – то с выращенной им большущей тыквой, то с беременными портфелями в обеих руках, где все на своем месте и в любой момент могло ему понадобиться, и память о неповторимом, изощренном уме и тончайшей психике, а жене перепечатанную на машинке молитву с припиской: «Рая! Повторяй ее два раза в день, утром и вечером, и все у тебя будет хорошо». Но для этого ли случая она предназначалась? Ведь писал же он:

Распушила поутру
яблоня свой веер.
Никогда я не умру!
В этом я уверен.

Невольно вглядываюсь в лица друзей, знакомых: кто же следующий? Уж не я ли? Шлагбаум и для меня открыт... Это жутковатое чувство (ну вот, настала пора и нам потихоньку собираться) впервые испытал в девятнадцать, в сходных обстоятельствах. Надо на похороны. А у меня встреча с Галочкой. Что делать? Вопрос сам собой отпал, стоило мне ее увидеть.

Как бежала она на свидание. Как из-под легкого платья – вопреки закону Ньютона! – взлетали яблоки ее коленок!..

А проститься с Ширяевым просто не отпустили с работы. «В праздничный-то день?.. Что ты? Тут не чета тебе, бывший полковник как-то пытался – и то не разрешили».

А в остальном я и сам не знаю, что сие есть. Рассматривая эти фрагменты, можно предположить одно, а можно и другое.

Обязывают ли они меня к чему-то? Разумеется, я стараюсь их расшифровать. Чтобы понять себя. Так пытаются расшифровать письменность Мохенджо-Даро и Хараппы, таинственных городов, которые погибли, по одной малоизвестной версии, в результате атомного взрыва, но вот не хватает какой-то буковки, черточки, малюсенького завитка, а в итоге – ничего...

Ибрагимов:

Я книжку записную пролистал
С прожилками имен и адресами.
И листья, трепеща, срывались сами,
И ветерок кладбищенский мерцал...

Наверное, более рассудочный и опосредованный поэт сказал бы – крепчал, и было бы неплохо, а он и призраков сумел показать, которые – как огонек спиртовки.

...Вообще, лучший читатель это – Шорец. Уж этот эрудит знает... Как тянет поводок, читая все подряд своим носом. Но и у него есть дурацкая привычка – всегда загибать одни и те же странички, оттопыривая лапу.

Терпеть не могу, когда стихотворения помечаются датами. Неужели это «тик-так» не надоело? И надо еще и из своего творчества, а оно всегда виртуально, поскольку связано с прошлым, делать отбивную с помощью секундной стрелки? Могу понять тех, кто вчера славил одно, а сегодня поет совсем иные песни. Но к творчеству это не имеет никакого отношения. Творчество, это – когда не по ветру, а против ветра.

Есть некий глаз, который только и смотрит придирчиво внутрь меня самого, идут годы, а он никаких изменений не находит. Я стал разве что больше стесняться своего лица.

Время – я сам.

– Ну вот, Шорец, мы и добрались до троса. Вот она, твоя любимая, тяжелая и такая... красиво-грязная цепь! Спать вредно!..

Боднула-таки «священная корова»: «А как же против ветра, если истинное счастье находишь в согласии с божественной мудростью?» Вот проблема: как сочетать веру с творчеством... Но ведь вера тоже требует усилий по приходу к ней. Прославляя Бога, не о себе ли, не о своем ли постижении Бога говорим? И вообще, даже если только о себе любимом, о красоте мира, которая опять же субъективна, полна грусти и радости, – не о нем ли?..

Иисус в Гефсиманском саду: итак, он все-таки решился. Решился, чтобы установилось новое согласие. Он подчинился силе, которая выше его. Согласие должно быть не только между людьми, а прежде всего – между людьми и этой силой. Она заставляет: ударили по одной щеке – подставь другую...

Полемический перебор? Ведь иногда в ответ просто нельзя не ударить, поскольку и мы – активная часть этой силы. Не ударить – значит рассчитывать, что поднявший руку сам одумается и раскается. Когда? В будущем? Или даже... в принципе? Должен и мог бы, де, раскаяться. Ведь неплохой же человек... Вот Гитлер... Какой художник!.. И, кстати, эзотерист, оккультист! Как трогательно любил Еву Браун! А тот, что увел чужую жену, читает мысли и даже, говорят, левитирует...

Ох эти добрые Понтии Пилаты! Крути их так и этак!.. Простор для писательской фантазии! Все равно в итоге: «Я умываю руки», «Это твои проблемы», «Он сам того хотел...». Но в таком случае и впрямь наше невежество – грех.

20.

Как гаммы из квартиры этажом выше – имена правителей, политиков... Тут вдруг и Лермонтов?.. Нет, не тут. Зато вот пресловутый Памперс с разной шириной застежек... Кажется, после Геббельса. Явно не отсюда, но предназначение – вполне определенное. Только с какой стати он сюда залетел, в эту компанию? Вот так и у меня все!

Я не умею абстрагироваться.

Когда мой друг Коля Леонтьев за своим столом в фондах Минусинского музея склеивал археологические черепки, наверное, тоже начинал с самого очевидного. Кропотливая, одинокая и тихая работа для увлеченного человека, ученого мужа, умницы. Я до сих пор ему завидую. Какое удовлетворение дает! Серыми, с зеленцой, пятнисто-мозаичными горшками заполнено все пространство вокруг до самого потолка. В некоторых сосудах, расставленных по стеллажам, зияли рваные дыры, но форма их все равно была пригодна для написания диссертации, к тому же они имели номера и таблички.

Впрочем, диссертация никогда не была для Коли самоцелью. Его влекла древность. Дома у него весело жила древнеегипетская статуэтка: что ей бесполезно пылиться и скучать в фондах? Попал он сюда, бывший художник-реставратор, работавший в «Эрмитаже», вместе с экспедицией Грязнова, а назад решил не возвращаться, потрясенный увиденным...

А я – все на уровне жалких басок. Там, видно, и останусь. И не понять мне, какой осколочек стоит беречь, хоть он и невзрачный, а какой – хоть и яркий – вообще не заслуживает внимания. Археология тут бессильна. Почва в деревне моего детства много раз перекапывалась крестьянами. А потом и дачниками. Сейчас там, где я бегал босоногий, возник крупный угольный разрез.

У Гамсуна, как последний мазок художника, когда она скрылась за скалой вместе с еще нелюбимым и взбалмошным человеком, из-за которого изведется, потеряет молодость, потакая его прихотям, и которого вряд ли когда-нибудь полюбит, и как надгробная надпись: «Ее звали Ингеборг». Впервые за весь роман он назвал ее имя. Берег до конца, как что-то сокровенное. Столько понимания и сочувствия. Но нет, не Илояли!..

И у Блока: «Я тебя не вправе упрекнуть за мучительный твой, за лукавый, многим женщинам суженный путь...»

Галочка, так рано познавшая вкус измены: «Женщине, в принципе, все равно, от кого у нее ребенок...» А что? В деревнях раньше выходили замуж просто потому, что так надо. Любовь считалась роскошью. Нравится – отвернись. Эта нравственность еще чувствуется у Клюева. Есть она и у Крекова. Хранят ее до сих пор женщины.

Дети, сама жизнь, не чье-то конкретное, а ее, самой жизни, благополучие – вот ценность. Верность – дело второе...

С годами все более укореняется: самое сильное искушение, которое дано человеку в познании, независимо от образованности, – он сам.

У Гамсуна это, кстати, та Ингеборг, которая пыталась собрать себя по частям...

Галочка в антракте вытянула перед собой руки вниз ладонями: «Сейчас будет дождь». – С ладоней, перед тем совершенно сухих (я потрогал), закапало. Она вся была такая – концентрат, комочек...

В моей жизни два типа женщин: начинали Галочка и Люба. И обе – стервы (с пониманием!). В одном только они схожи:

– Я люблю мужа и маринованную селедку... (В первом случае, к счастью, не обо мне.)

Какие сны снятся женщинам!

Рассказала утром Света. Пришла на какой-то праздник, куда валом народ, а там спрашивают пропуск. У нее пропуска нет. Если нет пропуска, значит женщина, в соответствии с установленными во сне порядками, подлежит изнасилованию. «Не надо лучше!..» Она кинулась убегать – за ней чуть ли не все мужчины, какие рядом там были. Долго продолжалась погоня. Ей казалось, что она оторвалась от нее и теперь в безопасности, но ее схватили.

– Да, это случилось, – сказала она. – Но я почему-то была сверху...

Образованный – значит обтесанный, фигура, нуж-

ная обществу. Узкий специалист с корочками. Но пусть таковой не обольщается: суммарно он знает не больше, чем необразованный. У них просто разные знания. Разные приоритеты. Образованный – означает всего лишь: приспособленный для государственных нужд.

Где же Лермонтов, с которым я постоянно в диалоге, еще с Енисея и даже раньше? Пожалуй, вот в этом: «Он хочет жить ценою муки...» Это ведь я сам – в непрерывном стрессе и напряжении всю жизнь. И все стихи мои – лишь выражение этого стресса. Так завидую тем, кто может серьезно о радости, о пустяках!.. С восхищением смотрю на уравновешенного Донбая. А обаятельный в каждом своем проявлении Попок с его иронией (см. «Деревенский дневник»)!..

Где б ни работал, всегда встречались глубокие, тонкие, умные люди, потрясающие рассказчики. Ни одна профессия, а я сменил их около двадцати, не дает поводов кичиться особостью, задирать нос (лучше уж оставить это для должностных лиц).

Вот если бы уцелела Александрийская библиотека... Тогда бы мы, наверное, узнали, что цивилизаций до нас было очень много. Цивилизаций другого типа. Были, вероятно, и такие, когда «солнце останавливали словом, словом покоряли города» (Н. Гумилев). Все это живет где-то в нашем подсознании, не имея явной связи с настоящим.

Очевидно, лишь на закате цивилизации, причем цивилизации тоталитарной, не жалеют средств на пирамиды и памятники типа «Родина-мать», что под Волгоградом. Об этом разговаривали еще в 69-м с Люцианом Приходько. Помню и свои стихи о нем, а точнее, о Паганини, которого он смог изваять только в глине: «Опущен, как в воду, смычок. Вся силища в носе огромном. И голос, похожий на надпись: «Не будь, Люциан, вероломным!» А он ломал уже тогда и без того-то никакую не крепкую нашу веру – в партию, в коммунизм, в атеизм и т. п. У него, например, была чеканка «Беседа с Дьяволом» – разговаривают за столиком двое, под столом – копыто. То ли инвалид один из них, то ли, правда, Сам?.. В принципе – абсолютно верное решение, если подумать, какой надрыв у этой персоны в душе.

Нынче изваяния ставят чуть ли не босиком в траву. Начало 80-х: вся Венгрия в таких скульптурах... Вспомнилась и Пицунда... Сейчас понятие пьедестала исчезает у нас почти повсеместно.

Долго гулял по Летнему саду. Две старушки. В морщинах самой истории, прямые, как египетские статуэтки, одеты просто и удлиненно, как и пристало в таком возрасте в Питере. Одна другой:

– Всю жизнь здесь хожу-любуюсь, а как впервые.

В сумерках возле всегда зашторенного ресторана «Садко» и увидел в Ленинграде так понравившийся мне желтый «ягуар», с длинным мотором...

Как-то вывел формулу: прогресс технический обратно пропорционален прогрессу нравственному. Оказалось, что это не так уж глупо, поскольку вскоре эту мысль использовала в своей работе моя институтская преподавательница.

В любом российском обществе любят поговорить «за жисть», чуть что – и начинается о самом-самом... И от этого такое тепло – по всему телу, будто намерзся в карауле, а тут вдруг уворовал пару минут, когда можно хотя бы ладони отогреть, и в этих ладонях – все твои мысли, все твое существо... Сам боженька. Такой же маленький, как я почти пятьдесят лет назад.

Кроме спорта – ничего. Стала чемпионкой.

По биологии при поступлении в институт физкультуры ей попался вопрос о женских половых органах.

– Да вы не волнуйтесь, расскажите об их строении. Ну назовите, из чего они состоят? – снисходительная улыбка.

– Из дырки...

Из удачных стихов Володи Иванова: «Снова маленькие дети появляются из тьмы...»

В дырке, в пустоте, в сердцевине ступицы, по мнению Лао Цзы, – сущность колеса. Так что материя крутится, а также и возникает вокруг пустоты. И благодаря ей. А вокруг чего же ей еще крутиться? И где возникать? «Я – московский пустой бамбук...»

50-е. К судебному медэксперту Усову сельский участковый прислал молодую заплаканную женщину с сопроводительной запиской: «Посылается на изнасилование...».

Москва, Арбат, середина 80-х. Где-то времен «черной кошки» милицейская фуражка на парне: широкий прямоугольный козырек сломан посередке и аккуратно сшит поперечными стежками алюминиевой проволоки... Своеобразный шик.

Света плакала ночью. А когда заметил –

– Тебе можно, а мне нельзя? У меня же есть свои проблемы.

Мать тоже часто ревела, когда переехали жить в деревню.

Бывают моменты, когда жизнь осознается внезап-

но, в целом – как бы до кирпича обнажена, а впереди – тот же вчерашний день. Иногда это случается, когда все слишком хорошо, но однообразно, тягуче... И другое кажется уже невозможным. Боимся смерти?..

Перспективы мы склонны видеть в переменах, в новизне. Даже в чрезвычайности. Есть люди, которые сами устраивают себе, а невольно и своим близким, встряски. Они задыхаются без стрессов.

Будущее должно быть тайным.

...Пришел в Березовском к умирающему в тридцать пять лет от рака желудка Саше Ф., с которым столько играли в шахматы. Господи, какая жалкая картина! Помочиться в туалете встал, задыхаясь, из-под одеяла, скелет, обтянутый кожей. Он долго находился в этом состоянии, ему кололи морфий, но он не хотел верить, что умирает: дал даже потрогать опухоль, вдруг чем-то утешу, и сказал: «Только теперь я знаю, какими должны быть стихи. Все так ясно!»

На кухне ни с того ни с сего взорвался пустой бокал.

Возможно, все коловращение жизни лишь для того, чтобы раскрыть сверхчувственное в человеке, а смысл, ценность и сама жизнеспособность цивилизации в том, что она делает с нами – раскрывает или глушит.

Две вещи мучили лет до пятнадцати. Когда ложился спать и прикасался к постельному белью, возникали тактильные галлюцинации: под пальцами ткань вдруг становилась толстой, как матрас, и все расширялась, я видел переплетение ниток, каждую ворсинку, входил внутрь и блуждал там, как в залах. Пока не скидывал с себя этот морок. Сейчас бы оттуда – ни за какие коврижки...

И один и тот же навязчивый сон. Вся родня, держась за руки, радостные, идем по пустырю, где ни травинки, как после бульдозеров, справа – такого же желто-глиняного цвета глухой и бесконечный забор с прожекторами. Тут я замечаю, как с черного неба спускается труба, я подбегаю к ней, заглядываю внутрь, откуда манит неизвестностью, голубизной, становлюсь под нее, и меня вдруг переворачивает вверх ногами и начинает засасывать. Тяну руки к родным, в ужасе кричу, но они уже не в состоянии мне помочь, я с бешеной скоростью улетаю – полное отчаяние... В этот момент обычно просыпался в слезах, меня успокаивали то тетя Женя, то мать.

Спрашиваю себя: что это? Первые неосознанные воспоминания о появлении на свет?..

Рождаются вообще-то головой вперед. Но восприятие в тот момент может быть перевернутым. Потому что все существо младенца рвется назад, в материнское лоно. А прожекторы?.. Откуда в памяти что-то похожее на зону? Неужели передалось от матери, которая изредка навещала бабу Илю?

Из разговора:
– Здорово шпрехает по-украински!

Кошка любит обниматься, прижиматься, целоваться. Но лапа ее инстинктивно – поверх твоей руки: все-таки царская порода.

Ласточки отогнали кобчика, и, возвращались, удовлетворенно хихикая.

21.

...И все вьется пепел Сашкиных поэм над Томью. Их, кажется, было в том, сожженном им самим рюкзачке, двадцать четыре. Большинство он мне читал. Русская поэзия много потеряла. Перед тем как избавиться от них, – отчаяние все возрастало, в нем началась ломка, свой нрав усмирял путешествиями, мумием, живой и какой-то совершенно кислой мертвой водой, таежным отшельником Леней Гержидовичем, деревней и голодовками, переименовывал себя то в Абу, то в Искандера (его Зоя стала Анной) – он получил неблагоприятный ответ от Всеволода Рождественского, которому я лично передал тогда рукопись... Поскольку ничего другого для Сашки сделать уже не мог.

Как я радовался в армии в 75-м, получив его «Буквы одуванчика»!..

В Нижнем Уймоне на Катуни энтузиасты из Новосибирска и Барнаула начинали возводить музей Рериха – точную копию того дома, где в поисках Беловодья он прожил целый месяц. От самого исторического домика сохранился только второй этаж, напрямую поставленный на фундамент, первый этаж давно сгнил и был разобран. Занимала дом некая семья, имевшая о художнике мало представления. Мы с Сашкой, конечно, познакомились с жильцами, простыми крестьянами. А потом включились в работу – подсобляли закатывать на сруб бревна. Но по паре бревен только и закатили – Сашку прогнали с грубой бранью, очень уж как-то резко. «Вот, не успел прийти, а уже раскомандовался, что да как делать!» – объяснили мне. Сашка – в своем амплуа. Хлебом не корми, только бы лидировать! Ничего не оставалось и мне, как спуститься со стены и последовать за своим другом. Мы долго шли вдоль гряды горных приторов, которые ребрами выходят к Катуни, и Сашка, абсолютно расстроенный и какой-то просветленный, вдруг прочитал верлибр, придуманный экспромтом. Мне он показался замечательным. В стихотворении говорилось о том, что Рерих открыт всему миру, а тут пришли снобы, которые решили присвоить себе его мысли и дости-

жения, сделать их своим знаменем. Но тот, кого они приняли за Рериха, вовсе и не он. А настоящий Рерих прошел мимо них Уймонской долиной, и они его не узнали...

Я взглянул на Сашку: вылитый Николай Константинович.

Красный советский автобус. Ползет медленно, особенно, когда на подъем. Душно, тесно. Я, Сашка, Виталька. Входят двое, совсем блатные, пьяные. Начинают грязно ругаться. Грязнее нельзя. Едем, и все брань, брань. Пристают к кому-то. Все молчат, наливаясь. Не понимая: может быть, так и надо, может быть, в этом и жизнь. Дома же материмся. И на работе тоже. Женщины делают вид, что не слышат, но морщатся: что поделаешь, не осталось в России мужиков. Вдруг звонко – фистулой: «Бейте их!» Крикнул Сашка. И первым ударил. Бьют. Все. Я тоже пнул куда-то, сквозь загородку ног... Водитель останавливает машину, открывает двери. Мерзавцев, окровавленных, ошеломленных, вышвыривают вон.

Его нетерпимость и деспотизм, направленные на других, переродились в деспотизм по отношению к себе, в подчеркнутую заботу о друзьях. Сколько редких книг о Китае он мне подарил! Его необыкновенный ум, блестящий, острый от природы, еще более изощрился в страданиях.

Он рано созрел как поэт. Стихи у него цветные, калейдоскопичные, блескучие, образы пластичные, точные. У него непосредственная реакция на мир, как у чистого верткого зеркальца. И все затянуто на два узла с судьбой.

«Свет мой зеркальце, скажи!..» Но искать какого-либо житейского совета в стихах талантливого поэта бесполезно. Они могут только подпитать душу, сориентировать на добро, выправить, как сейчас говорят, ауру.

«И почему я не могу, как Ибрагимов?» На комплимент напрашивался мой друг. Ну да простится!.. Стихотворцы чаще других смертных нуждаются в понимании и поддержке. Даже такие сильные, как он. И все-таки неспроста спросил. Да потому, не сказал, что ты весь на пьедестале и собой любуешься...

Ни с кем из поэтов так трудно не работалось, как с Сашкой.

Я: «Это не надо, это не надо, это тоже...» Он, взяв рукопись на колени: «Это надо, это надо и т. д.» – те же самые странички... Как его убедить? Надо самому быть интересным. Придумал необычную концепцию, которую назвал по-хемингуэевски островами в океане... Вот житейская конкретика алтайского цикла. Он большой. Его надо разбить на несколько частей, омываемых прибоем чувств, – стихи другого характера, написанные до того.

Но... горят рукописи. Без тех поэм бритоголовый и рыжебородый Сашка (брови породисто черные) напоминал борзую, которую во взрослом возрасте по ошибке купировали.

Вышел один из лучших его сборников «Тело судьбы», который он считает худшим.

Он шел через отрицание себя, подавление страстей и прихотей. А меня все плотнее обступают эфемерные, ажурные построения, вроде Эйфелевой башни...

...Спираль истории вложена в два конуса, составленных основаниями. Широкое место – тело царствует, узкое – дух. Так, мне кажется, в виде концентрических кругов, воспринимал историю Блок (взгляд сверху). Об этом он говорит в своем предисловии к недописанной и тяжелой поэме «Возмездие». То тело спасает дух от его завихрений, готовых взорвать вселенную, то дух спасает тело от бездумной прожорливости.

Рассказал один незнакомый человек, которого встретил в пивнушке, служил он в Средней Азии: в банку к фаланге бросали одного за другим скорпионов, она их тут же убивала и начинала поедать, будто у нее начисто отсутствует стоп-рефлекс. Продолжалось это до тех пор, пока фаланга не лопнула.

Есть определенный ритм в сосуществовании тела и духа (разума), которые взаимно спасают друг друга, он прослеживается в человеческой истории.

Если обратимся к Каббале, то увидим в этом, в двух названных фигурах, форму самого Древа жизни.

Таблица Менделеева – тоже, видимо, вихрь, те же фигуры. Что приводит к мысли о праэлементе. А свет? То частица, то энергия – вихрь...

Волчок – воплощение устойчивости. Это его вращение звучит в «Болеро» Равеля, а кажется, будто на самом краю пропасти, где уже дух захватывает, танцует маленькая белая балерина...

Вихрь не кончается воронкой, он опять сужается, одна энергия светит, сверху – те же конусы, только там уже крутятся невидимые тонкие материи. А выше – другие. Что наверху, то и внизу. Далеко не новая аналогия, но куда от нее денешься? В самом тонком месте, где наибольшая скорость, в силу вступает разум, чтобы спасти тело вихря.

Эмоции, видимо – подушка, где временами отдыхает разум, предохранитель, который не дает ему сгореть.

Есть и типы разума, никак друг с другом не стыкующиеся. Мысли осьминога: «Другого разума не должно быть».

С похмелья напоминаю себе воронку, забитую до краев грязью. Выше, над ней, как прыгающая над кастрюлей крышка, – другая, перевернутая воронка – мое обостренное восприятие случившегося. А где-то посередине – тиферет, перекрестие, распятие, игольное ушко, придорожный валун с непонятной надписью, сердце с его умом.

– Это петуньи.

– Лепетуньи?..

22.

Эволюция – любимая иллюзия человечества. И утешение для старых экзальтированных дев. Вроде воинствующей Жулиной. Поскольку подразумевает продвижение к чему-то высшему, улучшение. Однако то, что нам кажется эволюцией, – только волны: то яма, то гребень. Семя – дерево.

– Посадила семена от красных, а выросли белые...

Вот это – по-моему. Не пей на работе – пью. Есть эволюция – выдумка. Время движется – нет, стоит на месте... «Тяжело пишется? Хорошо. Так и должно быть», – говорят. Нет, не должно. Когда тяжело – не тем занялся. Не знаешь, чего хочешь. Не по тому пути пошел. Все должно быть легко и радостно!.. Как сейчас, когда я над этим работаю.

...рядовой, далекий от Бога невежда, отстаивает свое право говорить и делать все не так! А про себя опять думаю: Земля-то кругла, авось, это как раз и выведет? На полянку, к Боженьке, к цельности...

Нашел единомышленника. Евг. Винокуров: «Левее все, а я беру правее, все поправили, я вдруг полевел...»

Думаешь – значит идешь поперек. То есть не повторяешь банального, чужого. Это еще Бальзак завещал. И не грех об этом напомнить, хоть мы и не Бальзаки.

Козьма Прутков бы, наверное, сказал: чтобы стать Бальзаком, нужно много свечей...

Пионерские галстуки, комсомольские значки. Девятый класс.

– Бальзак всех умнее!

Зырк глазами – ну и несуразицу он несет, не слышал бы кто:

– Нет, Ленин.

И с чего разбушевался? Старею? Пятьдесят три – критический возраст. Амплитуда жизни – внутренней, естественно (внешнее – только последствия), становится круче, события ли ускоряются или время, мое время, сжимается, Бог весть... Только иногда нечто противное, писклявое в душе. Ненаполненность – какой пустой мир! – при осознании – и ласточка мне все так же непонятна, и компьютер, но так сие для меня, увы, и останется, хотя вот оно, вот же – но как бы за стеклом. Точнее, за семью печатями косности. Неудовлетворенность собой, прекращаемое из месяца в месяц пьянство, болтливость – и все о себе, и еще один признак: много о женщинах... М-да?

Не люблю себя, прячу себя, отковыриваю от себя, отрицаю себя... Что же останется в итоге, кроме надежды?

А с болота, с вонючего искусственного болота – радостное кряканье селезня! Надо учиться у селезня.

Шестьдесят пять лет Юрову. Счастливый возраст. Уже ничто не грозит. Иммунитет от всего. Он сам сказал. Врет. Но так хочется верить.

Дает интервью по ТВ (еще, кажись, до перестройки).

– Если бы вы снова родились, то повторили бы свой творческий путь или что-то пересмотрели?..

– Пересмотрел. Я бы вообще не рождался.

– Вчера вроде бы отпустила...

– Опять сам с собой?.. О чем?

– Да поясница, будь она!..

На скамейке, с соседкой, которая постарше меня.

– Заметила по своему внуку: молодые так быстро умеют все схватывать, а как понимают нас, стариков, скажут, как припечатают!..

– У стариков все определенно: морщины не только на лице, но и в памяти, во взглядах. Что ж тут не понять?

– Да, старики и дети легко сближаются. Но мы не были такими в их возрасте...

– Зашоренность мешала: часто думали не так, как должны, а как внушат.

Но сам я думал ли так?

– Знаете, я почему-то могу представить вас молодой, еще совсем девчонкой... – Улыбается, ей приятно. А я мысленно делаю ей подтяжку, обновляю зубы и зажигаю глаза, вхожу в сознание и переполняю его первыми радостями.

...и вот она, четырнадцатилетняя девчушка, которая:

– Ах, эти мужчины – такие наглые. Просто прелесть!.. (Рассказал Семен Печеник.)

У Венедиктова замечательные стихи о времени. Оно стоит. А движемся мы – материя...

А уж приостановить движение материи или направить его в обратную сторону человеческий ум когда-нибудь сможет.

От шестидесяти отнять пятьдесят три – целых семь лет до пенсии. Так же долго, как те сто!

Глубинная связь любви и смерти. Начало любви, как начало смерти. Как вступление на эту тропу. В смерти и раскрывается идея любви. И тайна запретного плода. Изида и Озирис. Самое вещее и сакраментальное, оставленное нам предками.

Блок это понимал, оттуда: «Радость – страданье одно...», «Мелодией одной звучат печаль и радость...»

И рыбы понимают – поднимают себя к этому, когда идут на нерест.

К чему стремимся мы; к какому началу, когда против течения и против ветра в своем творчестве, руководствуясь тем же инстинктом?..

Впрочем, не сносит ли уже давно меня вниз? За то, что погряз в прошлом.

...Поднимаюсь на крышу изнутри здания. В приоткрытую дверь дразнится розовым языком встающее солнце. Будто поднимаюсь к солнцу.

Бальмонт: «Я на башню всходил...» Представляю, как восхищал его современников чистый символизм: «И чем выше я шел, тем ясней рисовались, тем ясней рисовались очертанья вдали». И никаких конкретных предметов, чьи очертанья рисовались... Тогда такие откровения были необычными.

А я по графику всхожу на вышку, а вышка прямо на крыше...

Напористо сдавал после бессонной ночи экзамен на частного охранника:

– К специальным средствам относятся: слезоточивый газ, наручники, дубинная резинка...

Такая хрупкая и маленькая, что рядом с ней – как на краю... Все мысли: как бы не задеть, не уронить. И самому не брякнуться. В ее глазах. Чрезвычайно умная, осторожная, бывалая и цепкая. И как бы наивная – чего-то недослышавшая, недопонявшая, в очках, частично рассеянная – якобы не от мира сего. Очень любит похвалу. Лесть ставит на свое место, но принимает. Потому что знает: сама она все равно лучше, чем может нафантазировать мужской ум. И красивая, вся в перстнях и блестках!

Робкие – болтливы и упрямы. От трусости?

Всегда думал: с возрастом человек столько дряни на себя наматывает из окружающего пространства, что из маленькой быстрой пули превращается в медленно летящее ядро... Пока не остановится от сопротивления среды. Тогда точка. Уж не стремлюсь ли подсознательно и я, как Жулина, высушить себя до бесцветного стержня? Похоже, так оно и есть... Как же мне примирить себя с собой? Нет, у Блока не о том: «Пока таким же нищим не будешь, не ляжешь, истоптан, в глухой овраг, обо всем не забудешь и всего не разлюбишь...» Здесь путь прямой, как стрела. Почва? Вот она. Это я сам. Сердце? Вот...

Эта традиция мне ближе.

Но в другие небеса, которые, рискну предположить, еще дальше блоковских, заглянули мои друзья. Еще в 70-е потряс Саша: «Снова счастливые пишут о смерти...» За грань радости-страдания, к новой радости шагнули они. И эти небеса, что когда-нибудь им воссияют, полны надежды.

Ибрагимов:

...И лепить без молитв
Меня будут затем,
Яблоко разломив,
Сжатых крепко колен.
Будет тело стонать,
Как прикажет рука,
Чтобы мастер мог мять
От ступни до соска.
Чтобы высосать ртом
Бедер сладостный воск...
Под великим холмом
С паутинками звезд.

Креков:

Незабудками, прутиком вербы
Наши души проклюнутся вновь,
Вопрошая: «Мы разве не небо?
Разве мы на земле – не любовь?»

Давно было: перед сном Ольга увидела на стене человеческую фигуру, которая вся сияла. «Кто ты?» – и в страхе – одеяло на голову. Еще и Библию не читала, а в сознании ответ: «Святой Дух».

– Если кто против Святого Духа – и знать его не желаю и слушать не хочу! – Но это сейчас, после гибели Русика...

– Без Святого Духа брошеному камню не стать птицей!

Мне бы такую убежденность.

И снова полет – как медленное падение. Во сне прыгал с Барановым на спор с девятиэтажного дома. Первым он. Не разбились. Запомнился только сильный обжигающий удар ногами о землю.

Валера и в жизни величина – верный друг по прыжкам без парашюта...

Его «Сказки заколдованного озера» – клубок олицетворенных страстей, заявка на собственную мифологию. Там много длиннющих примечаний, в одном из которых со смаком (хулиган!) – о гастрономической пользе тухлятины. Слово «пища» слишком часто. Будучи редактором книжного издательства, зашел в тупик. Что делать? Синонимов не хватает. Захотелось подшутить. Навтыкал «пищу» чуть не в каждое предложение, выделил курсивом. Наукообразный, менторский текст благодарно заулыбался. Баранов молодцом – одобрил...

Таня выбросила на помойку новые, еще «ненадеванные» брюки, подаренные мне женщиной, которая была до нее. Женский нюх? Но вскоре и мои вирши о любви, посвященные другим женщинам и написанные давным-давно, отправились туда же.

В бору, на Тагарском острове. Как раз познакомились. Люба сказала, что у нее до меня уже был друг. «Но ты не замужем?» – допытывался. «Нет». Она сняла с безымянного пальца золотое кольцо и бросила в енисейскую протоку. Бульк... Его подарок – только и понял.

Через два дня мы зарегистрировались. Причиной того стали: 1) ее истерика, когда вдруг собрался с ней распрощаться: все-таки она не в моем вкусе, 2) Коля, который выбежал вслед за мной из дома: «Вовка, такую женщину теряешь!..», 3) конечно же, то колечко, так размашисто сблизившее нас.

Никогда, похоже, не знал истинную цену того, что теряю и что приобретаю.

Вернулся. Мысли – вразбег.

– Выходи за меня... – Будто окошко распахнул в лето, да так сильно, что створки отвалились.

А через неделю проводил ее в аэропорт. На целых два месяца умчалась в Крым вместе со своей мрачной мужеподобной подругой из Красноярска, которую я подозревал в дурной наклонности...

А еще через неделю сам мир изменился.

23.

...В полдень к зданию Абаканского аэропорта тихо подрулил желтый «ягуар». Из «ягуара» вышел я. На мне голубые летние брюки и оранжевый пиджак, а на шее нейлоновая цветная косынка. Я ждал недолго. Вот и она. Мы обнялись и поцеловались.

– А ты стал франтом! – сказала она.

– Франтом!... – рассмеялся я. – Ты же сама говорила, что до смерти устала смотреть на мой серый однообразный костюм. – Она искала глазами автобус, а я подошел к желтому «ягуару» и открыл дверцу...

Половодье на Енисее – какая силища!

Возле моторки только я и новый главный инженер изыскательской партии, неделю назад приехавший с Камы.

– Ты умеешь водить лодку?

– Какой разговор... – Хотя ни разу еще не пробовал.

– Тогда отбуксируй бакен к берегу, а то уплывет до Дивногорска...

Вот это да!..

Метрах в трехстах от нас течение крутило и несло огромный белый конус. Я знал, как заводится движок. С видом заправского моториста подсосал ртом бензин и сплюнул, быстро подсоединил трубку к карбюратору и дванул педаль, потом еще разок – движок затарахтел, газ! – лодка как-то слишком быстро полетела.

На некоторое время бакен пропал из вида – загородил длиннющий сухогруз, который шел в верховья в сопровождении трех буксиров, с одного из них раздался приветственный гудок: так это же «Порог», они меня узнали. Я помахал рукой и встал во весь рост, широко расставив ноги, распрямив плечи. Тяжелую моторку подкидывало, как на батуте, но я не позволял ей встать лагом. Наступило состояние полного счастья и восторга. Был ли я когда-нибудь потом так счастлив? Из глотки вырвалось в такт взлетам и падениям, вспышкам брызг:

– Бе-елый бакен, бе-елый бакен!..

Эти слова я орал как сумасшедший, пока не догнал бакен. Надежно привязал его к носовой цепи, снова газ – лодка сразу полезла на него, встала дыбом. Глушу двигатель, перевязываю бакен к бортовой ключине. Теперь ловчее направить нос по отношению к струе...

Тут только заметил блестящую точку, которая все увеличивалась. Это была другая моторка, на которой находились Петька, шкипер нашей брандвахты, и старший техник Врублевский. Лица злые и удивленные, особенно у Врублевского. «И так-то мрачный, и живет где-то возле тюрьмы», – изредка после работы мелькало о нем в подушку. Они машут руками, кричат:

– Бросай, бросай!.. Кого ты послушался, он же с Камы, а это – Енисей. Сразу шесть Волг! Вчера только два бакенщика утонули!

Да, они тоже пытались выловить бакены...

С неохотой подчинился, хотя до берега на изгибе реки оставалось всего-ничего.

Но крещение состоялось. Когда наш рулевой-моторист Борька запил и потерялся, вместо него назначили меня, хоть я и не имел корочек.

...Нет, кажется, заврался. Вот как это было. Прижавшись друг к другу, ничего не видя и не слыша, не слыша и не видя, мы стояли перед зданием аэропорта на площади. И тут она посмотрела на желтый «ягуар». Посмотрела и ничего не сказала. А я как-то сразу понял: будь это не мой «ягуар», и (я холодел от ужаса!) тень будущей безнадеги коснулась бы ее лица. Несчастный, вырезанный из картонки, ни для чего не годный человек. Даже свою любимую не может отвезти как следует. Толкайся, любимая, в автобусах, наступайте ей на ноги! Нет, нет... Ни за что не испорчу ей настроения. Никогда. Это мог быть только мой «ягуар». Так, к счастью, оно и было! Тут она снова посмотрела на него и не выдержала:

– Вот бы нам такую желтую машинку!

– Так это же мой «ягуар»,– сказал я. Подошел и открыл дверцу...

По странному совпадению ли – уходят от меня женщины... к Сашам. Видимо, Саша это – не просто звук, возможно, даже магический, а что-то определяющее и самого человека. Может быть, в этом имени заклю-

чено нечто всеобщее для психического устройства, подсознания (со времен ли Александра Македонского?), как, например «кис-кис» для кошки. А что если женщины вообще от всех мужчин уходят только к Сашам?

Но тогда был возраст радостных встреч.

– Не надо, милый! Могут быть неприятности! – прошептала она.

– Не бойся, – сказал я, нажимая акселератор. – «Ягуар» уже давно мой. Его подарил мне дядя. Он живет на острове Кергелен.

– Почему же ты раньше не говорил мне об этом?

– А зачем говорить? У нас были другие темы...

...Коля в устроенном Любой конкурсе собрал ей прямо-таки сюрреалистический букет, из колючего чертополоха. Он нас и познакомил, закопав в том месте, под деревом, где это произошло, бутылочную пробку, но постоянно играл роль сводничающего соблазнителя. Так он тут же потряс Любу своим природным вокалом, облагороженным двумя курсами музыкального училища. Но у него была рыжеволосая Алла, на которую он молился. Как? Он ходил по Минусинску не иначе как держа перед собой в вытянутой руке ее фотографию, подпоясанный вместо ремня алюминиевой проволокой – полное пренебрежение к внешности, и то и дело целовал снимок, крутился вокруг своей оси и производил на него обволакивающие, зазывные пассы... «Вот это любовь!»

Позже он скажет: «Чем больше мужчина изменяет жене, тем дороже она ему становится». Но тогда они еще не были зарегистрированы.

Саша, очень точно: «И Колмогор передергивал носом, будто тщетно пытался перелистнуть выражение своего лица...»

Прильнула с поцелуем в губы, и живот ее конвульсивно вздрагивал. А я был настолько закомплексован. В двадцать три, то есть после Гали, я себя похоронил, мне казалось, что я уже ни на что не способен как мужчина... Потом, когда однажды вечером ее, Тани Ф., бывший муж чуть не наехал на меня на мотоцикле, имея намерение то ли сбить, то ли просто попугать, я даже не вздрогнул, но это понравилось не столько ей, сколько ему, – позже, оказавшись в одной компании, мы подружились с Горинским, который тоже был рулевым-мотористом на Енисее, пока не получил травму, и я постарался забыть о ней.

Жулина – тоже Таня. Если Таня, то – тайна. Так почему-то складывается.

Мать не любила отца. Но вышла. Из-за достатка его родителей. Я ей благодарен за то, что появился и...

Главное – умереть в состоянии, с которым написаны эти строки, с достоинством и улыбкой. С сознанием, что это хорошо.

Заглянул тогда, в Минусинске, в похожую на длинный сарай гончарную мастерскую. Крутятся деревянные круги, в углу навалом – глина. Томятся перед обжигом однообразные цветочные горшки. Зато как великолепен брак! – оплывшие, треснувшие и уже обожженные сосуды. И до того сонно-дебильный, как мне показалось, вид у гончаров. Этот их отрешенный от всего вид потом был передан в офорте местной художницы Пономаревой. «Хо-очешь – садись», – не то заикаясь, не то зевая сказал мне один из гончаров, к которому я подошел, чтобы понаблюдать за работой. Ему просто хотелось поразмяться и перекурить. Самоуверенно сел. Думал: сейчас сделаю нечто невероятно красивое на тонкой ножке...

...Она сидела уже рядышком. Бок о бок со мной. И ничего не понимала. Будь у меня какой-нибудь там наполовину самодельный «запорожец», а то «ягуар»! Да не может быть этого просто-напросто. А ты поверь! Я ведь тебя так люблю, так люблю!

Сарафанная пестрота мальв...

В Минусинске сарай называется завозней. Город был настолько тихим, провинциальным, что там и двадцать лет спустя вспоминали нераскрытое убийство некоего Адама Адамовича, ссыльного, зубного, кажется, врача. Действовал собор, откуда в пасхальную ночь, после службы, по всем улицам расползались светляки, защищенные от ветра колпаками из стеклянных банок. Зима продолжалась всего четыре с половиной месяца. Из-за особенностей почвы – никакой грязи. Зато на всем, даже на плитах тротуаров, не пыль, а патина истории. Ее, казалось, и отряхивали с ног и одежды, как цветочную пыльцу, когда переступали порог дома. В начале апреля уже все цвело. Проходя по Штабной, я видел в низком окне профиль какого-нибудь породистого старика с длинным худым лицом, скептично и грустно наблюдающего за прохожими и редким транспортом. Помню, очень удивился, когда в кафе, которое по мере возможности старалось не соблюдать «рыбные дни», продолжавшиеся в этом городе неделями, мне пришили к плащу оторвавшуюся вешалку, я, смутившись, предложил чаевые, но гардеробщица не взяла: «Я хотела сделать вам приятное!» Для нас с Колей, как песня, звучали слова из объявления, наклеенного на заборе: «...продаются флоксы многолетние». Казалось, вот сейчас, за углом, наткнемся на упраздненные еры и яти. Как будто попали в другой мир, собственно, так это и было. А заборы там глухие, высокие, с металлическими коль-

цами на воротах, между деревянными домами – противопожарные разделительные стены из камня... На центральной площади – старинное кирпичное здание, с полуколоннами, порталами, вышитое крестиком каменных дел мастерами. Чем-то оно смахивало на средневековый замок. Неофициально это загадочное здание по-прежнему величали банком Вильнера, что напоминало о зажиточной жизни до революции. А одна из улиц на окраине носила красивейшее в мире имя – Утро сентябрьское.

О Вильнерах знаю только то, что они похоронены на своем семейном кладбище, за городом. Невысокие покосившиеся плоские камни из местного материала с выбитыми на них барельефами голубков, в клювах – веточки, имена с ерами и ятями. И те же надписи по-еврейски.

24.

Отсюда уже рукой подать до лысой, как призывник, горы с комариком радиолокатора на макушке, за которой наша база – отстой, где в некоторых местах вдоль берега таблички со словом «Мертвяк». Не имени, ни фамилии. Не мертвец, не костяк, не доходяга... Тогда что?.. Археологическая мумия? Оказалось, что это глубоко вкопанные в землю якоря.

...А было в «ягуаре» двести, нет, лучше уж пусть не двести... сто, да хватит ста лошадиных сил!

– Потише, поосторожней, – не выдержала она. Но краем глаза я видел, как губы ее дрогнули и на лице медленно, как бы нехотя, взошла восторженная улыбка. Я выдвинул бар, где стояли (употреблять-то за рулем спиртное запрещается!) газированные соки.

– Хочешь?

Из-за того кладбища чуть не погиб. Возвращался от Любы ночью. Город позади уже потух. Оно – справа. Ни звездочки. Голые сопки. До отстоя, где на брандвахте надеялся переночевать, километра полтора. Что-то дышит в затылок... Напал безотчетный страх. Побежал. По грунтовой дороге, по подвесному раскачивающемуся мосту над Быстрой... Вдруг резкий удар в лоб. Открыл глаза, когда уже лежал под мостом, на гальке, головой к воде, волосы намокли – метра три падал. Никакой боли, ничего не сломал, понял только, что находился без сознания, а ударился о бревно перекладины, которая была в конце моста. Ударом меня и выбросило за канаты ограждения.

В разгар шахтерских забастовок. Слишком задержался на площади – как же теперь домой попасть? Ходит ли транспорт? На всякий случай вместе с группой таких же зевак двинулся на остановку. Еще не дошли – притормозил рейсовый автобус:

– Вам на «Радугу»? Тогда садитесь.

От денег водитель отказался. Впервые в Кемерове на меня пахнуло Минусинском.

Ну вот вроде склеилось еще и с Ковчегом?.. Сложи-ка что-то вразумительное из фрагментов разной величины, толщины и стиля!..

С утра конопатили и смолили лодку. А потом просто валялись на траве, глядя в голубизну, под головами – пучки шкимок (пеньковые веревочки для забивки щелей). Коля, весь внутренне напряженный (на уме одна Алла, которая дала ему тогда от ворот поворот) и отрешенный от всего – часто моргал, в уголках глаз белые сгустки – только и сказал: «Вот оно, ласковое равнодушие природы...» «Неужели сам придумал?» – поежился я от уважения.

...Стоп, «ягуар»! Приехали. Вот и замок. Самый настоящий. По фасаду, за подъемным мостом, выцарапанная детской рукой надпись: «Люба» (называют же где-то виллы «Регина» или, к примеру, «Тания»)...

Почему – детской? Наверное, я полагал, что чувство к женщине, как и любовь к матери, – оттуда, из детства – одно и на всю жизнь.

Я должен был поддакивать и соглашаться. Но не мог. Поэтому мы без конца ругались и спорили. Доходило чуть не до драки. К тому же Коля уже тогда очень ревниво относился к моим новым знакомым.

За стенкой – каюта Сани Котова, который утверждает, что он сын генерала, героя войны. Самый запущенный человек на брандвахте, но всегда в стареньком застегнутом под горло речном мундире со стоячим воротничком. По ночам он без конца скрипуче кашляет, не давая нам спать, говорит, что у него астма сердца. Грудь острая, петушиная. Речь невнятная. Но мы знаем, что, например, «чинка делки тоить» это – овчинка выделки не стоит, его любимая поговорка. В ней для него универсально уместилась вся житейская мудрость. Познакомились мы в Абаканском речном порту. Сидели на береговой насыпи вблизи работающего подъемного крана, когда сзади на нас упала тень все того же видавшего виды мундира и форменной фуражки: «Здроу, бичи!» С неудовольствием подумали было, что какой-то начальник, никак сам капитан-наставник, ругаться пришел, но из-под кустистых седеющих бровей выглядывали, вздрагивая, два маленьких затравленных зверька.

Итак, Алла отвергла. Коля уже не находит слов, жестов, иссяк и в прострации. Подумывает о возвраще-

нии в Кемерово. Приходится за очередное письмо садиться мне. Пишу о том, как искренне и красиво он ее любит, стараюсь, как могу, объяснить «темные пятна» его светлой натуры. Куча страниц – обо всем: дольше читает – больше думает. Сработало. Через неделю Алла приезжает в Минусинск. Но ненадолго. Полное и глупое счастье на Колиной физиономии, глаза лучатся. Он удивлен: как я так сумел?.. Алла живет вместе с ним на брандвахте. Находится на Колином пайке. Питается вместе со всеми в кают-компании. Вскоре и Шумицкий вызвал из Березовского свою подругу Таню.

Начальник партии Данилыч недоволен появлением на брандвахте женщин, но, поставленный перед фактом, смиряется. Называет Аллу и Таню женами работников. Так и все их вскоре начинают величать.

Шкипер Петька постарше нас лет на десять. У него, как у истинного маримана, – в каждом порту (хотя появление даже деревенских пристаней у нас непредсказуемо, чаще всего это – вбитый в берег лом): «Вот пройдем Большой порог, и я тоже возьму на борт подругу, сделаю из нее матроску. Заставлю ее голую на каблуках мыть кают-компанию, а сам буду смотреть и пить, не эту гадкую водку, а шампанское!» Наливает себе еще, и мы узнаем, что из себя представляет женщина его мечты, Тане и Алле до нее далеко: «Терпеть не могу тощих. Что с них толку – воз костей да телега мяса! А у той жопа – во! «Гастелловский» гудок! Это пароход такой у нас был, «Гастелло»...»

Из письма Ибрагимова: «Ты все минусуешься?»

25.

Что за привычка – оставлять самое главное на потом. Из детства, что ли: сначала обкусываю ватрушку с края, чтобы в конце насладиться сладким творогом. Но что главное? Никак не пойму, где же обрывается спасительная ниточка...

...На столе арбуз. Отчим говорит, что сделает стрелялку, если я принесу толстое гусиное перо. Долго хожу по деревенской улице. Возвращаюсь ни с чем. В уме одни блестящие баски, капельки слепого дождя и в перышках (все недостаточно больших) сверкает отраженное солнце, – совсем не понимаю, что за стрелялку, пуляющую арбузными корками, он обещал мне сделать: «А зеркало можно?» Ну идиот!..

– Спокойной ночи, мама, спокойной ночи, Оля, спокойной ночи, Вера, спокойной ночи, баба Иля, спокойной ночи, тетя Женя, спокойной ночи, Андрей, спокойной ночи, дядя Леша, спокойной ночи все!

Мать:

– А почему Каича (Николая Игоревича) не называешь?

– Как не называет! Я для него – «все».

26.

Меня отстранили.

Причалили к острову как раз в том месте, где через него образовалась протока. Вынесли на крутой мыс топоры, лопаты, вешки. Лодку за бугром не видно, но по внезапному шуму понял: сорвало. Юрка, который выходил последним, забыл ее привязать! Но виноват-то все равно рулевой-моторист! В чем был, в том и – с берега. Пьяным свальным течением заносит, куда надо (сейчас бы не сунулся!): вон она, лодка, прижало ее к низкой, окунувшейся в воду черемухе. Схватился за борт, но затягивает под днище, чуть штаны не снимает, догадался вырвать из воды ногу, зацепился, весь перевалился. Отлежавшись, пробую качнуть. Мертвяк. Как приросла.

Продрался сквозь заросли и сразу же перелез ко мне по стволу Юра.

– Ты подрубай дерево, а я заведу мотор, и мы выскочим!.. – крикнул ему. Но неправильными оказались наши расчеты: надо было подрубать ствол поближе к корню, а черемуха толстенная!..

Только отлетела уносимая струей часть кроны, и я дал газ, как лодку развернуло еще круче и выдернуло из-под ног. Будто стена на нас рухнула со страшным шумом. Это и была сплошная стена воды, ударившая через борт. Нас вышвырнуло и куда-то потащило, колотя галькой, помню, мелькнуло в сознании: «Так и тонут!», и только выбравшись на противоположный отлогий берег, увидели, что лодка на месте. Под тем же обливным стволом, но перевернутая, зацепилась днищем и теперь – носом по течению.

Из воды, отфыркиваясь, вылез Коля, появившийся перед тем в растрепанном кустарнике над обрывом, в руках – дальномерная рейка и бачок с бензином. Это все, что удалось спасти, утонули эхолот, бинокль и еще что-то...

Несколько раз занырывал, чтобы схватить цепь. Меня проносило над лодкой, перебрасывая через черемуху. Вот она, держу цепь в руке. Цепь длинная, но до берега не достает. Сам не могу вылезти – глубоко. Резиновые сапоги будто киселем наполнены. Не помогает и пробковый жилет. Зайдя в воду, Юра протягивает конец дальномерной рейки. Дрыгая ногами, чтобы удержаться на плаву, привязываю к ней цепь. Теперь лодку не унесет. С мыса выстрел – воздух прожгла ракета. Бабахнул Врублевский. Нашей троице оставалось только кормить комаров и ждать, когда придет помощь.

Загублена та новенькая лодка, которую мы конопатили с Колей...

27.

Мокрые, поднимаемся на брандвахту, понурив головы. На палубе, как раз напротив трапа, фигура Данилыча. Ноги широко расставлены. Мрачнее тучи. Обычно обходительный, как бы даже опекавший меня, в тот раз он только и произнес:

– Мудак!

Я и не оправдываюсь...

Леха – худой, долговязый подросток, с маленьким, сжатым в кулачок смугло-пятнистым личиком, мнет гармошкой папиросы, много и не к месту матерится – хочет выглядеть постарше. Только что окончил речное училище. Леху мы называем Юнгой. К нам с Колей Юнга почему-то тянется. Однажды втроем сидели на траве, пили какое-то красное вино (любимый нами вермут?), и Леха рассказывал о своей не очень веселой жизни. Из всего запомнилось про отца: «Зимой валенками бил, а летом сапогами».

Из-за отсутствия эхолота теперь замеры делаются по старинке: длинным шестом с делениями – наметкой. Она, как персидская княжна, порхает в руках бородатого Шумицкого...

– Пять метров. Семь. Не достаю!..

– Это хорошо...

У нас пополнение – появилась матроска. Произошло это задолго до Большого порога. Привез ее откуда-то шкипер. Это явно не та фемина, которой он хвастался. У нее клочками загорелая, пока еще смазливая физиономия. Следы былой красоты и алкогольного настоящего. Жадно реагирует на всех, у кого хоть какой-то признак щетины. Проходя мимо моей каюты, непременно ухмыльнется в окошко – и таким лютым повеет!..

У Коли и Юры в глазах застыло невинное выражение. Но Алла, Таня и повариха Люська все равно недовольны. Петька говорит, что после Шушенского, где можно закупить спиртного, собирается на ней жениться. По-моряцки: будет еще одна жена. Всех приглашает! А чего не погулять?..

Люська украдкой заскакивает в каюту, и я откладываю в сторону книгу. Она задергивает занавески и, присев на кровать, начинает ласться. И принюхиваться не надо: на обед снова осточертевший хек, жареный на прогорклом масле (все экономит, дрянь этакая: «На всякий пожарный!» – хитро щурится). Люська оттопыривает мне на груди тельняшку, щиплет за волосики: «Мои? Ну скажи, мои?» «Твои», – вымучиваю улыбку, лишь бы отвязаться. Перед глазами вчерашняя картина: как хищно она вгрызалась зубами в еще живую, трепыхающуюся рыбешку, выловленную ей Петром, – кровь текла по рукам и подбородку. И накаркала. Рыба с кровью – к непогоде. Сегодня льет вовсю. И мы не работаем. Довольная Люська наваливается всей грудью, трется, запуская через горловину тельника еще горячие после кухни руки, до самого ремня:

– Люсин Володя.

Что за кокетство – говорить о себе в третьем лице: «Люсе скучно...» и т. д.?

– Ты же так задушишь меня! – неловко пытаюсь вырваться.

– Ой, задушу!

Огромные чуть раскосые глаза, красивый презрительный изгиб губ, черные усики, видимые только сбоку, нос с горбинкой... Вот росточком маловата. И возраст – не поймешь. Говорят, она бывшая актриса драмтеатра в Кишиневе. Как ее сюда занесло? А как занесло сюда нас, меня, Колю, Юрку? Люди стремительно перемещались по Союзу, никакая собственность их не держала. Какой-то минимум, необходимый для жизни, все равно был обеспечен при соблюдении правил Большой игры...

Но здесь в основном те, кто правила не жалует. Сплошные, в кого ни ткни, нарушители. Штрафники. И мы, никуда не денешься, из их числа, пораженные, видимо, еще до своего рождения, в самих генах, какой-то неведомой бациллой. Какие бы перемены ни произошли в будущем, у нас не будет судьбы, не будет ничего, чем так гордятся и дорожат люди. Ни хорошей квартиры, ни работы по призванию, ни собственной машины, желательно с зеркальным номером, ни той первой и единственной, любимой и преданной, о которой все мысли с юных лет, ни порядка в семье, ни денег. Люське, например, уже никогда не подняться снова на сцену, жизнь огрубила ее, никакой театр ей теперь не светит.

Постоянное у Петьки-шкипера: «Было у старика три сына. Двое нормальных, а у третьего вместо пупа шуруп...»

28.

Еще подростком был, а баба Иля, злая на отца, под горячую руку назвала и меня алконавтом.

Ну и доставала же она всех, особенно под старость!

– Баба Иля, сделай вид, что тебя ищут!

Она рассказала, как мы попали в сюда. В 1852 году ее уральский предок задумал жениться. Но невесту прямо из-под венца увел какой-то барин. Так вот... того барина он порешил, из-за чего и сбежал в Сибирь.

Муж бабы Или Афанасий Иванович на двадцать лет ее старше. Выслужился до дворянства. Из капиталистов. Той новой формации, что сменила ухарей Островского. После революции тоже вынужден был скрыться в Сибири, бросив свои металлургические заводы в Перми и в Ирбите. Запомнились групповые фотографии с дырками. Это его лицо с какой-то поспешностью вырезали из некоторых снимков, вместо человека получались дырки с офицерскими погонами. Он имел хорошее образование, был мягок, интеллигентен. После разгрома Колчака устроился литправщиком в Тайгинскую городскую газету. И надо же: по уши влюбился в задорную и неглупую комсомолку двадцатых годов, тогда наборщицу типографии.

Он умер в страшной тоске, когда его жену посадили, умер от голода и водянки, хотя дочери и старались поить его витаминным супом из крапивы. Мира между разновозрастными супругами не было, баба Иля вышла за него из жалости (он даже травился) и регулярно доводила до состояния, которое люди называют тихой сапой. Он выбегал в такие моменты из дома и падал лицом в снег. Сплошные страсти-мордасти! Знакомо? Афанасий Иванович это – я?..

– Ах, этот Юзек! – бывало возмущался Афанасий Иванович и вопреки себе не стеснялся в выражениях. В семье знали, о ком речь. Так он называл вождя всех народов. По той же, видимо, причине, по какой шорские охотники медведя именуют хозяином. Из суеверия. Но не помогло...

Хлеб по карточкам. Некоторые их теряли. А в детском саду, где работала баба Иля заведующей, нетнет да оставались недоеденные куски. Как-то сжалилась над одним раззявой и за то, что тот откидал по ее просьбе снег от садика, рассчиталась хлебом. Нашлись и еще охотники поработать на тех же условиях. Ее разоблачили и осудили.

Но почему именно Юзек, это же польское имя? В 39-м в Тайге оно стало нарицательным. Как Иван испокон веку – русский или Ганц – немец...

Юзеками называли всех поляков, вывезенных сюда из занятого Красной армией Кракова. Были и нарядные пани – жены юзеков. И их дети. Всего человек четыреста. Причем только гражданские лица, в основном интеллигенция, ученые, преподаватели, литераторы, музыканты. Интернированных поселили в леспромхозовских бараках, которые обнесли колючкой, и работать водили на деляны. Как было не возмущаться моему деду!

Тогда и появилась в доме двоюродная сестра у моей матери и тети Берта Биненшток. Она жила у них, а ее родители, профессора Краковского университета, поминая матку бозку, осваивали в это время профессии лесорубов. Берта знала разные языки, в том числе русский, на котором говорила с едва заметным акцентом. А так как была примерно ровесницей сестрам-погодкам, то и в школу ходила вместе с ними. Вот на пожелтевшем снимке, который держу в руках, все три сестры вместе.

Страшная тайна, что Берта даже не родственница, раскрылась только в июне 41-го. За две недели до начала войны. Полякам вдруг объявили, что их отправляют к себе на родину. Ликованию не было предела. Обносившиеся люди с чемоданами и узелками заполняли поданные для них четыре бардовых вагона-телятника. Прощаясь с приютившей ее семьей, со своими новыми друзьями, Берта обещала писать с дороги и не могла сдержать слез. Специально для лучших подруг Берты кто-то из юзеков играл на скрипке...

Мать вспомнила об этой истории, прочитав изданный к тому времени «Архипелаг «ГУЛАГ». И закрались в ее душу сомнения, потеряла она покой. Вот-вот грянет война. Куда же, на самом-то деле, могли увезти поляков? Какова их судьба? Обратилась с письмом в «Мемориал», еще куда-то – без ответа. Будто и не было в Тайге иностранных поселенцев! Никто из чиновников ничего об этом не знает. Или только вид делают? Архивы же до сих пор хранят тайну, которая с годами становится все более зловещей.

Но язык до Москвы доведет. Одного спросишь, другого... Приходилось мне слышать от людей, которым не могу не верить, что вывезли поляков по томской ветке в какой-то тупик в пределах Кемеровской же (тогда Новосибирской) области и там расстреляли.

Потому и не было писем от Берты.

Ах, этот Юзек!.. Кончится ли когда-нибудь его правление?! Сейчас за него снова произносят тосты, а коммунисты во главе с Зюгановым минутой молчания почитают его светлую память.

В лагере у бабы Или появился новый муж. Вот это, говорят, была настоящая любовь. Он освободился раньше и больше они не встречались. Рассказывают, она сильно переживала.

От Афанасия Ивановича осталось лишь его стихотворение, посвященное «Тов. Шуре Песковой» (девичье имя бабы Или), написанное в 25-м, то есть за год до рождения матери. Баба Иля иногда доставала эту потемневшую по краям тетрадную страничку из шифоньера и начинала вдруг всхлипывать:

Если счастья всего ты не в силах снести,
Приходи поделиться со мною,
И поверь, что на этом счастливом пути
Я порадуюсь вместе с тобою.

Есть мнение, что родимые пятна – свидетельства неких преступлений предков.

«Брак без любви?.. – лезли иногда мысли. – Если бы они жили в деревне и не было революции, может, все сложилось бы иначе. И взгляд на жизнь был бы у них

другой. А в городе... С появлением детей уже ничего не поправить, дети странным образом тиражируют прошлое. Вновь и вновь раскручивается сюжет с отсутствием нежности, изнурительной застенчивостью, раздвоением личности, а то и с ненавистью к себе...»

Отчим любил бы меня больше, называй я его папой. Но я не смог. Что-то заперто было в душе. Какая-то заслонка стояла. Слово «папа» выпало из языка даже по отношению к родному отцу. Когда дети говорили «папа», я радовался, но часто машинально добавлял «римский».

Баба Иля из крепкой, зажиточной семьи, после 17-го года впавшей в бедность, она призналась, что ей, еще маленькой, приходилось даже побираться Христа ради...

– Называл бы меня отцом, – и криво усмехнулся почерневшим ртом. Я предчувствовал, что именно это он должен был сказать. Сам в тот момент об этом же думал: сейчас попросит!.. Хотел того. Но не смог и тогда пройти сквозь стекло. И чувствую себя виноватым.

...вдвоем толкали груженный мешками с картошкой мотоцикл: сел аккумулятор, а до города километров пятнадцать. Он давил на руль, я сзади – в люльку. Иногда менялись местами. Ноги подкашивались. Никогда в жизни и впоследствии так не изматывался. Доволокли под утро до шахты. Общая усталость сблизила, истончила стекло до невероятия. До взаимопроникающей нежности, которая вот она – вся прощупывалась... И пугала меня – так это непривычно! Поставили мотоцикл на промплощадке перед АБК. Николай Игоревич поплелся отдохнуть в сушилку, она на шахте всегда открыта. А я двинулся дальше, до города, чтобы успокоить мать.

Мать, которая не знала, что с нами произошло, вцепилась в меня, как безумная:

– Да все нормально, я же пришел!..

– Не ты меня интересуешь, он – жив?..

– Жив, жив, успокойся, сейчас все объясню...

29.

Двигатель тоже сгорел. Ущерб немалый. Всего, по скромным подсчетам, рублей на семьсот пятьдесят! Данилыч со мной не разговаривает. Утром не здоровается.

Врезалось из дневников Алексея Кольцова: «Уйду в лес по грибы, в поле по груши...» Всю жизнь думал: неужели в поле растут груши? И старался представить поле с редкими деревьями, грушами. И это состояние своей ненужности...

В каюту заглянул главный инженер:

– Не переживай, – потрепал по плечу. – Мы решили все скинуться. С тебя немного побольше – сорок два рубля.

А перед тем ввалился небритый Петька. С шикарным гусиным пером в руке.

– Тебе подарочек. От меня. На. Пиши, как Пушкин! Ну Петро!..

Только откуда он знает, что я пытаюсь что-то кропать? Никак эта стервозина Люська копалась без меня в тумбочке!

– Юра, кончай работу. Стоит репер и ладно!..

Но Шумицкий упорно заставляет себя ждать, обкапывая круговой канавкой столбик, приглаживая насыпь:

– Я с детства привык все делать на совесть! – И то ли в шутку это, то ли всерьез? – по нему не понять.

Однажды, когда Коля спал, растянувшись на траве, маленький паучок заткал ему глаз. Перед мысленным взором моего мнительного и суеверного друга, часто похожего на кокон колючей проволоки, заклубились картины того, что с ним станется после смерти.

В каюте у него под потолком жил зеленый паучок по имени Митя. А в моей, под кроватью – большой и черный, который днем вместо того чтобы отдыхать, изредка покидал свои тенета и выбегал на стену, его звали Карлом...

Мой страх перед пауками отдает чем-то мистическим.

Я не могу просто так, не глядя, бухнуться в траву, раскинув руки, как Никоко...

Прорубаем в кустарнике визирку. Дошли до березки.

– А ее что, тоже?..

Врублевский перекидывает из одного угла рта в другой папиросу:

– Тоже.

Юра и Коля сразу же бросают топоры.

– Вы что?..

– Не будем!

– Некому березку заломати!..

Приходится отдуваться мне: я – десятник. Злюсь на ребят: ведь не из жалости они так меня подставили, а из-за ее толщины.

Тюк-тюк...

– Убивец! – дурашливо кричит Шумицкий.

Водобоязнь напала. Тогда и понял: никогда не паниковать. Что б ни случилось. Это впоследствии пригодилось на порогах.

Партия раздвоилась, и меня в одном из ее отрядов снова назначили мотористом. Везу в утреннем тумане десять человек, подходим к пристани в Шушенском. И все – как-то недоверчиво ко мне. Советуют: правее, левее, глуши, нет еще рано... Спорят меж со-

бой, будто не я веду лодку, а они. Будто так боятся за свою жизнь. Будто не знают, что же на самом деле тогда произошло!.. И мне страшно. Кое-где лодка проваливается в какую-то пену, лишь на пару сантиметров борта над водой. В конце концов наступает полная сумятица. Под напором советчиков глушу мотор слишком рано, лодка движется по инерции, но становится неуправляемой – врезаюсь не в прогал между дюралек, а прямо в борт одной из них. Перегруженная железяка разрубает его почти до днища. Тут только все заткнулись. Выскочили с топорами и молотками, подколотили пробоину, чтобы не бросалась в глаза. Но впредь не лезли с советами: кого посрамили-то?

О нашей троице и несколько лет спустя помнили на Енисее. Знаю об этом, поскольку мы не раз с Колей и потом туда наведывались.

Несмотря на все перипетии, партия перевыполнила месячный план. Съемки глубин с опережением графика переданы на земснаряд, который шел по нашим стопам, углубляя фарватер. Кроме зарплаты мы получили премию. И в выходные, когда все начальство уехало домой, в Минусинск, Петр разразился свадьбой. Его, да и всех, будто какая-то муха укусила. Коля назвал ее шу-шу. Она совсем обнаглела с приближением цивилизации.

Пришвартовались к острову с низким, расклепанным ветрами сосняком, обычным в этих местах. Основной достопримечательностью его было то, что здесь, по преданию, некогда баловался с ружьишком тот политический ссыльный, который умнее всех, даже Бальзака, только что обрученный со своей Наденькой. (Неисповедимы пути господни: первое время в Минусинске, а точнее, все лето, я квартировал у сына купчихи Поповой, на месяц или на два после Шуши приютившей в своем доме в Красноярске будущего вождя мирового пролетариата. Была у Марка Васильевича фотография молодого Ильича с его дарственной надписью, да приезжал из столицы некий писатель Хаит и выпросил ее с обещанием вернуть после выхода своей книги. Но не вернул. А сейчас и М. В. Горбунова не стало.)

Люська залезла в продуктовый ларь (в выходные паек не положен, но она же наэкономила!) и приготовила ужин по-праздничному. Закупили зелени, водки, откуда-то появился самогон. Участники сабантуя могли шататься как по палубе, так и по полянам, на одной из которых развели большой костер, выставив на пенек спиртное. Кто-то, пользуясь темнотой, разделся донага и полез купаться. Но будто прямо из-под воды вдруг услышал до боли знакомый скрипучий кашель. Утонул?.. Да нет. Сын генерала на удивление быстро опьянел и, перепутав каюту с одной из лодок, привязанных к брандвахте, в самой что ни на есть изломанной позе отчалил к Морфею. А остальных теплая летняя ночь и ощущение полной свободы подталкивали к необычным поступкам.

Жених на месте. А вот невеста пропала. Нет и нет ее. Петр отправился на розыски. Начал с кают. Вдруг шум, крик: «Ах ты, сука!» Петр выбежал на палубу и сорвал с противопожарного щита топор: «Я сейчас вам покажу!» – и снова туда.

Приятной расслабленности – как не бывало, все, кто присутствовал при этом, кинулись за ним, втискиваясь в узкий темный коридор. Но навстречу уже шли три фигуры. Впереди – шкипер, он тащил за рукав подхрамывавшего высокого детину лет сорока, все сразу узнали Генку. У нас он не работал, но издавна привечаем был. Мне этот тип с самого начала невыразимо неприятен. У него бесцветные глаза, которые всегда отводит. И вихлястые пакостные мысли. Рассказывали, что из родных в Минусинске у него никого нет. Жену уже давно как ветром сдуло вместе с детьми. А комфортабельная, говорили, была бабец, жить бы да жить... Их заменили Енисей, рыбалка, дружба с речниками. И пьянство без тормозов. В тот раз именно он привез на своей моторке с полканистры крепака. Следом за ними, оправляясь и ловя стенки руками, шла невеста, которая так некрасиво сорвала праздник.

Всей кучей двинулись на поляну, к костру. Петр решил драться с Гендосом. Вызвал, так сказать, его на поединок. В качестве оружия была выбрана колода карт. Не ожидал, что и в тихий Минусинск уже занесены урковские ухватки!.. «Кто проиграет, тот и лишится ударом вот этого топора, – Петр помахал им в воздухе, – своего мужского достоинства! А она, – Петр ткнул пятерней в матроску, глаза его горели пьяной решимостью, – приведет приговор в исполнение. Согласна?» Да, ей интересно, она улыбается, снова топорщит грудь: «Согласна». Играли на пне в очко, играли и пили. Сколько партий – не знаю, всем уже стало скучно. Народ разбредался...

Вдруг Петр смахнул карты, хватанул еще водяры и стал снимать штаны. Потом, встав на колени и приподняв трусы, выложил с краю на освещенный костром спил дерева свое нечто, называемое достоинством, отклонился, отвернулся и заорал диким голосом – слезы из глаз: «Только не промажь!»

Взмах...

И не оказалось в кустах Моцарта за роялем, хотя по странному совпадению фамилия у Петьки была Хохлов. И возрадовался Бог на небеси, и зажмурился Змий в преисподней! Поединок-то был настоящим.

Сильный удар отбросил Петра в траву. Шумицкий,

который не участвовал в пьянке, закрывшись с женой в каюте, вовремя подоспел, теперь он возвышался над всеми, потирая свой здоровенный кулак: «Ты что, сдурел?!» Не выйди Юрка – и могло бы произойти непоправимое. Невеста, которую он разоружил, наскакивала на него с туфлей в руке, неловко топча бледную поганку своего капрона, который все более от того сползал – она забыла или не успела его закрепить, – мол, зачем вмешиваешься, не твое дело. Но Юрий уже не слушал, забрав топор, он отправился на брандвахту. Поднявшись на палубу, размахнулся и зашвырнул его подальше в воду, что окончательно доконало шкипера, ведь не кто иной, как он отвечал за инвентарь.

Весельчак и говорун Петька сидел в траве и плакал, придушенным, писклявым голосом причитая что-то по поводу поганой своей, загубленной такими вот падлами жизни...

Нас с Колей на свадьбе шкипера и матроски, к счастью, не было. Мы в это время находились в Минусинске: провожали Аллу.

Данилыч в понедельник написал приказ: на брандвахте спиртное не пить, даже в выходные и праздничные дни, и впредь чтобы – никаких посторонних и женщин на борту, за исключением поварихи.

Презрительно-победный изгиб люськиного рта, давно плотоядно высматривающей себе жениха... Никто так не ратовал за эту свадьбу, как она. Будто заранее знала, чем все кончится.

– Чинка делки тоить! – согласно резюмировал Саня Котов, прочитав бумагу.

Любы все нет... В свои наезды в Минусинск хозяйничал один в ее комнате на первом этаже деревянного дома купеческой постройки. Часто покупал вермут. И приходили грезы, казавшиеся по силе воздействия такими же реальными, как сама жизнь. Иногда засыпал с открытыми окнами, которые находились так низко, что в помещение легко можно было войти склонившись, прямо с тротуара. Однажды ночью пропали ее янтарные бусы.

«Подошел красный автобус. Мы сели и поехали. Вы уже догадались куда? Конечно. В замок...»

30.

Из воспоминаний дворника. Дама с мартышкой направилась на второй этаж к директору школы.

Черный шахтер у прилавка... Нет, пусть это будет негр! – с красным арбузом...

Влажная тяжесть мрамора.

В дневниках Достоевского – кажется, за 70-е: «...дожили! У бронзового Сусанина отпилили руку и снесли в кабак». Принимали ведь и тогда цветмет! А тут шума, по поводу мемориальных досок. Нет, не космический, не железный – все тот же бронзовый век.

Чего же еще не хватает для большего правдоподобия? Вот. Изобретал вечный российский двигатель, питающийся неровностями дорог.

Но самое дурацкое и наверняка кем-то запатентованное изобретение появилось в пик расцвета социализма – этакая плоская карманных размеров коробочка для игры в «Спортлото»: под стеклом – лунки с номерами и шарик, в какую закатился, ту цифру и записывай.

Как это соответствовало общественному строю!

КГБ с ног сбился, разыскивая транзисторный приемник «Серебряный господин голубого пространства»...

В «Правде» – национальный состав делегатов съезда партии. В самом конце: «...и три негра». И мы без лица, без национальности – народная масса...

Общенациональная идея? Что это? Она русская? Или опять обобществленная – единая для всех наций?.. Говорят, самая лучшая для нации идея – ее поиск. Вот уж что сплачивает!

...Петька перед навигацией поручил мне покраску одного из трюмных отсеков баржи. Дал банку с этикеткой «Синтолюкс». Сначала даже нравился сладковатый запах быстросохнущей, но в конце концов я отравился и, больно кашляя, выполз через узкий люк на свежий воздух, резь в легких держалась несколько дней.

...и снился мне один и тот же сон, который четко делился по главам, – каждую следующую ночь – его продолжение. Самый потрясающий момент оказался, судя по всему, пророческим.

Мне снилась девушка, дочка квартирной хозяйки. Сидя на кровати с подобранными под себя ногами, она, не моргая, смотрела на меня своими тяжелыми кофейными глазами и улыбалась, как Будда. Полный радостного томления, я двинулся к ней. Но чем ближе подходил, тем меньше становился ростом. И вот рядом с великаншей я уже увидел себя карликом, в душе заклубился страх. А она все так же звала-манила своей улыбкой и веселым многообещающим взглядом ядовитой змеи.

Ассоциации: синтетическая краска, травка (повальное курение марихуаны в укрепрайоне, грешен: тоже пробовал), старый индеец дон Хуан...

31.

Навсегда: Эрмитаж, Кес ван Донген, «Дама в зеленом»...

Блюстители чистоты жанра могут и не поверить, что это, скорее всего, роман. Например, роман-имитация или монолог. Ну, роман, утопленный в воспоминаниях, или воспоминания, утопленные в романе. Поэтому уместно сказать, что, помимо басок, попадались и почти целенькие, только надтреснутые, миски. То есть нечто чертовски настоящее! Но и они, впрочем, все равно – баски...

...Та работа была более теплая, чем сейчас. Он охранял административное здание, часть которого сдавалась в аренду разным фирмам. Вечером здание пустело, включались сигнализация и телекамеры для обзора этажей. И все-таки перед тем как переключить экран на что-то более интересное, а потом и прикорнуть, сидя в кресле, дежурные по обязанности и для успокоения совести обходили полутемные коридоры, заглядывали в разные закутки, под нижние лестничные марши. Во время обхода он и услышал шум в одном из кабинетов. Под запертыми железными дверями лежала полоска света. Он вспомнил, что вечером, когда все уже покидали офисы, вернулся Суздальцев, довольно крупный мужчина лет пятидесяти. Каждый раз он подчеркнуто доброжелательно, как бы даже радостно ручкался с вахтерами, за что, знать, и называли его бывшим чекистом. Вернулся он не один, а с женщиной, сотрудницей из его же отдела. Оба навеселе. «Ну что ж, тем лучше, – успокоился дежурный, – не положено после десяти, зато не скучно, пусть остаются». Спустившись к себе в служебку, откупорил бутылку пива. Однако эта ночь не показалась ему спокойной. Из кабинета на втором этаже, где заперлась парочка, всю ночь долетали стоны и возгласы – какой уж тут сон?! Он снова поднялся по лестнице – за дверью уже погасили свет – и отчетливо различил прерывающиеся от волнения слова: «Еще, Олег! Еще!.. Мне так хорошо!» И снова тишина. И опять женский голос.

Он думал о себе. И мысли эти, перемежаемые навязчивыми эротическими фантазиями, были грустные. Он примерно ровесник Олега, но как все неудачно сложилось в жизни. Перестройка, которую принял восторженно. Рынок, к которому никак не мог приспособиться. Речь уже не шла о том, чтобы сделать карьеру – он потерял довольно престижную работу – сократили. А вскоре и сама организация, которой отдал годы, закрылась: оказалась лишней. Жена бросила: ей обрыдли его запои. Чувствуя свою вину, после развода он оставил ей квартиру. Это была большая ошибка. Кому он теперь нужен?.. Он завидовал Олегу. Вот так может проводить время с женщиной и наслаждаться ее ласками, водятся и деньжата, которых наверняка хватит не на одну бутылку хорошего вина...

Глаз он в ту ночь не сомкнул, поминутно прислушиваясь то к скрипу, то к голосам, которые долетали сверху. Сигареты быстро и давно кончились. Когда почти рассвело и было часов шесть утра, он открыл двери парадной и вышел на крыльцо. Середина ноября, а какая слякоть! Вчерашний снег почти растаял, с неба настойчиво капало – тучи низкие, теплые, напоминали простоквашу в банке, забытую нерадивой хозяйкой. Возле торцевой стены соседнего дома под дождем стояла женщина. Издалека он не мог разглядеть черты ее лица. На ней темно-зеленое демисезонное пальто и в цвет ему широкополая шляпа из букле, показавшаяся ему экзотичной.

Что она здесь торчит, в такую рань? Он приветственно поднял правую руку, незнакомая женщина откликнулась неуловимым жестом и будто даже подалась вперед – под дождь из-под козырька крыши. Он зигзагами направился в ее сторону, перепрыгивая через грязь и лужи, улыбался: «Закурить, извините... Хочу закурить!» Она кивнула головой: дескать, да, да, это есть, и решительно сама пошла навстречу. «И не только сигареты у меня есть...» – усмехнулась. Они уже встретились где-то посередине, под дождем, с полей ее шляпы капало. И лицо ее было в каплях – не очень-то прикрывали козырек дома и промокший головной убор, не предназначенный для такой погоды. Она достала из сумочки пачку дорогих дамских сигарет, мелькнув длинными ухоженными ногтями, которые тоже были темно-зеленые и с блестками.

– Что вы здесь делаете так рано? И почему у вас все зеленое? – вопросы вырвались сами собой, когда он заметил, что и на ее красивом и все-таки печальном лице, несмотря на то, что женщина все время улыбалась, как бы лежали отблески шляпы, сама тень от полей которой в утреннем сумраке тоже была зеленоватой и теперь переливалась в капельках.

– У меня здесь назначена встреча. За мной должны подъехать. А зеленый цвет просто люблю, он – мой...

Тут он обратил внимание на ее глаза: они были того же цвета – морская темная волна.

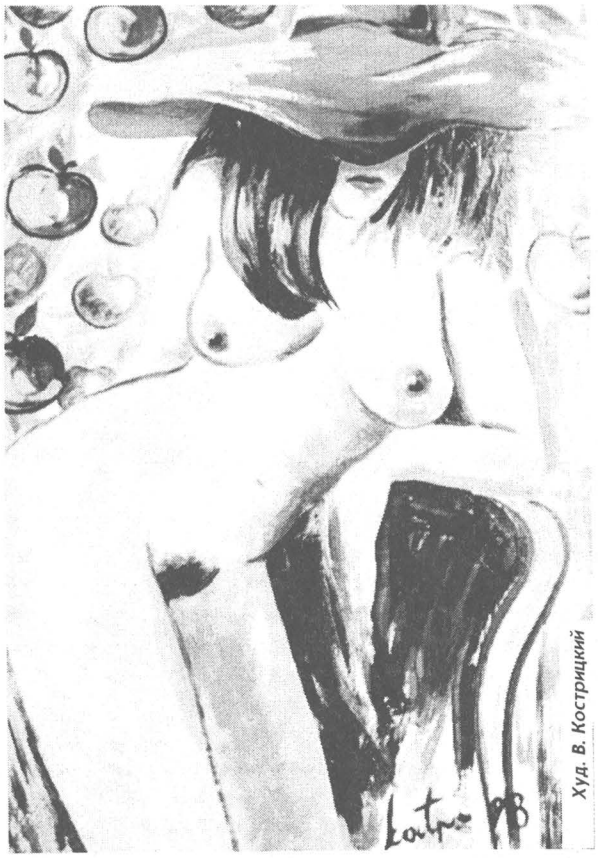
– Вы здешняя?

– Нет, приезжая.

И все-таки вопросы оставались, когда, осмелев, он под руку вел ее из-под дождя к себе в «предбанник», уводя от того, кто должен был за ней приехать, а спрашивал он легкомысленно, много ли у нее сигарет да чем она занимается?.. Лишь бы не молчать. Рядом – роскошная дама, и флирт, казалось ему, завязывался сам собой. Незнакомка охотно шла на сближение. Вчера был чей-то профессиональный праздник, и мимо

здания, находившегося почти в центре города, кто только не прогуливался по направлению к набережной, он с крыльца любовался красивыми нарядными женщинами, были к вечеру и такие, которые откровенно заглядывали ему в глаза, развязно смеялись. Как Лиля отличалась от них!

«Давай будем на «ты», – она стала инициатором такого обращения. Лиля понимала поэзию, и он на память стал читать ей стихи о любви. Но произошло это после того, как она во второй раз сказала, что у нее есть не только сигареты, но она не знает, как он к этому отнесется: все-таки он на службе. Бенгальская

Худ. В. Кострицкий

вспышка ногтей в полутемноте – она ловко вытащила из сумочки плоскую металлическую фляжку: «Водка» (очаровательная улыбка) – и полиэтиленовый пакет с парочкой соленых огурцов: – Вот хлеба нет...»

– Зачем тебе это? – удивился он.

– Холодно все-таки... ждать! Для сугрева!

– Да? Хорошо! Есть еще женщины в русских селеньях!.. – одобрительно хмыкнул дежурный, намекнув на то, что даже не знает, откуда она.

– И не спрашивай, из какой я деревни... Издалека, – в тон ему отмахнулась Лиля, сразу поняв, что его интересует.

Они выпили уже по паре стопок, хотя сама стопка была всего одна – женщина не побрезговала, она проявляла открытость и, как ему все больше казалось, готовность ко многому. Он рискнул предположить, что она могла бы ему отдаться, будь он более решителен. Прямо здесь, на клеенчатом столе, где находились приборы с лампочками сигнализации и их утренняя импровизированная трапеза. Они сидели напротив друг друга, он протянул руку и ощутил под пальцами ее влажные волосы и бархатистую кожу щеки. Их колени соприкоснулись.

– Знаешь, давай будем... больше, чем просто друзьями, – сказал он, выразительно глядя на нее. – Скоро повалит сюда народ... Но ты не забывай! Приходи ко мне вечером, если еще приедешь. Ты согласна?

– Да, я согласна! Мне тоже хотелось бы продолжить наше знакомство, ты мне понравился, Володя, даже очень. Ты интересный собеседник, необычный. Ночью же здесь никого не бывает? – глаза лучились грустно и восторженно. – А у вас туалет где?

– Увы, только на втором этаже... Знаешь, что я хотел еще сказать: ты похожа на один портрет – «Дама в зеленом», видел его в Эрмитаже. С час простоял рядом. Просто влюбился. Глаза у нее такие же, как у тебя. В них столько понимания!.. Знаешь, я дико завидую некоторым людям. Тому же Олегу, который из чекистов...

– Олегу?..

– Начальнику отдела одной нашей фирмы... Он там наверху, где действующий туалет, хм, заперся с вечера вместе с женщиной... Представь, они – всю ночь!.. Ну каково мне было сидеть здесь и слушать их? – Он почувствовал, что его понесло: должно быть, водка ударила в голову – явно наговорил лишнего.

– Да?.. – ее темные глаза вдруг стали пронзительными и строгими. Мгновение назад они еще не были такими. Их зелень прямо-таки зажглась, и теперь они больше всего напоминали морскую, перед бурей, волну, в которой так и кишели скалозубые чудовища.

Он вдруг все понял, покраснел, не зная что сказать, будто порывом холодного шквала обдало и отшвырнуло:

– Так ты что? Жена его? Так вот кого ты ждешь? Ох и дурак же я!..

– Да, Олег – мой муж.

Он стал извиняться. А она говорила, что все нормально, что все так и будет между ним и ею, как они договорились. Она придет к нему, обязательно. Он неожиданно расслабился – силы как бы покинули его, и уже зло, каверзно, отойдя от состояния, вызванного наваждением этой неожиданной близости, проклиная себя за несообразительность, болтливый язык, за

то, что так глупо нарушил святой принцип мужской солидарности, сказал:

– А не слабый у тебя мужик? Эти бесконечные вскрики и завывания...

– Да какой он сильный! Посредственность! – усмехнулась его новая знакомая. – Это она, та, его очередная пассия... преставлялась, врала!

– Врала?.. Да, конечно... Она и мизинца твоего не стоит, поверь!..

Она сделала попытку встать со стула, чтобы броситься наверх – ей хотелось захватить их врасплох. Он остановил ее: лучше не надо! Ну подумай, в каком глупом положении тогда окажется он, как потом будет здороваться с ее мужем? Но тут же его резанула мысль: кто он такой и что он значит на фоне драмы, которая разворачивается на его глазах? Ее уже ничем не удержишь. Она все равно сделает то, что решила. Вот сейчас она отбросит его, сильного мужчину в сторону, как разбушевавшаяся стихия. Сраму-то!.. Но он ошибался. Эта женщина все также держала ситуацию в руках и быстро сориентировалась: «Скажешь, что просто какая-то незнакомая мадам зашла в здание и попросилась пописать, ты и пропустил ее. Вот и все. Я скажу ему то же самое. Договорились?..» Больше он ее не удерживал, лишь успел поцеловать на лету влажные, вырывающиеся пальцы – она буквально вспорхнула вверх по лестнице, не забыв, однако, прихватить изящную свою фляжку, которая была уже пуста.

Он увидел ее еще раз, примерно через полчаса, когда они выходили из здания вдвоем, она победно и как-то торжественно улыбалась и крепко, демонстративно крепко, держала супруга под руку, прильнув к нему телом. Ее глаза встретились с глазами вахтера, незаметно она кивнула ему: дескать, все в порядке! Лицо Суздальцева в тот момент ничего не выражало, оно было просто помятым. Не позавидуешь!.. Еще раньше прошла и та одинокая, по всей вероятности, женщина, с которой Суздальцев провел эту ночь и чьи страстные задыхающиеся слова до сих пор кровью колотились в голове у невольного свидетеля. Свидетеля?.. Да нет, теперь уже и соучастника, о чем думать Владимиру было крайне неприятно. Эта женщина прошла быстро, не поднимая глаз, вполне, впрочем, прибранная, причесанная. Что произошло там, в кабинете, между этой троицей, какие они находили слова и доводы в свое оправдание, Владимир мог только догадываться. По крайней мере, никакого шума, пока они находились там вместе, не было. Стулья остались целы. Конфликт, видимо, был разрешен что называется по-интеллигентски.

...Незаметно пролетело трое суток, в течение которых вахтер без конца возвращался мыслями к случившемуся. И вот новое дежурство. Как он встретится с Суздальцевым, что тот ему скажет? Его супруга, конечно, обо всем уже разболтала мужу. И про то, как охранник пытался ее соблазнить! Вместе они и посмеялись над ним. Вляпался же, черт возьми!.. Суздальцев толкнул дверь в служебку и решительно перешагнул порог комнатки. Владимир, успевший смириться с мыслями о неизбежных неприятностях, поднялся ему навстречу, готовый ко всему. И увидел перед собой знакомую открытую улыбку, протянутую для рукопожатия ладонь:

– Вы извините меня. Я так виноват. Больше это не повторится. Давайте забудем?..

– Считайте, что уже забыли! Но ваша жена – настоящая Мата Хари! Передавайте ей привет!

– Да, она мне все рассказала... Как обвела вас вокруг пальца, – Суздальцев расхохотался, – туалет!.. Вот придумала!

Владимир тоже смеялся. Теперь он был уверен в своей зеленой даме. Да, да, в своей!.. Пусть на время, пусть только в мыслях. Выпуклым для него вдруг стало то, что они и впрямь еще встретятся.

32.

Через неделю: только вот зачем?..

«Спой мне, иволга, песню пустынную...» И вот она, затворница, поет, сначала какой-то скрежет, будто открывают на ветке тополя заржавленный кран, а дальше всего несколько капель – нечто нежнейшее и чудесное... Уж тут-то свое. Затем следует повтор того же.

Пение спилили. Для лучшего обзора. Тополь по грудь забрызгал своей кровью рабочего с бензопилой.

Истинные храмы строятся по ночам.

Заклокотала в трубе вода, напоминая прыжки кота...

– Портить жизнь себе и другим...
– Сам во всем виноват...

Слышал, что в Англии пару лет назад, едва ли не на общественных началах, создана группа по разработке защиты от астероидной опасности. Чудаки! Мир живет сиюминутным и личным.

Бабочки на звезды улетят...

Оторвавшись от воды с парашютом, сильно разбилась на Обском море Юлька – упала в моторку. Сломала ребра, повредила легкие. Их надо тренировать. Воздушные шарики надувать пока не может, надувает презервативы. Два свешивались с пианино...

Знаете берестянщика Хаха... И о чем я постоянно?!. Ведь в это время...

Встречал человека, который убедительно и с легкостью мог расшифровать цепочку роковых обстоятельств, учитывая даже такие моменты, как банальное падение бутерброда маслом вниз, которое произошло, например, позавчера. Мысль его постоянно работала в этом направлении, и он стоял на грани предсказания ближайшего будущего.

– Давай не говорить за любовь. Это – как бы вершина. Дальше может быть только спуск...

Коле приснилось голубое озеро высоко в горах, очень похожее на Аккемское или Кучерлинское, что на Алтае, у подножия Белухи. Они с женой стоят на берегу, их тени падают на воду. Он подумал, что сойдет с ума: до того красиво! Вдруг подул ветерок, и его, Колина, тень, как льдина, оторвалась и поплыла куда-то вдаль...

Когда Кирилл и Алла нашли Колю утром на лестничной площадке, он уже окоченел. Руки выставлены вперед, кулаки сжаты. В такой позе и уносили его, под взгорбленной простыней.

«Разговора моего овсянки, жаворонки и дрозды...» – это он.

...После того как она отравилась целой горстью таблеток и вскрыла вены, но попала в реанимацию, она еще какое-то время никак не могла избавиться от ощущения незавершенности, ее по-прежнему как бы засасывала пустота, куда она так опрометчиво шагнула. С отрешенными глазами, как тень, в блеклом больничном и босиком, взлохмаченная, она выходила из палаты и куда-то шла, ее останавливали и водворяли на место, но она снова пыталась бежать – ей хотелось умереть. Она не могла понять, почему ей мешают это сделать. Продолжалось это до тех пор, пока мать не подговорила молодых врачей-мужчин почаще к ней заходить и говорить комплименты. Через некоторое время она попросила принести ей помаду и стала подкрашивать губы, щеки ее порозовели.

У Вити Зайцева младшая сотворила то же самое. Зачем? Странно – почти одновременно с моей. Но ее не смогли спасти. Ей было шестнадцать.

...Я увез их на моторной лодке вверх по Томи, до брошенной жителями Порываевки. Расположились недалеко от того места, где под обрывом выходит на поверхность угольный пласт, – там есть несколько уютных омутов. В распахнутый бредень загоняли рыбу. Она показывала мне, шлепая по воде руками: «Вот так надо!..» Как уточка, которая еще не может взлететь. А потом как-то встретил ее восторженно-светлую, улыбающуюся, в самом центре, возле фонтана.

– Здравствуйте!..

На голове – венок из ромашек.

33.

Бог – завершенность, Дьявол – незавершенность. Это основное между ними. И то, и другое – внутри нас. Доделанное и недоделанное. Схваченное и упущенное. И все, что из этого проистекает, распирая, копясь... Дьявол стремится стать Богом. Чтобы сочетать свои углы с кругом. И Богу это нравится, потому что смахивает на творчество. «Хорошо!» – и он млеет, как губернатор от любви подчиненных. Ибо и сам не чужд углов, как создатель и зиждитель всего. Но у Дьявола только углы. И в этом проблема. И еще у них разница в векторах... Бог, образно говоря, стремится поднять-возвысить земное до небес, а его вечный соперник – приземлить небеса. Разве не так?

На реке. Где-то у Чехова ремарка: «Вышла Елена, в розовом платье с зеленым поясом». Розовый поясок заката. Природа не знает безвкусицы, даже в сочетании с зеленым.

«Рыбка» – пронзительные стихи Ширяева о нашем стремлении к красоте: «Кружок драматический в школе. Девчонка слегка опоздала. Разобраны главные роли, осталась одна только Рыбка....– Ну что ж, я согласна на Рыбку!».

Такой вот Рыбкой мне всегда представлялась моя Женька: то – на кройку и шитье, то в юннаты, то на скрипку, то в «Шахтерский огонек» – чтобы побывать в других странах, посмотреть мир. Но начались реформы, дурных денег не стало и зарубежные гастроли – еще до того, как вошла в основной состав, – прекратились...

Мудрые Сашкины строки: «И мы – как руки у Венеры, а ей без рук богиней быть...»

Ах, если бы я мог!.. Но что бы я сделал?..

С похмелья боюсь смерти. Панически. Слабеет дух.

Иногда кажется, что женщины естественнее и проще воспринимают смерть – как травы, как деревья...

Надоевшие мысли о том, что жизнь продолжается после смерти. Переход – как... плевра.

Познакомился с трактатом одного чернокнижника. Автор стращает, а страшного-то, превращающего в соляной столб, в его писаниях нет. Только повтор кое-кому и до него известного, и уж, конечно, всем тем, кто пожил, чувствуя, размышляя... А советы? Все те же: отречься, изменить сознание, не жалеть о прошлом и вперед к неизведанному... Права, конечно,

Жулина. Насчет последнего. Чего тут топорщиться. Но ведь отказываясь от старых привычек, мы тем самым создаем новые. Не слишком ли рассудочный подход?

Предполагаю: он просто хотел завоевать женщину. Да, опять все свожу к тому же: подчинить себе трильби (старый европейский аналог сомнамбулы или зомби).

Т., увы – трильби... Так мне, уязвленному, хочется думать.

Курил в темноте на кухне, дул на красный кончик сигареты и видел там отчетливо то ее драгоценное лицо, то ее, драгоценную, с детьми или вместе с ним... Только так и мог знать, что с ней, драгоценной, в данный момент происходит, чем она, драгоценная, занимается, чем живет. Вот сейчас, например, вылетает во сне в раскрытую форточку, проносится над кронами тополей и так ей легко и славно от какого-то переизбытка, что она хохочет и хохочет с закрытыми глазами, прямо, как ведьма...

Пили с доктором Усовым коньяк в его кабинете. Расслабились. Бросали спички и стряхивали пепел в силиконовую титьку на столе. Изменить внешность, что ли? Вдруг не узнает и снова полюбит... Нет, поздно. Незаметно наросли новые кристаллы. Мы стали другими (она – еще раньше, при мне). Рана, которая не болит, и лишь осадок сожаления...

О чем я?.. Вот же она, рядом. Так же любит прижиматься. Те же повадки. И до сих пор не поняла, что это я. Но и я не узнаю... Проклятое стекло!..

Ни глубины не надо, ни души не надо!.. Достаточно нечаянно прикоснуться чупрыной к щеке...

34.

...просто я все забыл: себя, реку. И того жилистого мужика в волглой от росы брезентухе. Сколько раз мысли о нем меня спасали!

Он спал на спине, растянувшись во весь свой немалый рост. Прямо на камнях. Рядом валялись удочки. Костер давно потух. От утреннего холода тело его сжалось и стало еще тоньше и длиннее. Левая ладонь засунута под мышку, а правая греется в тепле ширинки. Во рту – недокуренная папироса.

Ему сняться стихи. Они пишутся легко и просто. По любому поводу. Как во сне – так и наяву. Он тоже смеется. Выплевывает окурок, встает, несколько раз сильно хлопает себя по бедрам, приседает...

Надоел стук баскетбольных мячей, надоели обыденность и пошлость разговоров, замечания жены, постные физиономии коллег... Как у животных, вырванных из вольной среды обитания и поставленных в определенные рамки, деформируются в каком-то поколении нюх, слух, зубы, поведение и весь характер, так и человеку однообразная жизнь не сулит ничего доброго. Уяснив причину своей тоски, он, учитель физкультуры, захватил с собой отчаяние и надежду и ушел в сибирские джунгли. Чтобы жить самдруг. Себе принадлежать. Себя понять. Чтобы, как рыбу из омута, поднять до высокой поэзии свою глубину. Это ему удалось. Удочка и удача – все же родственные слова.

На долгое время он стал отшельником, лесовиком...

Ему сказали в промхозе: ступай к речке Туганак, там найдешь зимовье. Три месяца как приняли туда охотника, с тех пор ни разу не объявился. Вот это место на карте. Добрался, несколько поплутав. Сбросил лыжи, стал обследовать домик, где ему предложили поселиться. И наткнулся на замороженный труп своего предшественника. Что за чудак! Повесился. Зачем, почему? Не выдержал испытания одиночеством или своим прошлым, которое загнало его в такую глухомань? Оказался неподготовленным, не смог изменить привычки?

В тот же день, вечером, вернулся на базу. С волокушей...

«Не пойдешь туда? Подыскать другое зимовье?» – спросили. Но он, как черт усталый, на ночь глядя, отправился в промороженную избушку. Вымел снег, надрал бересты, раздобыл дров и затопил растрескавшуюся печурку. Забегали по стенам и потолку оранжевые мазки, выскочил и покатился живой огонек из поддувала. Тогда он сел на топчан и расхохотался. Смеется он по-мужски – задорно, без оглядки, громко.

Курить вскоре бросил. Целый год вообще из тайги не выходил и людей не видел. Запасы быстро иссякли, но тайга кормила. Занимался охотой, собирательством. В промхозе были предупреждены и уважили. Дали полную возможность испытать себя, обустроиться, познакомиться с угодьями. Попал потом в город, как ребенок в зоопарк!

Весной заготавливал и солил колбу и папоротник. У японцев после войны папоротник-орляк – в большом почете. Говорят, радионуклеиды выводит, и они бочками его закупали. Летом рыбачил, сдавал березовые веники и дрючки. Подкреплялся чаем из чаги и душистых трав. Осень одаривала кедровым орехом. Зимой охотился. Я бывал у него. Иногда водил к нему женщин. Он им нравился, и они без уговоров оставались на ночь. Как-то я тоже загостился. Слушал его песни-стихи под гитару, которые все более наливались хлорофиллом. И в этом смысле уникальны. Вышли ночью на трескучий мороз, он по-особому приложил ладони к губам и провыл, как волк. Тут же со всех сторон зимовье опоясал многоярусный, как трибуны стадиона, ответный вой.

– Вот тебе и одиночество!.. – хохотнул.

Целый день обходили путики.

– Давай покажу тебе берлогу, откуда еще в ту, первую зиму, выскочил на меня мишка. У меня патрон отсырел и не выстрелил. И вытащить не могу – отломился. Спасибо собаке – не струсила. Вцепилась мертвой хваткой, повисла. Хорошая была лайка. Он ее задрал...

В дальнейшем он не допускал таких промахов. На шести его охотничьих тропах повсюду кулемки, петельки, капканы. Белку бил из ружья, с упреждением – чтобы одной дробинкой в глаз. Попадались и колонки, норки. Тушки обдирал прямо на ходу, да так ловко и быстро, что я прикурить не успевал. Собакам бросал головы. Мясом сам не брезговал. Но сетовал: посадил бельчатиной зрение. Пахучие железы складывал в отдельную баночку и использовал, как приманку. Вернувшись с охоты, сразу же, едва сбросит ружье и патронташ, начинал натягивать шкурки на специальные дощечки, соскабливать мездру. Руки его знали все пространство избушки, где что лежит, висит, и беспрестанно работали – как бы сами по себе. На много лет тайга стала его родным домом. Покинул ее только с закрытием госпромхоза, которому вдруг нечем стало платить зарплату.

Я и дерева вальщик,
Я и спальщик вальтом,
И случайный купальщик
Под предательским льдом.

Ну как? Это Леня Гержидович. Мой друг... И все? Да, все. Это вам не ананасы в шампанском. Может ли кто в Москве, Нью-Йорке или Нагасаки похвастаться таким другом?

35.

Гнусное падение – отписка на клочке газеты Рудневу.

...пьяный в кругу своих собратьев читал стихи в гостиничном номере, мне хлопали, а незнакомый коренастый парень с пристальными, едкими глазами бывалого, знающего по чем фунт лиха змия, сказал: «Мне не понравилось. Можно и лучше написать!» Чем сразу и расположил к себе. Мы познакомились, это был Гена Руднев, приехавший из Новокузнецка и никому пока неизвестный.

Я потрясен был его романом «Светопреставление», который и опубликовал в коллективном сборнике, потеснив некоторых других авторов. Он медленно входил в нужный стиль, первые страницы казались мне корявыми, но наконец обретал полное дыхание, парил в космических высях, рассказывая, как ни странно, о низменных страстях. Мы сидели всю ночь у меня дома, готовя роман к публикации, внося правку, по-новому делая цветными карандашами разметку всего сборника...

Посвящение более чем лаконичное – «Наде». «Кто такая Надя?» – спросил. И он рассказал. Эта женщина проявила к нему величайшее сострадание. Она его отогрела, выходила, больного, отринутого родителями, почти хронического наркомана и пьяницу, найдя в груде мусора. Кажется, на одном из московских вокзалов. Предполагаю, что он ничем тогда не отличался от своего Чмо из «Светопреставления». Она привезла его в Кузбасс и стала ему женой и матерью одновременно. Так вот откуда этот психологический опыт. Я тут же зачеркнул «Наде» и написал «Наденьке». «Да, да, пусть так», – согласился, чуть замешкавшись, Гена. И я по каким-то признакам понял: давно уже не Наденька.

Другой его роман «Смазчик», рукопись которого до сих пор хранится у меня, опубликовать не успел... Вместе с худенькой, по-детски обаятельной феей с неправильными, резкими чертами лица и огромными, сияющими глазами он укатил в Липецк. Несколько раз писал мне, я отвечал. Он прислал большую посылку с дефицитными брызгалками моей жене, которая задыхалась (сейчас понял: я и был тем аллергеном, который не могли выявить врачи). И вот на очередное его письмо (эх, получи его в другой день!..) я ответил жалкой мазней: мол, все, забудь, меня больше нет, я не знаю, что такое бумага и ручка...

...На меня давили, угрожали приставить какого-то ужасного счетчика, представлявшегося мне въедливым злым старикашкой. Запомнились мешки денег. За месяц отдал девяносто «лимонов-миллионов», не заработав ни копейки. Все мысли только о том, кому сбыть товар. Как организовать его вывозку. И цифры, цифры в абсолютно не склонной к тому голове. С семи утра до позднего вечера звонил по разным адресам, расхваливая вино и болгарские консервы, с которыми так неудачно связался. А мой злой гений, приезжавший сначала на задрипанном «Москвиче», уже через пару недель пересел на черную «Волгу».

Около ста трехлитровых банок «Яблочно-вишневого напитка», которые заказчик уже не в состоянии был принять, выставил прямо на асфальт перед крытым рынком – не везти же его на склад. Собственно, и склада-то не было. Караульщик и он же продавец сам к вечеру напился и уснул. Примерно половину банок тут же выхлебали и растащили бичи, собравшиеся со всей округи...

Набросившись на дармовое вино, погиб хороший человек, предоставивший фирме железнодорожный тупик: перепутал дверной проем с оконным...

Посланные за деньгами напарники возвращались с мешками, в которых недоставало сотен тысяч. Виноваты, мол: не пересчитали. Как их уличить? Сейчас вижу, что был наивен, бесхарактерен. И много пил для

снятия стресса. Вино обостряло чувства и туманило разум. А они этим умело пользовались.

Громадный черный паук, незаметно подобрался ко мне, спящему, и вдруг вспучился под простыней. Проснулся, стоя на кровати. Топал ногами, стараясь его раздавить и кричал. Теперь понимаю, что впал в то же состояние, которое описал Гена в одном из самых глубоких своих рассказов. Вернувшийся с войны парень помогает отцу заколоть борова. Он бил и бил его, куда ни попадя, длинным ножом, подсознательно вымещая на бедной животине свои афганские страхи и комплексы... Ватник, подмоченный при заправке паяльной лампы, вспыхнул от окурка, а мать, чтобы сбить пламя, по ошибке выплеснула на сына не воду, а ведро бензина. Он сгорел, как фантом. Сгорела и наша завязавшаяся было дружба.

События возникают изнутри и выскакивают наружу, подобно какой-то сыпи, и вновь прячутся...

36.

Ольга молится, напевает с утра псалмы. Что ни делает, все напевает.

– Я продолжала не верить, не придавала значения знамениям. За неделю до трагедии приехал Руслан на новой машине, серебристо-голубой, с люком на крыше. Смотрю, восхищаюсь, а в голове: «Машина-убийца, машина-убийца!..» Что за глупые мысли? Отогнала их. А сама думаю: «Когда у него был старенький автомобиль, мне не было так страшно!»

На сороковины впервые попробовала читать псалмы, и так они легко читались. Обратилась в мыслях к Святому Духу. Если ты есть, пусть Руслан подойдет ко мне, последний раз прикоснется. Держу перед собой руки ладошками вверх, молюсь. И вдруг будто холодным железом приложились. Наискосок. Вот здесь... Я-то ждала теплого прикосновения, а ведь он же умер...

Так и поверила. А раньше пришла бы к вере, обратила внимание на знамения, на тот образ Святого Духа, который видела на стене, не допустила б этого. В Библии сказано: «Воздастся вам по вере вашей...»

За что воздастся-то? За того Змия, который почему-то оказался умнее и хитрее остальных тварей, за мои пять основных органов чувств, которые никак не могут поладить с головой, за искусительную сладость Яблока, за пытливость, сердобольность и неотразимое обаяние Евы, за нерасторопность Адама, ведь была же у него возможность вкусить плод и с Древа жизни? Или за то так втоптан я в грязь невежества, что сам же Бог создал меня таким слабым, сначала одел в шкуры, потом познакомил с электричеством, привил электронные чипы? Да так, что без них уже, как без той же шкуры и хлорированной воды!.. Мол, вот тебе! Раз такой умный, не хочешь быть просто игрушкой, будь полем борьбы добра и зла, строй сам себе свой Эдем. Выращивай сам себе Древо бессмертия. Но это же несправедливо! Где тут моя вина? В том ли, что так и остался во всем «наполовину», ничего не просек, ни к чему не прибился? Не успел что-то важное сказать? Почему сказать?.. Плохо верю, люблю, надеюсь?

Или как раз в моем бунтующем, пассионарном незнании и заключена некая высшая справедливость?

Верю ли? Общественное в любом виде всегда отталкивало. Еще помню чванных, важничающих партначальников. Куда нынешним! А неофиты? Вступил – и можно не думать. Тряси коробочкой «Спортлото». Даже лица у таких людей менялись. Что-то рыловато-принципиальное проступало. Когда крестился, тоже будто примкнул к чему-то большому и было приторно приятно...

Еще не понимал, что это дело – глубоко личное. Сейчас понимаю. А верю ли? Самому не нравится как...

Верить. Как ребенок в сказку. Ведь все равно ничего не доказать, не опровергнуть... Только и можем – дать личностную оценку.

Мы правили друг друга, как текст. То милостиво и нежно, то беззастенчиво, жестко, с насмешками и кулаками, точно соучастники какого-то заговора, повязанные одной клятвой, и не обижались. Ибо всегда – с желанием помочь. Мы были едины. Где я и где они, где моя и где их внутренняя жизнь – так трудно было порой разобрать. Но именно это частенько, хотя и ненадолго, разводило...

Повезло с талантливыми и умными друзьями, каждый – с большим внутренним светом, который с близкого расстояния даже не замечаю, будьте благословенны, мои гении: Коля, Леня, Саша, Валера, Володи, Виталька, Сергей, Вася, Витька... Иногда кажется, что в них, в их мощной, но не крикливой энергетике, по крайней мере, для меня – оправдание времен...

...и «крыше» моей – привет. Благодаря ему удалось еще что-то распознать в себе. Дал-таки телефон одной женщины, которая приходила к нему для трудоустройства. Но ни у него, ни у меня с ней ничего не вышло. Никакая она не бикса, а я – недостаточно рослый, она собиралась уехать за границу, и ей нужен был муж, особенно же ее оттолкнуло то, что я курю. Но мы стали приятелями, и она познакомила меня со своими друзьями. Именно их, последователей одного петербургского «гуру», приехавших по ее приглашению из разных городов и даже из Москвы, я сплавлял по Томи на катамаране, вступал с ними в споры. Однажды насобирали на берегу пустых бутылок (уж этого добра везде хватает!), отмыли, размельчили в мешке топором, и я первым решился пройтись по крошеву...

Не случись этого путешествия «вниз по Томи и вверх по стеклам» (так его для себя окрестил), вряд ли бы заглянул зимой на огонек к местным йогам, которые как раз давали представление. На сцене в арендованном ими подвальчике тоже были насыпаны стекла. Уже со сглаженными от долгого употребления краями, совсем не такие острые. «Ну кто смелый?» – обратилась к публике ведущая. Я разулся, представил, как и положено, над собой голубое небо, пение птичек, а под ногами мягкий песок и прямо прыгнул на кучу, зная, что ничего со мной не случится. И это повлекло за собой новое знакомство – с моей соседкой по зрительному залу, зубным врачом, которая давно уже посещает такие собрания. Звоночек! Как она умеет смеяться, рассказывая!.. Забрезжила стоматологическая линия моей несуразной жизни. Пока же через своего знакомого она помогла мне устроиться в охрану...

Одно цепляется за другое, и все, что ни случилось, имеет какие-то последствия. Хорошие или плохие.

А если не случилось ничего?

Ламаисты мухи не убьют, некоторые йоги предпочитают движению неподвижность, будто пытаются удержать в равновесии весь мир, сколько святых отшельников в христианстве! А погибшие в результате репрессий, войн? Уж от них-то ничего не дождаться. Но и это не так. Новые поколения несут в себе радиоактивное тавро прошлого. В песок, в пустоту кануло столько нежности, которая могла бы согреть мир. Благодаря ей на многие вещи смотрели бы мы сейчас по-другому. Может, и скрип старомодных венских стульев... (Дальше неразборчиво. Прости, читатель: это же баски!)

Вряд ли стоит дискутировать насчет безусловной пользы подвижничества. Но бездействие – тоже действие. Вот и охранник по закону должен нести ответственность, как за то, так и за это.

Потому и слышится мне все время плач матери: «В чем же мы виноваты? Что же мы не успели тебе сказать?»

Персонаж, отсутствующий по техническим причинам:

– Никакие мы с тобой не охранники! Если будем думать, что мы охранники, – нам труба! Мы прежде всего люди...

37.

Конец восьмидесятых, самый канун забастовок. В магазине нет мыла. Мать использовала для мытья тела пемоксоль. Но не комплексовала. В войну и не то бывало.

...не хотелось ломать голову еще и над ответами Шумицкому с его каждодневной эпистолярной неудержимостью, и всю переписку возложил на жену. Он какое-то время еще начинал свои послания с приветствия ко мне. Потом стал, обиженный, обращаться только к ней, но в конце обычно просил-таки передать пламенный привет и мне, «чрезвычайно занятому в своей вонючей газете». Скоро я перестал читать его ершистые, ядовитые письма, а переписка продолжалась.

И вот Юра закончил путь, ни разу нигде не смухлевав. Он у нас дома. За столом Юра, мы, Сашка с Анной, Коля, еще кто-то... Сашкин тост заканчивался широким, покоробившим меня жестом:

– Это тебе Атлантический океан (показывает на Анну), а это – Тихий (Люба). Выбирай любой. Ты среди нас теперь – царь, Человек-путь!.. (Позже он написал такую поэму.)

Понял: тайна переписки – все что-то знают, но не я. Лбом стукнулся о пределы своего мирка. И тут же – от бессилия ли: себе-то многое позволяю, практически любую радость, а ей?.. Сознание сделало оверкиль. Я поставил на перевернутой лодке новый парус.

Поскольку наш герой возвращался к себе домой, во Владивосток, то и выбрал Тихий: и Люба уже после застолья (застолье – в первую очередь!) нырнула к нему в ванную – «отмывать» с дороги.

Остроумный Попок обаятельно назвал одну даму, многомужнюю и пьянственную, обмылком...

Бойтесь девушек с грустными глазами! У этих аленушек мечтательные запросы, неудовлетворенность и претензии.

А я был отлучен от тела рядом спящей...

38.

...идем в Бирюли, к Коле, в его «деревянную ракушку». Чтобы пообщаться еще и посредством бани. Всего километров пять-шесть, если прямиком. Не пули шлепают – щелкают от мороза сучья деревьев. Не взрывы ухают, а какие-то замедленные вспышки в морозном мареве там и сям. Ширятся, расползаются... Будто над нашими головами, над пихтами и березами кто-то произносит на полном выдохе «аум», разевая розовую звериную пасть... Вот и промерзшая копна сена, к которой Колины соседи ежедневно ходят с двуручной пилой – вилами не взять. Показались скворечники Колиной усадьбы, так похожие в профиль на статуи острова Пасхи...

Впереди Шумицкий – белый медведь, потом Сашка – борзая? – нет, сам он себя называл куницей, рядом умный Донбай – сурок или, скорее, бобр, Гержидович – сохатый, Баранов – волк, своенравный

сиамский кот – Попок, Креков – конь, из тяжеловозов, Коля... вот он – то ли пес, то ли кабанчик, то ли белка... Верный друг, запасливый, прижимистый, но гостеприимный хозяин. Таким он стал после Минусинска, Алтая, после покупки этого дома...

Как сейчас все.

– Знаешь, у меня есть две с половиной тысячи. Да, да, Вовка, не удивляйся! И вот думаю: брать или не брать? Ведь вся жизнь изменится...

Я посмотрел на Колю: до чего неприкаянный! Тем не менее сделал же стойку на объявление о продаже дома и накопил столько. Одни супы в столовках брал. Не пропадет...

– Бери. – И мы вошли в калитку...

Банки с соленьями-вареньями он закапывал в грунт, чтобы никто не спер в его отсутствие (вскрыли их после смерти Коли: спустились в подпол – что за бугорки под ногами?).

...и еще какие-то люди с нами – слоны, носороги, львы, лисы, шакалы, крокодилы, скромнее представлены породы птичьих. Кого-то из них, пасшихся на наших обетованных лугах, может, и не было в тот момент, но разве это так важно?..

Я – последним, несколько поотстав. Одиноко скриплю снегом, размышляя о том, что во мне ни красоты, ни ума, ни эрудиции, ни гибкости, ни творческой дерзости, ни такого-рассякого таланта, как у них... Потому и в любви – увы! Все получилось, как обычно. Того ли хотел? Клялся: никогда, ни в чем не повторю своих родителей! Но прошлое – и «до мое», корежило, некрасиво выпирало крайностями и углами, становилось судьбой.

Кто я? Бычок?.. Заяц?.. Как трудно определить себя! И Колю почему-то мне трудно определить. В душе – ад.

Но обо мне никто не думает. Громко хохочет, жестикулирует и о чем-то рассказывает Шумицкий. Острит ему в унисон Сашка. Вворачивает неожиданные нюансы Донбай. Я, хоть и один, но все равно вместе с этой стаей, где все такие разные, но накрепко спаянные общностью интересов и даже некой творческой миссией, если угодно, братством, радостями и переживаниями... И вот уже одной кучей мы фотографируемся на полу в еще ненатопленном Колином ковчеге.

Уже «Сева, Сева Новгородцев, город Лондон, Би-Би-Си...» – сквозь глушилки в стареньком забугорном транзисторе с удивительным названием «Серебряный господин голубого пространства». И незадолго до того высланный Бродский: «А вы слышали, как звенит лед в бокале с шампанским?» – и дзень, дзень... Красивый, недоступный звон, хотя столько экологически безупречных сосулек намерзло с Колиной крыши!.. И вино у нас, хоть и похуже, но есть. И на небе – будто обнаженная женщина лежит! Вся в яблоках, как в покрывале...

Кто-то из этих моих друзей, как узнал недавно (проговорился, бывший наш «тайный куратор» – так он сам себя называл), поставил в Колиной бане под плинтусом подслушивающее устройство. Кто это сделал? – молчит, сколько ни подливай. И молодец. Пусть так и останется это за семью печатями. Потому что сейчас я мог бы только посочувствовать тому собрату: значит, заставили. Они могли и умели. И приглашали некоторых моих друзей и знакомых к себе на собеседование, а, по сути, на вежливый допрос, неформально подкатывали липким банным листом в неподходящий момент, так и плели свою никчемную паутину... Жалко их.

Знаем, что ты читал в компании запрещенные стихи Волошина «Россию пропили...»? – Это к Попку. У нас везде уши. Откуда у тебя эти стихи?

Почему в партию не вступаешь? – Не хочу. – Не поддерживаешь?

А тот чудак коллективный просмотр фильма про товарища Леонида Ильича проигнорировал. На заметку.

За Шумицким – давно хвост. Кажется, за автограф, взятый у опального Солженицына.

Креков удивил всех, крестившись в начале семидесятых. Самым первым из нас. Но его всегда спасала некая странноватость.

И над моей головой проходили какие-то тучи: к журналюгам особенная любовь. Как к пятой колонне в «отрасли культуры». В чем провинился? До сих пор не знаю. Но мать была поставлена в известность, хотя, кажется, ничего так и не поняла. И вот до чего дошло: ходила к ним, плакала за меня, молодого да глупого...

Почему нигде не работаешь?.. – Сашке и Коле. Это самое серьезное. Да нет же, работаю – стихи пишу. – Стихи? Но ты же не член Союза писателей! Веский аргумент!.. Да, к сожалению, и не фронтовик, и не шестидесятник – каждый из нас мог бы о себе сказать. Сейчас их время, а нам не повезло. Тогда на что живешь? Тунеядец?

...все завоевано, везде «зеленый», все нужные слова сказаны, другие и придумывать не надо – загляни в бумажку, там все есть. Призвание? Не проблема: вон какая нехватка кадров. Выбирай на вкус... Не женат – женим. Не сидел – посадим. Твой утробный голос – никому не нужный писк. Есть шестидесятники, ну пятидесятники, будь им неладно... А семидесятники? Даже слова такого нет. Знай учись («грызи гранит»), работай, получай свои тринадцать зарплат, меняй макулатуру на «Монте-Кристо» и сдавай молочно-водочную пушнину... Почему бы так и не жить?!

Они тоже как бы занимались игрой в баски, состыковывая их по-своему.

«Страна Кэгэбия»,– выразился в сердцах не шибко-то стойкий в те времена партиец В. Махалов.

...сразу за близким горизонтом – небо. За ним еще один небесный кордон и т. д. Как на льдине в Ледо-

витом океане. Бежать некуда. Хочу экстраординарного, очень хочу! Вывернул за угол дома: вторая луна на светлеющем уже небосклоне. Вот как материализуются мысли! Сердцевинка дрожит и переливается каплей ртути. Постояла с часок и растаяла вдали, в полнеба винтовое сияние. С десяток прохожих глаза проглядели и надолго, видимо, потеряли дар речи. Потому что объяснение тому даже «правящая, руководящая и направляющая» дать не могла.

В диссиденты не лезли. А за браваду, за неожиданные метафоры в стихах – Бог миловал: только мелкими неприятностями отделывались.

Что-то размягчалось в самой природе общества, как растренированные бездействием мышцы. В Москве уже валили студенты и посторонние (меня водил Коля) в литинститут на лекции профессора Куницына об инопланетных цивилизациях...

Что НЛО!.. Вот шахтерские забастовки – да!.. В шею с трибуны партийных боссов и их прихлебателей! Долой саму трибуну! Долой бумажку, на которой все сказано! Долой все структуры! Это же анархия!.. Но ни одного преступления за все эти дни! «Славное времечко» – так назвал свой сборник Володя Ширяев.

...Мы дурачились, играли в буриме, импровизировали.

На спине моей роятся мухи,
правит пир кровавый комарье,
и в штанах, превозмогая муки,
естество топорщится мое,

– реготал Шумицкий, вспоминая свой переход. И меня всего передергивало!

Стояла банька в Бирюлях,
и вот в той самой баньке
мне довелось на риск и страх
лежать полдня на Маньке!

– подыгрывал Леня. (В таких случаях, наверное, в распечатках наших бессмертных разговоров, которые хранятся где-то в закрытых архивах, как постыдное свидетельство нашей непричастности ни к чему и сгоревших из-за нас судеб, ставилось ПА, означающее не что иное, как половой акт).

Потом мы исчезали, оставляя Колю одного: «Долго мне в деревянной ракушке смех и возгласы ваши слышны...»

Мне казалось, что в душе у меня ад. А сейчас думаю, что это и был рай.

39.

...как раз залезла в ванну. Иезуит! Почему он выбрал именно этот момент?

– Ну вот... Не прошу тебя ни в чем признаваться, и без того все знаю... – он еще не договорил, а ее обнаженное тело в воде – пунцовое, даже пальцы ног. – Ты подлая!..

– Подлая, – повторила. Как эхо. Ни кровинки в голосе.

Креку нужна хирургическая помощь: и с новой женой разлад. Не помогают уже подстилки из стихотворного сена, которые «пахнут снегом молодым»... Крек – безработный. А стоит операция 2,5 тысячи. Обратился в Союз писателей. Сказали, что помочь не в состоянии...

Крек выпивает редко. Но в трудовой две горбатых. Чем-то не понравился начальникам еще тогда, при социализме.

...и для него время схлопнулось, как портсигар. С двух сторон. Спереди и сзади. В таком удобном виде, говорят, его, времечко, прямо из-под носа и утащили. В пресловутой коробке из-под ксерокса. Для нашего же якобы блага. Не с того ли снова ощущение, что его вовсе нет? Но у Крека осталось пространство, которого я не понимаю... Ископыченное временем.

Делали с Креком печки и камины (я – подсобником, ну еще по трубам – погрузневший Крек боится высоты). Как относятся к нему другие работяги? Не вписывается, поди, в коллектив? Ничего подобного. Открыл рот – и вокруг толпа, тишина. Будто инопланетянин говорит, да нет – вещает. Дивная речь, все пережитое, наполненное крепкими мыслями, без хитростей и подначек...

Сработали пару каминов в роскошных особняках, а вскоре один за другим владельцы их были застрелены средь бела дня.

– Ну и ну! Опасно с вами связываться!..

За работу Крек берет мало. Потому что никогда не знал больших денег. Но все равно кому не лень стараются его объегорить, делают недовольную физиономию, чтобы и вовсе не заплатить.

– Но не торговаться же, не ломать камин, – говорит Виталий. – Да мне и не позволят, в шею выгонят, наподдают. Знаешь, мы-то все равно богаче, у нас есть то, чего у них нет, – творческое пространство.

Теперь вот творческое.

Оно у него огромное: «И я задел тебя, Бетховен, плечом о запыленный фрак...», «Чувствует сердце Уолта Уитмена. С ним – каля-баля, попили ситро...» или о своей тете Тасе, которая будто и не на том свете уже давно, а «в Детройте неграм печки кладет»...

Первая невеста его – Симоранова: с растрепанной паклей волос, в кедах и трико – такой она предстала перед ребятами на вокзале. На цветы не отреагировала. «Быстренький, как паровозик» (на крековское поползновение поцеловать). Кто ее сосватал ему и вызвал с Урала? Ибрагимов смешно рассказывал: ког-

да спали всей пай-компанией на сеновале, к ней воровски подобрался Колмогоров и так задушевно шептал под одеяло: «Чучело, давай вместе подышим» и... конечно же, по своей привычке, с видом заправского бабника, почуявшего, хоть и никудышную, но все-таки самку, весело блестел глазами и передергивал носом из стороны в сторону.

Креков:

Моя любовь — не прелесть лунной ночи,
Не поцелуй под очертаньем крыш,
Но люди, от которых сердце хочет
Забиться в стог, как полевая мышь.

По безработице (устроишься с теми верблюжьими статьями!) и обилию свободного времени Крек много читает, лопатит в основном толстые журналы. Вот как он их по-свойски классифицирует:

– Есть элитные, на лощеной бумаге, в них Вознесенский и иже с ним. Там высокие философские идеи, духовное искательство, эстетство. Не для каждого. Да и остальные не хуже – туда же, но народные – вениками шумят...

40.

Что за отвратительная привычка обращаться к мужу по фамилии!.. Если это начинается, пиши пропало...

...Его дочка бросилась мне на шею. На лестнице между этажами. Слава Богу, никто не видел. Потому что на ней в тот момент была фата невесты. Жених находился наверху с гостями, где шумела свадьба. Она слетела, как измученный мотылек, когда я пошел в уборную, которая была за углом дома. Не перепутала ли меня с кем-то? Целовала – без объяснений, жарко! А я пошло думал о мочевом пузыре. Так и целовались – со ступеньки на ступеньку – до разбитых дверей подъезда. Назад я решил не возвращаться.

Много лет спустя мы, сталкиваясь случайно в большом городе, молча здоровались, одними глазами, но чаще старались друг на друга не глядеть. Иногда она вела за руку мальчика с плюшевой игрушкой. С мужем, слышал, давно в разводе.

Еще одна чужая судьба коснулась... Ударилась о стекло. Или это я ударился? И непонятно – зачем. Ни слова между нами так и не было сказано. А что, если бы я умыкнул ее тогда, прямо из-под венца? Ну и невеста же, право, была у моего предка!..

Ее отец – прибалт. Грязный сквернослов... А точнее: просто заблудший, отмотавший по несуразице срок, уставший от всего. С ним вместе летом 68-го строили дорогу на ЦОФ. При малейшей возможности (отвернулось начальство) он отбрасывал в сторону лопату и старался прилечь, подбивая к перекуру и остальных...

Во время войны он в составе штрафбата брал Кенигсберг.

На пути штрафников оказались женские отряды рейха, и вот я представляю, как кто-то из этих мужиков, распознав, что там за противник, кричит: «Не стрелять, братцы!» – и с матом, с перекошенными лицами, пьяные, одичавшие штрафники бегут вперед и заваливают в воронки от разорвавшихся снарядов, окопы, под кусты вереска и в любое другое укрытие визжащих от ужаса немок, сдававшихся, впрочем, почти без выстрела... Так было. Он сам рассказывал. Поле боя покрывали не только трупы, но и живые – изнасилованные и избитые воительницы. Поле смерти, поле жизни... Та же ситуация, конечная точка войны.

Мать инфантильного жениха, моя соседка, учительница начальных классов, добрая, красивая, чуть пухловатая, светлая, походила на Екатерину Вторую, от одиночества она заработала преждевременно, уже в 30 с небольшим, климакс.

Видимо, и у меня тот же период: сплошные яблоки!..

О стельках.
– Не-е, резиновые никак нельзя, ноги пожжошь!

На воротах.
– А «Беларусь» досматривать?
– Зачем? Он и так весь на виду. Как скелет.

Что за любопытная полосатая мушка, подолгу зависает на одном месте, прямо напротив глаз?.. Я повернусь – и она сдаст в ту же сторону. Может, я ее придумал?..

Это овсянки без конца спрашивают: «Митю видел?»

В Кузбассе на эту тему есть хорошие и, как ни странно, почти одинаковые стихи у двух покойных поэтов – Небогатова и Пинаева. «Кто такой он, этот Митя?..» Пинаев соблазнил своими стихами Небогатова или наоборот?

Собака разлаялась ночью. Подошел – в деревьях полно сов, сипло, во всю глотку – плевать им на собаку! – орут, будто пьяная компания... Как подводная лодка, всплыло: «С усов взлетела стая сов».

Ворона, еще молоденькая. Наблюдает за мной блекло-голубой икринкой с черной точкой посередине. Прохаживается на виду, демонстративно долбит камушки – явно несъедобное. Кинул ей крупную крошку хлеба. Отскочила с испугом вежливости и, сделав пеший крендель по крыше, где я нахожусь, все-таки подошла, склевала. Через некоторое время прилетает уже не одна – с другом или подружкой. Приходится потчевать.

Лохматая ворона с раскрытым клювом, с безуминкой Бабы Яги во взгляде. Скок на приступку, скок, шаги – туда-сюда, а клюв все раскрыт... Жарко ей, что ли?

– Закрой пасть! – Ну вот, проявил себя как страж.

– Знаешь, что я за гоблин?

– Нет, ты не гоблин, ты – мой дедушка. – Ходит по бордюру, ежит от брызг фонтана плечики, улыбается.

Впервые внучка назвала меня дедом.

Веду за руку назвавшую меня дедушкой, отвлекся – выпустил, но слышу – ищет, ловит мою ладонь маленькой своей ручонкой...

Значит, снова началось...

Александра Васильевна навсегда для всех станет бабой Илей.

«Трансляция Москвы» – тихо и отрывисто по утрам из черной тарелки. Как собачий лай за терриконом.

– А почему проклятая Москва?

Диван – зеван, а мамина стиральная доска – курочка Ряба...

Окстись! Какая баба Иля? Что за трансляция? Что за стиральная доска?..

41.

...А клювы у весенних скворцов были светло-розовые, остренькие, как набухшие соски тополиных почек. Спинки и основания треугольных крылышек с зеленовато-фиолетовым отливом. Как руки школьников-шкодников – в те, 50–60-е, когда носили с собой непроливашки и перочистки.

Псу достался один пустой бульон, поозиравшись, он подобрал с земли старую обглоданную кость, держит ее в зубах и смотрит на меня, будто спрашивает: «А это где? Забыл, что ли, дурак, положить?»

Съел до половины, помочился в плошку – разрезанную по шву десятилитровую канистру, а затем как ни в чем не бывало продолжил трапезу. Я почему-то вспомнил про несчастного Раджива Ганди, в связи с его причудами уринотерапии, и подумал, что, наверное, недосолил варево...

Какие жалобные трели у хищных коршунов!.. Волки в овечьей шкуре. Впрочем, трелями они поливают землю с неба, а когда сидят на ветках и металлоконструкциях, чаще разговаривают меж собой по-другому – клекот. Со мной работает горец Самвел Мишаевич, он говорит: «Никогда не видел столько орлов!»

...интереснее с собаками, чем на крыше. Тут хоть дело есть – кормить их, подметать асфальт перед воротами, мыть полы в проходной, да и больше ходишь по территории. Но сегодня – снова на крыше.

Сначала, когда устроился, – жалость к себе. Вот до чего дожил! Приставлен к городской заднице! Сейчас это проходит...

С крыши видно, как мутная (незамерзающая зимой) вода из очистных сбрасывается в большое озеро – последний отстойник. Там всегда полно рыбаков. Об одном старике в надувной лодке подумал: умер он, что ли? С утра до темноты – не пошевелится, одна и та же поза. О чем он думает?

Рыба, говорят, припахивает. Но эти люди ее едят, пекут на кострах, варят уху, вялят, а чаще продают – на углах магазинов, под заборами, а вырученное пропивают с женами или случайными подругами.

Я собираю здесь ягоды. Никто больше не собирает, может, потому, что у многих работников – мичуринские. Вообще-то – и нос воротят. Наткнулся на шампиньоны, на большущие коросты подтопольников. Попалась и бахча с кабачками... Там и сям клонят вялые головы подсолнухи. Растут помидоры и картошка. Семена, как потом узнал, попадают сюда по канализации вместе с другими городскими отходами. Особенное изобилие всего по периметру, куда расплывается, расталкивается, вывозится тракторами осадок. В частности, вокруг квадратных черных карт, которые будто разложил в пике пожизненного пасьянса сам Малевич.

Обрадовался: вот бурая еще бздника, то есть паслен. Говорят, он ядовитый, когда молодой, но я попробовал – и сладко пахнуло детством...

И я такой же, ничем не лучше, подумалось, когда вспомнил о недавней своей безработице.

Уже после тридцати пяти непросто устроиться, а когда – старше? Кем только не был, девять мест за последние четыре года, и сам же в этом, разумеется, виноват сам, – печником, журналистом, бетонщиком, сам дворником, инструктором по туризму, удачливым бизнесменом и прогоревшим – предлагал, обходя ларьки, всякую дребедень нахальным важничающим продавщицам. И почти везде – обманывали, угрожали, а то просто гнали и измывались...

Запомнилось, как мерзли на стройке, которую вела частная контора некоего Рафаила (про себя обозвал объект «Сикстинской капеллой»). Сулил хозяин много. Но сделаем работу – гроши заплатит, уволимся – примет других. Непрерывная смена кадров. Постоянные объявления в бюро занятости, где у него свой человек. Тем и жил. Однажды мужики раскусили его и толпой побежали в контору бить морду. А потом драпали врассыпную, когда вызвал милицию...

Щуплый, вороватый, похожий на цыгана Женька, отчаявшись куда-либо устроиться, потеряв из-за того жену, зациклился: надо, чтобы его укусила собака –

ее без намордника имела обыкновение выгуливать некая девица из элитного дома. Главное – все должно выглядеть правдоподобно. Как-то раз, проходя мимо собаки, Женька сделал вид, что споткнулся – и на его счастье, не избежал «поганых зубов». «Теперь укол ставить?!» – завопил, чтобы уязвить хозяйку. Еще и одежда оказалась хорошо порвана. Женька стал угрожать судом, ссылаясь на постановление мэра, девушка извиняться, и выбил-таки из владельцев триста рублей.

Однажды увидел в бинокль: идут по дамбе мужчина и женщина, одеты не как рыбаки. Мужчина, хоть и в кирзовых сапогах, но в костюме. Крупный, одутловатый. За спиной – белый узелок. Женщина худенькая, в удлиненном пальто. Она шла впереди и все показывала своему увальню-мужу на мелькавшие под берегом удочки. Вот, де, как можно зарабатывать. Понял: она, должно быть, более инициативная и ведет в этой паре. Мужу оставалось только поддакивать. День был прозрачный, прохладный. Мне показалось, что, несмотря на разделявшее нас расстояние в полкилометра, я слышу каждое их слово. Зачем они шли с таким необычным узелком, в котором, видимо, был нехитрый скарб, в сторону заводских труб и спрятанной за ними деревеньки? Догадался: потеряли угол. Но там, какое там счастье надеялись они найти?

...заглянул в магазин. Очередь. Кольцами, по всему мясному отделу. Что продают? Опять рога и копыта?.. Пельмени! Такая редкость. Занял, стою час-другой... Куда же положить – сумки нет, а пакеты тогда не продавались. «Вам во что?» – спрашивает продавщица. Подаю колготки: отвел утром дочь в детский садик, сунул в карман ее вчерашние колготки, которые надо дома состирнуть, и – на работу. Мне стыдно, а для очереди разрядка – хохочут:

– Зато с запахом будут!

Три кита, три купели русской глубинки.

Приехал, еще будучи газетчиком, собирать материал о встрече Международного женского дня в таежный поселок Восьмое марта. Время уже другое. Время неплатежей и невыдачи. Леспромхоз ликвидирован. Мужиков ни одного не увидел. Попались на всей спрятанной под сугробами улице только три пожилые бабенки, последняя из попавшихся – развеселая. Живете вы, дескать, в поселке с таким необычным названием, вот и хочу узнать, как будете встречать праздник?

Вот три ответа – будто сговорились:

– Водой. Больше нечем.

– Да снегом одним. По воду от избы далековато...

– Спиртом техническим.

Тем и встретят, чем живы. Водой, снегом, спиртом.

42.

Подвиги бдительности, похоже, не в почете. Один из начкаров по фамилии Жмодик, кстати, инвалид, без ступни, лично предотвратил кражу с теплотрассы 47 листов алюминиевой обшивки. Сдал их начальству. И получил упрек: не задержал расхитителей. Один – троих-то? Кстати, рассказывают, тот, спасенный им металл как в Лету с тех пор.

Сейчас под вздорожавшей «одежкой» только труднодоступный в виде П компенсатор над дорогой.

«За эту букву нам голову оторвут!» – сказали. Вот заботы-то!..

Артистизм всего лишь точность. Брякнул, еще по молодости: «Тошно! Хоть из окна, да – об асфальт». Так что ж я не прыгаю? Покоробленный моей нерешительностью Сашка: «Лучше говори в таких случаях: «...что хоть по карнизу ходи!»

Рассудок, нарушивший собственные законы, переставший бряцать уздечками, – безумен. Но безумие – только более точное отражение жизни. Чаще всего – чувственное. Именно чувство дает нам представление о единстве сущего. Об этом догадывались наши предки и потому так чтили блаженных. А уж те лучше других видят, какие баски ну никак меж собой не стыкуются.

Но с другой стороны, когда одна рассудочность... Тоже своеобразное безумие.

– Петрович, а если от ПР-73 (палка резиновая) отрезать, к примеру, два сантиметра, получится ПР-71?

– Нет, все равно будет ПР-73.

Все стремлюсь себя упорядочить, будто пора прощаться. А так хочется, чтобы, ни от чего не отказываясь, «ни звука не теряя»...

Жулина все пытается вовлечь в свою веру (но только отвращает от нее):

– Христос так ответил одному своему ученику, который вздумал отпроситься на похороны: «Пусть мертвые хоронят мертвых». Вот что значит быть посвященным.

Поначалу думалось, что Евангелие более веселая книга: «Не человек для субботы, а суббота для человека!» И есть там, есть в подтексте улыбки. Добро должно их притягивать. Будущий Рабле в сцене кормления голодных рыбой и хлебами.

Смех умер, когда дело перешло к ученикам. Паства же окончательно залила мир скорбью. И представить нельзя, чтобы нашелся художник, который изобразит Христа смеющимся!..

Один все хи-хи да ха-ха, другой грустит, третий безудержно болтает, четвертый глубокомысленно молчит...

Ситуации те же, что в Евангелии, но решаются всякий раз в соответствии с характером Христа.

Беру наугад – веселый, упитанный... Мог бы пойти на компромисс, как Галилей. Избежал бы распятия. Возглавил бы Царство Божие на земле, что и предлагал ему Искуситель, чего ждали и ждут иудеи. Но тогда его заветы превратились бы в государственные законы (очередной свод – от Хаммурапи до Русской правды).

Вот он – худой, мрачный, суровый аскет, с дырами во рту... Пошел бы он дальше Иоанна Крестителя, не сносившего головы?

Видимо, в любом из этих случаев христианство не поднялось бы до мировой религии. Тут случаев просто не должно быть. Потому и приходит в последней главе тот универсальный Христос, которого мы знаем. В нем все цвета собраны так, что получается белый.

Это мы его красим той краской, которая под рукой...

Вот же он... в пурпурном плаще (колобии), часть которого перекинута через локоть, царственно красивый, стоит в стороне от публики, заполняющей зал. Кто-то из учеников-соратников охраняет его сосредоточенный покой и никого не подпускает. И еще путь к нему прегражден шелковой ленточкой.

Тут он увидел мой взгляд и улыбнулся, будто меня и ждал. И сделал только одно неуловимое движение ладонью: ты можешь подойти. Как он угадал мои мысли? В нем столько добра, света и благородства, все так гармонично, что я не могу сказать, что он не истинный Сын человеческий. Именно таким я его себе представлял.

Что же я не бегу к нему в Красноярский край, в давно знакомые мне места, не следую за ним по пятам в толпе адептов, не проповедую везде его слово?..

Да не мое это дело. К тому же быть последователем – жалкая участь. О чем бы ни вопияли на пустыре чужих словес – не выйду. Ну разве что из любопытства?..

– Каждый художник должен быть чуточку безумен. Все – по земле, а он на миллиметр выше... Только не выше, чем на миллиметр! – ласточкин полет руки над столом. – Ему – полагается.

Дожди кончились. Жаркое безумие лета.

Творец – безумен?

Жулина – биолог по образованию. Сроду не учительствовала, а тут и в ней пробудился пыл школьного натуралиста:

– Смотри... Как все разумно. Сколько симметрии! Вот веточка клена, к расстоянию между листиками линейку не прикладывала, но на глаз оно одинаковое. То же и с количеством лепестков у некоторых цветов. А какое кислое выражение у всех анютиных глазок!..

Несравненная Люба Никонова еще глубже прочувствовала:

Но в цветочном раю или в чаще зеленой
Все же что-то болит, будто нерв ущемленный.
Эту тайную боль излучают березки,
И анютины глазки, и кукушкины слезки.

Сколько же растений выбивается из этого правила: береза, тополь, ромашка... Но, может, и в них скрыта некая симметрия, невидимая нами? Как и в моей котомке с этой фаянсовой и фарфоровой дребеденью – тешусь надеждой...

Говоря о симметрии, сам понимаю это слово, как образ, иносказание. Да, подсознательно все ищу ее. Противоположное – значит сверхчувственное. Я его побаиваюсь. Но почему неведомая сила подталкивает нас к нему – бросает в творчество, в самокопание, в экстрим, иногда заставляет «грешить бесстыдно, беспробудно», доводит до бессонницы, отчаяния и стрессов, монастырей, магии, а многих просто до водки, наркотиков... Как одно сочетается с другим?

Да с нашей ли жалкой линейкой что-то понять!

Не пора ли подумать о конце, подобном шляпке гвоздя?

43.

Поначалу: вся эта служба – не более, чем идиотские игры впавших в детство мужиков!.. Но, похоже, ошибался.

Воруют. Хотя, казалось бы, – вокруг одно дерьмо. И цветочные клумбы. Оттого-то кое-где так пахнет бессмертным «Тройным», даже грязь...

Смотрю с крыши: трактористы открыли свою кондейку, где солидол, солярка, и набили там две сумы обрубками кабеля. Погрузили на прицеп.

Спустился.

– Вот, насобирали, – увидев меня, смущенно пояснил уже знакомый мне долговязый и рябой (курице клюнуть негде). К нему с самого начала у меня почему-то приязнь. Увидел что-то простое, деревенское, крепкое, целомудренное: мне понравилось вводное «и как водится»... Когда он исполнял ту частушку, то чуточку как бы споткнулся на этом месте, произнес тише... Звучит, видимо, подумал, – как-то по-интеллигентски, не по-ихнему.

Позвонил начальнику караула.

– Ладно. Мы их здесь прищучим.

Но не очень-то, видно, спешил, заядлый рыбак. Когда он подошел к мехцеху, куда подъехал трактор с тележкой, все уже было надежно спрятано.

– Нет, я никаких сумок не видел, – сказал по теле-

фону. Теперь в дураках – я: «Что же, мне это приснилось?»

Договорились пройти навстречу друг другу по дороге, где проехал трактор. Но тоже ничего не обнаружили. Ни в траве, ни в постройках.

– Что ж ты их сам не задержал? – упрекнул начкар.

– С ПР-73, что ли?..

– Эх!..

Он перевел разговор на то, что тут, мол, все – сверху донизу. Ну куда, спрашивается, девались те достопамятные листы?.. А с чего начальство два дня пьянствовало, в сауне парилось? И ты не лезь, будь осторожен. Вот когда начнут вывозить, тогда поймаем, тщательней надо досматривать машины. В этом наша задача.

Но через проходную никто ворованное не попрет: забор-то практически только со стороны ворот, можно и по-другому выйти.

Встретился знакомый начкару работяга.

– Привет, – разговорился тот с ним, как бы сразу забыв о кабеле. – Когда же ты ко мне заявишься – ковер надо пристрелить. Жена уже прямо заела.

– Да что мне-то ходить, вот монтажный пистолет, дюбеля (положив на землю, расстегнул железный ящичек, который нес с собой). Пока пистолет мне не нужен. Возьми да прибей сам, Петрович. Я покажу, как пользоваться...

Заруби!..
Замок охраняет двери.
Пломба охраняет замок.
Мы охраняем пломбу.

Дождь. До чего обильный, по-настоящему летний!..

Те же самые трактористы и строители. Ждем «служебный». Прислушиваюсь к лясам на излюбленную тему – по поводу воровства начальства. Посматривают на меня. Видать, наши поиски сумок уже ни для кого не секрет. И впрямь, что ли, завязывается прыщик сюжета?..

– Степка вон уже два года у самого дачу строит...

– Ну и что?

– Зарплату-то вместе получаем.

– Там не дача, а целый дворец!

Степка, лицо которого заметно посветлело и обулыбилось за эти два года, откликнулся:

– Да хоть бы по-человечески относились. Везде хрусталь... Попросил как-то попить. «А вам водичка – в бане, там попей». Такая вот у него баба.

И к месту ли?.. Сцена у бабы Клавы, в семидесятые. Зашел лысый одутловатый мужчина с очень породистой физиономией, я подумал было – какой-то профессор, только с чего бы, а он не по-солидному сопли на кулак мотает.

– Что стряслось, Павел Федорович?

– Ваша соседка дразнит меня придворным портным. Сказала, что все меня так давно обзывают. А начали, говорят, вы!.. Чем я это заслужил? Владимир Афанасьевич всегда был доволен моими костюмами, я на совесть делал, сколько раз в долг!..

– Но подолгу деньги мы не задерживали! – Баба Клава скрипуче, по-стариковски, хехекает.

– Да, уж знаю, тут все, как положено, и за это я не в обиде, извиняюсь... И хорошо платили.

– Да будет вам, Павел Федорович! Мы вам признательны. Вы нам помогали, мы вам. И я к этим мерзким слухам руку не приложила.

Чем-то похожий на большого ребенка, он сразу же поверил: она никогда не врала. И в других любила прямоту и откровенность. На прощанье моя скупая бабка даже дала ему денег на похмелку...

Откуда прилетело и зачем?.. Почему я – на близкое в бинокль, на далекое – в микроскоп?..

Пора бы мысленно представить все это одним комком, который надо пропитать клеем. Голографическим клеем, в составе которого нет времени. И еще в уме одна аналогия – этакая сквозная рюмочка на тонкой ножке (нет, а то скажут, чего доброго: только рюмки в голове!). Воронка. В эту воронку бесконечно втягивается, скручиваясь в одну нить, все, что ни находится на поверхности воды...

Читатель: «Никак, это новый жанр?»

Новый? Сказанул! Недовольный автор только пробурчал в ответ что-то из Экклезиаста. Дескать, что те, что эти времена... Что ум, что безумие, что по, что против... Разве что сейчас Павел Федорович ходил бы кумом королю: не комплексовал – есть-де на законном основании любимая и не подпольная работа. Что еще надо? Но когда кто был доволен своим временем и тем, что видит? В центре города выложили плиткой тротуары. «Так то центр!» – завистливо недовольны. На окраине, возле старых бараков, стали делать то же самое. «А здесь-то зачем? Деньги отмывают!»

44.

...Верхняя бабочка долго бьет крылышками нижнюю и улетает. Нижняя, распластавшись, еще лежит какое-то время, как мертвая. Но вот и она, опамятовав, начинает шевелится, с трудом поднимает свои крылышки, неуклюже качаясь, переползает с цветка на цветок – соцветия очень кучные, точно букеты. Бабочка надышалась запахом пестиков и тычинок, мордочка запачкана, хоботок забит. Летала, порхала

себе, а тут вдруг такая оказия свалилась. Эти капустницы сразу выделяются – более грузные и потемнее: оббита пыльца. Но сколько в них важности!

У Володи Иванова есть мудрые строчки про колючего ежика: «Как много нашел он находок, взамен ничего не теряя».

Володя несся во весь дух, весь взмок: «Вот видишь, какой я товарищ! Не опоздал!»

Слава-электрик, тоже наблюдавший за бабочками, вдруг спросил:

– А скажи, в чем смысл бабочки?

– В продолжении рода, видимо. Скоро они отложат яйца и будут умирать очагами. Появятся гусеницы...

Слава, явно неудовлетворенный:

– А в чем смысл гусеницы?

– Слава, ты, никак – философ? А., Б., В., Г., Д., Ж., З.?.. И эта их энтелехия? Знаешь, что это такое? Душа генома, частица самого Бога в нас!.. Вот уж что никогда не разгадать, не препарировать!..

– Ага!.. Майн Рид, Фенимор Купер, Джек Лондон, Жюль Верн... – хохочет Слава, блистая очками. – Знаешь, я считаю, что лучшие в мире философы, это – пастухи.

– И еще, пожалуй, пасечники. Пастухов-то настоящих мало осталось. Все дураки деревенские, а как кричат – береги уши...

– Ну не скажи. А насчет пасечников согласен с тобой.

Но о чем он все-таки пытал меня?.. Такой странный вопрос!

Как мы порой боимся раскрыться в серьезном!.. А просто за «за жисть» ток-шоу – и хлебом не корми!..

...не на бойне – на тротуаре – глазам не поверил: валяется глаз. Ни крови, ни слизи – смыты дождем. Мысленно примерил. Явно не человечий – слишком большой. Казалось, вот сейчас он вскочит, как гуттаперчивый мультипликационный герой и куда-то кинется на тоненьких ножках, наводя ужас. Не перешагнул – обошел. Потрясенный, конечно...

Начальник караула распорядился пропустить самосвал: кто-то из начальства отправил себе на дачу щебень.

– Они не воруют – берут, – констатировал строительный мастер, встреченный возле экскаватора. – Попробовал бы я хоть слово супротив – закрыли бы тогда мне наряды!..

Я рад встрече.

В его голосе – потрескивание обаятельного костерка. Такой костерок бывает зимой, когда холодком проймет. Он и сам, видимо, это понимает и потому всегда открыт и общителен. Вообще, некоторых людей можно полюбить за один только голос. За его тембр. За то, что слышно издалека. За то, что он всегда узнаваем. Желанен. За то, что от него тепло и веет надежностью.

Так же, как других можно полюбить, например, за усы. Похожие, к примеру, на казацкую шашку. Вот именно с такими усами должен быть этот атаман, к которому чуть было не устроился заместителем по коммерции! Это, несомненно, избранные люди. С помощью усов, нисколько их не наращивая, лишь причесывая, иные издают книги, защищают диссертации, прирезают блага и попадают в начальственное кресло. Иметь приятные усы, значит, быть всегда на виду и на уровне, ниже которого не опустишься, что бы там ни произошло. Даже если упадешь слишком низко, рано или поздно тебя все равно вытащат за... усы. И ты снова незаменим. На коне.

Мы с Креком (в то время ушибленным музыкой: ШубертГершвинМалерДебюссиВивальдирыжий монахХиндемитШенбергБах... Без запятых!) умоляли Колю (он любил поломаться) спеть. И Коля, как бы делая одолжение, пошел друзьям навстречу. Вобрал в себя воздух, губы – домиком (не романс ли какой?.. Опять «Куда, куда вы...»?) – ну давай же!.. «Ты не вейся, черный ворон, над моею головой...» Так летел необыкновенно его могучий неповторимый голос над Енисеем, сумрачным и тяжелым, по которому нас тащил буксир, что мы плакали, а из окон, из-за углов брандвахты высовывались головы: «А мы думали, у вас радио!..»

В тот же день трижды подходил к проходной парень в сапогах и пыльной робе, просил разрешения вынести для себя – сразу же честно сказал! – с полмешка отсева: «Это же наш отсев, я сам его сюда отгружал и теперь с ним работаю».

Но мы были непреклонны:

– Просто так не положено. Нужен материальный пропуск.

Парень в унынии. Кто ему даст такой пропуск? Да и вообще где их берут?.. А если узнает где и придет туда, то направят в кассу. Нет у парня голоса. И безусый, к тому же.

На душе гадко.

А с чего это вдруг? Разве может быть гадко после того, как побывал в заместителях у Толстоброва? Эх, читатель!.. «Как это он ест и пьет с мытарями и грешниками?...»

45.

Пытаюсь думать, чтобы отвлечься... Гусеница – бабочка в плотном мире. Потом снова бабочка – гусеница в тонком... Друг друга не помнят. И еще в промежутке – куколка, в которой, возможно, совершается главная тайна... И мы окуклились. Маленькие закаменелые в себе самодержцы...

Откуда-то из подсознания: так ведь и плотный и тонкий – это же наши миры! Но я не прислушиваюсь.

Кого же мы не помним? Да, да, мы точно не помним кого-то. Кого только и надо бы нам помнить. И так это остро, хотя и неизвестно о чем.

Дух – праздник любви и радости. Тело – хищные самодовлеющие инстинкты. Или наоборот?.. Мысль не идет дальше тех же конусов, ползет по программе. Не чувство ее ведет. И это значит, что впереди – сплошные завалы. Но думаю-то я не о бабочках...

Она делает вид, что плачет. Нет, на сей раз не похороны. Но это значит: я не поднялся, я не взлетел...

Чем для меня ярче и интереснее, тем для нее тусклее и безнадежнее наше будущее.

Но я в тот момент, когда оно рисуется в таких тонах, обычно нахожусь в собственном похмельном зиндане, лишь высоко над головой манящий клочок голубизны. И мне всеми силами хочется наружу. Туда, где она – ходит по земле, видит весь небосвод, воспринимает мир в трех добротных измерениях.

...За столиком та самая, с самонаводящимися глазами. Если они есть где-то в окружающем тебя пространстве – не миновать их. А тут пространство ограничено стенами небольшого журналистского бара, куда он иногда заглядывает. Вот и в этот раз зашел, подсел за столик. И сразу окунулся в глаза. На ней ни блесток, ни перстней. Сроду их не носила. К лицу ли ей украшения? Ниже мочки уха на шее, как лихой казак во степи, волосок-пискунок, вдруг показавшийся ему таким милым. Боже, до чего красива! Так тихо разговаривают.

– Перебирайся ко мне. Я могу выйти за тебя замуж, прописать. Я рожу тебе сына!

Последнее произнесено особенно веско. На мгновение он почувствовал себя царем Салтаном. Об этом он не думал. Надо же – на такое решиться! Ответ должен соответствовать:

– Я буду любить тебя.

Но нет, не перебрался...

46.

Кажется, путаюсь в понятиях: тело... душа... дух... разум... рассудок... сознание... Почему все раздельно? Нет, осьминог вот как рассуждает: «Разум – везде, во всех существах, в каждой живой клеточке, это не только наша способность думать, но и наши чувства, переживания, инстинктивный страх и умение огрызаться, это – горячо или холодно. Это и наша душа. И все едино. И все – любовь». И сами его рассуждения подобны игре солнечных лучей, толчкам воды, запахам радости и опасности... От этих мыслей – будто на свежий воздух вышел, будто путы свалились.

47.

Как ночная зарница, которая не понять от чего, от грозы ли, от пожара: смысл жизни не только в продолжении рода. Дети – лишь средство. Тогда в чем? Есть, есть нечто большее, стоящее еще выше...

Чтобы превращать объективное в субъективное, в идеальное?.. Одним лишь мановением создавать из осколков целое? Вот ночное небо. Мерцает, как экран компьютера в режиме ожидания. Стоит подключиться к нему – и вся вселенная раскроет тайны. Не к этому ли, недостижимому, мы сознательно и бессознательно рвемся, продираясь сквозь свой путаный внутренний мир?..

Легло на душу – и не зря. Будто уже и свершилось. Но не для моего Читателя...

Глубокомысленный вопрос от подрастающего поколения.

– Деда, а чем отличается трирел от боевика?

– Да тем же, чем дебил от идиота...

Есть мнение, что живое появилось одновременно с мертвым и одно не может существовать без другого. Отсюда только шаг до черты, за которой – все живое.

Недавно заинтересовало одно сообщение: молекула воды принимает ту или иную форму в зависимости от наших мыслей. Красивая, законченная фигура, когда мы полны альтруизма, излучаем любовь, добро. Безобразная – гневаемся, думаем о плохом.

Земля, вода, воздух, огонь...

Что если не только вода подобным образом реагирует на нас, но и вообще все сущее, представляя из себя некую умную мембрану? Эта субстанция подпитывает и подталкивает нас к чистой радости. К бесконечной молодости. К сверхчувственному. Подсказывает нам истинную, скрытую линию нашей судьбы. Ну и что же, что приходится в жизни – по битым стеклам. Уже как прозрение поэта, воспринимаются необычные стихи Гумилева:

Прекрасно в нас влюбленное вино,
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться...

Почему я так упорно лезу по лестнице, которая ведет в никуда – в человеческое сознание? С его ошибками, заблуждениями, стремлением выстроить себя... Но как ни подбираю баски, прости, мой бедный Читатель, все равно получается что-то уродливое. Я просто не понимаю причину душевной тоски! Может, все дело в том, что я потерял свою стаю?

Не лучше ли вообще бросить это занятие и пусть – кривая выведет!

И снова вата, туман, меняющие свои очертания испарения над отстойниками и моя гигантская тень с палкой на их фоне...

48.

...и дал ему горшечник на память одно из своих изделий. Но он спросил, показывая на кучу брака:

– А это чье? Можно оттуда что-нибудь взять?..

– Бери, – усмехнулся тот. – Хоть все. Эт-то од-дному Богу принадлежит.

И принес он домой два цветочных горшка, и отдал их жене.

– Ва-а-ал ваял, – ни с того ни с сего скаламбурил. И с неудовольствием подумал, что все-то у него не только в делах, но и в мыслях абы как!..

И поставили они оба горшка на подоконник. И в том из них, который был целым и правильной формы, жена посадила кактус. Кактус вырос большим и однажды выпустил три огромных белых цветка.

А другой, с изъянами, оплавленный, ноздреватый, стоял пустым. Но радовал глаз необычностью формы. Когда открывали окно, чтобы проветрить комнату, скважины и трещины этого горшка оживали и тихонько пели. И песня та была не веселая, не грустная, а такая же, как вся наша окаянная жизнь.

И только в редкие прекрасные минуты, когда, отрешившись от дневных забот, он садился за письменный стол, чтобы хоть ненадолго остановить время, ему чудилось: нет, не пустой, не бесплодный этот горшок – растет и из него какое-то семя...

А если Святой дух не покинет тебя?..

Останавливаюсь на том, что надо бы снова почитать Библию.

49.

Давно заметил отяжелевший от ягод куст кислицы на склоне насыпи. Созрела ли? – только этим был озабочен, отправляясь с проходной на вышку. Так хотелось принести домой сочных спелых ягод. Чтобы рассмотреть куст, поднялся по ступенькам железного перехода над лотками, в которых проложены бронированные кабели. Вон куст, ягода уже красная и еще не обобранная! Но мельком, угловым зрением, заметил: с кабелями что-то не ладно, один не то вырублен, не то перекинут за лотки... Но, может, это специально сделано: ведь все работает, шумит, бурлит и воняет... Впрочем, последнее часто зависит от направления ветра.

Электрик Слава спокоен.

Поскольку это не моя территория, я молчу, почти до вечера, но мысль, что же такое с кабелем, не дает покоя. Когда украдкой – не положено здесь находиться! – собирал в прозрачный мешочек кислицу, увидел, как раздетый по пояс и загорелый парень, тот самый Курице Клюнуть Негде, зачем-то прошел по лоткам. Сейчас, правда, сомневаюсь, он ли?.. Тот человек был посветлее, почти белобрысый, имел более спортивный вид. Пусть и здесь таким останется! И я тоже рискнул – залез в лотки и прошел по ним.

– Ну ты грибник! – Петрович, очень недовольный. Еще и тем, что так поздно поставил его в известность!..

На крыльце, под ногами у нас, схватились в поединке оса и бурая ночная совка. Чем они помешали друг другу? Происходящее очень смахивало на битву тигра с буйволом. Маленькие существа обхватили друг друга лапками, сучили ими и перекатывались, иногда расцеплялись. В этот момент бабочка тут же обо всем забывала. Ноль агрессивности. Но не такова оса, низко покружившись, она снова нападала, будто в ней заложена некая программа, как в «умной» ракете. И вся она была переполнена какой-то осознанной ненавистью, которую я не предполагал увидеть у насекомых. Наконец оса улетела, мгновенно, как бы ни с того ни с сего потеряв интерес к противнику, а бархатный треугольник пополз по доскам, которые начало теплить утреннее солнце. И вдруг замер, обездвиженный, поджав ножки...

Параллельный мир. Что ему наши проблемы, атомные бомбы, ракеты, астероиды, страсти, вся наша тщета, потеря работы, любовь и нежность, верные и неверные жены и любовницы (которые с годами сливаются в одно пятно – будто разворачивается вдоль меня, моей жизни, бесконечный рулон белого шелка!..)? Ну не будет нас, останется в результате какой-то катастрофы только половина планеты, а пауки все так же будут ловить летающих и жужжащих...

50.

А вот у нас проблемы!

– Это крупная кража. Что будем делать? – спросил Петрович, который долго мучился, как ему посту-

пить. Ведь раз мы обнаружили, значит, мы и виноваты, значит, это произошло в нашу смену!..

– Петрович, – сказал я, – можно, конечно, промолчать, но тогда мы подставим Жмодика. А если его смена не заметит, значит заметит другая. Ну не сейчас, так через месяц все равно это всплывет.

Петрович принялся разглагольствовать насчет Жмодика. Ах, как он был бы рад его подставить!

Я его понимал, поскольку перед тем, как попасть к Петровичу, работал некоторое время со Жмодиком. Он мог отправиться проверять посты в любое время, хоть в два, хоть в четыре ночи. Ухитрялся подкрадываться незаметно, несмотря на хромоту и хрусткую ржавую жесть, которой мы застилали грязь возле вышек... Будто наслаждение ему доставляло захватить врасплох потерявших бдительность сорокапяти-пятидесятилетних так и не умудренных жизнью мужиков, которым некуда больше податься. «Из военкомата, в последнее время там работал, а военкомат сгорел, – говорили о нем. – Не навоевался, не накомандовался, теперь вот душу отводит».

Петрович часто поступал иначе: «Ну-ка обзвони посты – иду проверять!..»

Но Петрович не любил Жмодика за другое: так получалось, что Жмодик подаст начальству какую-то идею, они у него постоянно вызревали ввиду хронического недовольства, застарелого геморроя, изжоги, фантомных болей и десятка других болезней, от которых иной на его месте давно бы сыграл в ящик, а воплощать ее вечно приходилось смене Петровича. Она же часто и оставалась крайней. Так, недавно Петровичу дали взбучку за то, что не вырублен репей вдоль собачьей проволоки. Тот сразу сообразил, откуда ветер с таким специфическим запахом.

– Пиши докладную, не объяснительную, а докладную, – очнулся он от раздумий.

– На чье?..

– На мое имя. А я буду писать на имя начальника охраны.

Я написал, что еще вчера утром, через два часа после заступления на пост, обнаружил пропажу. Так, собственно, и было.

– А ты неплохо пишешь, даже здорово! Писатель! – одобрил Петрович. – Вот только как ты в том месте оказался? Пошел набрать холодной воды?..

– Так Мишаевич же опоздал, почти на час, вы что не помните? Мне пришлось заодно обходить и его территорию...

– Ах, да! Чурка этот! Новенький!.. Вот склероз! Ну тогда все нормально, пиши заново. Главное: то, о чем сейчас говорили, не забудь. – И чуть погодя: – Пусть только попробуют теперь лишить меня премии! Я сразу же пойду в комиссию по трудовым спорам.

Кстати, «чуркой» мордвин Петрович называл и немца Цанга, который пострадал у него только потому, что пришел с похмелья – из-за «остаточного запаха алкоголя» (так Петрович написал в докладной).

Я уже изучил его и знал, что ни в какую комиссию он не пойдет. Любит поворчать, потому что старится и потому что виноватыми всегда в своей жизни считал других. Мы для него не персонифицированы. Сколько раз замечал: разговаривает с кем-то одним, а обращается как бы ко всем сразу: «Ну вы, ребята...» И всегда-то у него наготове нотация в ответ на наше подтрунивание над многотрудной службой. Такой юмор не приемлет. И нос любит воротить, сжимая дудочкой губы, от запаха чужих сумок и носков, как придет – окна настежь. Не наша премия его интересует, а собственная. Трусоват Петрович, хоть и под метр девяносто. Кишка тонка.

– Как по-армянски журавль? Сегодня его видели с Петровичем. Крлнк?..

– Нет, крунк.

Из разговора: «Настоящий мужик, не гнусавый.» Гнусавость воспринимается как свойство характера: гнусавый тот, кто мельтешит, теряет свое достоинство.

Иван, мой напарник:

– Петровича тоже можно понять. За шестьдесят... А как бык. Ну куда он устроится, если потеряет работу?

Мне становится стыдно. Какое у меня право судить?

Краем уха слышали, что положение на нашем объекте обсуждалось у генерального, тот был очень разгневан: зачем, спрашивается, держим охрану, третий по численности цех, платим ей деньги?!. Отдано распоряжение найти тех, кто прошляпил, и депремировать. А как их найдешь?

Проще всего наказать нас.

Петрович, лучший из бывших ментов, то молчал и сопел, как нашкодивший мальчик, понурив голову (чертова субординация!), то, улучив момент, ретиво и пылко поддакивал.

А кричал, что мы безнадежно тупые, начальник охраны. Ну не тупые ли? Дали портативные рации. Буквально в прошлую смену. И вот одна оказалась уже сгоревшей. Не в ту дырку вставили штекер при подзарядке. Заглядывает туда. Все внутри смято! Гвоздем, что ли, лазили?

Мы, если честно, ими еще не пользовались – только что заступили, но поскольку испорченная рация обнаружена нами, он засадил Петровича за объяснительную записку на имя генерального директора.

В проходной сразу же повеяло суровым подтверждением наших догадок.

С начкара и с меня он также потребовал объяснительные по поводу кабеля и рисунок маршрута, по которому я проходил, когда наткнулся на пропажу.

– Объяснительную не буду, буду только докладную! – после отъезда начальника все так же импульсивно заявил Петрович. – Это унизительно. В чем я виноват? Лотки-то были открыты!.. А он: демагогия, демагогия!.. – Как потом выяснилось, написал он все-таки объяснительную.

– Под тебя зачем-то копают! Хотят с себя снять вину. Перед генеральным. А с тебя голову! Надо найти стрелочника!.. – неожиданно сказал Петрович, внимательно изучив вопросы, оставленные на бумажке для него и для меня начальником охраны. Я тоже просмотрел их, однако ничто меня не насторожило.

Под эстакадой, возле проходной, сидела Джессика. Я обрадовался, сразу узнав ее, подошел, чтобы погладить. Гладкошерстая ротвейлерша стала обнюхивать меня, считывая старую информацию: «Да, да, мы с тобой одной крови»... Мне уже приходилось ее кормить, когда дежурил в других местах нашего разветвленного хозяйства. Это была та самая черно-коричневая Джессика, бывшая домашняя любимица заместителя мэра, которую среди зимы вдруг поставили на кормежку к нашим собакам...

Ту зиму она провела в отдельной комнатке, в помещении конторы. Стрелки ворчали: «Объедала». Впрочем, иногда с Джессикой делались ночные обходы территории. Миролюбивая, она реагировала только на людей с поклажей.

Из-за Джессики тогда же пострадал один из караульных. Она вырвалась у него из рук вместе с поводком и подбежала к бегавшему по проволоке Кайзеру, черной немецкой овчарке. У Джессики началась течка, и собаки быстро нашли общий язык, несмотря на различия в породе. Но это и стало причиной неприятностей.

От охранника потребовали написать объяснительную. Он подробно изложил на бумаге, как случилось, что «Джессика и Кайзер полюбили друг друга». Объяснительная была забракована разгневанным начальством, потом еще одна... Наконец, посланный на подмогу штатный кинолог вразумил незадачливого собаковода: пора бы тому уже взять в толк, как надо писать правильно. Не полюбили друг друга и даже не занимались любовью, а просто вступили в вязку!

Потом Джессика ощенилась. К счастью, ротвейлерами. Нам дали ее для усиления.

Совсем уж что-то зачастило начальство!..

– Чтой-то у вас сторожа какие-то странные – в фуфайках бегают, ведь лето же!.. – смеялись рабочие, перекуривавшие возле мехцеха. Смеялись они над Генашей из смены Жмодика, которому я в тот раз сдавал утром дежурство.

– Ну, все нормально, скажи? Только честно! – допытывался у меня, чуть не плача, Генаша. Потом в лоснящейся своей цвета «осенний лес» телогрейке мчался проверять пломбы и брошенный возле лотков в качестве приманки кусок кабеля. На слово он мне не верил.

Прошлый раз Генаше здорово попало. Приехавший среди ночи проверяющий устроил ему экзамен на знание статьи 11-й...

Со своего поста звоню напарнику, прошу напомнить, где эта статья 11-я, в каком таком законе? Ага, в законе о ведомственной охране. Касается применения физической силы.

– Ну и голова у тебя!

А я чем больше читал эти законы, тем меньше понимал. Что за язык! В каждом обороте вновь и вновь перечисляется то же самое!..

В самодельную коптильню, устроенную нами на задворках, за насосной, закладываем с Петровичем на сей раз свиное сало – рискуем, но ведь уже вечер – и ведем разговор то о необходимой обороне, то о крайней необходимости. Будто для нас это очень важно! Видело бы начальство!

– Знаешь, – доверительно говорит Петрович, – нас одно только спасет – если мы кого-то поймаем. Теперь нам разрешили сразу, без предупреждения, бить, хоть по яйцам, дубинной резинкой, тьфу на тебя!.. Но имей это в виду!

Она же – резиновая дубинка. Она же – мужское достоинство. Она же – женский соблазн. К тому же и демократизатор, что уже не оригинально. И все неправильно. Все не так. И хватит изгаляться. На самом деле она – просто ПР-73, за которую регулярно расписываемся в журнале.

И еще стали расписываться в одной графе: за три дополнительно выданных каждому патрона «БАМ». Коробочку с ними надо носить с собой.

Теперь записи в журнале выглядят так:

«Изделие «Удар» (его номер) – 1 (одна) штука,

Патроны «БАМ» – 5 (пять) штук,

ПР-73 – 1 (одна) штука,

Рация – 1 (одна) единица,

Бинокль – 1 (одна) единица».

Никак не могу понять, почему бинокль и рация – единицы. Но так уж заведено...

По очереди подходим к столу, чтобы расписаться в журнале. Каждый откидывает назад голову, щурится, вытягивает руку...

Теперь и днем – при полной экипировке. В одной

руке рация, в другой – дубинка, на поясе – газовая Царь-пушка. Увидели меня работяги и сразу сделали «руки вверх», а один истошно заблажил:

– Мы больше не будем!..

Когда прохожу по эстакаде над бурлящим отстойником, невольно сжимаю в руке ПР-73: страшно и подумать, если выроню...

Жмодик обнаружил коптильню, распорядился разобрать ее и вынести за ограду, туда, где мусор.

– Зачем?.. Совсем взбесился, – шепотом говорят его подчиненные, – не он же делал!.. Что скажет Петрович?

Петрович в ярости.

Одни из ворот намертво заварены. Изменены маршруты обходов. Принят в штат астролог – заместителем генерального.

– Ну и кашу ты заварганил, – говорят.

Петрович тоже лютует, грозится написать докладную, если не буду вовремя звонить ему с поста.

Когда лютует, он опасен: может наломать дров. Памятен еще случай с Цангом, который был-таки уволен по 33-й. А я-то не позвонил, потому что не хотел беспокоить Петровича, который, как меня предупредили по телефону, в борьбе с силами природы сначала долго клевал носом и непроизвольно скрипел под столом подошвами, а в тот момент уже сладко посапывал на сундуке в позе эмбриона.

«Ну берегись, Петрович! Глаз теперь не сомкнешь!» – и звоню каждый час по два–три раза. Так получается: звонок насчет обстановки на посту («Хорошо»,– отвечает Петрович, и в его голосе – такое удовлетворение, будто намялся копченого сала и теперь поглаживает себя по животу), звонки, когда иду на обход и по возвращении. В туалет захотелось – тоже звонок. После туалета – тоже: мол, уже на месте.

В одну из смен в половине четвертого ночи Петрович не выдерживает: договорись с другим постом, будете по очереди обходить. И вслед за тем: «Все отдыхают, кроме вохры, блин!..»

Разрешение поспать? Только где? В будке – не растянешься, тесно и слишком грязно, снаружи да и внутри в углах – паутина. А к этим призрачным многогранникам и их населению у меня особое отношение. Сначала забираюсь в кабину трактора – нет, неудобно: сплошные рычаги и режет ноздри мазутом... Кабина экскаватора попросторней, но закрыта. Нахожу в одном из помещений мойки рваный полосатый матрас, из которого торчит вата, и затаскиваю в сушилку, где на этот раз, хоть и жарко, но все же терпимо. Бросаюсь на него. Но скоро прихожу в отчаяние: сознание ясное, опять крутятся всякие мысли – так хотелось поспать, а ни в одном глазу: душа, тело, разум, мне уже столько лет, а ничего в жизни не...

Но я не один такой: тут я вижу молодого Блока. Ему тоже не спится, он садится в кресло и делает в дневнике запись: «Хаос это – беспорядок, а Космос – порядок. Космос состоит из Хаоса».

Сразу же погружаюсь во вселенский уют. Возникают и рассыпаются миры, из светил хлещут протуберанцы...

Да, лезут мысли, Хаос – в самом начале, он все опережает. Не будь мусора – и пылесос бы не изобретали... Как бы там ни было, каждый раз он, молодой, неистовый Хаос, оказывается в ловушке Космоса. Он сам в него преобразуется. Тем быстрее, чем более активен...

И, значит, наши проступки, измены... Но не о моральной стороне я думаю. Меня волнует причиняемая ими боль. Все баски, которым я не могу найти применения, проносятся в уме, я снова слышу треск обожженных фонарем крылышек, крик ужаленной осой бабочки и вижу каждое разбитое сердце... И утешаюсь тем, что все подлежит регистрации в нерукотворной Книге Бытия. И неизбежно становится Космосом.

Неповторимый в своих проявлениях Хаос это – кирпичики его. Без Хаоса нет Космоса, нет движения. Как нет Разума без Чувства. Как нет Бога без Яблока, без Искушения, без Лукавого, без нас. Да в нем самом, Великом Строителе, тысячи мелких дьяволят, правда, они уже так не называются... Поскольку, став его частью, стремятся не приземлить небо, а наоборот, возвысить нас до понимания небесной гармонии, раскрыть в людях новые возможности.

Снова и снова рождается агрессивный Хаос, но Космос всегда должен за ним поспевать. Чтобы выполнить все ту же работу.

Каждый раз Хаос приобретает новые свойства.

Он дробится, проникает в замочную скважину, на экраны телевизоров, в супружескую постель, в души, нравы, политику, создает пули со смещенным центром тяжести и другое каверзное оружие, ведет войны, разлагает все, чего ни коснется. Но не надо его бояться. Есть такой закон. Чем более далеки от симметрии и совершенства баски, которые метает ниндзя Хаос, тем лучше, ибо тем выше вероятность установления порядка уже на новом уровне, качественно другом.

Неужели? Как я раньше об этом не думал? Вот речка. Течет привольно, становится полноводной именно на равнине, где сквозь легкий грунт многочисленные бьют ключи. А однажды, вспомнилось где-то вычитанное, был проведен эксперимент: использовали трансплантат в виде фарша. (Котлетку бы!.. Автор идет на кухню и заглядывает в холодильник). И вот чудо: он

ожил. После приложения к ране в нем необыкновенно быстро стали возникать новые кровеносные сосуды.

Не о том ли и у Пастернака: «И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд...»

На космических подмостках бытия, во всех мелочах нашей жизни разыгрывается великая и мудрая драма, поставленная великим Режиссером. Разыгрывается с неуязвимым бесстрастием и артистизмом. В ней объяснение того, что мы называем борьбой Добра со Злом, оправдание самых дерзких творческих исканий и откровений.

Почему бы, действительно, не преклонить колени перед простым камнем или абстрактной картиной?.. Ведь все – из одного божественного источника. Нет в жизни противоречий ни в чем и в самой смерти... Бабочка – гусеница. Простой колосок в поле. Озирис и Изида в красоте древних знаний...

Вся жизнь мгновенно предстает передо мной. И нет будто бы больше никаких тайн. Душа мироточит в благодарности. Сами собой выбалтываются стихи:

Выразить бы, выразить бы день,
Только день, что прожил человек!..
Сделать строчку крепкой, как ремень,
Обмотнуть вокруг и взвесить день...
И назвать стихотворенье – «Век».

Тут только замечаю, что из мойки, которая у меня за стенкой, теперь раздаются два голоса – мужской и женский. Мужской, похоже, принадлежит дежурному ночному слесарю. Прислушиваюсь. Женщину он ласково называет Танюшей. Неужто Жулина? Она! Вот душ включили...

51.

Певчих птичек как не бывало. Орлы куда-то подевались. Вороны, враны, вражьи силы... Треску от них, будто провода замкнуло.

Начкар достает из сейфа воздушку и от нечего делать палит с крыльца по черным стаям. В этот момент ему на все начхать! На целый мир обижен!..

Все бьется Петрович между двумя правдами – правдой чиновничьей, формальной и правдой живой, человеческой...

А в лысых простуженных кронах кто-то играет на китовом усе: «Дрянь, дрянь!» В простуженных кронах, как в переполненном автобусе, – сплошное недовольство, брюзжание, хрип, кашель, резкость и императив.

– Куда села, сорока? Чуть не на голову! Старость не радость?

– Не ворчи! Сама ты сорока, сама ты сорока!..

– Не раскачивай, дерево!

– Это ветка, это ветка! Не упадешь! – И опять: «Дрянь, дрянь!» – И вдруг: – Разуму – ура!

– Ура, ура!

– Сериалу – ура! (Никак Петрович опять прилип к телевизору?..)

– Сериал! Сериал! – куча высыпала на остановке. Но столько же и набилось. И опять за старое:

– Воровка!

– Сама полукровка!

«Дрянь, дрянь!»

– Умрешь, как твой Колмогоров, в подворотне! – Ого!.. Или только показалось мне?..

– В теплотрассе! – Ого!..

«Врешь, карга! Теплотрасса – призрак! В приюте!» – врубаясь, кричу, отчаянно кричу, но про себя.

И еще там – то будто об изжоге, то о простатите. Излюбленные темочки. И все-то под один и тот же аккомпанемент: «Дрянь, дрянь!»

И взрослый осенний ветер скулит в простуженных кронах, тщетно взывая в осколки разбитых зеркал: «Мальчик, мальчик, а где твоя мама?» И в каждом зеркальце, как его ни дроби, все те же гонимые им деревья и непроходимые горы облаков по горизонту... Ветер заставляет людей все основательнее баррикадироваться, кутаться, отгораживаться и заслоняться от порывов его продувной собачьей нежности...

И невыразимая нежность переполняет души.

«И мы, как руки у Венеры...»

В том ли изъеденном ржавью желтом «ягуаре» на свалках моей памяти или... Нет, и не там... И не в замке... А просто на кухонном полу, потому что в комнате как раз в это время ангельски чисто похрапывал грудной ребенок... Мужчина и женщина. Отдавались со страстью, от неразрешимого одиночества и отчаяния. Оттого, что все самое главное в жизни у них – мимо. Такие далекие и даже чужие – друг другу. И вместе вдруг разрыдались, разом кончив. Каждый от своей собственной непостижимой беды и тоски, которая уже давно комком под горло. Одно только общее объединило их: «Победа это или поражение? Награда или расплата?» И не было на эти вопросы ответа. Но разошлось, разрядилось нежданной грозой в душах, изошло горючими слезами. Вроде бы лопнуло Великое стекло. И что-то важное всколыхнулось и открылось им... А они отвернулись, возвращаясь к действительности. К заботам. К тем брошенным на крыльце охапкой траурным хризантемам.

Нечеловеческим, ледяным однообразием веяло из проруби над головой, где высоко-высоко был самолетик снежинкой...

«Спать, как Ленин» – в выставленном из буфета старом прилавке, под стеклом. Но ночью уже прохладно.

О будке в коконе паутины:

– Зато теплее!

Когда сводишь до определенной точки половинки бинокля, получается круг, шар. В этом шаре шуршат травы, похожие теперь на шкуру бурого медведя, рыбачат безработные, бомжи и просто фанаты, вроде Петровича (бегает, бегает иногда), красиво изогнуто стоят облака, пролетают птицы... Тогда начинает казаться, что этот шар, который катится по кривым волнам горизонта, это – я сам, только невидимый, поскольку мое тело куда-то исчезает. Но все – во мне. Я все вижу, слышу. Везде присутствую. Во все вживаюсь. И все ощущаю – и жар, и холод (иногда, если слишком холодно, переключаю себя на тепло и наоборот) или только представляю свои возможные ощущения.

Так бывает и ночью, когда сил уже никаких. Тогда мнится, что я – глаз, только глаз!..

То есть просто сторож. Живое чучело. Последняя точка?.. Конец смятению?..

Давно за полночь. Катится, все ускоряясь под горку, время, которое мы называем «нашим». Моему напарнику тоже не спится. И вот уже вдвоем, прижавшись друг к другу, мы сидим в засаде, под пожелтевшим и объеденным нами и другими такими же дозорными кустом черешни. Далековато, но отсюда хорошо видны лотки и приманка – кусок кабеля. Надо доложиться. Опробываем на Петровиче новые рации:

– Первый, Первый, Третий и Четвертый на месте...

Проехала машина «Листья», затем «Снег» – бумажные наклейки на лобовом стекле. Но всегда в пути коробка с надписью «Люди»...

52.

...Снова поднимаюсь на вышку, чтобы принять пост. Опять ныряющий пингвин трещины. В углу ненужный летом козел, плитка. Вода в пластиковых бутылках только на донышке. Но на узеньком подоконнике, как всегда, заботливо приготовленная мухобойка. Будто у меня нет другой печали, кроме как мух бить?

С чего же начать? С чая?.. Состояние не ахти. Вчера и позавчера крепко выпил. Ну выпил и выпил. Что ж теперь? Если уж алконавт... Но в новой семье – разлад. Тупо смотрю на слепое и грязное от расплющенных мух окно.

Зачем я здесь?.. Здесь я или где-то в другом месте? Еще живой или уже вымер? Почему так часто встают передо мной одни и те же вопросы?.. И еще в памяти выражения лиц, некоторые из которых уже уподобились слепкам. Окаменелости встреч. Тембры голосов в абсолютном мраке. Слова. Обрывки мыслей, из которых ни одна не устраивает. Все они кажутся мне (особенно сейчас!) нелепыми, путаными, незаконченными. Потому что снова... ничего не могу понять, что же здесь нужное, главное, а что неуместно, как рыбья чешуя на сковороде... Сколько же можно заблуждаться!.. Где же среди всего этого я, а где не я? Себя не вижу. Но все живо. И все повторяется. Рассыпается... И к чему-то стремится, как бы захваченное одним гигантским вихрем... И все не как в книгах, не по правилам, не по законам, не по устным советам и, увы, не склеивается и не раскладывается по полочкам, как те керамические черепки под руками реставратора...

Никак Изида не может собрать по частям своего Озириса, растерзанного вепрями где-то в джунглях Египта! Произошло это в оные, еще допотопные, времена, но конца ее работе не видно. Вот и передо мной сплошные блики-баски... И эта чертовски реальная мухобойка!.. Она меня раздражает, как назидание. Я брезгливо сбрасываю ее на пол, пинаю...

Какой же во всем этом смысл? Чтобы проиграть себя, как гамму?.. Чтобы поставить себя, как голос?.. Или со мной какой-то шутник проделывает все это?.. Вот он: водрузил, подобно сменщику, роговые очки на переносицу и зачем-то приглядывается, изучает меня, как врач пациента... Где оправдание всего? Да и подчиняется ли человеку то большое и непонятное, что находится в нем или где-то вне его? То главное, ради чего живешь, что так хочется каждому хотя бы разок увидеть?.. Имеет ли оно форму? Есть ли у него имя?

Под вышкой, мелко побалтывая бедрами... а почему бы не так – покачивая ими, как вином в бокале, проходит к себе Жулина. Машет рукой, улыбается. Киваю ей. Мое состояние, еще минуту назад такое упаднические, меняется на прямо противоположное – ничего не могу понять, так это странно!.. Становится даже весело!.. Зачем я так переживаю? Ведь это же баски – обломки, осколки! Самое неправильное, никчемное и ненужное на белом свете!.. Рассыпались и пусть. Не бери в голову – завтра новый день...

53.

Представляю, как появилось словечко «баска».

Вижу тихий и ровный осенний день. Холодком и спокойствием веет от выдернутой из земли и еще не убранной буро-розовой ботвы. Желтого солнышка – чуть-чуть, только для цвета. Клубни рассыпаны на просушку.

Небольшой ватаге грязных и сопливых пацанов весело – носятся по огороду, туда-сюда, шумят. Втаптывают плоды земные, кидаются ими, как гранатами. Вдруг звон разбитой посуды.

– Ой, вы стадо-то чертово-то! – откуда ни возьмись

пронзительный окающий голос. Все слова на одном вдохе-выдохе – слитно, нараспев.

Размахивая хворостиной, в резиновых ботах на босу ногу мать одного из чертенят бежит по рыхлым кочкам – проучить шалунов. Как воробьи – в разные стороны!.. Это из-за них уронила тарелки! Вот несчастье! Без того-то – голова кругом!

За ухо ведет своего набычившегося сопляка в сенцы, где мыла посуду.

– Вот, собирай! Пока не соберешь – не пущу шлындать. Одни безобразия на уме. Все расскажу отцу!

Собрал, подмел. Старательно, как умел. Смягчившаяся мать прижала к себе сына, гладит по головке, отряхивает одежду, застегивает пуговицы. Скорей бы ты рос, что ли, хоть в школе уму-разуму научат.

– А это что у тебя в кармане, острое?.. Ну-ка живо показывай, трудодней на вас не наберешься!

Малец виновато вытаскивает из кармана краешек блюдца с тонким синеньким узором и золотой полоской.

– Зачем это тебе?

– Да так...

Женщина вспоминает, как с мужем вскоре после свадьбы купили в городе эти тарелки, чайные и столовые, неполный сервиз, чашек в нем не было, как гордилась ими, ставила на видном месте, но вот не уберегла. Сама, конечно, виновата. Отвлеклась на оголтелых и – сразу три вдрызг!.. На эту красоту, правда, она давно уже не обращала внимания. Муж спозаранку и до ночи то в МТС, то в поле, а она рожала и тянулась без присяду по хозяйству. Теперь вот курей завели, собака Булька, в стайке буренка...

Покрутила-повертела в руках осколочек с таким дорогим для памяти узором, улыбка мадонны проступила на устах – что-то важное в ней оттаяло:

– Это ба-аско!.. Ладно, на, пострел. Держи. Только не порежься!..

г. Кемерово. 2003 г.

Герман ВОЛКОВ

* * *

Тайга! Бывают краше
Селенья на Руси.
Тайга – судьба ты наша,
И Бог тебя спаси!
Столетняя! Забыта!
И по уши в грязи.
Мечтают, чтоб закрыта
Была. На привязи?!
А ты возьми и топни,
Возьми и докажи.
Пускай от злости лопнет,
Кто учит нас, как жить.
Правь, власть, не зарывайся,
Рули, как песню пой.
С коленок поднимайся,
Тайга, и Бог с тобой.

ЗАКОН КОЛОДЦА

В. Бондаренко – автору книги «Дети 37-го года»

О! Русский народ!
По закону колодца
Из века он в век
Совершает свой путь.
Чем больше черпают –
Скорей наберется,
Свежее вода,
И отсутствует муть.
И не грозовые
Моменты историй
Губительны будут,
Запомни, мой друг!
Эпохи застоя –
Без грома и молний,
Гниют, источая
Болотистый дух.
В колодцах культуры,
Застойных сегодня,
Господствует ложь,
И ведерко в кустах...
Но знай: родники
По-российски свободно
Прорвутся из недр –
И заломит в зубах!

г. Тайга

Анжела ЗУЕВА

Я слышу крики птиц,
Я чувствую тепло,
Я вижу столько лиц –
Не вижу твоего.

Я вижу облака,
Плывущие вдали.
Я вижу яркий свет
На том краю земли,

Где ты живешь один,
Один среди людей.
Но до сих пор согрет
Теплом любви моей.

г. Тайга

Михаил ПИМОНОВ

РИФМОВОЧКИ

Читаю Бродского на полустанке,
Фонарик над плечом, купе вагона,
Чаинки останавливаются в банке,
Споткнувшись о молчание перрона.

* * *

Я не то, чтоб Бог,
Я не то, чтоб бес.
Так, тяну свой срок,
Между ними влез.

* * *

Сказали вы: стишочки,
А я писал стихи.
Сказали вы: мыслишки,
А это были сны.

* * *

Ты мне не веришь, да и я себе не верю.
Все больше то, что хочется забыть.
И хочется, как раненому зверю,
Метнуться в озеро в надежде не доплыть.

* * *

Она не голубых кровей,
В ней благородства – ни на каплю.
Она напоминает цаплю
Болотную среди морей.

* * *

Мечтаю в одиночестве растаять
И выцедить по капельке из жил
Все постороннее, что просто жить мешает,
И вспомнить, наконец, каким я был.

* * *

– Останься, – два желания в одном.
– Нельзя, – и подчинились третьей силе...

* * *

Когда мне больно, я пишу стихи.
Они, как псы, зализывают раны.
Глядят доверчиво их влажные зрачки
И, робко улыбаясь, ждут обмана.

г. Тайга

Анна МОЛОДЫХ

БАЛКАНЫ-99

Запомните ту боль и страх,
Запомните безумства вспышки!
Кто прав, Иисус или Аллах –
Не видно с пограничной вышки!
За что калечить стариков,
Прошедших пламя, жарче ада?
Не вам решать судьбу врагов,
И разжигать войну не надо!
Запомните детей и жен,
Сходивших с трапа самолета,
Не для того Адам рожден,
Чтоб ночью совершать налеты!
Не для того растила мать
Сыночка, чтоб его убили.
Не для того дано летать,
Чтоб вы чужую жизнь бомбили!

* * *

Перешел бы поле –
Да душа болит,
Знаю: в этом поле
Буду я убит.
Не засею поле,
Не взращу детей,
Не узнаю горе
От иных потерь.
Перешел бы поле,
Да не тянет все ж.
Будет в этом поле
Колоситься рожь,
Будет счастлив каждый,
Будет каждый сыт.
Жаль, что в этом поле
Буду я убит...

г. Тайга

Екатерина ФРОЛОВА

* * *

Я никогда не бываю одна –
Со мною мысли о тебе,
Сижу часами у окна,
Ты, знаю, помнишь обо мне.
Мне, как и всем, бывает грустно –
Но это сладостная грусть,
И на душе бывает пусто,
Но так случилось, ну и пусть!
Но иногда придет печаль,
Нахлынет горькою волной,
И мне невыразимо жаль,
Что больше нет тебя со мной!

* * *

Ты...
Как счастье, может быть,
Полет свихнувшейся мечты,
Отчаявшейся все забыть...
Так тихо, нежно и печально
Ушла зима,
Махая хлопьями прощально.
Опять весна, и долгое скучанье,
И – титры, слезы на прощанье –
Ты!

г. Тайга

Олеся ГУЩИНА

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Мне видеть Вас необходимо,
Мне это нужно для души –
Ведь жизнь моя текла уныло,
Пока в нее Вы не вошли.
Я помню все, любую мелочь,
И встречу нашу первую,
Когда вдруг сразу захотелось
Сказать мне, как я Вас люблю.
Разлуки горечь ощутила
Я тоже, тоже – в первый раз,
Но все ж Ваш образ не забыла,
Как будто Вы со мной сейчас.
Из-за любви неразделенной
Не стану я себя губить.
Я Вам за то скажу спасибо,
Что научилась я любить.

г. Тайга

Анастасия ГАУЗШТЕЙН

* * *

Жмет мое сердце тоска,
И под напевы сердечка
Думы: «Кому я нужна?
Где моей жизни местечко?»
Где мой наказ, мой урок?
Нет! Я не стану вас слушать!
Так одинок мой порог,
Чтоб ваши мысли разрушить!
Так одиноко во мне
Чувство вины, чувство боли!
Так ненавистно душе
То, как мы гибнем и молим!

СРЕДИ ПРОХОЖИХ

Я не скрою, я не скрою,
Что, смешавшись в тишине
С говорливою толпою,
Думаю лишь о тебе!
Жду, как дуновенья ветра
Ждет, покачиваясь, ель,
Как младенца в тихом свете
Ждет большая колыбель.
Жду, когда среди прохожих
Бросит в жар меня и дрожь,
Жду любимых чар пригожих,
Жду, когда же ты придешь!
И мечтаю, я не скрою,
Смешиваясь в тишине
С говорливою толпою,
Думаю лишь о тебе.
Ты подумай обо мне!

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Сентиментальная картина –
Колышет ветер за окном
Сухую старую рябину,
И смотрит деревце в мой дом.
Ах, как же редко, как же редко
Любовь в душе моей больной
Растет... Играет ветер веткой,
Там, за окном, прошла соседка,
Поправив волосы рукой.
Ах, все же жить на свете страстно
Хочу! Хочу и буду жить!
Кивнет рябина в гроздьях красных...
Я так люблю с ней говорить
О том, как это странно – жить!

г. Тайга.

Валерий ДМИТРИЕВ

***

Я знаю, в уголках души
Во мне живет еще мальчишка,
Тот деревенский, из глуши,
Что бегал по селу вприпрыжку.

Я не спешу, а он бежит.
Он на реке – я в теплой ванне.
Я песни изредка пою,
А он до ночи их горланит.

Ночами я спокойно сплю,
Он до рассвета где-то бродит.
Я женщину одну люблю,
А он с девчонок глаз не сводит.

Мне грустно в глубине души,
Об этом думать я не смею,
Вдруг он однажды побежит,
А я угнаться не сумею.

* * *

Выкатилось на поляну
Солнышко лениво.
В сером облаке тумана
Утонула ива.
Долговязый старый тополь,
Шелестя листвою,
Подпирает синий купол
Сонной головою.

* * *

Вечером на крыше
Кто-то громко дышит.
Я решился посмотреть –
Кто-то перестал сопеть.
Повернулся я спиной –
Кто-то вдруг шагнул за мной,
Бросился я вниз впотьмах,
А за мною гнался страх...

Разъезд Кузель
Кемеровской обл.

Дарья ПОЛА

НЕМНОЖКО НАЗАД

Часть 1

По существу

Я хорошо помню тот вечер – был декабрь, и стемнело рано. Я осталась одна в опустевшей химической лаборатории. Лампы дневного света включать не хотелось, и комната медленно погрузилась в темноту. На стене напротив окна висел плакат с диаграммами процесса седиментации шахтных вод; периодически он становился красным, желтым, зеленым – в зависимости от работы светофора на перекрестке. В пыльных колбах на стеллажах тускло отражалось сияние уличных огней, да стекла иногда дребезжали, когда под окнами проходил трамвай.

Я сидела вся зареванная за столом у окна, положив голову на вытянутые руки.

Существует, как минимум, три версии причин того, что произошло потом:

1. После крайне резкого разговора с Верховным Шефом жить мне расхотелось.

2. Суицид внезапно показался мне единственным выходом из тупика, в котором я оказалась.

3. Розовые пилюли, которые я медленно глотала одну за одной, были покрыты приятной на вкус оболочкой, и я увлеклась...

Зима в том году выдалась суровой. Я слышала, как на улице скрипел снег под ногами редких прохожих. А в моем кабинете было уютно и темно; в полумраке светились только спирали обогревателя.

И медленно-медленно, плавно ко мне пришло блаженное состояние комфорта и мягкости, уютной и теплой внутренней вселенной. Раскаленные спирали обогревателя начали постепенно гаснуть, как гаснут лампы в кинотеатре перед началом сеанса.

Никогда прежде мне не было так хорошо.

Последней четкой мыслью было: «А как же те, кто тебя любит?».

Я набрала «03» и пробормотала свой адрес.

И уснула. Мне снились тревожные и странные сны: бегущие куда-то люди в белых халатах, запах бензина, шум автомобильного мотора... Белые стены, кафель, настойчивое:

– Глотай! Глотай! – и чернота, а потом слабый утренний свет и стойка капельницы.

Токсикология

...Я перевожу взгляд – игла от капельницы находится в моей руке. Дверь палаты открывается, на пороге появляется медсестра, и я поспешно закрываю глаза. Она щупает мой пульс и уходит.

Я пробую приподнять голову – голова кружится. Слабость. И еще болят почки – я знаю точно, что это почки.

Со второй попытки мне удается разглядеть палату. Две койки в центре не заняты. На остальных смутно угадываются контуры женских тел.

Щелкает выключатель. Приносят отвратительного вида еду.

Я лежу, отвернувшись к стене, и слушаю разговоры больных: «А они говорят... А я закрылась в своей комнате и говорю... Девчонки, самый лучший способ – стандарт но-шпы... Ну, попугать хотела...».

Темнеет.

А сон ко мне не идет. Странное состояние: слышишь жужжание ламп в коридоре, смотришь не моргая на полоску света под дверью, а в голове – ни единой мысли. В окне – уголок двора в лучах прожектора. В освещенном конусе медленно кружатся снежинки...

Возвращение

Три дня спустя я возвращалась в свою общагу на улице Ногинской. Впрочем, назвать ее своей я могла только условно – я была там прописана на койко-месте совместно с девушкой по имени Света. Дружба у нас не заладилась с самого начала.

Комната номер 203, где мы жили в состоянии вооруженного мира, полностью соответствовала характеру наших взаимоотношений. Пол был окрашен ровно наполовину, а именно левая его часть. Разномастная мебель располагалась вдоль стен в строгом соответствии с ее принадлежностью. На окрашенной половине стояла одна кухонная плита, на неокрашенной – другая.

Соотношение сил было явно не в мою пользу, потому что Света была меня на голову выше и занималась в секции бодибилдинга. Как-то вечером она меня здорово поколотила, и с тех пор я побаивалась заходить домой.

Большей частью я кантовалась у своей подружки, которая жила в этой же общаге на седьмом этаже. Мы познакомились, когда я возвращалась однажды домой поздно вечером. Сидя в полутемном автобусе, я прислушалась к разговору за своей спиной. Два голоса обстоятельно обсуждали зим-

ние маршруты Горной Шории, особенности экипировки, а также людей, фамилии которых показались мне знакомыми. Я оглянулась. Голоса принадлежали мужчине лет сорока и смуглой девушке. На следующей остановке мужчина вышел, а девушка поехала дальше. Зайдя в свой подъезд, я столкнулась с ней нос к носу.

– Извините, а откуда вы знаете Морозова? – спросила я.

Девушка оторопела.

Вот так Ольга Гуссейнова и стала моей близкой подругой.

Ольга

Несмотря на то, что по паспорту Ольгины папа и мама были русскими, внешне она напоминала скорее турчанку. До восемнадцати лет она жила с матерью и материным хахалем в Баку, откуда и приехала в наш город поступать в университет. У Ольги подрастала уже маленькая дочка, которая воспитывалась у бабушки.

Ольгиного мужа, Эльгара, я видела тогда в первый и последний раз. Их когда-то пылкие чувства остыли, и вскоре он уехал по контракту на Шпицберген добывать там заполярный уголь. Потом следы его и вовсе затерялись.

Мы с Ольгой были полными противоположностями. Единственное, что нас объединяло, – это клуб альпинизма, куда она пришла совсем недавно, а я, наоборот, практически перестала там появляться. Мы сблизились, наверное, потому, что обе были никому не нужны в этом огромном городе. Нормальный человек так не может, а мы, по крайней мере тогда, были нормальными.

Ольга была красоткой. Несмотря на то, что мы были ровесницами, она была старше меня, как минимум, на целую жизнь, столько у нее было опыта. Рядом с ней я чувствовала себя наивной глупышкой.

Крошечная Ольгина комната была единственным местом, где мне были искренне рады. Три месяца, которые пришлось прожить у родственников в ожидании общежития, до сих пор вспоминаются мне как страшный сон. Еще с тех пор я стала вздрагивать от звука ключа, поворачиваемого в замочной скважине.

Химическая лаборатория

Собираясь на свое место учебы (или работы, что одно и то же, так как я была аспиранткой и инженером на полставки), я совершенно не представляла, что мне делать там и что говорить.

Старый центр города. Трехэтажное здание сталинской постройки. Вертушка у входа, лестница с облезлыми деревянными перилами, третий этаж. Обшарпанные стены, вдоль которых выставлены сосуды Дьюара, арматура и другие запчасти от каких-то сложных приборов, фляги, железки... Шипение кислородной горелки и звук обтачиваемого на круге стекла. Потоки теплого воздуха от приточной вентиляции.

Выходящие в коридор двери распахнуты; там люди в белых и черных халатах (кому какие достались) мирно пьют чай, вынимают из сумок варенье и домашние пирожки. В основном это женщины за тридцать.

Всю дорогу от лестницы до двери лаборатории я ловила на себе любопытные взгляды.

Неужели всего полторы недели назад здесь я...

Все как будто чужое: комната площадью около двадцати квадратных метров, без вытяжки, у двери – холодильник, забитый герметичными пакетиками с угольными образцами вперемешку с банками домашних консервов, на холодильнике – прямоугольная пенопленовая упаковка от высокоточной оптики, куда в песчаную почву высажена целая плантация мелких кактусов. Лабораторные столы, стеллажи с химической посудой, груды металлолома, бывшего когда-то... нет, не вспомню уже чем. В углу – гордость лаборатории – купленный по большому блату бобинный видеомагнитофон отечественного производства.

В лаборатории работали: Верховный Шеф, которого я впредь упоминать не буду – Бог ему судья, Николай Васильевич, Олег Германович, Альбина и Юра. Николай Васильевич, в быту пан Спортсмен, – голубоглазый блондин лет сорока, похожий на немца или скандинава; в лаборатории он прекрасно проводил время за чтением газет, питьем чая (иногда чего покрепче), обсуждением спартаковских матчей и последних публикаций в научных журналах, так что домой обычно приходил, когда было уже темно.

Потом Альбина – крикливая и стервозная дама лет тридцати. Рослая, красивая и ухоженная, но не замужем. Это ее сильно напрягало. Ко всем новеньким, а особенно к девушкам, она относилась враждебно. Ей постоянно звонили какие-то подруги, они подолгу обсуждали аборты – какие лучше, мини или обычные, а не то приходили попить чаю с журналом «Бурда моден» под мышкой институтские тетки, все на одно лицо: химическая завивка, яркие румяна, погребальный лилово-фиолетовый макияж, сиреневая помада, связанные собственноручно кофты, а на ногах домашние шлепки. Мода, что тут поделаешь.

Дальше – Олег Германович. Мне кажется иногда, что он был настолько хорош, что его просто забрали живым на небо, и все. Однажды он бесследно пропал – не вернулся из командировки. Ужасно жаль, потому что он был единственным нормальным человеком в этом зверинце. На первый взгляд он казался, правда, слегка пришибленным, запинался на ходу, немножко заикался, а при волнении одна половина его лица краснела. Потомственный ученый... Он был умницей, и он был добр со мной. Меня передергивало от разговоров за его спиной – о том, например, что он платит алименты на чужого ребенка.

Ну и Юра. Такой же аспирант, как и я, только года на три старше. Здоровенный дылда под два метра ростом, вечно голодный и вечно немытый. Тусовщик и бездельник с прекрасно поставленным баритоном.

Юра пришел в лабораторию на полгода позже меня и поначалу приставал ко всем с одним и тем же вопросом:

– А чем, собственно, занимается наша лаборатория?

– Спроси у Коли, – отмахивался Верховный Шеф.

– Читай учебники, Юра, и не будешь задавать глупых вопросов! – отвечал пан Спортсмен.

Очень даже может быть, что Юра до сих пор не знает ответа на свой вопрос, хотя сейчас ему, я думаю, плевать: он зарабатывает свой нелегкий хлеб в альфонсах у богатой дамы.

На занятия по английскому мы ходили в политех. Там мы разговаривали о науке (в меру своего словарного запаса), переводили замороченные американские, канадские патенты. Перевод одного патента так восхитил меня, что я выпросила его у Юры.

«Размер, состоящий из трех равноудаленных грузовых ячеек, причем каждая из них растянута радиально по оси первой родственной мощной частью».

«Первая родственная мощная часть» стала с тех пор моим любимым ругательством.

Юра был неоценим, когда надо было срочно что-нибудь разгрузить или перенести. Еще он лучше всех играл в «Тетрис». Меня злила его манера лезть в душу, после чего говорилось:

– Ты не относишься к типу женщин, которые мне нравятся!

Чаепитие

Любимым ритуалом Николая Васильевича было питье чая. Он распечатывал пачку, отбирал ложкой аликвотную часть, переносил ее количественно в литровую коническую колбу, откуда был только что вынут самодельный кипятильник, и оборачивал ее горло чайной фольгой.

На этот раз сотрапезники показались мне какими-то скучными. Они избегали смотреть в глаза и вообще держались настороженно. Разговор не клеился. Я оделась и вышла на улицу.

Странное дело, обычная одежда показалась мне вдруг громоздкой и нелепой: тяжелое драповое пальто с песцовым воротником, норковая шапка-формовка, юбка «годэ» до пят, сапоги из искусственной кожи... Все это болталось на мне: я сильно похудела.

Ольгины дела

В этот день я вернулась в Ольгину комнатку рано. Дверь подалась неожиданно легко – она оказалась незапертой. В кровати лежала полураздетая Ольга, а с ней – высокий темноволосый мужчина, таких у нас в политехе называли «Грузия-фильм».

Поспешно поздоровавшись, я выскочила в коридор.

Мужчина был мне знаком. Это был большой начальник, прекрасный семьянин, заботливый отец двоих детей и к тому же бывалый альпинист.

– Ты, наверное, думаешь теперь обо мне плохо? – спросила Ольга вечером.

– Ничего я не думаю.

– Понимаешь, у меня давно не было мужчины. А он хорош в этом деле. И он мне нравится.

– Знаешь, Ольга, я вообще ничего не могу об этом сказать. Со мной ничего подобного никогда не происходило.

– Вот это да! В твои двадцать два года!

В мои двадцать два года

Сколько себя помню, мне всегда было как-то неловко со сверстниками. Интересы у нас абсолютно не совпадали. В детском саду я не участвовала в общих играх – сидела где-нибудь в углу с книжкой. Играла я так: переворачивала коробку с пуговицами и придумывала свой собственный мир: пуговица-король, пуговица-королева, принцы, принцессы, пажи, лошади, стража... Цыганская серьга была колдуньей.

Когда мне было лет пять, сосед Сережка Плотников, которому было семь, завел меня в свой огородик и торжественно показал, как писают мальчики. Подумаешь, ничего особенного. Потом он попросил показать, как писают девочки. Запросто. Мы разошлись по домам закадычными друзьями.

А когда я пошла в школу, началось... Девчонки выискивали в толстых романах эпизоды отношений мужчины и женщины и строили версии, откуда берутся дети, а пацаны дергали за косички. И то и другое казалось мне глупым – процесс появления на свет детей был подробно описан в учебнике анатомии для восьмого класса. Тоже мне секрет Полишинеля!

Ну и совершенно кошмарный день, когда я стала девушкой. Это тоже было описано в учебнике, на предыдущей странице, но я втайне надеялась, что со мной все как-нибудь обойдется.

– И что, так будет теперь каждый месяц? – сказала я маме растерянно. – Но я не хочу. Не хочу!

Господи, ну почему меня не спросили?! Это состояние отвращения, загнанности, полной зависимости от каких-то непонятных штук. Ощущение собственного тела как тюрьмы. Ненависть ко всему дурацкому миропорядку.

Не знаю даже, каким чудом мне удалось проскочить период, который медики называют «пубертат». Я мечтала о состоянии бесконечного покоя – быть облаком, ветром над полем, рассеяться миллиардами атомов по вселенной. И ни мыслей, ни чувств. Наверное, здорово.

К моменту окончания школы я чувствовала себя странно одинокой среди полных жизни сверстников. Люди были мне чужими. Как будто я прилетела с другой планеты...

Настоящая жизнь была только в книгах. Скоро в библиотеке и почитать-то ничего не осталось. Но как-то мне попала в руки рассыпающаяся от ветхости Библия, и это оказалось такое! Кровавые ветхозаветные истории, любовь и ненависть, патриархи, приумножающие стада свои. Жизнь под звездным небом, ангелы, резвящиеся в вышине. Обыденная жизнь, исполненная самого высокого смысла. Отчаяние и щемящие сердце слова.

Новый Завет вообще выбил меня из колеи. Иисус тоже не мог жить, как все. Но он-то знал, что у него есть сверхзадача! Милый, милый. Значит, все не так уж страшно, и я, по крайней мере, не являюсь конченым мутантом.

Студенческие годы я вспоминаю редко – там и вспомнить-то нечего. Голодуха, сессии, отличные оценки... Разве что один светоносный момент, когда я вышла на улицу, промучившись над чертежами целые сутки. Была весна, только что прошел дождь, листва распустилась, и голоса прохожих глухо звучали под зонтиками. И вдруг я обнаружила, что каждое живое существо – дерево, трава, люди, животные – как будто обведено контуром. Сидя на семинаре, я изумленно рассматривала лысую голову препода, вокруг которой развевались язычки пламени. На его столе стояла ваза с тюльпанами; один из них еще не распустился, и бутон словно испускал лучи; а увядший цветок почти не светился. Я не стала никому об этом говорить.

Курсе на четвертом я подсела на альпинизм. В группе у меня тогда все уже переженились, на переменах девчонки обсуждали детские болезни... Тоска. Клуб альпинизма оказался для меня дверью в другую жизнь. Все как в книжке Мориса Эрцога...

Клуб альпинизма

Клуб альпинизма располагался в подвальчике жилого дома рядом с политехом. Там собирались замечательные ребята – они отличались от моих сокурсников, как день и ночь. Их лица были одухотворенными, а одежда, даже в разгар зимы, – очень легкой. Они были немеркантильны, романтичны, любили песни под гитару и, как правило, все умели шить и кроить (потому что купить в то время хорошее спортивное снаряжение было невозможно).

Пресловутый Леша Морозов тоже тусовался там.

Леша Морозов! Понятно, почему Ольга тогда растерялась. Атлетически сложенный голубоглазый блондин, студент педфака медицинского института. Девушки от него млели. Он играл на гитаре, лихо пил, короче, находился в рамках неотразимого романтического образа. Чуть позже, правда, он опустился, бросил институт и запил. У Леши был приятель – Андрей Беляев; они жили в общаге в одной комнате. Щуплый Андрюха всегда находился в Лешкиной тени, а был, между прочим, гораздо умнее и глубже.

Лена и Алена

Я восхищалась своими новыми знакомыми – правда, больше издали. Что-то мешало мне сойтись с ними поближе – скорее всего, полное отсутствие навыков дружбы. У меня никогда не было друзей. В своем школьном классе численностью в двенадцать человек я всегда была объектом травли. Я представляла себе, как это – доверие к определенному человеку, радость делиться с ним тем, чего и для себя-то мало, последним, трепет, с которым открываешь свои самые личные тайны – потому что это опасно, открываться. И получать взамен что-то в том же духе. Дружба представлялась мне как сообщество изгоев, которым в одиночку не выжить. В этом плане большой город был, конечно, гораздо предпочтительнее узкого деревенс-

кого мирка – ведь по законам статистики где-то рядом должны находиться такие же, как я, и рано или поздно мы встретимся. Вот тогда и начнется настоящая жизнь.

Однажды в поисках таежных лыж я попала в квартиру, где жили две девушки. Квартира располагалась на первом этаже обычной хрущевки, и на окнах не было даже решеток. С порога ощущался чудесный березовый дух – полки, табуретки и другие предметы обихода были сделаны из поленьев. На стенах – плакаты с изображениями заснеженных горных вершин, и среди них – карта Эвереста, где карандашным пунктиром был обозначен путь их собственного будущего восхождения и, соответственно, спуска. (Лет через десять маршрут этот станет реальным.) На полках – книги знаменитых альпинистов (выше всех тогда котировался Райнхольд Месснер). А в туалете шел нескончаемый ремонт, и на входе туда для гостей стояли калоши.

Лена и Алена, так звали хозяек, были года на четыре меня старше. Алена – миниатюрная и изящная, как парижанка. По ней напрасно сохла вся мужская половина клуба. Лена была совсем другой. Ростом выше Алены на целую голову, она сильно сутулилась, не пользовалась косметикой и никогда не носила юбок.

В клубе о них ходили кривотолки. Позже, когда Алена уехала в Москву, а Лена совершенно открыто вступила в отношения с девушкой, афиширующей свои лесбийские пристрастия, стало очевидно, что это все правда. Но что с того? Для меня они были еще одним примером людей, которые не похожи на других, и слава богу... Они были чудесными, и они сделали мою жизнь чуть-чуть свободнее.

Ольга рассказывает

– Ольга, расскажи мне про это, – попросила я.

– Ну... Когда у меня долго нет мужчины, у меня начинает болеть голова. Если я собираюсь на экзамен, то накануне секс мне просто необходим.

– А Прохорова ты любишь?

– Нет, что ты. Его любить невозможно. Я Лешу Морозова люблю.

– Красивый парень. А ты ему нравишься?

– Мне кажется, да.

Ольга и Морозов довольно долго по очереди дразнили и динамили друг друга. Потом Леша утратил к ней интерес, а она принялась его преследовать. Бедняжка. Какие только предлоги не шли в ход, чтобы заманить его в гости. Но чаще на приглашения отзывались совсем другие люди, например, Андрюха Беляев и Удав.

Мой день рождения

В середине декабря мне исполнилось двадцать три года. В нашу комнатку набилось много гостей. Мы расстелили на полу скатерть, разрезали торт и разлили вино по кружкам. Поздно вечером нас осталось четверо: Ольга, Удав, Андрюха Беляев и я. Потом Ольга уснула на своем лежбище, Удав захрапел на полу, и мы остались с Андрюхой практически наедине.

– Поступок твой самый обычный, – заговорил Андрей, – сопутствующий переходному возрасту. Правда, ты что-то запаздываешь. Мой тебе совет – забудь об этом! Ты любишь Визбора?

– Не знаю.

– Хочешь, я тебе спою?

– Хочу.

Он взял в руки гитару, и мне вспомнилось: «Но если ты хочешь слушать, то я буду петь для тебя...»

Эта ночь оказалась удивительной – как будто душа прикасалась к душе. Все нараспашку: детские обиды, проблемы, какие-то древние приколы...

– Да ты спишь, – сказал Андрей, когда уже начало светать.

Я встряхнула головой.

– Это ничего. Ты говори, мне интересно.

– Как радио, – засмеялся он.

Больше такого не повторилось – сначала Андрюха уехал к родителям, а потом и вовсе пропал. Очень жаль...

Синдром отмены

По мере удаления во времени от злосчастного события я пережила следующие состояния: 1) оцепенение, 2) эйфорию, 3) депрессию. Причина очевидна – мне удалось усвоить довольно приличную дозу транквилизатора, прежде чем врачи промыли желудок. Где-то за неделю я привыкла к допингу, и тут он иссяк. О господи. Я просыпалась среди ночи от невыразимой тоски, тихонько плакала, стараясь не разбудить Ольгу, и все же ее будила. Тоска стала расти и шириться. Я перестала есть, сон пропал окончательно. Занятия в лаборатории утратили всякий смысл, а люди там превратились в чудовищ. Я стала издерганной и плаксивой.

Как-то к нам заглянул на огонек Удав. Удав был обычным белобрысым любителем английского юмора и группы «Воскресенье», получившим свое прозвище за крайнюю невозмутимость.

– Вот что я тебе скажу, Дашка, – сказал он авторитетно. – Тебе нужен мужик! Хочешь любви большой и чистой? Вот мой адрес, завтра вечером я буду тебя ждать...

Как будто он желает мне добра. Знать бы еще, что такого рода терапия – именно то, что мне нужно... Это мне нужно? Ольга говорит – да. Но мне вспоминаются стесненное дыхание, звук страстного соприкосновения губ на соседней кровати в студенческом общежитии, монотонные движения, потом шлепанье босых ног в ванную, и меня передергивает от отвращения. Они это называют любовью.

Может быть, анатомически все верно. Но я представляю себе совсем другое – просто состояние, когда не знаешь сомнений. Покой, который чувствуешь, когда от тебя уже ничего не зависит. Ясность души. Не это.

А может быть, просто со мной что-то не так?

В этой мысли я утвердилась, обнаружив в институтском туалете обрывок газеты:

> ...человека. В оказании
> ...атрической помощи
> ...стаем от западных стран и
> ...ША. Нам нужно учиться
> воспринимать психиатра как
> врача и не более. И обращаться
> к нему всякий раз, когда мы не
> можем спокойно разобраться
> в ситуации. И ничего зазорного
> в этом нет...
> ...и если вдруг сегодня вы
> почувствовали разногласия
> между своей душой и телом,
> звоните по телефону хх-хх-хх,
> наши специалисты уже готовы
> выслушать и помочь вам...

Пограничное отделение

Сидя в коридорчике поликлиники областной психиатрической больницы в ожидании медсестры, я вяло листала книжку Райнхольда Месснера. Только что мне впервые пришлось честно ответить на вопрос «Что с тобой происходит?». Я говорила очень тихо – горло сжимал спазм. Глядя на собственные руки и изредка – в глаза внимательному рыжему доктору, я попыталась объяснить ему, что моя жизнь зашла в тупик, я не могу вписаться в отношения между людьми, и так – с детства. Что я не знаю, что делать с собой, и заранее согласна с тем, что предпишут мне другие, более сведущие люди.

Вот так я и оказалась в тамошнем пограничном отделении.

У входа весело прыгала в своей клетке канарейка; в коридорчике, куда выходили двери палат, были расставлены кадки с фикусами, а окна уютно затянуты тюлевыми занавесками. Везде диваны и мягкие кресла.

По коридору ходили туда и сюда бледные, как тени, женщины. Они были одеты в китайские спортивные костюмы и байковые халаты. Мои джинсы вызвали неодобрение у нянечек. Сначала я горячо спорила с ними на эту тему, но потом, по мере моего пребывания там, у меня совершенно пропало желание спорить, и я поступала по-своему молча.

Медсестра показала мою кровать в большой общей палате. Койки там стояли в два ряда, на них сидело и лежало человек двадцать женщин разного возраста. Воздух был спертым.

После посещения столовой на пути пациенток неизменно возникала дородная медсестра с коробкой, где по ячейкам были разложены лекарства. При себе полагалось иметь стакан с недопитым компотом.

– Выпей при мне, – сказала она строго, и во мне вспыхнуло и тут же погасло чувство противоречия. В конце концов, разве не за этим я сюда явилась?

Минут через пятнадцать лекарство подействовало. Голова уплотнилась; такое ощущение, что на нее стало давить со всех сторон одновременно. Я улеглась на койку, и она прогнулась подо мной до самого пола. Перед глазами запрыгали фигуры женщин; их голоса звучали как из горлышка бутылки – совершенно бессвязно.

Стоило мне только задремать, как меня разбудили на ужин, и повторилось то же самое плюс внутримышечная инъекция. Препарат оказался убийственным, но позже я научилась правильно рассчитывать свои силы. К процедурному кабинету я приходила с полотенцем и зубной щеткой, так, чтобы успеть почистить зубы и умыться перед тем, как уснуть.

Ночь на новом месте

Первая ночь выдалась нелегкой. То, что мои соседки громко храпели и пердели, меня беспокоило мало. Но ближе к утру одна из них вскочила и стала ходить среди коек, покрикивая:

– Котят, котят уберите! Четвертый класс! Кто дежурный? Котят уберите! Швабру! Тряпку намыль!

Остаток ночи я провела, завернувшись в одеяло, в кресле.

– Если я пока еще не чокнулась, – сказала я себе, – так точно здесь чокнусь.

– Марш на свое место, – сказала ночная медсестра, обнаружив меня утром.

– Ни за что, – ответила я. – Давайте, я поживу

лучше в комнате отдыха. Я видела, там есть диван!

Мне удалось настоять на своем.

Вечерами женщины собирались в моей комнате отдыха посмотреть телевизор. Особенно они любили «Поле чудес». Забавно было наблюдать, как они изо всех сил стараются не пропустить ни единого слова, мотая головами из стороны в сторону, словно спящие лошади.

Моего лечащего врача звали Димой. Если он и был старше меня, то не больше, чем на три года. Правда, выглядел он основательно: высокий, плотный, темноволосый, с сочным голосом.

Дима был непревзойденным мастером гипноза. Часов в одиннадцать в мою комнату собирались пациентки с подушками в руках, они расставляли кресла в линию и устраивались в них поудобнее.

«Как замечательно он умеет интонировать, – думала я, моргая, – и как громко храпят эти тетки! Чем бы, право, заняться – шуметь неудобно. Посчитать верблюдов?»

Сеанса через три Дима исключил меня из своей группы: я оказалась полной безнадегой.

Палата номер пять

Через два дня освободилось место в одной из маленьких палат, и меня перевели туда. Там стояли четыре деревянные кровати, в одном углу в полу зияла дыра под раковину, в другом стоял шкаф.

Четвертый член сообщества не задерживался в палате надолго, зато трое других успели друг друга хорошо узнать. Это были: 1) я, 2) Люба Харламова, 3) Галина Ивановна. Люба была миловидной бледной поганкой тридцати одного года от роду. Она имела высшее с понтом медицинское образование, то есть закончила фармфак. Все свои силы и средства Люба тратила на подачу брачных объявлений и поддержание переписки. От нее я узнала много поучительного о мужчинах, желающих вступить в брак.

Несмотря на огромное количество получаемых писем, Люба так и не встретила своего суженого. У всех кандидатов обязательно находились недостатки, а один, лишенный таковых, успел уже устроить свою личную жизнь за то время, пока шла почта.

Люба облегчала душу, играя на фортепиано в комнате отдыха романсы, вальсы и прочую сентиментальную лабуду. Получалось у нее неважно, на уровне собачьего вальса.

Третьим нашим компаньоном была Галина Ивановна. Как раз в те дни ей исполнилось сорок два года. Она была красивой и нервозной. Ее красота напоминала мне тюльпан – уж не знаю, почему. Набор ее жизненных установок представлял из себя мешанину из фраз «Я себя блюду» (о личной жизни), «Жму до последнего» (о работе) и «Моя куколка» (о дочери).

В жизни я не встречала такого серьезного человека. Даже к обмороку на уроке литературы она относилась ответственно и со знанием дела:

– Вот упаду я, и будет видно нижнее белье...

Мужа своего она прогнала из дома давным-давно – чем-то он ее не устраивал. У меня из ее рассказов сложилось впечатление, что он был, в общем, неплохим мужиком.

Распорядок дня у нас был достаточно свободным. В течение дня после утренних процедур пациенты могли покинуть отделение, когда заблагорассудится. Всю первую неделю я провела там безотлучно, лежа ничком в состоянии крайней угнетенности. «Почему эти таблетки на меня так действуют? – думала я. – Вот Люба пьет точно такие же, и хоть бы что!»

Причина оказалась простой. Стандартная доза лекарства рассчитана на человека весом семьдесят килограммов, а я весила тогда сорок пять. Явный перебор. Но позже я поняла, что это было единственно верным решением моей проблемы. Тот человек, который жил во мне все эти годы, был обречен, и в гуманных целях следовало не просто убить его, а уничтожить, сжечь. Обхватив голову руками, я чувствовала, как он корчится от боли.

Перед тем как провалиться в сон, я часто слышала доносящиеся из дыры в полу звуки. Этажом ниже располагалось четвертое отделение – там жили настоящие сумасшедшие. Слушая диски «Миранда секс гарден», я часто вспоминаю их – одиночный вскрик, потом его подхватывают сразу несколько голосов, все выше, выше – как будто стая перелетных птиц собирается в клин.

Раньше мне казалось, что больные психически люди исполнены поэзии. Оказалось – нет. Желтая кожа, спутанные волосы, нелепые слова. А еще я видела больных – они ходили всегда в сопровождении санитаров – с ярким румянцем во всю щеку и с глумливой усмешкой. Это было просто страшно, и все.

Выходные

В приеме психотропных средств был один положительный момент – они прогоняли назойливые мысли. Мне понравилось состояние аутизма, когда до внешнего мира и дела никакого нет. Но все же ближе к выходным я решила ненадолго вернуться туда.

Стоял пушкинский зимний день, снег искрился на солнце. Мы с Ольгой вышли на лыжную прогулку в ближний бор, туда, где есть хороший спуск к реке.

Я оттолкнулась палками, и ветер засвистел у меня в ушах. И тут же, все произошло так быстро, полетела кувырком вниз, оставив палки в снегу.

Ну конечно. Под блестящим тонким настом лежал толстый слой рыхлого снега. Когда я разогналась, лыжи, встретив препятствие, остановились, а я не успела ничего сообразить.

– С реакцией у тебя плохо, – сказала Ольга.

Весь следующий день она таскала меня по каким-то вокзалам и явкам, тщетно разыскивая Лешу.

– Вы не видели Морозова? – приставала она ко всем людям с рюкзаками, которые нам встречались.

– Пошли домой, – хныкала я.

Все эти прогулки закончились для меня беспричинной кошмарной, опустошительной истерикой.

– Синдром отмены, – выговаривала мне медсестра. – Нельзя прекращать прием! Почему ты не пила дома лекарства, а? Ведь я тебе давала...

Растормаживание

Прекратив было за неделю свое нытье, я вернулась под присмотр Димы в первоначальном состоянии.

– Так, – призадумался он. – Препараты оказались малоэффективными. Налицо плаксивость, угнетенное состояние психики. Будем тебя растормаживать.

– То есть?

– Введем тебе внутривенно препарат, который обогатит мозг кислородом. Будет эйфория. Но возможны и побочные эффекты: тошнота, головокружение... Ты согласна?

– Я же вам доверяю.

Я вытянулась на кровати. Медсестра, которая журила меня за то, что я не пила лекарства в выходные, легко отыскала вену, и прозрачное содержимое шприца-двадцатки окрасилось струйками крови. Потом очень плавно она надавила на поршень, а Дима уселся в изголовье и спросил:

– Что ты чувствуешь?

Сначала я ощутила приторный вкус в гортани, потом головокружение, вроде того, когда стремительно куда-то падаешь. Падение прекратилось, и я почувствовала, что парю! Голос Димы доносился до меня откуда-то издалека:

– Что ты чувствуешь? Тебе плохо?

– Я... как будто падаю на дно колодца...

– И что, тебе плохо в колодце?

– Нет... Классно. Очень хорошо.

Ощущения были потрясающими. В ушах зазвенело, я закрыла глаза и увидела калейдоскоп из солнечных зайчиков. «Lucy in the sky with diamonds, – мелькнуло у меня. – Вот оно!»

– А сейчас ты уснешь, – сказал Дима уходя.

Я уснула, и мне приснился реальный до мельчайших деталей и в то же время фантастический сон.

Мне снилось, что я – маленький ребенок и карабкаюсь со своими санками на горку за нашим деревенским домом. Вот я забираюсь на самый верх, оседлываю санки и осматриваю линию горизонта. И вдруг понимаю, что горка эта – вершина мира, а весь белый свет лежит передо мной, как на ладони. Озера, моря, горные хребты, огромные города... Я отталкиваюсь, санки начинают скользить вниз, ускоряются, и снежная пыль с огромной силой бьет мне в лицо, так что невозможно даже сделать вдох. В какой-то момент санки отрываются от земли и взлетают. Миг просто ошеломительного счастья...

Я проснулась свежая и отдохнувшая. За окном смеркалось. Дима оказался прав, средство было чудесным.

На следующий день я вошла уже в другую воду. Внезапно я почувствовала прилив тепла внизу живота, ликование, трепет и горячечную пульсацию крови в каждой жилке. В ушах раздавался радостный звон.

А в третий раз я осознала вдруг, что меня жестоко, чудовищно обманули, бросили на произвол судьбы. Моя печаль заполнила собой весь мир, и я задыхалась от слез.

Картинки сменяли друг друга; эмоциональная окраска сновидений напрямую зависела от состояния, которое было на входе; оно усиливалось стократно.

После этих процедур во мне что-то изменилось. Я стала очень остро чувствовать музыку, как будто живое по живому. Океан эмоций, которые пока мне неведомы, до поры. Шквалы и порывистый ветер, о господи! А то как накатит – и мне казалось, что я знаю, как это – любить. Пронзительное чувство, щемящее – и такое прекрасное!

Дальше

Вынырнув в очередной раз в реальность, я обнаружила, что ни Люба в поисках человека, ни Галина Ивановна со своей черепно-мозговой травмой мне не интересны.

Меня потянуло к тем, кто помоложе и ближе мне по переживаниям.

В коридоре стали мелькать две девочки, по виду

мне ровесницы. Обе бледны и очень красивы. Ленка была русоволосой, с осветленной добела челкой, и напоминала испуганного лукавого зайчонка. Оксана представляла собой классический тип темноволосой красавицы. Она носила необычные свитера: ее мама срисовывала их с каталогов «Отто».

Девочки учились в университете.

Ленка очень напоминала мне саму себя – она тоже хныкала без видимой причины. На ее тумбочке лежали вперемешку Библия, томик Фаулза и книжка Хармса, и она читала их по очереди. Депрессия была смыслом ее существования, без нее она просто не могла обходиться.

– Мне кажется, как будто чего-то не хватает, – объясняла она.

Кроме обычных процедур, Ленка посещала еще и психолога. Обычно она возвращалась от него зареванной:

– Сегодня мы рисовали, и я отца нарисовала спиной. А она говорит... она говорит... ты его не любишь! Оксан! Дай мне желтенькую таблетку!

– Не дам. Мне сегодня амитриптилин на ночь отменили. Придется засыпать своими силами...

Курс лечения пройден

У меня начали кровоточить десны. На солнечный свет смотреть было больно, глаза стали красными, волосы – хрупкими и ломкими. Как-то я пронесла свою микстуру в палату нетронутой и полила ею цветок. Цветок завял.

«Пора отсюда драть», – решила я.

Дима был со мной согласен:

– Курс лечения пройден.

Больничная дверь за мной закрылась, и я зажмурилась от яркого мартовского солнца. Я и не заметила, как зима оказалась позади. По дорожкам в лужах от автомобильных протекторов весело прыгали воробьи.

Я чувствовала себя растерянной и смятенной – полностью вырванной из контекста. Мне казалось, что в душе у меня – выжженная пустыня, только где-то в уголке еще саднило чуть-чуть.

Все вчерашние амбиции и желания казались мне невероятно далекими и смешными. Боже, какая это была шелуха – все навязано извне.

«Я больше не вернусь», – сказала я, не имея в виду ничего конкретного.

СТОП. Запомним этот кадр, чириканье воробьев, солнечные блики в мартовских лужах, ласковый весенний ветер – как волшебный миг, когда все чудесным образом меняется, когда на смену равнодушию приходит любовь, бездомности – уют, а депрессии – маниакал.

Часть 2

На вершине холма

Весна. Середина мая. Я стою с велосипедом на самой вершине холма. Передо мной расстилается открытое пространство: одинаковые дома, за ними – наполовину скрытый деревьями детсад, чуть дальше – школа в тополиных аллеях, потом – зеленые и черные поля, рощицы берез в нежной дымке и на линии горизонта – деревня Павловка. Кажется, что-то подобное я видела во сне – только тогда этот холм казался мне вершиной мира.

Сажусь на велосипед, несколько раз нажимаю на педали – и начинается скоростной спуск. Ветер свистит в ушах, руль скачет и вырывается из рук. На этой стадии затормозить уже невозможно – неподвижное заднее колесо просто размажется по дороге.

Вдогонку за мной пускается пес. Сначала он отстает, но потом разгоняется и даже обходит меня на полкорпуса. В момент, когда он заступает мне дорогу, я резко поворачиваю руль, и дальше время течет, как в замедленной съемке: велосипед падает, я делаю сальто и приземляюсь на голову. Все.

Реконструкция прошлого

Осторожные руки, обмывающие мою голову, тошнота, сильная головная боль... капельница.

...это состояние мне как будто знакомо...

...и я обнаруживаю, что ничего про себя не помню. Мне становится страшно:

– Кто я?

– Даш, ты действительно ничего не помнишь?

– Меня так зовут? А где я живу?

– Сейчас ты находишься у родителей, но скоро поедешь в город, будешь там искать себе работу и жилье...

Ну да, точно. Я вспомнила. Весь прошлый месяц я жила в деревне. Вскапывала грядки, приходила в себя после совсем другой жизни. Она состояла из диссертации, наукообразного английского, приема иностранных делегаций, слетавшихся в институт после падения железного занавеса... Эта жизнь была тоскливой. Я была вечно кому-то должна, смотрела в окно, как снег на крыше противоположного дома становится сиреневым в лучах заката... Чтобы разглядеть себя в зеркале, приходилось вставать на цыпочки. Бледное измученное лицо, короткое каре с загибающимися вперед прядками, кружевной воротничок. Полный паралич мыслей, желаний. Бесприютность и бытовая неустроенность. Нечаянно обретенная подруга, блудница с огромным аппетитом к жизни. Наше с ней содру-

жество на выживание. Мой отчаянный шаг, когда силы меня покинули, – медленное и завораживающее погружение в фантастический, волшебный мир – и осознанная в самый последний момент необходимость вернуться.

Дурацкая тошнота. Когда я училась во втором классе, я упала с велосипеда в точности на том же месте. Только тогда дорогу мне нарочно заступили мальчишки, и я сломала правую руку. Несколько недель в гипсе, беспокойный сон по ночам, пока бабушка не пошептала мне от испуга, святая водичка, возможность совершенно законно не ходить в школу, пробуждение, когда уже никого дома нет, а солнце светит прямо в морду, толстая книга Тура Хейердала.

Счастливое было время. От скуки я училась писать левой рукой. Хейердал сделался моим героем и примером для подражания. Когда гипс был снят, я сделала его фотопортрет с экрана телевизора и повесила над своей кроватью. С тех пор в моем сознании навсегда укоренилось, что скандинавы – самая прекрасная, самая героическая нация на свете, лучше просто не бывает. По определению.

Двигаться дальше

...Мы с Ольгой пьем чай в ее комнатке. К косяку прислонилась давно ненужная пара лыж, из открытого окна упоительно пахнет весной, слышны обрывки мелодий, крики, смех.

В бору уже темно и намного прохладнее, чем на трассе. В темноте ручьи звенят особенно громко. Ольга рассказывает мне свои новости: несколько раз сошлись с Морозовым, один раз на скалах в палатке, потом в гостинице, причем в этой же комнате храпело еще пятеро пьяных мужиков... Еще разок в душе, дверь запереть забыли, и в самый неподходящий момент кто-то туда вошел... Проблемы... Что-то не то по-женски, ты понимаешь?

Дома я молча смотрю в телевизор. Красивая и тревожная мелодия; девушка делает шаг, превращается в птицу и улетает.

Вялое течение

Целыми днями Ольга пропадает то в университете, то в школе, где у нее педагогическая практика. В это время я сижу дома, вяжу никому не нужные свитера, готовлю Ольге еду. Она приходит, быстро расправляется с ужином и через полчаса снова голодна. Ночью я слышу, как она осторожно открывает дверцу холодильника, к утру холодильник пуст.

...Запах лыжной мази на всем нашем жизненном пространстве. На самом верху вешалки – свернутый в трубку пенопленовый коврик. Мне нравится наш интерьер. Торшер с двумя пластиковыми плафонами, один из которых – с проплавленной дырой, ложе, составленное из разномастных тумбочек (одна из нас спит там, а другая на полу), черно-белый телевизор, на полу – войлочное напольное покрытие. Стол, пара стульев, миниатюрный шкаф для одежды, за ним – разобранная детская кроватка, полка с десятком книг, зеркало.

Я валяюсь на кровати и читаю книжку Раймонда Муди о жизни после жизни. Красиво. Нет, со мной ничего такого не происходило, со мной все было неправильно. Но все же хорошо, когда знаешь, что где-то есть существа, которые заботятся о нас.

Однажды вечером мы с Ольгой отправляемся покачаться на качелях в детском саду, а потом идем по автостраде куда глаза глядят. Ночь теплая и темная. Я что-то оживленно рассказываю, и мы не замечаем, как оказываемся на кладбище, которое разрезается шоссе пополам. Могилы совсем свежие, там лежат наши ровесники, погибшие в горячих точках. Совсем не страшно. Они не могут пожелать нам зла.

Мост через реку в цепочке огней.

И мы заговорили о смерти – о том, что когда-нибудь это все равно с нами случится, и что с нами будет тогда?

– На этом кладбище нет места для моей семьи, – сказала Ольга.

– А где оно?

– Наверное, там, в Баку.

Она оказалась права. Не пройдет и года... И какая ужасная смерть – в удушье от бытового газа.

Иллюзия безопасности: два часа ночи, до дома далеко, мы тормозим тачку...

– Оль, а он и не думал к нам приставать!

– Еще бы! Ты бы видела, сколько я съела чеснока!

В выходные мы отправляемся в поселок Известковый. Прекрасный майский день, поляны усыпаны цветущими подснежниками, на камнях у реки пригрелась змея. Хочется есть. Мы без спросу забираемся на чьи-то припасы, потом растягиваемся на солнышке.

Дома нас ждет бутылка розового вина, привезенная Ольгой из Баку, гречневая каша со свининой. Мы ловим последние солнечные лучи, пытаясь загорать у открытого окна.

Жизнь не такая уж скверная штука.

При условии, конечно, что я не забываю о пузырьке с пилюлями, с ними я чувствую себя спокойно. Но забыть и не получится – иначе снова кошмар на улице Вязов и истерика.

Размышления

С приходом лета родственники перебираются на дачу. В моем распоряжении оказывается большая четырехкомнатная квартира. Масса удобств: музыкальный центр (вместо моего полудохлого кассетника), огромный книжный шкаф, телефон, ванная.

Одиночество располагает к размышлениям.

В двух магнитофонных деках по очереди крутятся кассеты – суммарно, про то, как мучительно жить и как замечательно умереть. Они приносят мне странное удовольствие, наверное, это чувство разделенности. Мне важно знать, что кто-то еще тоже побывал у этого порога – и вернулся.

Забираюсь в кресло с ногами и открываю первую попавшуюся книжку: Мануэла Вислоцкая «Искусство любви».

Искусство любви. Что я об этом думаю?

Я думаю, что любовь – это очень важно. Это как трепет листвы... Господи, что же я такое говорю.

Вот именно – вся предыдущая жизнь внушила мне отвращение к этому слову. Пошлые записочки, пыхтящие на соседней койке пары, хихиканье, потом – пеленки, еще авоськи с продуктами, разговоры, от которых становится плохо.

Скорее всего, существует совсем другая, непошлая версия любви. Об этом я ровно ничего не знаю, но могу предположить, что... Это когда ты не знаешь сомнений и не в силах ничего изменить. Это.. это... что-то вроде открытого пространства.

Но Мануэла Вислоцкая имеет в виду, конечно, нечто иное. Физическую сторону. Влечение. Чувственность. Как я могу себе это представить? Может быть, когда они танцуют вдвоем под пульсирующую музыку – его небритая щека и нежная кожа ее шеи, абрис ее тела в его ладонях...

В моих рассуждениях была своя внутренняя логика. Оба пути так или иначе вели к нирване, к состоянию забвения себя, полному растворению. По сути, это была трансформация моих желаний подросткового периода: рассыпаться в никуда.

Проблема была в том, что пока я не могла идти по первому пути. Вот если бы была убедительная причина, если бы кому-нибудь стало от этого легче!

Оставался второй путь, но на нем тоже стоял какой-то запрет.

Телефонный звонок

Вот и кончилось мое уединение.

Все родственники собираются на похороны. Перед смертью покойница ужасно страдала – она умирала от рака. Еще при жизни от нее уже пахло гнилью. А в гробу у нее было спокойное, просветленное лицо.

На улице – жара, тучи собираются перед грозой; мужики в ванной переливают куда-то жидкий азот – чтобы приостановить процесс разложения. Но толку от этого мало. Запах тлена – везде; он въелся в стены. Квартира заполняется плачущими людьми в трауре. Кажется, их горе огромно. Но скорбящий муж скоро найдет себе новую пару...

Стадии похоронного ритуала.

Вот, говорила я себе, смотри, что происходит дальше: запахи, рыдания, катафалк, дождь, грязь, месить грязь у могилы...

Ах, как было бы хорошо избежать всего этого, не умереть, а просто исчезнуть, шагнуть в ревущее пламя. И чтобы в этот момент обо мне сразу все забыли, как будто меня и вовсе не было.

Отторжение

...Подходящую работу. Или зарабатывать достаточно денег, или чтобы предоставили жилье...

Знакомые, знакомые знакомых, да, нам нужен сотрудник, парадная кофточка и летние брюки, поговорим об этом через неделю, а, это вы, нет, не получается, на каком основании разрешить вам прописку в ведомственное жилье? Идите снова к Петрову, он в отпуске, тогда к Иванову, только что уехал, приходите завтра, у вас нет необходимых справок, нет, нет и не будет!

Я еду в троллейбусе, изо всех сил стараясь не расплакаться.

Полное отторжение.

Постепенно мы с Ольгой отдаляемся друг от друга. Наверное, потому что перестаем друг в друге нуждаться. А еще – потому что пришло лето, время, когда человек никогда не может оставаться в одиночестве, даже если захочет – с ним всегда птицы, трава, теплый ветер...

Серега

Блуждая по городу, я захожу иногда в клуб альпинизма. Незнакомые мне люди терзают в каминной гитару и громко о чем-то спорят. Я устраиваюсь в кресле.

– Но ты совсем не понял Библию, – неожидан-

но для себя говорю я, – это книга книг, и она очень живая. Ты помнишь стихотворение о влюбленной девушке из Песни Песней?

– Нет.

– Знаешь, там про то, как она ищет своего милого. «Тот, кого любит душа моя» – правда, красиво? «Передайте тому, кого любит душа моя, передайте ему, что я изнемогаю от любви».

Мой собеседник поражен. У него внешность кинематографического принца – правильный овал лица, огромные, как у газели, глаза, длинные изогнутые ресницы. Твердый и отчего-то скорбный рот, это выглядит мужественно и печально.

– Кого-то ты мне напоминаешь.

Журавли

...Наша палатка стоит у мачты высоковольтной линии. Другая мачта – на противоположном берегу реки; гудящие провода низко провисли над водой.

Темнеет. Крики ночных птиц, туман, застилающий берег. Становится прохладно. Совсем рядом, через реку вниз, – ночной город. Иногда от него доносится далекий шум, это автобусы следуют по своим маршрутам.

Деревья отбрасывают длинные колеблющиеся тени; среди них выглядывают иногда язычки пламени, сопровождаемые серым дымом. Вокруг костра сидят кружком мои недавние знакомые. Руки тянутся к котелку с чаем, костер сушит и обжигает лицо.

Серега пересказывает свой вчерашний сон про Шварценеггера.

– Почему ты такая странная? – спрашивает он.

– Она всегда такая, – отвечает Ольга.

Мы с Серегой встречаемся взглядами.

...

...на месте ли Большая стенка. А, кстати, откуда ты знаешь такие вещи? – Сама додумалась. А откуда ты знаешь про этих птиц, которые кричат? – Я же биолог! – А что ты здесь делаешь? – То же, что и ты... – Светает. – Пошли в палатку.

Утро. Стрекочут кузнечики. Солнце отражается в каждой росинке. Запахи поляны и разогретой хвои. У потухшего кострища прыгают воробьи.

Я просыпаюсь первой, тихонько собираю свои вещи и ухожу.

Проблемы разрешаются одномоментно

Следующий день приносит мне удачу – мне разрешено вселиться в комнатку ведомственного общежития. Еще через день знакомая девочка предлагает мне подходящую работу.

В моем распоряжении остается ровно месяц до начала работы и переселения.

Перемена места

С легким сердцем я сажусь в поезд. Веселая, бесшабашная и вечно голодная компания на каждой крупной станции садится на рельсы и распевает под гитару.

Поезд прибывает в Алма-Ату. Город окружен горами. Он теплый, полный фруктов и приветливых красивых людей.

– Азия даусы, голос Азии, высокогорный каток Медео, – читает Катя афишу. – До заброски в горы еще три дня. Давайте съездим?

...Утром дежурные отправляются на рынок. Они приносят овощи, картошку, несколько банок тушенки и лапшу. Потом наступает жара. Ребята растягиваются на своих кроватях и спят. Как только жара спадает, они собираются на улице у стола, ужинают и разбредаются по ночному городу. Набеги на сады с целью заготовки фруктов; изучение скверов с одуряюще пахнущими цветами, где фонтанчики для полива тихо фыркают водой и слышно пение лягушек; ночные кафешки на открытом воздухе.

И, наконец, каток Медео – там женщины, прекрасные, как звезда Востока, и мужчины, похожие на Виктора Цоя, поют, танцуют и бьют в бубны. Наша компания – самая непосредственная и живая; мы подпеваем, приплясываем, кричим от восторга.

Высокогорье

Грузовик медленно поднимается по ущелью. Следом за ним налегке поднимаются пешие фигурки. Чувствуется набор высоты: то и дело закладывает уши, начинает слегка подташнивать.

...У вагончиков мы догоняем грузовик. Направо – бурная Алма-Атинка, налево – склон, поросший хвойным лесом. В воздухе висят капельки воды.

– Вагончики остались на месте съемок фильма «Отель «У погибшего альпиниста», – сообщает Женя, – видели?

Внутри вагончиков – двухъярусные полати для сна, стол, скамейки, железная печка.

Ночь. Наполовину разобранные рюкзаки стоят кучей. Роясь в клапане в поисках зубной щетки, я натыкаюсь на свои пилюли. Я не пила их целую неделю и даже не заметила этого. Ура! Мне удалось избавиться от зависимости.

Казань

Рядом с нами появляется большая каркасная палатка. В ней живут четыре человека: трое парней и девушка. Они – спасатели; их жизнь обретает смысл только во время стихийных бедствий и катастроф.

Днем, когда они уходят тренироваться на скалы, их жилище навещают свиньи, которых выращивает наш сосед Шершавчик. Любопытные животные переворачивают все вверх дном, пока мы их не прогоняем.

Вечером казанцы приходят к нам с гитарой.

Еще один вагончик служит складом; и мы, и они храним там свои продукты. По ночам вечно голодная Ольга Петрова пробирается на склад и методично съедает ложкой всю сухую молочную смесь.

Акклиматизация

Мы находимся в зоне альпийских лугов, а может быть, высокогорных лесов, кто знает.

Переходим по мостику речку и карабкаемся на ближайший холм. Среди разнотравья и цветов кое-где торчат выветренные полуразрушенные скалы. Это – то, что нам нужно для тренировок. Мы надеваем обвязки. Серега проверяет на мне каждый узел.

Но и это еще не настоящие горы.

Путь по зажатой среди гор хорошей асфальтовой дороге, которая ведет к речной плотине. Здесь же станция гидрологов. Чуть повыше асфальт кончается, натоптанная тропа поднимается среди эдельвейсов.

Серега останавливается, снимает рюкзак, достает из него затертый листок бумаги и торжественно читает слова Заратустры.

Милый и смешной.

...Уже совсем темнеет, когда мы, тяжело дыша, поднимаемся на каменистое плато. Ветер холодный и порывистый.

– Посмотри вниз.

...а под ногами у нас, как будто горстка углей, переливается огнями ночная Алма-Ата. Я не ошибаюсь, это не фрагмент из моего сна?

Днем панорама обширнее. Виден не только город в масштабе топографической карты, но еще и цветущая зелено-желтая долина, а за ней – большой водный массив – Копчегайское водохранилище. С другой стороны – остроконечные белые горы; на их вершинах развеваются снежные флаги. От подножия одной из них спускается ледник; его поверхность блестящая и волнистая.

Вершина «Великая Отечественная»

...Внизу, на плато, погода была получше.

Вершинный гребень, весь обледеневший, ветер такой, что грозит сорвать и унести вниз. Видимость – ближайшие пять метров. В пуховиках и свитерах ветер пронизывает насквозь.

Двое самых отчаянных связываются веревкой и отправляются на поиски тура с запиской. Остальные сбиваются в кучу и, чтобы согреться и развеселиться, горланят дурацкие песни.

Спуск по пути подъема. Бить ступеньки пятками ботинок. Ноги подгибаются, я падаю и десяток метров качусь кувырком. Одежда вся в снегу.

Вечер. Еще час назад был полный упадок сил и хотелось только пить. Стоило сбросить рюкзак, и как будто выросли крылья.

Горы. Звезды. Далекий звук камнепада...

Благоухающий город

Скорее.

Шайка тощих и грязных оборванцев с почерневшими лицами и облупленными носами торопливо спускается туда, где тепло и море фруктов. В городе она делится на две части. Одна часть отправляется на рынок за арбузом, но не может его удержать, роняет и поспешно пожирает осколки. Другая выбирает в универсаме палку колбасы, но съедает ее, не донеся до кассы.

Ольгу все эти вещи не вдохновляют. В компании другой девочки, Светы, она выходит на промысел к «Интуристу». Вдвоем они быстро берут на мушку похотливого мужика, поднимаются к нему в номер, опустошают холодильник и ретируются. Вдогонку им несутся возмущенные крики.

Спокойствие приходит только после восточной бани. Круглые теплые камни различной температуры – кажется, суфы, – и на них можно валяться и греться, пока не надоест.

До свидания, город-мечта.

ГКЧП

...И как странно возвращаться в совсем другой город. Динамик рассказывает о каком-то ГКЧП, потом по телевизору показывают растерянного Горбачева; Ельцин на коне.

Все стало другим. Спать на чистых простынях. Пользоваться городским транспортом. Видеть того, кого любит душа моя.

Значит, это случилось. Ну и где то обещанное спокойствие, когда не знаешь сомнений?

Утро, как в тумане, в воспоминаниях вчерашнего, к середине дня начинает лихорадить, и мне кажется, что я никогда не дождусь вечера.

Зелень на улицах ярче на два тона, люди добры и предупредительны, все книги – про нас, и песни про нас тоже.

Его номер постоянно занят. Стоит мне на секунду нажать на рычаг, как пробивается звонок, и это, конечно, он.

Одни и те же мысли приходят нам в голову одновременно.

* * *

...У него дома. Квартира на самом краю города с видом на реку и Журавли. Его мама миниатюрна, она носит очки, а отец похож на артиста Тихонова. Мой любимый – их единственный сын. Он работает в больнице не то санитаром, не то медбратом в физиокабинете и учится заочно в университете. В естественных науках он силен, а в точных – нет. Я делаю за него контрольные и курсовые, а он рассказывает мне про митохондрии и популяции тараканов в моей общаге. У нас было одинаковое прошлое изгоев в среде сверстников; похожие проблемы в подростковом возрасте; почти идентичные провалы в жизни, связанные с тем или этим.

...В моей комнатке. Красим пол, клеим обои, двигаем повидавшую комнату номер двести три мебель.

Работа

Все тот же институт. Мой новый начальник неразговорчив, болезненно застенчив; у него прекрасная улыбка.

Кластерная химия. Ежедневная работа руками – постановка новых синтезов, весовой анализ, титрование, спектроскопия. У шефа солидная репутация в научном мире, но на работу он приходит в вытертом до основания свитере и с матерчатой сумкой в руках. В быту он немножко рассеян. Он показывает мне альбом кактусов, и я передаю в надежные руки крошку-цереус, которому неуютно на северо-восточном окне.

Часов в пять дверь лаборатории тихонько открывается, в нее просовывается немного смущенная Серегина рожа, и мы убегаем.

* * *

Желтые листья деревьев на фоне пронзительно голубого неба.

Все, осень.

Птицы собираются в стаи; они делают круг, совершая свои тренировочные полеты, как раз над моим окном.

Темнеть начинает рано, город в ночных огнях, огни отражаются в лужах на асфальте.

* * *

В комнате полумрак, на потолке колеблются тени деревьев от фонаря у подъезда.

Слышно, как ветер пригибает ветки к земле.

Чудесный запах его кожи. Печальный изгиб губ.

У нас обоих это впервые.

Прикосновение пальцев к нежной шее, бьющееся сердце, покорность, доверие друг к другу и щемящая нежность.

г. Кемерово

ТАЙГА-ГОРОД

Интервью с мэром Тайги Александром Викторовичем МАЕРОМ

Александр Викторович Маер родился 23 октября 1957 года в городе Анжеро-Судженске. Выбрав делом своей жизни работу на железной дороге, Александр Викторович поступил в Новосибирский институт инженеров железнодорожного транспорта и в 1981 году закончил его (специальность – «Эксплуатация железных дорог»).

После окончания института он получает направление на работу на ст. Тайга. За 5 лет прошел путь от помощника составителя поездов до первого заместителя начальника Тайгинского отделения Кемеровской железной дороги. За активное участие в развитии железнодорожного транспорта и решение социальных вопросов приказом министра путей сообщения ему присвоено звание «Почетный железнодорожник».

В марте 1996 года Александр Викторович назначается руководителем Тайгинского отделения, однако после случившегося через два месяца крушения электропоезда на ст. Литвиново он был переведен в рядовые инженеры. В 2000 году при поддержке трудовых коллективов А. В. Маер был избран профсоюзным лидером Тайгинского подотдела. После «провальных» в апреле 2001 года выборов главы города Тайги (самого, как считают, революционного в Кузбассе) принимает решение участвовать в выборной кампании. Поддержанный губернатором области А. Г. Тулеевым, в октябре 2001 года на выборах главы города Александр Викторович одерживает яркую и убедительную победу – почти 70 процентов горожан, принявших участие в выборах, отдали за него свои голоса.

Женат. Жена работает в военно-учетном бюро Тайгинского подотдела. Двое взрослых детей. Сын пошел по стопам отца. Закончил НИИЖТ (СибГУПС). Дочь – студентка филологического факультета Томского университета, будущий педагог.

– Александр Викторович, скажите, отработав немало лет на железной дороге, как Вы чувствуете себя в роли главы города?

– Вы знаете, работа на железной дороге дисциплинирует каждого работника, а на руководителя ложится еще и огромная ответственность – и не только за своих подчиненных, но и за судьбу всех пассажиров, пользующихся услугами железнодорожного транспорта. Эти качества, приобретенные в годы работы на железной дороге, очень помогают мне сегодня в работе на посту главы города. Кроме того, работая в системе МПС, приходилось заниматься решением самых разных вопросов. Ведь железная дорога располагает широкой и развитой сетью социальных, культурных, спортивных учреждений. Немало приходилось решать вопросов, связанных с образованием, работой медицинских учреждений, летнего отдыха детей и т. д. Но они были как-то «разбросаны» по всей территории бывшего Тайгинского отделения дороги. Сейчас все эти вопросы сконцентрированы на небольшой территории нашего города. В отличие от железной дороги, где вопросы организации пропуска поездов решаются в первоочередном порядке, а уж потом вопросы социального плана, для города именно социальные вопросы являются самыми важными.

– Я знаю, что Вы родились в Анжеро-Судженске. Что для Вас Тайга – город, главой которого Вы являетесь?

В Тайгу я приехал после окончания НИИЖТ и живу здесь

уже более 20 лет. Знаете, мне Тайга очень дорога и любима: здесь выросли мои дети, состоялось мое становление как руководителя, здесь живут дорогие моему сердцу люди – родители, близкие, друзья, родные и те люди, с которыми мы вместе все эти годы переживали радости и беды... Я горжусь богатой историей и революционными традициями нашего города Тайги и, конечно, людьми, прославившими наш город. Ну разве не замечательно, к примеру, что первый Герой Социалистического Труда в Кузбассе – тайгинец Илья Герасимович Сафронов! Подобных примеров можно привести много.

– Александр Викторович, расскажите о своей команде, Ваших единомышленниках – коллегах, тех, с кем работаете сейчас бок о бок, кто помогает Вам решать самые разные общегородские проблемы.

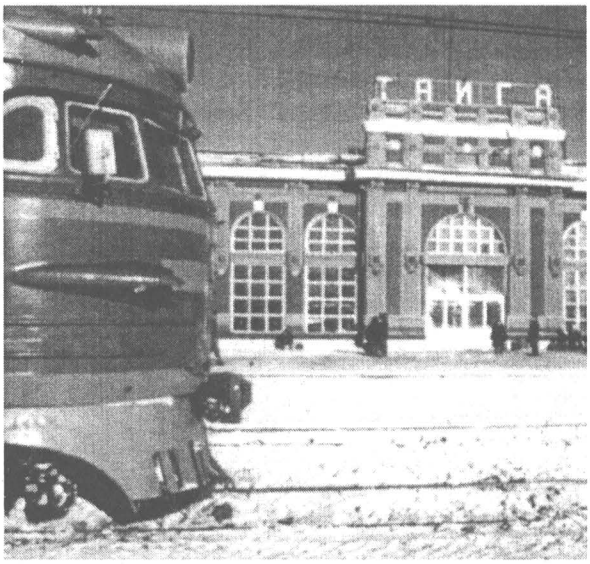
– В первую очередь это мои заместители – Сергей Алексеевич Горев, Михаил Петрович Бондаренко, Борис Ильич Атрошенко, Ольга Вильгельмовна Ковалева, Наталья Михайловна Демидова, а также сотрудники администрации. Но команда моих единомышленников не ограничивается только ими. Я могу назвать руководителей многих городских и железнодорожных предприятий, ветеранов и рабочих, жителей города, неравнодушных к судьбе города и потому активно участвующих в его жизни, в мероприятиях, направленных на решение городских проблем. Я всех этих людей считаю своими единомышленниками и благодарен им за помощь, советы, поддержку, понимание.

– А какие вопросы для Вас как для главы города являются труднорешаемыми?

– Труднорешаемыми порой являются вопросы, по которым приходится принимать экономически обоснованные, но непопулярные решения. В итоге – критика в адрес администрации. Но мы-то понимаем, что, принимая решение, поступаем правильно. Хотя кому-то оно и не нравится, кто-то с ним категорически не согласен. Это, знаете, как работа хирурга: он делает больно, но ведь он спасает жизнь человеку.

– В чем специфика и необычность, если можно так выразиться, города Тайги? Его развитие, перспективы. Как меняется город?

– Необычность и специфика в одном – в его тесном сплетении с железной дорогой. Так уж исторически сложилось, что 107 лет назад появился наш город исключительно как город железнодорожников. И сегодня основная часть предприятий города – это, конечно, железнодорожные предприятия. Тайга и сегодня остается городом железнодорожников. Но кое-что все-таки меняется. В связи с реструктуризацией системы МПС произошла передача от железной дороги в муниципальную собственность школ, детских садов, спортивных и культурных учреждений, объектов ЖКХ, жилья, теплового гиганта – узловой котельной и многого другого. В этом и есть изменения. Изменилась в этой связи и роль администрации города: повысилась ее ответственность перед населением. Возросло влияние муниципальных структур в решении вопросов жизнедеятельности города. Развивается предпринимательство, причем не только в сфере торговли, но и, к примеру, в выпуске хлебобулочной и строительной продукции. К счастью, продолжается строительство важных для города объектов – жилья, автодорожного путепровода. Неплохими темпами ведется частное строительство. Одним словом, город живет, город развивается, у нашего города есть будущее. Но связь с железной дорогой остается крепкой. И это хорошо: только плодотворное сотрудничество может помочь нам сейчас. Я не могу не сказать о той огромной помощи, которую городу постоянно оказывает губернатор области А. Г. Тулеев. Она очень и очень значима. Солидную поддержку городу оказывает и руководство Западно-Сибирской железной дороги (А. В. Целько), руководство Кузбасского отделения дороги (А. Н. Ищенко).

– И последний вопрос, Александр Викторович. Понятно, что работа занимает практически все Ваше время. Но ведь обязательно есть что-то для души. Чем любите заниматься в свободное от работы время? Как проводите свой досуг?

– Я очень люблю сибирскую природу, лес, охоту, рыбалку. Это мое. Люблю путешествовать, узнавать что-то новое и использовать это новое потом в своей работе. Мне очень нравится встречаться с друзьями детства, юности, общаться с близкими и родными мне людьми.

Хочу поблагодарить редакцию альманаха «Огни Кузбасса» за приглашение принять участие в создании этого номера. Желаю коллективу редакции успехов, процветания, исполнения творческих замыслов и всего самого-самого хорошего.

Интервью взяла О. К. ЗУБАРЕВА

Б. И. АТРОШЕНКО,
заместитель главы города Тайги
по социально-культурной сфере

Культура города Тайги

Культура и искусство нам жизненно необходимы – как воздух, как живая родниковая вода, как родная земля, на которой рождаемся и растем.

А. Тулеев

Администрация города Тайги постоянно уделяет внимание вопросам культуры и искусства.

В городе разработана программа сохранения и развития культуры до 2005 года, основными целями и задачами которой являются:

– сохранение культурного наследия и развитие современного культурного потенциала;

– выявление и становление талантов в области музыкального и изобразительного профессионального и самодеятельного искусства, поддержка юных дарований.

Заведующая отделом культуры администрации города Нина Владимировна Кинева – творческий, инициативный руководитель с хорошими организаторскими способностями. Под ее руководством 14 учреждений культуры:

1) централизованная библиотечная система из восьми библиотек;

2) детская школа искусств;

3) центр досуга «Орион»;

4) городской Дом культуры им. Ленина;

5) музей истории города;

6) два поселковых клуба.

Одно из старейших учреждений – Дом культуры железнодорожников, построенный комсомольцами двадцатых годов на субботниках и воскресниках. Сейчас это городской Дом культуры, где работают замечательные коллективы художественной самодеятельности, хорошо известные в Кузбассе, прославляющие своим творчеством родной город. Среди них:

– народный коллектив «Хор русской песни»;

– ансамбль «Играй, гармонь, звени, частушка», руководитель В. С. Стифутин;

– детский ансамбль народных инструментов, руководитель В. Н. Нечаев;

– детская вокальная группа, руководитель В. Колесников;

– вокально-инструментальный ансамбль, руководитель В. Горбачев;

– молодежный ансамбль гитаристов, руководитель И. Букина.

Работают клубы по интересам: ретро-клуб «Второе дыхание» и детская театральная студия (руководитель Н. Васильева).

Дом культуры является центром проведения всех городских торжественных и развлекательно-массовых мероприятий: фестивалей детского творчества (впервые в городе провели фестиваль дошкольных учреждений «Звездочка, зажгись!»), конкурсов, презентаций, юбилейных встреч. Третий год отмечаем национальный праздник – День славянской письменности и культуры. К Всероссийскому дню кино в городе организуется встреча с землячкой, народной артисткой России Инной Макаровой.

В городе единая централизованная библиотечная система, в ней 8 библиотек-филиалов, куда ежегодно приходят свыше 9 тысяч читателей (это каждый третий житель нашего города), которым выдается более 160 тысяч экземпляров книг.

Более 90 тысяч экземпляров составляет книгофонд, более 100 видов подписных изданий ежегодно выписывается нашей библиотекой. Возглавляет ЦБС энергичный, болеющий за библиотечное дело директор О. А. Белова. Создана в библиотеке компьютеризированная служба. Есть выход в Интернет. В перспективе – создание автоматизированной библиотечной сети и включение библиотеки в региональную сеть. В библиотеке создано городское объединение самодеятельных поэтов и писателей «Тайгинские зори». Среди его членов известная в городе писательница, автор стихов «Песни о Тайге» Л. Яковлева, поэтессы Н. Фролова, Н. Трусь, А. Зуева и другие. «Любовь к родному краю, знание его истории – основа, на которой только и может осуществляться рост духовной культуры общества», – писал академик Д. Лихачев. Созданный

Самодеятельный композитор Виктор Стифутин

Фольклорный коллектив «Русская песня» детской школы искусств

Театр деревянного платья «Любавушка»

при библиотеке сектор краеведения за три года работы стал по-настоящему центром изучения литературного творчества «малой Родины» (выставки городских самодеятельных художников, вечера и встречи с местными писателями и поэтами, выпуски поэтических сборников). «Я вспомнюсь тебе однажды...» – так назывался поэтический сборник со стихами тайгинских самодеятельных поэтов, как взрослых, так и детей, выпущенный ко Дню города в прошлом году. С 2002 года у нас установились самые дружественные отношения с Союзом писателей Кузбасса, коллектив которого оказывает помощь в творческом развитии тайгинских поэтов и писателей, за это огромное спасибо председателю Союза писателей Б. В. Бурмистрову и ответственному секретарю альманаха «Огни Кузбасса» С. Л. Донбаю.

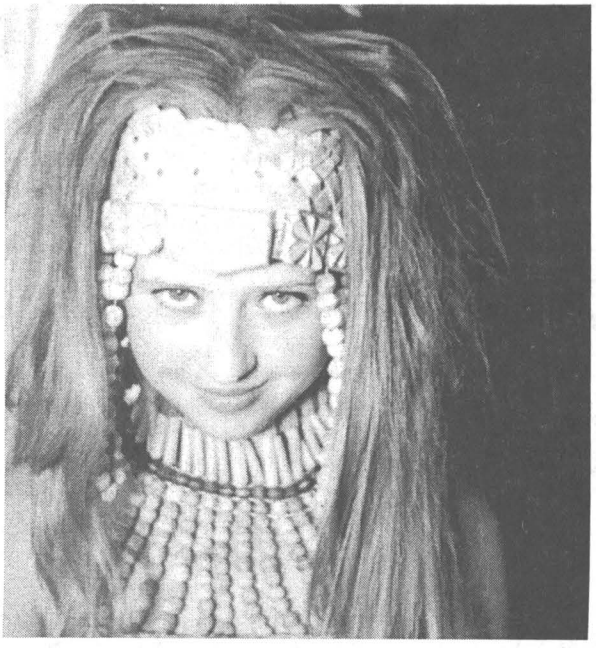
25 лет исполнилось в 2002 году единственному в городе учреждению культуры, занимающемуся кинопоказом. В центре досуга «Орион» проходят кинофестивали, киноуроки, киноконцерты, семейные сеан-

Аман Тулеев, Геннадий Дюдяев и Владыка Софроний – желанные гости «Любавушки»

сы, киновечера. Кроме этого организуется досуг детей, подростков и молодежи, используются различные аттракционы. Длительное время ЦД «Орион» находился в аварийном состоянии. Благодаря помощи губернатора в прошлом году была отремонтирована отопительная система в учреждении, а при финансовой поддержке городской администрации осуществлено остекление фасадной части здания.

В детской школе искусств обучается 240 учащихся, из них 165 человек на музыкальном отделении и 75 – на художественном. В школе работают 18 педагогов – все со специальным профессиональным образованием. Среди них член Союза художников России и международной Ассоциации изобразительных искусств преподаватель Василий Коробейников. В школе созданы все условия для выявления и становления юных дарований, образованы три коллектива: вокальный ансамбль преподавателей, детский фольклорный ансамбль «Русская песня» (руководитель директор школы М. Назарова) и ансамбль народных

«Любавушка»

инструментов. Более 90 культурно-просветительных мероприятий проводит коллектив школы ежегодно.

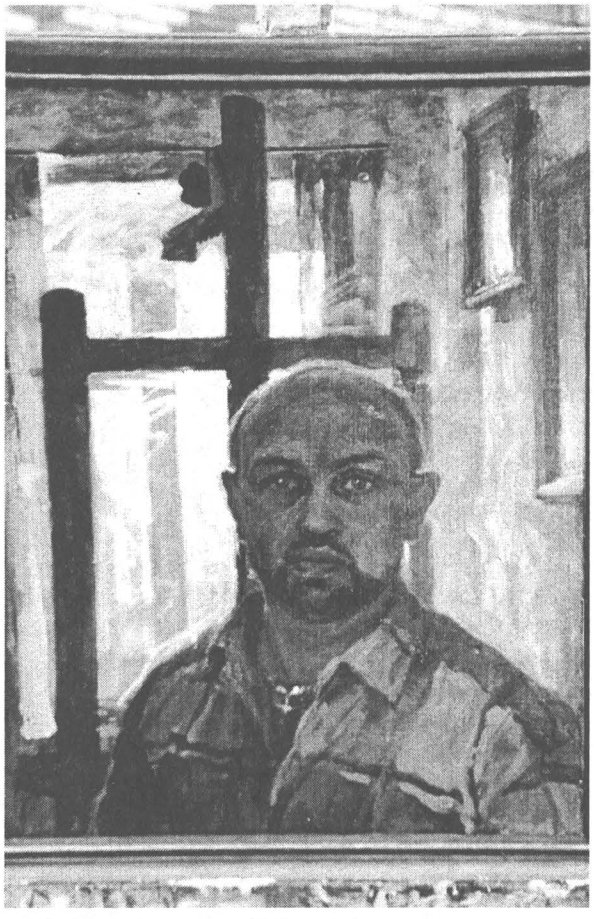
Все проводимые в городе мероприятия в этом году посвящаются юбилею области. В образовательном учреждении – средней школе № 160 существует замечательный коллектив – детский театр моды «Любавушка». Все модели – платья, туфли, юбки и блузки, шляпки и сумки, украшения –мальчики и девочки изготавливают из дерева. Театр – участник многочисленных конкурсов и фестивалей, в 2000 году коллектив стал победителем Международного фестиваля-конкурса «Надежда Европы» в Сочи, два года подряд становится обладателем Гран-при регионального конкурса детских театров моды городов Сибири «Автопортрет» в Новосибирске.

Чуть более года назад создан музей истории города. Четыреста экспонатов было собрано за это время. Это предметы быта, старинные вещи, фотографии, документы, отражающие историю нашего города. Ко дню города прошла выставка картин первого в городе профессионального художника Г. И. Пляскина (в память о нем). В городе находится 9 символических памятников, 4 памятника архитектуры, 5 стел, 10 мемориальных досок. Памятник жертвам политических репрессий установлен на деньги родственников репрессированных и заработанные учащимися школы № 34 на субботниках. В 2000 году памятник был внесен в банк данных музея и общественного центра «Мир, прогресс, права человека» им. А. Сахарова в Москве, который занимается созданием книги памяти о жертвах репрессий. Ко дню города открыта мемориальная доска первому Герою Социалистического Труда в Кемеровской области мастеру локомотивного депо г. Тайги Ивану Герасимовичу Сафронову.

Художник Василий КОРОБЕЙНИКОВ

Член Союза художников России и Международной ассоциации художников ЮНЕСКО Василий Николаевич Коробейников – коренной тайгинец, работает в детской школе искусств с 1998 года. Имея высшее профессиональное образование и пятнадцатилетний стаж работы художником, Василий Николаевич успешно справляется с педагогической деятельностью. Занятия с учащимися всегда проходят живо, интересно, на высоком профессиональном уровне. Благодаря усилиям и стараниям Василия Коробейникова, художественное отделение школы считается одним из лучших в области. И как итог – ученица Василия Николаевича в этом году стала дипломанткой конкурса, проводимого Губернаторским фондом «Юные дарования Кузбасса». Ежегодно ученики Василия Николаевича становятся студентами средних специальных заведений.

Василий Николаевич не только учит детей искусству рисования, но и сам постоянно занимается творчеством. За пять лет работы картины Василия Коробейникова экспонировались на пяти выставках областного и регионального значения, было организовано три персональные выставки (в Тайге, Кемерове, Томске). В этом году в Иркутске будет проходить традиционная региональная выставка, на которую отобраны две картины Василия Коробейникова.

Мой крест

Работает художник в разных жанрах: портрет, пейзаж, натюрморт. На них – знакомые лица, где через внешнюю узнаваемость видна правда жизни, часто очень непростая. Таковы, например, «Портрет отца», «Учитель рисования», «Мой крест», «Интересная книга», «Пион», «Воробышки», написанные оттенками коричневого, охристо-золотого, что создает многослойную фактуру реальных жизненных красок. Только при внимательном вглядывании начинаешь понимать мастерство и силу настоящего художника. У Василия Коробейникова своя тема, свой подход к ней, свой живописный язык, которому он верен. Есть более простой путь: не углубляясь, показать внешнюю сторону персонажа – красивее, доступнее. Здесь иное. Вера в духовное, природное начало, в реальность жизни.

И за этим стоит напряженный многолетний труд, постоянный творческий поиск.

Василий Коробейников с удовольствием украшает своими работами город: это панно и рекламные щиты, в перспективе – создание барельефа И. Г. Сафронову. Третий год подряд Василий Николаевич становится победителем городского конкурса на лучший проект снежного городка и является его исполнителем.

Василий Николаевич – известный и уважаемый человек в городе не только среди учеников и преподавателей, но и среди жителей Тайги.

Сергей ПАВЛОВ

ЖИЗНЕННОЕ ПОЛЕ НИКОЛАЯ РЮМИНА

Коля Рюмин

Случайным мое знакомство с Николаем Михайловичем Рюминым назвать трудно. В далеком теперь 1979 году я, в ту пору редактор многотиражной газеты «Голос шахтера», принял серьезное для себя решение – идти на работу в милицию, в ОБХСС линейного отдела милиции на станции Белово, но по каким-то, неведомым мне тогда причинам вопрос с приемом постоянно откладывался, что меня немало удручало: как-никак полгода прошло в ожидании.

В первых числах августа, получив в очередной раз «никакой» ответ от кадровика, я в расстроенных чувствах курил на крылечке старого деревянного здания милиции... Как бы случайно рядом оказался небольшого роста мужчина лет пятидесяти с густыми, зачесанными назад седыми волосами. Он курил «Прибой» и как-то заинтересованно поглядывал в мою сторону из-под густых седоватых бровей. С мужчиной я знаком не был, но неоднократно встречал его в коридорах отдела.

Н. М. Рюмин в армии

– Сергей Михайлович? – осторожно, скорее даже вкрадчиво спросил он и, убедившись, что не ошибся, продолжил разговор: – А как вы относитесь к следователю Знаменскому?

Такой вопрос в те времена можно было назвать

Лето его жизни

провокационным: вся страна засматривалась сериалом о «знатоках», а душку-следователя Знаменского могли не любить только рецидивисты.

– Хорошо отношусь... – ответил я, недоверчиво поглядывая на незнакомого мужчину. Тут он протянул руку и представился: Рюмин Николай Михайлович, начальник следственного отделения... Мы прошли в его кабинет, и после часовой беседы моя судьба была решена – я стал следователем...

Мягко, ненавязчиво, но вместе с тем очень убедительно поучал меня на первых порах Николай Михайлович. Порой чувствуя, что слов будет недостаточно, он приглашал меня в кабинет, давал какую-то газетку или журнал:

– Посиди вот тут в уголке, почитай, а краем уха подслушивай, что да как... Я тут приемосдатчицу буду допрашивать... Может, пригодится потом...

Каким тут «краем уха», закрывшись в углу газеткой, я как губка впитывал все происходившее в кабинете: манеру поведения следователя, тон, порядок вопросов и многое другое, что в юриспруденции называется тактикой допроса и что впоследствии мне сослужило добрую службу. Но прежде всего у меня отложилась в памяти та корректность, с которой Николай Михайлович вел каждый допрос.

В процессе стажировки не обошлось без казусов. Выбрав как-то несколько приостановленных производством дел, Николай Михайлович предложил изучить их, выявить недостатки и предложить свой план расследования. Ознакомившись с результатами моей работы, Рюмин, в целом ее одобрив, набросал на листке «свои замечания на мои замечания». Уже в своем кабинете я тщетно пытался разобрать его почерк – не смог. Не осилил его и мой товарищ, следователь, с кем я делил в ту пору кабинет. Извиняясь, я обратился к своему начальнику: не понял! Николай Михайлович начал было читать свои записи вслух, но вскоре замолчал. Долго всматривался в буквы, снял очки – не помогло. Ладно, говорит, через полчасика зайдешь. Захожу через полчаса, забираю дело с новой резолюцией, пытаюсь ее расшифровать – тщетно. Опять к Рюмину. Картина повторилась один к одному. А когда он вновь предложил зайти через полчаса, я предложил свой вариант: Вы говорите, а я запишу...

Уже позднее, когда наши отношения «начальник – подчиненный» изменились, и я, старший следователь Кузбасского УВД на транспорте, в очередной раз навестил в Белово пенсионера Рюмина, мы с улыбкой вспоминали тот случай, и, словно извиняясь, Николай Михайлович пояснил, что слишком много ему пришлось «заниматься писаниной» (а печатных машинок в шестидесятые годы в милиции еще не хватало, да и те оставляли желать лучшего), оттого и испортился почерк. Потому-то все свои следственные действия Николай Михайлович сопровождал подстрочным переводом.

– Вот видишь, что почерк, что речь – ни к черту! Последнее-то – от блокады осталось... Пришлось крепко зубы лечить, вот и дикция испортилась...

...И тогда-то я узнал, что родился Николай Михайлович в Ленинграде в 1929 году, рос без отца, с матерью Серафимой Ивановной и ее сестрой, тетей Пашей.

– Мама у меня работала стрелком военизированной охраны в трамвайном парке. Я ее потом почему-то чаще вспоминал в черном пальто-шинели с наганом на боку. Пацаны тогда завидовали мне, что у меня мать на службе с оружием, как офицер...

Война застала Колю в Ленинграде в 12-летнем возрасте. Весь ужас первых дней блокады он принял на свои хрупкие мальчишеские плечи. И каково было ему в стылый мартовский вечер во дворе Боткинской больницы среди обнаженных трупов искать свою умершую маму. Беда не приходит одна, и вслед за мамой Коля потерял и тетю Пашу. Осиротевшего мальчика приютила тетя Надя, подруга матери, но у нее самой были дети, их тоже надо было кормить... И уже тогда, в 13 лет, он принимает свое первое самостоятельное решение – уходит в детдом, сам, со-

Н. М. Рюмин в милиции

брав в узелок свой нехитрый скарб. В августе 1943 года детдом эвакуировали на Большую землю по Ладожскому озеру на катерах...

– Нам еще повезло, – рассказывал Николай Михайлович, – наш катер шел в сопровождении истребителя, а вот следующий катер с детьми был без прикрытия и его потопил немецкий «Мессершмидт», а там были мои друзья...

В селе Крутиха Алтайского края, куда привезли ленинградских детдомовцев, встретили их добрые, сердечные люди, но последствия блокады вскоре дали о себе знать: у Коли выявили тяжелую болезнь – туберкулез в открытой форме. Учился Коля Рюмин в 5-м классе. Однажды на уроке литературы они писали сочинение на тему «Дыхание грозы». Коля писал сочинение так усердно, что в его чернильнице вскоре закончились чернила. Не желая никого беспокоить, он осторожно вставал, чтобы обмакнуть перо в чернильницу на соседней парте, и так же неслышно возвращался к своей тетради. Учительница Серафима Алексеевна Логовская удивлялась, глядя на этого хрупкого бледного мальчика, – столь упоенно он трудился над сочинением. Потом его работу признали лучшей, а Серафима Алексеевна узнала, что понравившийся ей голубоглазый мальчик смертельно болен и спасти его может только чудо. И чудо пришло в лице этой доброй русской женщины.

АКТ
от 18 августа 1944 года

«Мы, нижеподписавшиеся, директор 28-го детдома Гордеева Т. Н. и Логовская С. А., составили настоящий акт о том, что первая сдала, вторая приняла на патронаж (на воспитание) воспитанника детдома Рюмина Николая Михайловича, 1929 г. р...»

Так Коля Рюмин, осиротевший, смертельно больной, нашел свою вторую семью. Лечение всеми известными народными средствами, усиленное питание, а главное, простое человеческое тепло вернули паренька к жизни. И с какой нежностью всегда вспоминал Николай Михайлович свою вторую маму! Будучи учителем литературы, она научила Колю читать, чувствовать книгу, помогла развиться тому литературному дару, что был заложен в его душу природой. Именно тогда он попытался слагать свои первые стихи...

Человек серьезный, неторопливый, Николай Михайлович всю работу делал аккуратно, основательно. Если протокол – то в нем нет ни одной грамматической ошибки. Если уголовное дело – то смотрится как раритетный фолиант. Не раз бывая в квартире Рюминых, я не переставал удивляться тому обилию газет, журналов, книг, что заполняли все стеллажи и шкафы. С особой гордостью хозяин показывал подшивки вырезок из газет и журналов по искусству, истории, литературе. Все продумано, все аккуратно прошито, и за всем этим – колоссальный труд. Лис-

Н. М. Рюмин с женой

таю их, искренне удивляюсь и радуюсь, а краем глаза вижу, как весело горят глаза моего собеседника, как светлеет его лицо. Общая радость, как и общее горе, имеет свойство роднить людей, одинаково заряженных на жизнь.

Не так часто мы встречались с Николаем Михайловичем, как хотелось бы, но я видел, как при встрече он веселел и оживлялся, как на лице его появлялась счастливая улыбка, и огромная волна доброжелательства, покоя и уюта накрывала меня с головой. И хотелось говорить с этим человеком долго, радостно, упоенно... Как это и случилось в один из моих визитов в Белово в начале девяностых, когда супруги Николая Михайловича Людмилы Тимофеевны не оказалось дома. Хозяин объяснил, что она уехала к родственникам, и принялся накрывать стол... Несмотря на то, что у меня на руках были билеты на последний автобус до Кемерова, уехал я лишь к обеду следующего дня, а всю ночь мы провели за дружеским столом в беседе. Говорили обо всем: о работе, о знакомых, о жизни и смысле бытия. Он читал стихи Гейне на немецком языке, потом те же стихи в изложении Лермонтова, и наконец дошли до его стихов, таких же, как его жизнь, интересных, непростых, чуть подернутых светлой грустью. На мой вопрос, почему он раньше не пробовал их опубликовать, Николай Михайлович ответил с обезоруживающей откровенностью:

– Боялся, не поймут: милиционер и вдруг... стихи. А сейчас можно, я пенсионер...

Из Генриха Гейне
(в переводе Н. Рюмина)

Если расходятся двое,
То руки друг другу дают.
И непременно вздыхают
И слезы прощальные льют.

Не плакали мы с тобою,
Вздыхая, увы, не раз.
И вздохи эти и слезы
Позднее настигли нас.

В пятидесятые годы из-под пера Николая Рюмина выходят первые стихи. Человек умный и требовательный, он понимал, что многие из них еще несовершенны. «Это мои любительские стихи, – именно так их назвал он сам и, подумав, добавил: – Мои вирши...» Может быть, поэтому он и не стремился к их публикации. Но как человек озаренный и вкусивший сладость творческого вдохновения, он уже не мог оставить поэзию. Она жила в нем, клокотала, рвалась наружу, а накопленный с годами жизненный опыт, помноженный на чрезвычайно требовательный подход к себе, позволил Николаю Михайловичу сделать стихи более совершенными.

* * *

Жизнь прожить – не поле перейти
(пословица)

Перешел я жизненное поле
И стою у бездны на краю,
А в душе ни горести, ни боли,
И ни в чем судьбу я не корю.

Всех своих и счастий, и несчастий
Был я сам усердным кузнецом.
И умру я, видно, без причастья,
Хоть крещен был питерским попом.

Вы меня не обессудьте, люди!
Да, грешил. Да, был и клят, и мят.
Много ль вас, непогрешимых, будет?
Кто из вас воистину был свят?

Жизнь моя, была ты полосатой,
Но зато не скучной никогда.
Есть что вспомнить мне перед закатом,
Перед шагом в Лету, в никуда.

Человек скромный, мужественный, Николай Михайлович никогда никому не жаловался на жизнь, на здоровье – считал лишним загружать других своими проблемами, но вместе с тем всегда был готов прийти на помощь.

В 1998 году была издана его вторая книга стихов – «Остающимся», но автору уже не суждено было ее увидеть... Беловский поэт Александр Курицын, последние годы близко знавший Николая Михайловича, в предисловии к книге пишет: «За несколько дней до кончины в разговоре со мной Николай Михайлович сказал: «...Смерти не боюсь, только жаль, мало успел сделать... и еще жаль, что не дожил до возрождения России...» В этих словах весь Николай Михайлович.

Он сознавал, что болезнь его неизлечима, но рук не опускал, до последнего продолжал писать стихи. В предчувствии скорого расставания они полны щемящей грусти. Он прощался с миром, с остающимися жить...

Не ропщу, ведь всему есть предел.
Жаль, не много я миру оставил –
Только сотню стихов... как сумел,
А на большее Бог не наставил.

В теплый солнечный сентябрьский день ушел Николай Михайлович. Ушел тихо, скромно, как и жил всю свою нелегкую жизнь, на руках любящей и любимой жены Людмилы Тимофеевны. И каждый год 16 сентября друзья приходят в его квартиру, чтобы добрым словом вспомнить Николая Михайловича, его стихи.

* * *

Давно я не слышу прощального клика
Летящих в свой северный край журавлей.
Журавушки, журки, куда же вы скрылись?
И кто же извел вас, какой лиходей?

Вы плыли, раскинув упругие крылья,
Над зеленью яркой полей и лесов,
И вас воспевали Жемчужников, Шиллер,
Чемров и печальный Рубцов.

Над серой пустынной российской равниной
Холодная всходит сегодня заря.
Была ты, отчизна, страной журавлиной,
А стала отныне страной воронья.

18.10.97 г.

* * *

Нет ни белых, ни красных.
Каждый друг другу – брат.
– Наступило согласье, –
Нам твердит демократ.

Только не разумеет –
Есть закон мировой:
Если кто-то жиреет,
То худеет другой.

И уж мира не будет
Среди них никогда,
И богач не уступит
Бедняку никогда.

Нет без хлеба свободы,
Как ты там ни толмачь.
И краснеет голодный,
И белеет богач.

25.08.97 г.

Время «Ч»

«Россия сосредоточивается».
Канцлер Российской империи Горчаков

Время «Ч» – то час атаки,
Час внезапного броска.
Всплеск ракетных брызг во мраке,
И в прорыв пошли войска.

Боевой устав пехоты
Все дотошно рассчитал,
И комдиву, и комроты
Точно место указал.

Не пора ль тебе, Россия,
Время «Ч» установить,
Чтобы вороги лихие
Не смогли нас упредить?

Хватит нам обороняться,
Клясть, стенать и причитать.
Час настал объединяться.
Время, братья, наступать.

Бей, набат, пока не поздно!
Вновь звезда на кумаче.
Небо в тучах. Небо грозно.
Наступило время «Ч».

12.01.98 г.

Трансвааль

Мать про Трансвааль мне пела
В архангельской глуши,
Чужой тоской звенела
Та песнь в ночной тиши.

Слова ее простые
Запали в душу мне:
«Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне».

Потом уже другую
Услышал песню я:
«Горит село родное,
Вся Родина моя».

И песни былью стали
В мои двенадцать лет,
Когда вдруг запылали
Одесса, Киев, Брест...

Горела нефть на Волге,
Горел мой Ленинград.
Четыре года долгих
Тушил пожар солдат.

И вот уж полыхает
Чужая сторона.
Возмездье наступает,
Кончается война.

Из пепелищ восстали
Родные города.
Мы сорок лет не знали,
Что вновь грядет беда.

Что власть возьмут иуды
И рассекут страну.
Сойдет на землю Худо
И запалит войну.

Горят Ош с Ферганою,
Бендеры, Карабах.
С мятежною Чечнею
На Русь идет Аллах.

Горит страна родная
Вторую тыщу лет,
Как Феникс, восставая
Опять на Божий свет.

Так будь необорима,
Могуча и сильна,
Вовек неопалима,
Святая купина.

12.07.77 г.

Марина АЛЕКСАНДРОВА

ГАРМОНИСТЫ

В одну пору, когда близилась к концу война, появилось на базаре много самых различных гармоней: редких, ладных – фабричных и не столько ладных, сколько голосистых да звонких – самодельных, любительских.

А приносили их на базар вдовы не вернувшихся с войны солдат. Приносили, чтобы обменять на хлеб, сало, одежонку для осиротевших солдатских детей. Время было тяжелое еще, голодное. А жизнь... жизнь продолжалась.

Как же было торговому люду узнать, хороша ли гармонь та? Узнавали просто. Всегда находился в толпе человек, желающий по старинке размять пальцы. Брал он гармонь в руки, поначалу трогал кнопки несмело, бережно, а затем все уверенней, собирая вокруг любопытных, соскучившихся по лихой игре людей.

Самое яркое воспоминание из детства Ивана Ивановича Глебова – гармошка. Порой было такое чувство, что с ней и родился. Поначалу еще неловкие, слабые ручонки тянулись к инструменту, как к чему-то заветному, фантастическому, способному издавать чарующие звуки. А уж к третьему-четвертому классу Ваня стал настоящим артистом. В суровую зиму, чтоб не замерз по дороге, заворачивали маленького солиста в тулуп, на телегу... и с концертами за девяносто километров. А уж там на сцену выходил гоголем – в новой яркой шелковой рубашке, отрез на которую выдали в школе специально для выступлений. Так с гармошкой и рос. С гармошкой ушел и на фронт, едва исполнилось шестнадцать. Была то русская двухрядка.

Долго вместе с Иваном шла та гармошка по дорогам военным, словно фронтовой товарищ. И ей тоже пришлось хватить горя. И погибла-то в бою, как настоящий товарищ. Попал в машину снаряд, и гармошку разорвало. Горевал Иван так, словно расстался с боевым товарищем. Затосковали было и однополчане. Да попалась трофейная хромка.... Прежней не соперница, но все ж...

А призвали Ивана Глебова, лишь исполнилось шестнадцать, из девятого класса. Считалось, пока подучатся – подрастут, возмужают. Но судьба, как и со всем военным поколением, распорядилась на свое усмотрение. Через девять месяцев был он уже в боях. Уходили на фронт из Тисуля вместе шестьдесят семь человек. И попали все в один полк. После

войны вернулись вчетвером. Остальные погибли. А спустя два-три десятка лет довелось уже встречать очередной День Победы Ивану Глебову и вовсе без фронтовых друзей.

Раненный в боях, контуженный, но никогда не унывающий, как и прежде, с гармошкой в руках, прошел он по улицам Яшкино. И не было конца воспоминаниям, нахлынувшим в этот день, как никогда.

Вспомнилась встреча случайная с писателем Шолоховым, который стал свидетелем неуемных соревнований «кто на что горазд», когда сошлись полки на переправе, и гомону гармошки не было равных. Иван долго хранил потом вырезку из фронтовой газеты, где шустрый фотограф запечатлел его рядом с Шолоховым.

Словно вчера было, стояла перед глазами картинка, как на привале читал однополчанам «из Твардовского», и генерал армии В. И. Чуйков пожал руку, а позже подарил баян, который и принес Иван с войны домой. Тот баян хранился в семье как реликвия и положил начало своеобразной коллекции. К чуйковскому баяну добавились гармошки, оставшиеся от ушедших фронтовых друзей. У каждой свой голос, своя память, боль и раны.

И поет каждая гармошечка по-разному. Потому, когда к какой руки тянутся, зависит от настроения. Но всегда вокруг веселье и радость, частушки заводные и песни протяжные, пляски, перестук каблучков. Вот так умудряется Иван Иванович не только не падать духом сам, но и поддерживать огонек жизнелюбия во всех, кто его окружает.

Рядом с Иваном и его верная подруга, любимая жена, когда-то звонкоголосая певунья, задорная, неутомимая Машенька, ныне просто Мария. Не случайно породнились две музыкальные семьи. Одних перепеть никто не мог, других – переиграть, переплясать никому не удавалось.

– А с Машей мы учились вместе, – вспоминает Иван Иванович. – Наши родители крепко дружили. Всегда мечтали породниться. У меня брат Саша был. Так смеялись постоянно: все равно, мол, родней будем, не по Ваньке, так по Маньке, не по Тоньке, так по Саньке... Они, подружки, всегда меня обижали, отчаянные были. По одной я им не спускал. А соберутся с братовьями, попробуй тронь. А ведь задирали первыми. Потом подросли. Не успели оглянуться, как в армию, на фронт... переписывались семь лет. А потом встретились. Она приехала ко мне в Ашхабад (я там служил). Полковую свадьбу сыграли.

– Дрались в кровь, – смеется Мария Матвеевна. – Мы с подружкой его били. А он подкараулит по одной – ага, попалась! Ну и снежками, сумками друг друга, да и драть скорей. Отчаянная и на голос была. Мама пела и на балалайке играла. Я и на балалайке, и на гитаре. Брат мой (он погиб) учил Ванечку на гармошке играть.

Все это и детям нашим передалось. Они музыкальную школу окончили, музыкальное училище, институт культуры. А уж плясать-то! Все деды, дяди, прадеды плясали. С цыганами соревновались. Приезжали они до войны часто большими таборами, палатки натянут. Соберутся. Болельщики с двух сторон улюлюкают, подбадривают. Редко когда удавалось цыганам нашу родню переплясать.

И до последнего времени так и велось в доме Глебовых. Коль собрались вместе, берут в руки инструменты и стар и млад – отец и дочь, внук и внучка. Начинается импровизированный концерт. Тут же подтягиваются соседи, случайные прохожие. Бывало, прямо перед домом, прямо на зеленой лужайке кто-то, вспомнив былую молодость, притопнет ногой да под лихой наигрыш пройдется по кругу с приплясом, с приговоркой.

Вот и Ольга Ивановна Быкова, дочь Глебовых, черпает силы и вдохновение поистине в корнях семейных. Она словно вобрала в себя все творческие порывы предков и теперь уже не мыслит существования без песни под аккордеон. Пишет стихи, песни, поет да приплясывает, заражая всех энергией, оптимизмом, жизнелюбием. Любит вспоминать, что дед, когда пускался в пляс, рукавицы надевал, чтобы руки не расшибить, а коль уж бабушка на одном конце деревни запоет, на другом ей откликнутся. Такой голос был.

– Оба мои дедушки лежат в братских могилах, – вздыхает. – Погибли, защищая родимую матушку-родину. И папка мой уходил на фронт безусым мальчишкой. Было ему всего шестнадцать. Вернулся инвалидом. Но всю войну не расставался со своей любимой гармошкой. Относился к ней так же, как к боевым друзьям.

А Иван Иванович хорошо помнит, как не сдержал слез, услышав песню дочери, посвященную своим родителям. А затем возвращается к разговору о коллекции. За жизнь свою много подержал в руках инструментов. Они у него по всему дому, как на выставке: и баян, и аккордеон, и гармони – самые разные.

Поглаживает их, именами нарекает.

– Они же, как люди, – улыбается. – У каждой свой характер и голос. Одна норовистая, другая поет нежно, ласково. Бывает, новенькая, а мне не нужна. Надо ведь в нутро заглянуть, поиграть, послушать. Стоп! Не та, не моя. А другую возьмешь – отзывчивая, и характер мой – полное взаимопонимание.

У каждой гармошки, что живет в доме Глебовых, не только свой характер, но и судьба, своя история. Как, впрочем, и у каждого солдата Великой Отечественной. Боль, слезы общие, но судьба все же своя, как и у Ивана Ивановича.

Говорят, если уж попала человеку в руки гармонь, он с ней никогда не расстанется, в каком бы возрасте это ни случилось. Что за привораживающая сила у этого инструмента? Одному Богу известно да, пожалуй, еще самим гармонистам. Таким, например, как Леонтий Сергеевич Капканов из Анжеро-Судженска.

Годков шестьдесят уж играет, а может, и дольше. Встанет утром рано и, если еще не держал в руках гармонь, сам не свой вроде как. И руки беспокойные. И на сердце тоска. С виду-то Леонтию Сергеевичу его года ни за что не дашь. Крепкий старик. И корову, и коня держит. Хоть и живет с семьей внука, к скотине никого не подпускает. Сам и корм задаст, и корову подоит, вычистит все. А уж коли с гармошкой в руках присядет, правнучата так и вьются вокруг. Светланка маленькая танцует, а братишка кнопки потрогать норовит. Деду, может, и беспокойно, однако в душе радостно: гармонь – это вам не магнитофон. Живая она в руках умельца.

О том, какой Леонтий Сергеевич мастер играть, рассказала мне его сестра Мария Сергеевна, с детства заглядывавшаяся на его ловкость. С ней мы и отправились в Анжерку попроведать заядлого гармониста.

Встретили нас гостеприимно и тепло. Однако сам-то хозяин засмущался, гармонь взял не скоро, да и о себе не слишком много разговоры вел. Человек он скромный, застенчивый. Но затем ни душа, ни руки не стерпели. И запела его звонкая гармонь, и беседа наладилась.

– Это бесполезный разговор, что в гармонисте особенного?

– Так первый парень на деревне. Гармонист...

– Гармонисты и сейчас кое-когда требуются, да мало их. Гармони не покупают. Учиться молодежь не хочет. Я вот себе хромку в Яе купил. Хоть бы один пацан подошел: как гармонь? Сколько стоит? Никого нет.

– Обидно?

– Еще как! А ведь за водкой очередь... Первую гармошку купил себе кое-как. Отец не стремился мне купить. Баловство, думал, наверное. Купил я двухрядку, русский строй. Потом на однорядку сменял. Учить некому было. Все сам. Да у нас народ веселый. Охота играть. Плясунов без конца было. Коль заиграешь. Кто не может плясать, зря не топчись.

В армию ребят брали. Всех провожал с гармошкой. Потом фронт начался. Всех мужиков провожал аж до следующей станции. Брата проводил до Новославянки.

Глядя на брата, тянулась к гармони и сестренка Мария. Только вот своего инструмента не было, потому наигрывала она украдкой. Всяк берег гармонь свою пуще глаза.

– Помню, еще девчонкой была, – вспомнилось Марии Сергеевне, – охота в клубе потанцевать, а гармони нет ни у кого. Ночью тихохонько взяла гармошку братову – и в клуб. Натанцевались, наигрались. Иду домой, а у нас свет горит. Я и заходить боюсь. С гармошкой ведь, а он не знает. Встала у столба. Жду, когда спать лягут, свет потушат. Застыла. Нет, думаю, до утра мне не достоять на морозе. Захожу, а у нас овечка окотилась, все с ягненком возятся. Ничего, так тихонько и занесла гармонь.

Своя гармонь у Марии Сергеевны появилась много лет спустя. Привезла ее из Одессы. Племянник подарил. Нынче в руки редко берет, настроения нет. Брат отчаянно спорит с ней:

– На гармони всегда играть надо. Тогда горе человека стороной обходит. И настроение поднимается. С народом посидеть, повеселить его – тоже талант. Каждый день хочется пальцы размять. Да ребятишки спят, шуметь нельзя. А не спят, так бегают, то ткнут не там, то заденут инструмент, то...

Насчет детей, правнуков своих, Леонтий Сергеевич, конечно, лукавит. Видела, какими глазами смотрел он на них, когда вокруг гармошки вились. Это же его самые верные слушатели и почитатели. А вот что в любое время не заиграешь, как бывалоче, до петухов еще, это уж точно. Спит народ в доме.

Сам Леонтий Сергеевич раньше всех по хозяйству хлопотать начинает. Живность его ему залеживаться не дает. А уж когда пустеет дом его (взрослые на работу, детвора – в садик), тогда уж руки к гармони сами тянутся. А в день знакомства нашего не забыли свои инструменты и гости. Как же иначе: чтоб к гармонисту да без гармони. Вот и звучали наигрыши вперемежку с разговорами, что велись в домике Капкановых за чаем.

– Отец слишком экономный был. Он куда попало не хотел деньги тратить. А вот брат Вася коня продал, а гармонь купил. Гармонь считалась целым состоянием. Кто корову на нее менял, не жалел, кто что. Соседу вон как гармонь покупали – всем селом. Мать никак не хотела. А у того мочи нет, играть охота... В клубе покойник лежал, он залез туда ночью и давай наигрывать при покойнике. Все село об этом говорило. Пошли к матери, мол, надо сыну купить инструмент.

Стоит собраться вместе гармонистам или просто людям, проведшим детство вместе, – столько воспоминаний, столько забавных историй посыплется. Тут уж успевай слово вставить или слушай не прерывая.

Прошло время, когда ласкали руки ту самую первую и самую что ни на есть дорогую гармонь. Теперь вон у Леонтия Сергеевича на чердаке шесть пылится, седьмая, как и положено, на почетном месте в доме, чтоб в любой момент зазвучать могла.

А с теми, что состарились от времени да сломались, расставаться все равно не намерен. Каждая близка по-своему, к каждой прикипел, все одно что к человеку.

– Буду бедный, буду в лаптях ходить, но гармошку не продам, потому как однажды по дурости продал. В комнату потом заходить не мог, будто друга предал. Как все равно после похорон. Мучился, мучился, пошел обратно вызволять. Ученый теперь.

Горько Леонтию Сергеевичу, что не было учеников у него, что не стремятся молодые к народным мелодиям. Однако не могло пройти бесследно для детей, внуков его вдохновение, одержимость деда. Да и не прошло. Вот и Светлана, внучка, сама не играет, но слушает с радостью. Как же иначе, на этой музыке ведь и росла.

Звучит гармонь в доме Капкановых. Звучит, и не стареют ее мелодии. Как бы хотелось, чтобы так и продолжалось. Сам ли Леонтий Сергеевич, гости ли его, как сегодня, а кто знает, может, и внучата, достанут с чердака с затертыми кнопками старенькие дедовы гармошки, стряхнут бережно пыль, отремонтируют, да и заиграют. Не может того случиться, чтобы замолкли в этом доме звонкие голоса прошлого и настоящего, голоса босоногого детства, голоса военного лихолетья и зрелой мудрости.

«Невелика мудрость – на гармони играть», – скажет кто-то. А вот искусного гармониста от посредственного сразу отличить можно. Гармонистов много. А мастеров далеко знают. Говорят, у настоящего гармониста гармошка песню, мелодию по буквам выговаривает. Каждую нотку в напеве отдельно слышно, а от мелодии не отделишь. У другого же все звуки в одно сливаются: и играет вроде шустро, а говорка у гармони не получается. И послушать такого гармониста не прочь, а огонька в его наигрыше, что в пляс зовет, нет. Много секретов у такой простой с виду гармошки. И не каждому человеку она раскрывает их. И здесь не только любовь, а и упорство необходимо.

Как умеет гармонь разговаривать, знает прекрасно слесарь кемеровского производственного объединения «Азот» Николай Иванович Сидихменов.

– Любовь к гармони пришла сначала к отцу. Он лучшим в районе был гармонистом. Я еще видел, как он играет. В 1943 году пришел отец с войны раненый и через четыре месяца умер. Памятью о нем осталась гармонь. Сперва к гармони стал привыкать старший брат Владимир, а потом так получилось, что я его обучал секретам игры.

Приедешь иной раз в деревню: стоит в клубе гармонь, а играть некому. Перевелись на селе гармонисты. Слыханное ли дело! Когда было так? Раньше на несколько деревень всех гармонистов по именам знали. А сейчас, бывает, долго думают, гадают: умеет ли кто в деревне гармонь в руках держать? Вот, к примеру, знаете, сколько гармонистов было когда-то в Александровке Ижморского района, откуда Николай Сидихменов родом? Тридцать пять гармонистов было. А почему я знал количество гармоней? Потому что всегда меня звали: пойдем, послушай, я купил гармонь сыну. Я иду, выслушиваю, а у себя галочку ставлю: еще появилась гармонь. Эти цифры у меня в голове откладывались.

Вот, пожалуйста, где вы сейчас такое село найдете, чтобы в нем тридцать пять гармонистов было? А к гармонисту в деревне отношение особое – почет и уважение. А сколько девичьих сердец они покорили, эти парни с гармошками, – и не счесть!

А у Николая Ивановича был такой случай, после которого долго он за гармонь не брался.

– Пришел я только из армии, меня попросили по старинному обычаю невесту какую-то высватать. При въезде в деревню тронул пальцами кнопки, запела моя гармонь «Саратовские переборы». После этой игры невеста взглянула на меня и сказала, что за гармониста замуж пойдет, а уж за жениха – нет. Представляете, что произошло? Я гармонь оставил, а сам в окно сбежал.

Когда собирался Николай Сидихменов в клуб на вечерку, вся деревня знала. Приходили и пожилые, переговаривались: сегодня Коля Сидихменов играть будет. А уж как отыграет он, другие за гармонь не брались. Все равно никто уж плясать не будет!

Скольких людей простая гармошка познакомила, подружила, объединила! Сколько смеха она слышала, сколько горя людского ведала! Те гармони, что с фронта в деревню привозили, и вовсе особенные. Дороже их не было. Погибал солдат-гармонист, а гармонь его никогда не смолкала, из рук в руки передавалась, хранилась бережно. Помните, как у Твардовского?

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно – гармонист.
Для начала, для порядку
Кинул пальцы вверх и вниз.

Позабытый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной Смоленской
Грустный памятный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь,
И кому какое дело –
Кто играет, чья гармонь.

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
Нет, какой вы все, ребята,
Удивительный народ!

Было так, было и по-другому. Николай Иванович частенько вспоминает, как побывал в гостях у бабушки своего товарища.

– У меня привычка была: в дом зайдем, глаза сразу гармонь ищут, есть ли в доме? Чаще всего гармони стояли в переднем углу. Под божничкой. И в этот раз там аккуратно гармошечка сложена была, салфеточкой накрыта. Старушка взгляд поймала: «Играю». – «Играете?» – «Возьми, поиграй».

Взял я ту гармонь, рванул меха, соскучился.

Надо бы радоваться, мне казалось, а бабушка отошла к печке и заплакала. Мне кусок хлеба подает, спасибо, мол, за игру. Потом внук ее пояснил, что заиграл я именно ту мелодию, что сын ее любил играть, а он погиб.

Прошли годы, Николай Иванович переехал в город. И любовь к гармошке вроде не стихала, а играть стал меньше. Может быть, так и утихла бы в нем страсть к этому замечательному инструменту (ведь гармошка в городе не то, что в деревне), если бы не свела его судьба с человеком, так же неистово влюбленным в этот инструмент.

– Я встретил замечательного человека на своем пути – Геннадия Ивановича Монакова. И все началось сначала, как было раньше. Занимались буквально до седьмого пота. Уже тогда переставали играть, когда пальцы заболят. И так каждый день. Потом стали уже меня приглашать на концерты. Начинал я с агитплощадки.

И в первый раз, когда я сыграл, было всего три зрителя. А потом зрителей становилось все больше.

Хоть и родилась гармонь не у нас, разошлась, изменилась, завоевала Россию в один миг. А обязаны мы этим, как ни странно, не музыкальным мастерам, а тульским оружейникам. Иван Сизов, мастер из Тулы, выторговал однажды на ярмарке у купца за немалые деньги игрушку заморскую – гармошку с пятью кнопками. Привез домой и, как подобает мастеру, тут же ее разобрал. Разобрав, увидел: ничего сложного в механизме этом нет. Когда это видано было, чтобы тульского мастера другой обошел? Изготовил Сизов свою гармонь, лучше той, что купил, и разошлись с его легкой руки гармоники по всей России. Да не просто так разошлись: каждый мастер ее перестраивал, переделывал под любимые мелодии своей сторонушки. В каждой области переиначивали и подлаживали гармонь под свои напевы. И появились саратовская, ливенская, череповецкая, елецкая, вятская– всех и не перечислишь.

Первая гармонь, что приобрел Сидихменов самостоятельно, была кустарного производства.

– Как выбирали? – спрашиваю.

– Кустарную гармонь не выбирают. Она, если тебе в руки попала, больше может не попасть, брать сразу надо.

– Наверное, и мастеров всех таких наперечет знаете, есть у нас мастера?

– В Горьковской области есть.

– И знаете, кто именно гармошками славится?

– Знаю. Мекишев Игорь Павлович, с младшим братом Николаем они делают.

– Наверное, хорошие мастера, коль даже в Кузбассе их знают.

– Очень хорошие. Я через гармонь с такими людьми повстречался! Василий Иванович Талаев мне напутствия давал. Замечательный гармонист. Он играет... и видит музыку. А мне советовал: огоньку побольше подбрасывай. Я с тех пор огонек тот в любом произведении ищу.

Ведет Сидихменов и своеобразный учет. Знает, к примеру, что за минувший год в Кузбассе две тысячи гармоней купили. Радуется.

Не замолкает чистый задорный голос этого инструмента. Кто знает, может, пройдут годы, и вернет гармонь себе не только былую славу, но и всеобщую любовь. И снова будут раздаваться над селами ее звонкие мелодии. Снова будут соревноваться в мастерстве сельские гармонисты. И ни в одном клубе не найдется гармони-молчальницы!

СВЕТЛИЦА

Никита ВИНОГРАДНИКОВ,
9 лет, шк. № 160, г. Тайга

Друг

Друг всегда спасает меня
И всегда со мною дружен!
И появится всегда
В тот момент, когда он нужен!
С другом можно помечтать,
В игры можно поиграть,
Поболтать о том о сем.
Я всегда уверен в нем!
Даже если разозлились,
Тут же сразу помирились!
С кем дорога в школу кажется короче?
С кем готов играть я до глубокой ночи?
С кем знаком я чуть ли не с рожденья?
Кто всегда поздравит меня с днем рожденья?
Кто же этот человек?
Это друг – Карлуша Берг!!!

* * *

Вова двойку схлопотал.
И сказал он маме:
Я пятерку получил...
Только вверх ногами.

Настя ПРИСАКАРЬ,
10 лет, г. Тайга

Двойка

Прозвенел звонок,
Начался урок.
Я урок тот не учил,
Вот и двойку получил.
Нерадивый ученик,
Лодырь и лентяй!
Коль не спрячу я дневник,
Будет нагоняй!

Снежок

Выпал беленький
снежок,
В гости заглянул
дружок,
Будем кататься
И снежком кидаться!
И не страшен
нам мороз,
Хоть давно уж
красен нос.
Мы ни летом, ни зимой
Не торопимся домой.

Людмила ШИШКИНА,
11 лет, шк. № 160, г. Тайга

Друг

Плечом к плечу.
Нога к ноге.
Шагаем с другом налегке.
Мой друг молчит,
Молчу и я.
Мы с ним отличные друзья!
Ему за ушком почешу,
Ему секреты расскажу,
А он помашет мне хвостом,
Лизнет мне руку, а потом...
Плечом к плечу.
Нога к ноге.
Пойдем мы с другом налегке.

Дождь

Небо плачет, обливая землю
круглыми слезами.
Капли, листья омывая,
ручейком бегут, стекаясь.
Я гуляю, я промокла, но домой не собираюсь.
Я упряма, я сердита,
я прогулкой наслаждаюсь.

У меня сегодня просто день унынья
и сомнений...
В круглых лужах капли скачут...
Я одна... а это значит,
Хорошо, что небо плачет.

Наталья БАСАЛАЕВА,
14 лет, шк. № 33, г. Тайга

Город Тайга

Есть на земле один город красивый,
Он от великой Москвы далеко,
Город Тайга расположен в Сибири,
И добираться сюда нелегко.
Нет пусть шедевров у нас знаменитых,
Чтим мы историю и стариков,
Улиц немало в Тайге именитых,
Названных в честь дорогих земляков.
Очень красивы просторы родные,
Краше тайгинских окрестностей нет!
В городе гнезда вьют птицы лесные,
С пением их мы встречаем рассвет.

Даша КАРПОВА,
14 лет, шк. № 33, г. Тайга

* * *

Смотри, как все проходит быстро!
Несутся люди – кто куда,
От жизни каждый взять стремится
Побольше в юные года.

Один другого не жалеют,
Душою не стремятся ввысь...
Зачем же люди так черствеют?
Кусочком света поделись
С тем, кто нуждается в тепле –
Не зря живешь ты на земле!

Светлана НИКОЛАЕВА,
14 лет, шк. № 33, г. Тайга

* * *

Кузбасс, тебе уж шестьдесят.
А это много или мало?
По жизни ты привык шагать,
И редко делал ты привалы,
Ты рельсами стальных дорог
Соединен со всей Россией.
Вновь слышу голос поездов,
Нагруженных углем и силой –
Той силой мастеров твоих,
Которые на трудных вахтах
Своих стоят – дневных, ночных,
И добывают уголь в шахтах.

Летний день

Мы идем купаться!
Наступило лето,
Ярко солнце светит,
Все теплом согрето.
Веточки деревьев
Шепчутся листвою,
Ласточки летают
Прямо надо мною –
Значит, будет дождик,
По домам пора!
Только не уходят
Дети со двора.

Ветеранам

Война...
Как много жизней
Эта злая тетка унесла,
Детей она отцов лишала
И отнимала матерей,
Морила голодом, дома сжигала...
Война, зачем ты мучила людей?
Спасибо нашим ветеранам –
Они на свете мир спасли!
За вашу боль, за ваши раны
Поклон вам низкий до земли!

Аня ГОРБУНОВА,
г. Тайга

Осенняя сказка

Знаю, жили давно
Далеко-далеко
Очень добрый Король
И дочурка его.
Тот Король был богат.
Лишь для дочери жил,
Потому что ее
Очень-очень любил.
А принцесса-то Осень
Была очень красива.
Рыжий волос и косы,
Не принцесса, а диво!
Вот однажды решила,
Что ей замуж пора:
«Отыщу себе мужа,
Не сходя со двора!»
И прекрасным ясным утром
К ней приехали князья.
Собрались в нарядной зале
Только близкие друзья.
Вот в красивом наряде
В зал принцесса явилась.
Сам Король вдруг подумал:
«Это все мне приснилось!»
Женихи онемели,
Речи дар потеряли,
Пять минут неподвижно,
Словно кони, стояли.
Все кругом удивились,
Потому что она,
Как звезда, вся сияла,
Жизни, счастья полна!
Ярко-красное платье,
Оголенные плечи...
Все три князя хотели
Ей сказать свои речи.
Вот выходит Сентябрь,
До земли поклонился,
И сказал: «О, Король!
В вашу дочь я влюбился!
Ах ты, милая Осень,
Выходи за меня!
Мы в печали не будем
Ни минуты, ни дня.
Деньги есть, есть и слава!
Я здоров и красив!»
Но принцесса молчала,
Лишь глаза опустив.
Вышел следом Октябрь,
В ноги им поклонился,
И к принцессе прекрасной
С речью так обратился:
«Здравствуй, милая Осень!
Князь Октябрь пред тобою.
Ты меня покорила
Зрелой чудной красою!
Пусть немного капризна,
Но капризы твои
Исполнять обязуюсь
Я, как будто свои!
Твои просьбы я буду
Исполнять вновь и вновь,
И, возможно, однажды
Заслужу я любовь!»
И в глубокой печали
Князь Октябрь удалился,
А к принцессе прекрасной
Князь Ноябрь явился.
И сказал Королю:
«Вашу дочь я люблю!
Она – вольная птица,
Пусть из нас выбирает,
Только пусть моим сердцем,
Как игрушкой,
Не играет.
Не играй с моей душою,
Я могу и разозлиться, –
Говорит Ноябрь злобно, –
Разрешите удалиться!»
Тут заплакала Осень:
«Извините, князья!
Вы мне все полюбились,
Будьте все мне друзья!
Не могу среди вас я
Мужа выбрать себе.
Не могу отказаться,
Князь Сентябрь, от тебя!
Не могу отказать я
И тебе, князь Октябрь,
И тебе, рыцарь ясный,
Славный мой князь Ноябрь!
Видно, жду я другого,
А он все не приходит.
Он жену себе ищет,
А меня не находит!»
Слезы горькие Осень
И сейчас проливает.
И своими слезами
Землю всю умывает.

Светлана ВАНЮШКИНА,
11-й кл. шк. № 33, г. Тайга

Одинокий нарцисс

На берегу у прозрачной воды
Никогда не цвели сады,
Не были растоплены счастья льды,
И были потеряны мгновенья любви.
Там одинокими казались цветы,
Деревья, травинки и даже кусты...
А у самой реки,
Где совсем ни души,
Стоял одинокий нарцисс без любви...
Стоял и молчал,
Одиноко скучал.
И, красою своею любуясь, мечтал,
Что когда-нибудь будет любим
Нежным взором, росою...
Ведь он же гордится красою,
Любуясь все время собою...
Он слишком был гордый...
Красивый...
Жестокий...
А также всегда одинокий.

Владимир ЕРЕМЕНКО

АПОЛОГИЯ ТЕАТРА

КУЗБАССКИЙ КОВЧЕГ 2003

Заметки о Первом православном театральном фестивале

Стало быть, не театр виноват

Н. В. Гоголь

С 3 по 8 ноября 2003 года в Кузбассе проходил Первый православный театральный фестиваль «Кузбасский ковчег». Семь российских театров приняли в нем участие. Это удивительное событие знаменательно еще тем, что ни в истории России, ни в истории Театра, ни, соответственно, в истории православия ничего подобного до сегодняшнего дня не было.

Фестиваль проводился под патронатом губернатора Кемеровской области А. Г. Тулеева и Архиепископа Кемеровского и Новокузнецкого Софрония, при поддержке Министерства культуры РФ и Союза театральных деятелей Российской Федерации.

Учредителями фестиваля стали администрация Кемеровской области, Кемеровская епархия, Кемеровское отделение Союза театральных деятелей.

К организаторам, участникам и зрителям Первого православного театрального фестиваля направили свои приветствия губернатор Кемеровской области А. Г. Тулеев, архиепископ Кемеровский и Новокузнецкий Софроний.

Первый православный театральный фестиваль «Кузбасский ковчег» приветствовал Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

Получена поздравительная телеграмма от председателя Союза театральных деятелей А. Калягина.

Семь российских театров в течение шести дней на театральных площадках городов Кемерова, Новокузнецка, Междуреченска показали девять спектаклей.

Кроме показа спектаклей фестивальная программа была весьма насыщенной: это и пресс-конференция участников фестиваля в день его открытия, каждодневные утренние круглые столы с обсуждением животрепещущих волнующих тем: «Театр и православная культура», «Русская сценическая классика и православная духовность», «Библейский текст в театральном спектакле»; и такие же каждодневные (вечерние) творческие гостиные, где каждый коллектив представлял визитную карточку своего театра, серьезно-веселые театральные капустники; это и экскурсии по достопримечательностям города и области, посещение богослужения в кафедральном Знаменском соборе и экскурсия по собору, поездка в храмовый комплекс г. Киселевска; это и праздничный прием руководителей театральных коллективов и организаторов фестиваля Его Высокопреосвященством архиепископом Кемеровским и Новокузнецким Софронием; это и заключительное заседание организаторов и участников фестиваля с выработкой Итогового документа.

Глубокое осмысление происшедшего события требует времени, которого у нас на фестивальной неделе было не так уж и много, но скажем всё-таки несколько общих слов о самом фестивале и конкретно о фестивальных спектаклях. Следует, однако, сразу оговориться, что подробного профессионального анализа спектаклей на фестивале не предполагалось по одной простой причине: фестиваль не имел в основе своей конкурсного, соревновательного начала, призовые места не присуждались и жюри как таковое отсутствовало. Кроме того, все спектакли, допущенные к участию в фестивале, по условиям фестиваля отсматривались прежде в видеозаписях членами оргкомитета, и таким образом осуществлялся отбор и определялся допустимый мировоззренческий и художественный уровень фестивальных спектаклей. И тем не менее на каждом из круглых столов, после каждого фестивального спектакля, хотя и в русле общей заявленной и обсуждаемой темы, возникали разговоры о конкретном спектакле, не говоря уже о кулуарных мнениях, что само по себе естественно и понятно. И, конечно же, в обсуждениях звучали не только дифирамбы в адрес фестиваля и конкретных спектаклей, но и глубокие критические замечания и интересные предложения.

По общему мнению участников круглых столов, зрителей, да и прессы тоже, наибольшее внимание фестиваля привлекли к себе, как и следовало ожидать, два московских театра.

Русский духовный театр «Глас» (художественный руководитель заслуженный деятель искусств России Н. С. Астахов, директор заслуженная артистка России

Т. Г. Белевич) представил на фестиваль спектакль по пьесе И. Экономцева «Китеж» в постановке Н. Астахова. Примечательно уже то, что автор пьесы, член Союза писателей России, член-корреспондент Российской академии образования, действительный член Российской экологической академии и Российской академии естественных наук Игорь Экономцев является в то же время священнослужителем Русской Православной Церкви – архимандритом Иоанном, настоятелем Высоко-Петровского монастыря, председателем Отдела религиозного образования и катехизации Московской патриархии, ректором Православного университета имени святого апостола Иоанна Богослова.

Такое удивительное промыслительно-благодатное соединение литературного творчества и пастырского служения Богу символично и для нашего фестиваля. Значит, Театр и Православие не столь разделены на самом деле, как может показаться на первый взгляд, если священнослужители пишут пьесы и благославляют их постановки на сценах. И это феномен не только сегодняшнего дня, а довольно распространенное явление, даже тенденция в истории христианства. Вообще, с первых веков своего существования христианство, хотя и резко противопоставило себя существовавшей тогда языческой культуре, тем не менее вступило с ней в диалог-спор, в борьбу за влияние на души людские, тем самым вырабатывая со временем христианскую культуру.

Средние века вообще отмечены удивительным соединением церковных и театральных усилий в деле просвещения людей. Религиозная проповедь театральными средствами – рождественские мистерии пользовались большим успехом, имели большую востребованность в народе. Наш святитель Дмитрий Ростовский (XVII в.), автор многотомного собрания «Жития святых», писал духовные пьесы, митрополит Тобольский Филофей (Лещинский) в самом начале XVIII века покровительствовал театральным постановкам семинаристов Тобольской духовной семинарии. Архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) в XX веке писал стихи и пьесы, утверждая христианский взгляд на мир и человека, считая искусство возможным подсобным средством в деле спасения человека. И таких примеров творческого содружества Церкви и Театра в деле восстановления в человеке образа и подобия Божия средствами искусства на сегодняшний день, уже и в XXI веке, привести, слава Богу, можно множество.

Так что уже сам факт существования спектакля по пьесе И. Экономцева «Китеж», которым и открывался наш Первый православный театральный фестиваль, говорит о многом. Отвечает на многие недоуменные вопросы. Развеивает ложные представления огульного отрицания Церковью Театра.

Мистическая драма «Китеж» – болевой сгусток представленной автором темы страдания и спасения человека на примере истории Руси. Этот крик-боль есть страстный поиск ответа на вопрос: как жить без Бога в душе? И обретение ответа – без Бога нет смысла жизни, нет самой жизни.

И, как следствие этого прозрения, – жертвенный, хотя, кажется, и запоздалый уже поступок главного героя князя Александра (артист В. Золотоног) во спасение погибающего Китежа. И даже убийца своего брата, князь Юрий (заслуженный деятель искусств России Н. Астахов), потрясенный видением своих грехов, ослепляет себя телесно, прозревая духовно. «И если глаз твой соблазняет тебя, вырви его: лучше тебе с одним глазом войти в Царство Божие, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную» (Мк. 9, 47.) Жертвенный подвиг Веры во спасение Отечества своего, ближних своих, а в результате и своей души есть главный смысл и пафос пьесы и спектакля «Китеж». России без Бога нет вообще – и это знать нужно во все века, всегда и всем, чтобы не терять себя для жизни вечной. Идея, несомненно, достойная для выражения всеми видами искусств и театрального искусства в частности. Простая же декларация ее может принизить и обесценить восприятие её. На наш взгляд (и это мнение многих участников первого круглого стола фестиваля), эмоционального восприятия этой главной идеи спектакля «Китеж», катарсического прозрения зрителя через сопереживание героям спектакля, к сожалению, не произошло. Вроде и много выразительных театральных средств было брошено на построение сцены прозрения и жертвенного поступка князя Александра, но читалась она тем не менее умственно, декларативно. Хотелось думать, что это разовый просчет и не во всем здесь вина только театра, что холодность зрительского восприятия была тому помехой, но сожаление по поводу эмоциональной «недотянутости» центрального события в спектакле оставалось, хотя и не перекрывало в целом большой радости от встречи с прекрасным коллективом и удачного начала самого фестиваля, того мощного духовного толчка, запева, зачина, который сообщил ему театр «Глас».

Эстафету «Гласа» подхватил и придал ей новые духовные и душевные силы театр Русской драмы «Камерная сцена» (художественный руководитель заслуженный деятель искусств России М. Г. Щепенко, директор заслуженная артистка России Т. Н. Баснина) спектаклем по пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович». Это был, наверное, самый тонкий и изящный по актерской игре и режиссерской выстроенности театральный спектакль фестиваля. Здесь потрясало всё: от актерского исполнения роли царя Фёдора Иоанновича самим руководителем театра М. Г. Щепенко до наивного, казалось, учебного приёма выстраивания и перестановки мест действия с помощью театральных кубов.

Игрой в традиционном театральном понимании исполнение роли царя в спектакле М. Г. Щепенко не назовешь. Это было именно **исполнение** в самом высоком смысле этого слова. Не вхождение в «шкуру» персонажа, не проживание роли как жизни другого человека, а сопереживание ему, или, говоря терминологией самого М. Г. Щепенко, **сочувствия** персонажу. Эта манера исполнения отличается от двух известных всему миру актерских техник, так называемых «театра переживания» и «театра представления». И вместе с тем её в полной мере, может быть даже в большей, чем в вышеназванных театрах, можно отнести к **игре.** Подобная манера исполнения роли позволяет свободно выстраивать в духе душевно-телесную жизнь персонажа, не смешиваясь с ним. Более того, позволяет органично-естественно дополнять исполняемый образ своим личностным жизненным опытом человека-актера-творца, не опасаясь насилия над воплощаемым образом, коренного искажения его.

Спасает **сочувствие.** Предложенная манера исполнения не отвергает театральных законов, но дополняет, досказывает их. Вспоминается евангельское: «Не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5, 17.) Здесь место для многих теоретических размышлений об актерском методе М. Г. Щепенко, теоретически декларируемом им в своих статьях и практически демонстрируемом на сцене. Нам же достаточно пока указать на плодотворность явленного метода. Торопимся лишь поделиться радостью и большим духовным наслаждением, полученными от игры М. С. Щепенко в исполнении роли царя Федора, от великолепного исполнения роли царицы Ирины (заслуженная артистка РФ Т. С. Баснина), от удивительного актерского успеха артиста А. Савченко (Борис Годунов) и игры всего актерского ансамбля.

На протяжении всего спектакля, особенно с выхода царя Федора, зритель не переставал (и не уставал) с большим интересом наблюдать живую жизнь на сцене, не упуская при этом развивающейся главной мысли спектакля. Образ царя Федора Иоанновича вырастал на глазах в образ крепкого духом Святого, мягкого (до смешного) во внешних выражениях. Именно такие они – святые, думалось на спектакле. На таких людях стоит Россия, ими крепится, а не хваткими до власти, жесткими борисами годуновыми. И да простят мне создатели спектакля, если я в русле их же размышлений-рассуждений договорю, как мне кажется, недоговоренное ими. Мне подумалось, что в двух-трех местах в роли царя Федора Иоанновича можно было на мгновения более обнажить твердость его характера, представить на краткие миги богатыря духа, непоколебимо укоренённого на камне Веры – Христе. Тем более пьеса это предполагает, и я не разделяю «похвалу» прессы столичной и кузбасской, говорящей о «нетрадиционной трактовке образа царя», – как раз **традиционной** в самом лучшем, правильном, понимании – прочтении этого классического драматургического произведения. Хотя если понимать под «традиционным» толкованием пьесы и образа царя толкование советского периода, тогда, конечно, этот спектакль – нетрадиционный. А образ царицы Ирины в правильно традиционном смысле истолкован – просвечен актрисой Т. С. Басниной, что говорится, «до донышка», поднят до самого высокого эмоционально-смыслового христианского звучания. Её любовь к супругу и забота об Отечестве переданы с такой простотой и трепетной нежностью, что, думается, лучше этот образ и не исполнишь.

Учебные, от бедности, казалось, классные кубы, несут в спектакле также большую смысловую нагрузку, ярко и эмоционально выраженную.

Все эти замедленные (в рапиде) перестановки кубов создают образ приведенных в движение земных пластов, отражающих духовное трясение государства Российского, образ прошлых, настоящих и будущих смут России. И это (мысль сразу обращается ко вчерашнему спектаклю) роднит духовно два таких, казалось, эстетически разных театральных коллектива, как «Глас» и «Камерная сцена». Тем более что и здесь, в «Царе Федоре Иоанновиче», речь заходит о граде Китеже. Будто Промыслом Божиим, а так оно и есть, выстраивается наш фестиваль.

Следующий фестивальный день (5 ноября) представлен сразу тремя спектаклями.

Детским спектаклем – сказкою театра Русской драмы «Камерная сцена» по пьесе Ю. Авериной «Два Мороза» на сцене областного театра драмы, спектаклем Новокузнецкого театра кукол «Сказ» по повести Н. В. Гоголя «Нос» на своей сцене и спектаклем «Китеж» Русского духовного театра «Глас» на сцене Новокузнецкого театра драмы.

Рождественская сказка-фантазия «Два Мороза» (постановщики – засл. деят. искусств России Михаил Щепенко, засл. арт. России Тамара Баснина) – добрый детский спектакль, интересный и взрослым, на темы русских народных и русских литературных сказок и пьес. Тема Любви и жертвенности во имя Любви – основной мотив сказочного представления. Праздничная, радостная, веселая и грустная до слез, колыбельная, православная, домашняя атмосфера повествования. Ненавязчиво чувствуется, что искренне любящие детей родные люди поставили этот спектакль. И зритель, большой и маленький, «битком» заполнивший театр, благодарен им за эту Любовь.

Гоголь, раз начавший быть на русской сцене, будет на ней до конца. Велик и неисчерпаем его художественный талант, непоколебима его вера, крепка его проповедническая сила.

Новокузнецкий театр кукол «Сказ» (директор

А. А. Разуков, главный режиссер засл. деятель искусств Республики Крым Ю. А. Самойлов) представили на фестиваль комедию-фантасмагорию по повести Н. В. Гоголя «Нос» (художник-постановщик В. Осколков). Режиссер-постановщик Юрий Самойлов обращает внимание на то, что название повести «Нос» читается, наоборот, как «Сон», и это становится дополнительной краской к постановке, ее режиссерским приемом. Но сколько в этом «веселом» сне страшной яви. Искаженной русской действительности. Искаженного человека. Нос уходит от своего владельца, оставляет его «с носом», обманывает, бросает, искажает его и живет своей отдельной страшной, непонятной для человека жизнью. Целое, человек, подпадает под власть части своей. Искаженный образ Божий мучается и не понимает, почему так все происходит? А Носы царствуют... Грустно жить на этом свете, господа... Вот такая «комедия»... Постановщики, актеры обращаются к зрителю с наболевшим вопросом: как пробудиться от этого сна?..

А вечером этот же вопрос уже на сцене Новокузнецкого драматического театра опять повторял-задавал своим спектаклем «Китеж» Русский духовный театр «Глас». И отвечал на него – служением Родине своей, Богу, сохранением в непорочности души своей, следованием Правде в большом и малом.

Только тогда человек может очнуться от страшного кошмарного сна и обрести спасение. А иначе...

Жалко лишь, что на фестивальных спектаклях в Новокузнецке было так мало зрителей и почти не было среди них прихожан храмов и священнослужителей, в отличие от спектаклей, проходящих на кемеровской сцене.

Об этом и печалились на очередном круглом столе участники фестиваля, учитывали недоработки, делали выводы.

Четвертый день фестиваля (6 ноября) был днем Омского городского театра «Галёрка» (основатель и бессменный художественный руководитель заслуженный артист России В. Витько), представившего спектакль по пьесе Д. Аверкиева «Фрол Скабеев» (режиссер-постановщик С. Илюхин, г. Санкт-Петербург). Праздничное яркое действо, святочные гулянья, прекрасный актерский ансамбль во главе со своим художественным руководителем, великолепным актером Владимиром Витько. Прекрасно общее постановочное решение спектакля, напористо, динамично все его движение. Но что же тревожит душу, что мешает ей полностью отдаться этому празднику? Ответ прост – не принимает душа, которая по меткому выражению Тертуллиана, «по природе своей христианка», этого нехристианского праздника. Противится, не желает, не хочет в нем участвовать. Все эти «святочные» гулянья, переодевания, гульбища, драки, воровской увоз невесты, женитьба без родительского благословения, все эти весело означенные действия, вынесенные в подназвание спектакля как жанр его, – не её праздник. Но, может быть, мы наблюдаем как раз на сцене горькую насмешку над самими собой, окаянными, живущими вопреки заповедям Божиим и считающие это праздником? Ведь и сценография об этом вроде вопиет: поваленный набок справа живописный православный каменный храм, на заднике – в серых облаках в глубине скорбящая Богоматерь с младенцем на руках, а по центру сцены – то ли лобное место, плаха, то ли стол-качели, трансформирующиеся то в святочную горку, то в храмовую паперть – интересное художественно-постановочное решение, художник В. Луник. Вроде укор гуляниям, осуждение даже, ведь творится-то беззаконие: главный герой гуляний, плут Фролка Скабеев, бесчинствует, а у него – все так лихо, весело, на пользу ему, плуту, получается! Может быть, эти удающиеся плутования призваны вызвать у зрителя обратную, отрицательную к ним реакцию, может быть, они провоцируют зрителя на возмущение плутом и на справедливое горькое обобщение: мало ли плутов благоденствуют в этом мире? И тут как тут готов ответ для зрителей в виде главной идеи: сами виноваты, что так живем. Потакаем плутовству других да в себе плутов и лелеем! Может быть, в этом обличительный пафос спектакля? Нет, не обличает спектакль Фрола Скабеева. Он пытается его оправдать. Правда, через покаяние. А покаяние наступает после того, как плут вдруг обнаруживает, что неожиданно всерьёз влюбился. Ну тут бы и нажать постановщикам на покаянный мотив, да нет его в сюжете. Продолжает Фрол крутить и «дожимать» родителей на прощение своими хитростями плутовскими. И не спасает положение праведный гнев стольника Нардина Нащокина, опозоренного родителя увезенной Аннушки, прекрасно сыгранного В. Витько. И родители сдаются. Прощают родители не грешника, покаявшегося по-христиански, а плутовство плута. А мать Аннушки даже посмеивается над происшедшим, похваливает находчивого молодца. И веселою песнею заканчивается спектакль.

Что ж, сплошь и рядом бывает так. Может, это идея?

Выбирай, зритель, что хочешь, а я не знаю. Знаю только, что трудно незаложенное в пьесе глубокое покаяние сыграть. Уж больно плутовской роман-первоисточник у этой пьесы, так называемая древнерусская повесть XVШ века «Фрол Скобеев».

Она – сплошная насмешка над христианской моралью и не спасает положение, что главный герой у Д. Аверкиева сменил фамилию (опять сплутовал), заменив букву «о» на «а», но не стал другим человеком, просто более тонко стал плутовать. Черного кобеля не отмоешь добела. Пьеса страдает плутовской наследственностью повести и, соответственно ей, спектакль. Прекрасный, талантливый коллектив играет не то, что

он думает, что он, по словам своего художественного руководителя, хотел бы сыграть. Спектакль – похвала плуту.

Что ж, так бывает.

И это, к сожалению, правда.

Может быть, в этом – непредполагаемая и неожиданная для постановщиков, актеров и зрителей идея спектакля?

И потому – повалена церковь, и потому – скорбит Богородица.

И потому, что всё это в общем-то про нас, окаянных, потому мы, члены огркомитета фестиваля, и взяли этот спектакль на фестиваль.

И еще потому, повторимся, что коллектив «Галёрки» – действительно талантливый, прекрасный, настоящий театральный коллектив.

«Это театр братьев и сестер, – пишет про них известный русский писатель Владимир Крупин. – Они создали крепость, они защищают театр. И держат ее. И дай Бог им силы и мужества».

И мы со своей стороны надеемся, что именно такие живые, ищущие, талантливые коллективы при взятой ими на вооружение высокой духовной христианской цели оправдывают в конце концов перед Богом и людьми театральное искусство.

Следующий фестивальный день (7 ноября) отмечен двумя спектаклями: спектаклем по пьесе А. Н. Островского «Не было ни гроша, да вдруг алтын» Прокопьевского драматического театра (главный режиссер В. С. Захаров, директор Л. И. Купцова) на сцене междуреченского Дворца культуры и библейской истории «Исход» Иркутского академического драматического театра имени Н. П. Охлопкова (художественный руководитель Г. В. Шапошников, директор засл. работник культуры РФ А. А. Стрельцов) на сцене областного театра драмы.

Будто продолжая тему «Фрола Скабеева», другая Анна, жена Крутицкого из спектакля «Не было ни гроша...», горестно восклицает по поводу бессмысленной жизни и страшной кончины своего мужа: «Мало христианства-то в людях...».

Как актуально это восклицание и на сегодняшний день. Недуг стяжательства приводит Крутицкого к самым печальным последствиям. А сколько ещё других опасных ловушек подстерегает непросвещенную душу, сколько бед влекут за собой безобидные на первый взгляд искушения. Тревога за человека, христианское отношение к жизни, поиск Истины волнуют создателей этого спектакля – режиссера-постановщика Виктора Захарова и актерский коллектив театра, потому и акцентирована так ярко эта фраза в спектакле. Премьерный спектакль этого сезона «Не было ни гроша, да вдруг алтын» не первое обращение театра к драматургии А. Н. Островского. Долгие годы с неизменным аншлагом шли на сцене Прокопьевского театра спектакли по его пьесам «Лес», «Бедность не порок», «Свои люди – сочтемся». К кому, как не к классику русской драмы, обращаться за ответами на вопросы: как жить, что считать главной ценностью в жизни?

Спектакль «Исход» Иркутского академического театра – это, по большому счету, попытка возвращения Театра к его истокам. Ибо вся культура в конце концов вышла из религии, и возвращение к ней является оправданием её. Возвращение не только к темам религиозным самим по себе, но и религиозным мировоззренческим позициям самих авторов, художников, постановщиков, актеров. Этот спектакль еще и глобальное возвращение к главному выразительному театральному средству – слову. А в данном случае еще и к Слову Библейскому – самому высокому, Откровенному Слову на Земле. Обращение к столь высокой «драматургии», к самим Священным текстам достойно всяческого уважения. И трепета. И страха.

Здесь, в принципе, должно замереть в молчании всяческое перо, тем более перо критика, дерзающего что-то добавить, поразмышлять и покритиковать художника, прикасающегося в своем творчестве к столь Высокой Реальности. Но сам художник – творец, прикасаясь к Этой Реальности, говорящий, толкующий о Ней, может не только милостью Бога восхищаться на Небеса, тем самым свидетельствовать о них, но и по мере греховности своей ошибаться в толковании Слова Божия.

И здесь мы также в меру греховности своей и Милости Божией имеем право размышлять о толковании художника, спорить и даже не соглашаться с ним.

Спектакль «Исход» (постановка, сценография, костюмы, музыкальное оформление Артура Офенгейма), на наш взгляд, это спектакль о тяжелой судьбе еврейского народа, о его страданиях даже до сегодняшнего дня. Это не спектакль о каждом из нас, о нашем выходе из личного рабства грехов к чистоте и свету, как толкуют его некоторые критики. Такое понимание, повторяюсь, на наш взгляд, соответствует пониманию самих Священных текстов, но не спектакля иркутян. Этот спектакль, по нашему пониманию, не рассказ о всех людях на Земле, призванных к Спасению и спасаемых Богом через спасение Израиля, через повествование для всех нас о его Исходе. Этот спектакль даже не рассказ о спасении самого Израиля. Это, повторяемся, рассказ о тяжелой судьбе еврейского народа до сегодняшнего дня. Эта сквозная режиссерская мысль ярко и точно выражена в некоторых весьма прозрачных аллюзиях спектакля, хотя бы в часто повторяемой мизансцене «Стены плача». Будто не спас Моисей свой народ из плена греха, будто не вывел его на пространное свободное место, будто не пришел вслед за Моисеем обещанный Мессия и не исполнил Закона.

В православном понимании Ветхий Завет, по слову апостола Павла, есть «детоводитель ко Христу» (Гал. 3, 24).

В спектакле этого толкования нет.

В спектакле, в его толковании книг Ветхого Завета, нет Христа.

Он еще не пришел.

Мессия ожидается.

И такое понимание Священного текста Ветхого Завета имеет место быть и оно есть. И это понимание – позиция сегодняшнего иудейства.

Это не позиция христианства.

И нам важно это отметить с одною лишь целью обозначения двух кардинально разных существующих пониманий Священных текстов.

Зрителю выбирать, какое понимание ему по душе, и ему же выбирать аргументы, оправдывающие свою позицию.

Со своей стороны скажу лишь, что с православной точки зрения спектакль создает тяжелое впечатление безысходности Исхода, которое не создается при чтении Священных текстов Ветхого Завета.

Движение мысли спектакля – однообразное движение по горизонтали, не по вертикали.

И даже движение по кругу.

Будто нет цели у этого движения, кроме как скорби по поводу самого этого движения.

Отсюда и художественное однообразие спектакля – интонационное и мизансценическое.

Отсюда и полное отсутствие действенного развития спектакля.

И вместе с тем художественная сторона спектакля вызывает желание говорить о нем. Соглашаться, не соглашаться, спорить, что есть в конце концов творческий разговор, естественная для художника атмосфера.

Шестой день фестиваля (8 ноября) был днем Кемеровского ордена «Знак Почета» областного драматического театра имени А. В. Луначарского (главный режиссер Е. Ю. Ланцов, директор Ю. К. Штальбаум).

Был показан спектакль по пьесе Марии Ладо «Очень простая история» (режиссер-постановщик Евгений Ланцов, художник Владимир Авдеев). Яркий, эмоционально запоминающийся весёлый и грустный спектакль. Зритель и все участники фестиваля по достоинству оценили и постановку, и актерскую игру. Больше других спектаклей, наверное, он вызвал живой отклик на главную тему, затронутую в нем: животные по чистоте своей ближе к Богу, чем человек. Но и к этому спектаклю (точнее, к пьесе) были критические претензии. Например, почему свинья с крылышками? Что это – сентиментальное фэнтази или православное понимание загробного мира?

Много вопросов к этому и другим фестивальным спектаклям не освещено нами в заметках. Закономерен, например, вопрос: почему всё же спектакль «Исход» и другие, критикуемые в статье спектакли, были представлены на православном театральном фестивале?

Во-первых, мнение одного-двух членов оргкомитета не мнение всего оргкомитета, а во-вторых, и это самое главное, кто знает, как повлияет опыт участия в православном театральном фестивале на его участников? Не прибавит ли он веры художнику маловерующему, не утвердит ли художника ищущего на камне веры православной, не обратит ли Милостью Божией неверующего в верующего, как это часто случалось на протяжении всей истории христианства?

Приведем лишь один пример.

Один из лицедеев IV века, осмеивая христиан (это было во время царствования императора Юлиана-отступника), вошел в воду и, произнося крещальную формулу христиан, призывая имя Пресвятой Троицы, трекратно погрузился в воду и вышел из нее... истинным христианином. Благодать Божия осенила его, и он из неверующего стал великим христианским подвижником.

За обличение царя в вероотступничестве в 361 году в Ефесе он принял мученическую смерть. Память Святого мученика Порфирия празднуется Православной Церковью 28 сентября по новому стилю.

В Сербии есть Международный театральный фестиваль его имени.

В 2000 году Русский духовный театр «Глас» был удостоен награды этого фестиваля.

Апология (оправдание) Театра...

Кем и за что оправдывается и порицается Театр?

Кто ответственен за него?

Художник ответственен перед Богом и людьми за свои таланты.

Как он распорядится ими?

Направит во Благо или во зло?

Потому ни сам по себе Театр, ни сам по себе талант, ни сама по себе любая творческая способность человека, не являются добром или злом, но все определяет свободный выбор человека, свободная позиция художника, выявляющая его как личность, познающую Истину, или же индивидуальность, отворачивающуюся от познания Совершенства, Истины, Бога и довольствующуюся только самовыражением себя в искусстве.

Не Театр виноват.

Потому так уместно повторить здесь проникновенные слова о Театре Н. В. Гоголя из его книги «Выбранные места из переписки с друзьями»:

«Церковь начала восставать противу театра в первые века всеобщего водворения христианства, когда театры одни оставались прибежищем уже повсюду изгнанного язычества и притом бесчинных его вакханалий. Вот по-

чему так сильно гремел противу них Златоуст. Но времена изменились. Мир весь перечистился сызнова поколеньями свежих народов Европы, которых образованье началось уже на христианском грунте и тогда сами святители начали первые вводить театр: театры завелись при духовных академиях. Наш Дмитрий Ростовский, справедливо поставляемый в ряд святых отцов Церкви, слагал у нас пьесы для представления в лицах. Стало быть, не театр виноват. Все можно извратить и всему можно дать дурной смысл, человек же на это способен. Но надобно смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали. Театр ничуть не безделица и вовсе не пустая вещь, если примешь в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа, ни в чем не сходная между собой, разбирая по единицам, может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно много сказать миру добра».

И еще одну высочайшую мысль высказывает в этой статье Гоголь – то, что искусство должно быть незримой ступенью к христианству. «Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служит незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению».

Со своей стороны и Церковь, в принципе, не отгораживается от творческих способностей человека (в том числе и театральных), а высказывается в защиту их, «если творчество способствует нравственному и духовному преображению личности». В своих «Основах социальной концепции» Русская Православная Церковь официально заявляет: «Светская культура способна быть носителем благовестия... Это относится к разным видам творчества: литературе, изобразительному искусству, музыке, архитектуре, театру, кино».

Апология Театра...

Многие теоретики и практики Театра всей силой своего таланта, вдохновенным служением Благу и Истине оправдывают Театр перед Богом и людьми.

И, наверное, о многом говорит то, что в 2003 году заслуженный деятель искусств России, художественный руководитель Русского духовного театра «Глас» Н. С. Астахов был удостоен награды Русской Православной Церкви – ордена Святителя Макария, митрополита Московского III степени «За деятельность в области театрального искусства». Это первая церковная награда на поприще русского театра.

Театр, возглавляемый Н. С. Астаховым, исповедует давно уже высказанные его художественным руководителем три принципа православного театра: неискаженно исповедовать со сцены истины Православной Веры, члены театра должны быть воцерковленными православными христианами и третье – каждый спектакль должен быть не просто проповедью христианства, но проповедью христианства именно средствами театрального искусства, то есть через художественный образ эмоционально потрясать сердца людей.

Вот почему спектаклем этого театра мы открывали наш фестиваль.

Незабываемы и такие немаловажные детали: весь коллектив театра, прибывший рано утром из Москвы 2 ноября в воскресенье, присутствовал на Божественной литургии в кафедральном Знаменском соборе города Кемерова, и в день отъезда (9 ноября) руководители его так же были на литургии в Знаменском соборе. Прощаясь с нами, организаторами фестиваля, в храме Н. С. Астахов сказал: «Я чувствую ответственность перед зрителями Кузбасса, хочу вскоре приехать сюда на гастроли со всеми нашими спектаклями».

Милости просим.

В заключение скажем несколько слов об истории (теперь уже истории) создания фестиваля.

Идея создания фестиваля принадлежит артисту областного театра драмы Олегу Кухареву. Он ее родил, он ее вынянчил, он ее вместе с другими организаторами, как говорится, поставил на ноги.

Желание всколыхнуть, как считалось нетеатральный Кузбасс, зрело давно. Духовной энергии ежегодного областного фестиваля «Кузбасс театральный» для пробуждения творческой активности драматургов, постановщиков, зрителей, на его взгляд, казалось недостаточно. Требовался больший размах, больший масштаб, более высокое качество.

В 2002 году мысли о постоянном Всероссийском театральном фестивале в Кузбассе начинают волновать с новой силой. Чем привлечь театральную элиту в забытый, казалось, Богом Кузнецкий край? Во многих городах страны есть свои театральные фестивали со своим индивидуальным запоминающимся лицом.

В чем может быть своеобразие нашего фестиваля? Ко многим обращался Олег Сергеевич с этой идеей. Этакий глас вопиющего в пустыне. Обратился и ко мне, автору этих строк, и к Борису Гробовецкому, человеку активному, с прекрасным организаторским талантом. Инициатива нами была поддержана. Нас потом так и стали называть – «инициативная группа». Началась совместная разработка идеи, поиск единомышленников. Кто серьезно относился к идее, кто напрочь отметал ее. Что может хорошего произойти в Кузбассе, этом сырьевом придатке страны, колонии, где сухие протокольные цифры свидетельствуют о неутешительной картине: в области 7 процентов людей с высшим образованием,

11 процентов – со средним. Какие идеи?! Какое лицо?!. Какой театральный фестиваль?!. Нью-Васюки!..

И тем не менее, а может быть, благодаря этой неутешительной картине, к нам почти сразу пришло понимание, что настоящее своеобразие фестиваля, в декларации его православного мировоззрения, сосредоточении внимания на утверждении средствами искусства непреходящих, абсолютных, христианских ценностей. Само собой выходило, что фестиваль должен называться «Православный театральный». Но ведь такого еще нигде не было!

Да, но в то же время мы и искали своеобразия.

Но ведь не столь кардинального, – время от времени пугался кто-нибудь из нашей инициативной группы, смущаемый мнениями со стороны. Что это за Православный театральный?! Церковь вообще против театра! Ладно еще – христианский театральный, или фестиваль церковных театральных коллективов (скажем, театральных коллективов воскресных школ), или фестиваль духовных театров.

Стоп!

Духи бывают разные. «Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1. Ин. 4, 1). Под вывеской духовного и шаманы, и теософы, и откровенные сатанисты могут претендовать на участие в фестивале.

Нет, только – Православный театральный.

Но что такое православный театр?!

Это же нонсенс.

Оксюморон.

Небывальщина.

Не то что театра, но и просто спектаклей с ясной православной тематикой и четкой мировоззренческой христианской, постановочной позицией днем с огнем не сыщешь!

Хотя почему нет?

Московский театр «Глас».

Московский же театр Русской драмы «Камерная сцена».

Другие театральные коллективы и отдельные постановки, о которых мы знали, с некоторыми руководителями которых мы были знакомы и которые по разным причинам не смогли участвовать в нашем фестивале.

Значит, есть.

Значит, можно.

Значит, мы на правильном пути.

Идея постепенно начала открываться во всей своей полноте. Не просто своеобразное лицо фестиваля вырисовывалось, но и проявлялась ясная, конкретная, положительная идея, оправдывающая перед Богом и людьми сам Театр, саму театральную деятельность вообще.

Но еще полгода потребовалось в утверждении правильности, реальности и уверенности в возможности осуществления задуманного.

Чувствовалась насущная необходимость теоретического обоснования понятия «Православный театр» и других, сопутствующих ему понятий.

И между нами, сторонниками этой идеи, шли разговоры ни много ни мало как о пересмотре самой театральной системы. Мы размышляли о возможной канонизации режиссерского и актерского искусства, о воцерковлении театра.

И здесь нам подливали масла в огонь статьи наших коллег-единомышленников, решающих эту же проблему, заслуженных деятелей искусств России Н. С. Астахова и М. Г. Щепенко.

Но разговоры эти, сами по себе полезные, несли и скрытую опасность. Стали появляться искусительные мысли: не пытаться практически осуществлять задуманное, пока не изложим всю идею теоретически, пока не обоснуем понятия «православный театр».

А идея фестиваля буквально витала в воздухе.

Своевременность Православного театрального фестиваля не только осознавалась многими театральными деятелями, но и уже конкретно формулировалась. Например, в своем выступлении на VII Международных Рождественских образовательных чтениях в январе 1999 года в Москве М. Г. Щепенко произнес: «Наш театр «Камерная сцена» выступил с инициативой проведения на его площадке фестиваля детского православного спектакля».

Куда уж конкретнее?!

Но и они, как на этой же конференции сказал Михаил Григорьевич, остановились в некотором недоумении перед тем, что нет однозначного взгляда на то, что такое православный спектакль

Поддержка идеи была получена. Стоять долго в размышлении было нельзя. Мы не то что духовно, душевно, мы физически ощущали: если идея у нас не осуществится сегодня, завтра она осуществится в Екатеринбурге, Ярославле, Тобольске. С Тобольском мы вообще попали в самую точку.

Накануне фестиваля, перед самым его открытием, директору Кемеровского областного театра драмы Ю. К. Штальбауму (он же – исполнительный директор фестиваля) позвонил его коллега, директор Тобольского театра, и чуть не плача заявил: «Опередили вы нас! Ещё бы несколько месяцев, и не вы, а мы с инициативой такого фестиваля выступили!». И не мудрено с тобольским-то традиционно уважительным отношением к театральным постановкам семинаристов.

Наконец, утвердившись в понимании театрального фестиваля именно как Православного театрального, ощущая поддержку не только людей искусства, но и священства и получив благословение Владыки, Олег с Бо-

рисом прошли все административные инстанции нашего города. К первой обратились за помощью к заместителю главы города Федоровой Ирине Федоровне.

И получили поддержку!

Дошли до заместителя губернатора Свиридовой Ирины Альбертовны.

И опять – стопроцентная поддержка!

Правда, всякие острые вопросы были.

Например, а не обидятся ли мусульмане, почему власти поддерживают православный, а не мусульманский или какой другой фестиваль?

Мы отвечали, что не против самого по себе мусульманского фестиваля, если они захотят, обоснуют и смогут его организовать. Хотя логичнее такой фестиваль проводить все-таки в Казани, где население в большинстве своем исповедует ислам, чем в Кемерове. Да и вообще в России, где 80 процентов крещены в православии, негоже смущаться богоугодными делами, тем более что православие не исповедует агрессии против других религиозных конфессий и потому именно они мирно (а порой и не мирно) сосуществуют с православием в России на всем ее историческом бытии и пространстве.

Губернатор идею поддержал.

Вообще, следует в очередной раз отметить, что в нашей области удивительная гармония светских и духовных властей, и это заслуга именно наших руководителей, что отмечают по всей России, губернатора и Владыки.

Губернатор идею поддержал, но потребовалось ещё полгода хождений, согласований, распоряжений, прежде чем наконец в июле 2003 года собрался первый организационный комитет по проведению фестиваля.

В состав оргкомитета по подготовке и проведению Первого православного театрального фестиваля «Кузбасский ковчег» вошли: заместитель губернатора Кемеровской области И. А. Свиридова (председатель оргкомитета); руководитель отдела религиозного образования и катехизации Кемеровского епархиального управления протоиерей Николай Сергиевский (заместитель председателя оргкомитета); начальник департамента культуры областной администрации В. И. Бедин (заместитель председателя оргкомитета); директор Новокузнецкого драматического театра Н. П. Анищенко; председатель правления Союза писателей Кузбасса Б. В. Бурмистров; председатель Кузбасской торгово-промышленной палаты Б. К. Гробовецкий; доцент Кемеровской государственной академии культуры и искусств В. С. Ерёменко; директор Кемеровского областного театра кукол, заслуженный работник культуры Я. Ф. Зверянский; председатель правления Кемеровского отделения Союза театральных деятелей РФ, народный артист РФ П. И. Карпов; консультант департамента культуры АКО Г. М. Колодчук; директор Прокопьевского драматического театра Л. И. Купцова; артист Кемеровского областного театра О. С. Кухарев; директор Кемеровской областной филармонии Л. В. Пилипчук; директор Новокузнецкого театра кукол А. А. Разуков; заместитель главы администрации города Кемерова И. Ф. Федорова; профессор КемГУ Л. А. Ходанен; заместитель начальника департамента культуры АКО, заслуженный работник культуры РФ Л. М. Храмова; директор Кемеровского театра драмы Ю. К. Штальбаум.

Юрию Карловичу оргкомитет поручил быть исполнительным директором фестиваля. Весь груз по организации фестиваля сразу лег на его плечи. Следует особо отметить, что подобные мероприятия подготавливаются за год-полтора-два, а никак не за два-три месяца, которые оказались отпущенными для практической подготовки фестиваля, но и этого времени оказалось достаточно его исполнительному директору, чтобы все осуществить на самом высоком уровне. Чего это стоило, знает, пожалуй, только он сам да еще коллектив театра, который как принимающая сторона великолепно справился со всеми возложенными на него обязанностями.

Наконец фестиваль состоялся.

И хотя он проводился в рамках празднования 60-летия Кемеровской области и 10-летия Кемеровской епархии, но духовное его значение выходит далеко за пределы этих временных и географических рамок. Событие, случившееся на Кузбасской земле, имеет гораздо большее значение, что и отмечается в Итоговом документе фестиваля.

«Фестиваль «Кузбасский ковчег», являющийся событием исторического значения, должен расширить свои границы и получить статус Международного Русского Православного театрального фестиваля, – отмечается в документе и предлагаются конкретные шаги в этом направлении. – Мы предлагаем в рамках продолжения идей фестиваля «Кузбасский ковчег» организовать конференцию «Эхо фестиваля «Кузбасский ковчег» в Москве», которая призвана стать фундаментом для данного начинания. Конференция может пройти в рамках XII Рождественских чтений в Москве в январе 2004 года».

Первый Православный театральный фестиваль начал свое плавание.

Куда нам плыть?

Организаторы и участники фестиваля дали ответ на этот вопрос в самом начале фестиваля. На торжественном его открытии. Ответ был декларирован вполне конкретно: на Свет! К Тебе! Домой!

Курс, оправдывающий Театр, намечен.

Ковчег плывет.

В добрый путь, фестиваль.

С Богом.

ВСЕРУССКІЙ СОБОРЪ

Наше апостасийное время поражает крайним экстремизмом сил, низводящих само понятие человечности. После распада СССР у тех, кто давно вынашивал планы уничтожения великой России, веками по промыслу Божьему удерживающей мир от вселенской катастрофы, создалась иллюзия вседозволенности и безнаказанности. Но ни у кого не должно быть сомнений: Россия жива и будет жить, пока жива Русская Православная Церковь и великий русский язык, собравший в единую семью народы для освоения гигантского пространства от Бреста до Камчатки, от северных льдов до среднеазиатских песков. Вместе с тем границы России пролегают повсюду, где есть Дух Божий. В грандиозном мировом русском рассеянии таится великая сила России, взывающая к объединению на основе непреходящих ценностей русской культуры. Одна из главных целей «ВСЕРУССКОГО СОБОРА» – пробуждение соборного самосознания русского народа и всех народов государства Российского для возвращения к вере отцов, к соборным формам управления.

Материалы, публикуемые в Международном литературно-художественном журнале «ВСЕРУССКІЙ СОБОРЪ», отвечают новым тенденциям, утверждающим идеи державного созидания, необходимые российскому обществу. Они могут найти применение как основа при составлении учебных программ и пособий для духовных школ нашей страны и зарубежья, а также для оказания помощи работникам образовательных учреждений в учебном предмете «Православная культура».

Журнал помогает изучению новейшей русской литературы и искусства. «ВСЕРУССКІЙ СОБОРЪ» – это журнал нового поколения, вобравший в себя все лучшее из периодических изданий дореволюционной России и советского периода. Традиции многовекового объединения народов России и патриотического воспитания находят свое продолжение в творчестве авторов, публикуемых на страницах издания. Эти публикации отвечают «Программе патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» (Постановление Правительства РФ от 16.02.2001 г. № 122).

Мы намерены помогать власти в укреплении авторитета армии, в усилении союза церкви и государства, в патриотическом воспитании молодежи. По нашему мнению, власть должна действовать на основе закона, но прежде всего нравственного закона на основе заповедей Божиих. Редколлегия будет отстаивать право преподавания в школах желающим Закона Божия.

Главный редактор журнала – известный петербургский поэт Андрей Ребров (его стихи публикуются ниже.).

Братья и сестры, с нами – Бог, за нами поколения наших предков, отстроивших великое государство, не посрамим Земли Русской, будем соборно трудиться на благо всех народов России и каждого человека, явившегося в мир во славу Божию.

В XX веке наша страна пережила величайшие испытания, они и до сих пор не закончились, но в эти тяжелые времена, впервые после первохристианских, был явлен миру сонм святых новомучеников, в земле российской просиявших, в наше время мироточат иконы и свершается чудо возрождения православной Руси... Вот почему это обращение мы хотим закончить словами святого флотоводца адмирала Федора Ушакова: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России...»

Редакция журнала,
г. Санкт-Петербург

Андрей РЕБРОВ

Река родного языка

...безродный лепет
князь великий Дмитрий
не разобрал бы в той железной сече...
Ю. ШЕСТАКОВ. Засадный полк

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое –
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговою –
Как прежде – вражии полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет,
течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка –
Сродни Непрядве после битвы.

* * *

Клокочет море в камышах
За каменной губою,
И кровь шумит в моих ушах,
Как вечный гул прибоя.

Но слышу, время, как в тебе
Суставы жизни – при ходьбе –
Скрипят от юрской соли,
И на прокушенной губе
Я ощущаю вкус скорбей
И первородной боли.

Знать, просолила наши дни
Навечно боль людская.
Не оттого ль вода морская
Крови клокочущей сродни?

* * *

Под небесным омофором
Зарно светятся снега.
На далеких косогорах,
Будто маковки соборов, –
Золотистые стога.

Так и ждешь, что величаво,
В лепоте былинной славы,
Вдруг взойдет из-под снегов,
Как заря былых веков,
Древлий город златоглавый.

И над вотчиной той дальней
Запустелого села,
И над всей многострадальной
Русью нынешней, пасхально
Возгорятся купола,
Возгудят колокола.

Ксения Блаженная

Смолк гомон городской.
В ночи разносит ветер
Гуденье фонарей, горящих надо мной,
И я спешу во храм –
в звучащем этом свете –
На дальний ясный звон,
на тихий огнь свечной.
И, временной предел душой одолевая,
Я вижу в звонной дали вековой,
Как вдоль Смоленки
Ксения,
сияя,
Идет в юдольной мгле по мостовой.
Грядет,
сквозь годы,
в образе бедняцком,
Всю Русь вместив
В ладонях – на груди.
И я спешу,
спешу,
но не угнаться –
За ней,
идущей тихо впереди.

Мария ШИБАЛОВА,
11-й кл. шк. № 12, г. Кемерово

«НАДО ЧАЩЕ УХОДИТЬ В ЛЕСА...»

(Тема леса в поэтическом сборнике И. Киселева «Под солнцем и ненастьем»)

В 2003 году Игорю Михайловичу Киселеву исполнилось бы 70 лет... Как хочется, чтобы его поэзия, так необходимая нам, сегодняшним, была по-настоящему востребована; чтобы «трепещущее слово» Поэта, «сиянью звездному сродни», дождалось встречи, «обещанной и давней», постучалось к нам в души; чтобы люди, близко его знавшие, успели рассказать о Певце, что он

Лукавую дудочку выстрогал
И песню по свету пустил..;

чтобы прекрасные мгновенья, остановленные им в удивительных стихах, утратив «привкус горечи», навсегда остались «во власти вечного волненья»; чтобы человек пришел к человеку:

– Дай-ка я с тобой поговорю!..

«Среди иных чудес...»

А все же есть на свете
Среди иных чудес
Обыкновенный ветер,
Обыкновенный лес, –

как бы выдохнул Поэт в одном из наиболее близких мне стихотворений «А все же есть на свете...». И замолчал... И вошла в комнату так любимая им Тишь-тишина:

Ни звука кругом, ни движенья,
Все смолкло вблизи и вдали...

И околдовала меня, заставив задуматься, почему же «обыкновенный лес» – это чудо. Что в нем необычного? Какими стежками-дорожками можно добраться туда? Перелистываю страницу за страницей поэтического сборника Игоря Киселева «Под солнцем и ненастьем» (как будто бы это мне тихо говорит Поэт: «Переверни страницу, переверни страницу...») и сквозь плач природы, пенье березы и звезды слышу проникновенный голос лирика: «Пустите, люди! Отворите души! Вы слышите? – Я в души к вам стучусь!..» В его лес можно попасть, лишь отворив душу. А там уж как придется: дорогой, что «пролегла под солнцем и ненастьем», крутой тропкой, «ослепшей» тропинкой, заросшей тропой, «древней и тайной»... Это «призрачный лес», из которого не хочется уходить:

Господи, что это был за лес!

Манит к себе «наполненная светом» березка, с «чуткой кожей», беззащитная, «неизреченная», уронившая «нам в ноги... свою первую желтую брошь», а еще две, в черном сосняке, «такие хорошенькие», величаво кивают мне «золотыми кокошниками русских королев», чаруют ели со стекающим «с ресниц» зноем; зовет «сосна корявая, вся в бронзовой синеве»; изумляют «задохнувшиеся черемухи»... Да и сама я уже задохнулась от этого великолепия первозданного, и хочется крикнуть вместе с Поэтом:

Был бы лес певучий, как легенда,
И не надо радости иной!

И этот лес, такой реальный и такой «обыкновенный», рождает необыкновенное вдохновение не только у самого Поэта, но и у всех «умеющих удивляться», больных лесом, оглушенных им.

«И прикоснувшись музыкой...»

«Лес оглушил» своим оркестром, без которого он не будет восприниматься миром гармонии. Музыка леса... Музыка вообще способна раскрыть самые глубокие, самые тонкие оттенки чувств, мыслей, настроения. Она может потрясти, растревожить, успокоить, заставить радоваться и переживать. Это неиссякаемый источник мудрости, красоты и познания. Лес в стихах Игоря Киселева звучит то «тихим голосом клавесина» – «далеким скрипом сосны», то «нежной жалобой рожка» – «жалобой кукушки». Давайте вслушаемся в гармоничные отзвуки его радостей и скорбей:

Как слышится в лесу!
Заполнив чашу с верхом,
Мчит эхо на весу
По веткам, как по вехам.
Далекий скрип сосны
Доносится с опушки,
И жалобы кукушки
Прозрачны и ясны...

Пчела, «в траве запутавшись», гудит, поет береза, шуршат листья, рыдают журавли, звенит листопад, «соловей из чащобы» свистит, «плещут крыльями гуси», струится вода из родника – прозрачная и ясная музыка леса захватывает настолько, что, позабыв обо всем, оказываюсь за инструментом:

Как пишется в лесу! –
Лес, приглушив гуденье,
С листа прогнав осу,
Дарует вдохновенье.

И пробуждается... музыка во мне.

Александр Казаркин в этюде об Игоре Киселеве «Магия слова» отмечает, что «форма почти каждого стихотворения о природе – тихая Песня». Его песня «В лесу» дарует прозрение; «чудо природы выше всех чудес. В ней поэт ищет спасенья. Но не бегство это, а поиск гармонии и веры». Аллитерация (здесь: повторение согласного звука [л]) усиливает выразительность поэтической речи:

Как дышится в лесу!
Как льдинки горлом льются,
Как будто пьешь росу
Из блещущего блюдца.
Слеза или хрусталь,
Следы насквозь промокли.
И даль в слезах,
И даль
Сквозь слезы, как в бинокле...

Благодаря этому «плавному» [л], каждое слово «В лесу» стремится слиться с музыкой. Она окрыляет речь, делая более взволнованной. В одной небольшой строфе стихотворения трижды пролились слезы – вся «даль в слезах», но не слезы горечи и разочарования, а слезы боли по утраченному, вернее, тому, что может быть утрачено, если не вдохнуть полной грудью в лесу, не услышать, не написать, не поверить. В более позднем стихотворении Игоря Киселева «Мы закрутились в долгой карусели...» не пролилось ни одной слезинки, но это по-настоящему песня – стон души Поэта:

И, к зову леса становясь все глуше,
Мы редко слышим – странная напасть –
Как потихоньку стонут наши души,
Все суше и беззвучней становясь.

Я попробовала положить его на музыку, ведь «Мы...» – своеобразное продолжение стихотворения «В лесу». И не смогла. Мой инструмент молчал.

«Дышу тишиною...»

В стихах о лесе в сборнике «Под солнцем и ненастьем» тишина прозвучала, если я не ошибаюсь, четырнадцать раз. У Игоря Киселева она и «жаркая», и «глухая», и «голубая».

Его лес живет, чаще в конце лета, осенью и только предчувствует приближение зимы, может быть, поэтому, когда «дни сжимаются, ночи удлиняются», тишина вдруг приобретает и цвет.

«Голубую тишь» обрушивает на лес снег – голубой цвет – цвет Неба и мышления. Бесконечна сибирская зима – о многом можно подумать в наступившей тишине, «замыкаясь в себе и в себя». Для леса погружение в себя – норма:

А лес – он дождем занавешен,
В себя глубоко погружен,
Осенен и все-таки вешен,
И все-таки праздничен он.

Но, увы, не для нас. Мудрости подчас не хватает, «голубой тиши» зимнего леса.

У Игоря Киселева тишина не только беззвучие, молчание:

К березкам, к чуткой коже их притронусь –
Они замрут, молчание храня.
Их беззащитность и неизреченность,
Как давний долг мой, мучают меня.

Но и дар:

А еще подарили
Тишину и печаль...

И свет:

...дни осветились медленно и долго,
Как в озере притихшая вода...

И музыка:

Серебряно дрогнули травы,
И замер, заслушавшись, лес...

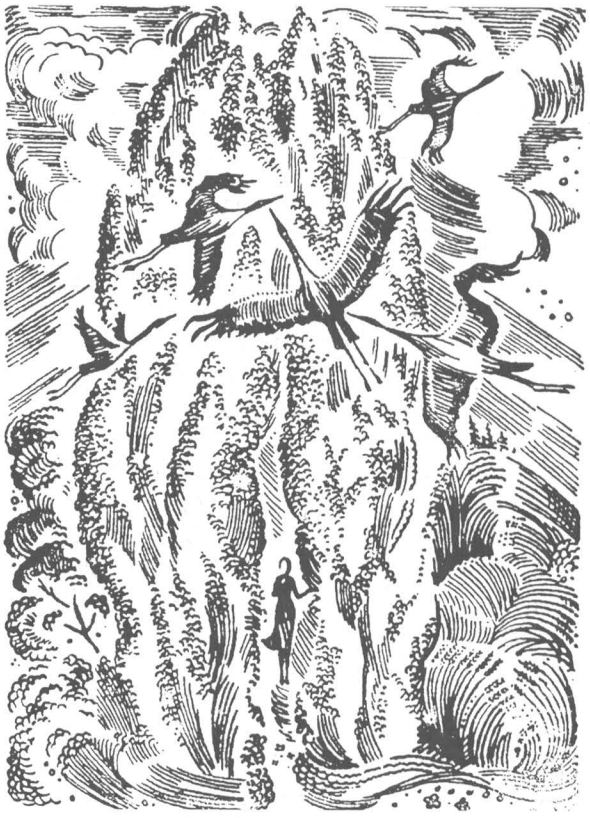
Ее видят, слышат, принимают.

Он художник!

Как хочется в лесу
Не уходить из леса!

«Лес» Игоря Киселева не отпускает меня и своей живописностью. Он художник! Его кисть – перо, краски – слова, холст – листок бумаги. А какие прекрасные полотна созданы этим поэтом-пейзажистом, в палитре которого преобладают два цвета: голубой (синий) и золотой (бронзовый, багровый, охра, желтый), как на иконе, где излюбленными красками иконописцев были охра, багор, золото, киноварь, символизирующие Божественный свет, – и голубой – цвет Неба и чистоты.

В сборнике «Под солнцем и ненастьем» золото рассиявшегося солнца буквально хлынуло в лес («золотая пчела», «молний желтые штыки», «золотой костер мгновенья», «багровая туча», «эта осень внахлёст охрой кроет березы»...), а небо растворилось в «ночи за окном», мгле, в «речки... хрустале», росе, погоде, «плене пруда»... В некоторых же строфах стихов Игорь Киселев соединил оба цвета – Солнца и Неба – в единый пленительный образ осени:

Тогда была такая осень –
Вся золотая иссиня...

Иоганн Вольфганг Гете когда-то сказал, что «цвета действуют на душу: они могут вызывать чувства, пробуждать эмоции и мысли, которые нас успокаивают, печалят или радуют».

Палитра Игоря Киселева помогает мне выстроить мостик между земным и небесным, прикоснуться к Вечности, воспринимать Природу как храм. Лишь однажды Поэт окрасил лес холодным – лиловым цветом, когда по нему шли охотники, шли убивать:

А утром снова, снова,
Когда во тьме ни зги,
Колеблют лес лиловый
Железные шаги.

Отношение к конкретному событию через цвет просматривается в поэзии Игоря Киселева. Так, «серые листья» одевают «деревья в больничном саду» рядом с «серыми домами корпуса». Здесь же возникает впервые в сборнике образ зеленого леса – символа надежды, символа жизни.

«Зов таинственный и властный...»

И я устал ходить по кругу
В холодной сырости ночной,
К большому дереву, как к другу,
Прижался мокрою спиной.

Оно со мной шепталось сонным
И не давало мне упасть,
Своим спокойствием зеленым
Со мной доверчиво делясь.

«Зеленое спокойствие» – это то, что обретал Поэт, уходя из города («от круговерти бешеной») в «плен клейких листьев», в лес, «зеленое сиянье» которого дарило ему вдохновение. Лес лечил, жалел, возвращал любовь, дарил рифмы:

Они [леса] зовут нас ветками, цветами,
Невнятными ночными голосами,
И в этом всем нуждаемся мы сами,
Но понимаем это не всегда...

А надо чаще уходить в леса...

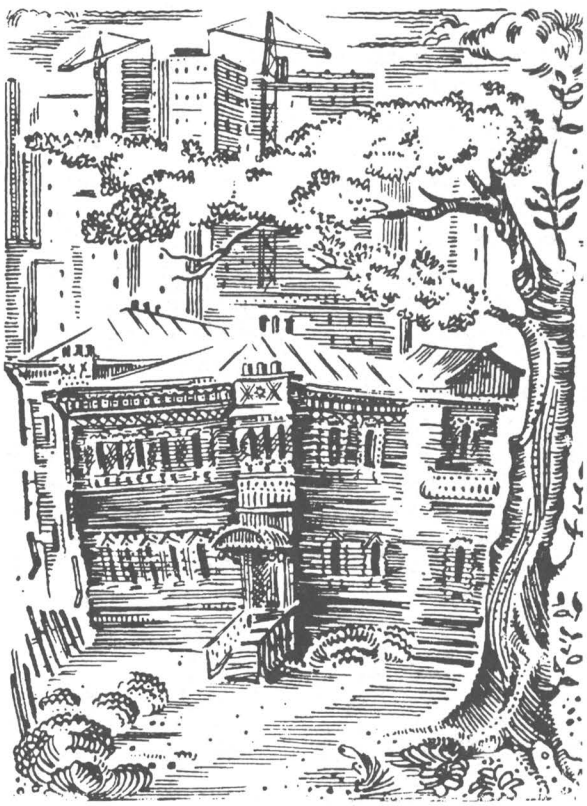
Лирический герой Игоря Киселева – человек, ощущающий себя «частью деревьев и звезд, и воды», «и леса, и птиц, и травы», не устающий удивляться всему, из чего соткан многообразный мир, гремящий «за четырьмя стенами»: «каплям редких звезд», «листьям-ладоням, полным росы», «непрошеной гостье» пчеле, идущим по траве деревьям, ветру «без царя в голове», гусям, плещущим крыльями в родниковой воде... Сочувствие, сострадание, сопереживание – нравственные истоки его поступков. Он готов утешить плачущую природу сам, может тихо попросить об этом нас:

Пойди, утешь их [леса]...
Ты ведь сам из травы, из леса...

Он способен перевоплощаться в «ветку клена», «птицу, летящую к реке», в «тысячу хрупких травинок», задыхающихся без дождя:

И вот, что случилось однажды:
Под солнцем в июльской пыли
Внезапно я вздрогнул от жажды,
Почувствовав жажду земли.

Я сбился с ослепших тропинок,
Бессильной тоской исходя,
И тысячью хрупких травинок
Я ждал, задыхаясь, дождя...

Как гармоничен мир, в котором живет поэт; если кто-то умирает от жажды – должна пролиться дождем гроза, чтоб

Каждый стебель,
Каждый лист
Влагой свежей
Налились.

Лирический герой Игоря Киселева живет, постоянно ощущая «смутную тревогу», что долгими ночами не дает ему уснуть, и он, эту

Тревогу затая,
Боль с выдумкой мешая,

«не знает, где его беда, а где – чужая»... Как часто неудовлетворен собой:

А ночью, словно заверенье,
Что только я всему виной,
Приснилось мне стихотворенье,
Так и не найденное мной...

С горечью Поэт произнесет однажды:

А мне казалось, мне казалось,
Что рядом шепчутся стихи...

Нет, они не «таились», «не шептались», а полнозвучно заявляли о себе чудными образами. Так, облака у него то блистали «могучей снежной вершиной», то плыли «слепые», предвещая беду, то резвились «в синем плену пруда». Поэт окружал себя облаками, как книгами, они его «владенья». И как, вероятно, вкусна вода «из родника, когда в нем тонут облака»! А как завидуешь мальчикам, ловко прыгающим «босиком по облакам»!

Ни в одном поэтическом сборнике не довелось прочитать столько росистых (или росных?) стихотворений, сколько в небольшой книжке «Под солнцем и ненастьем». Ночь (а именно это временной образ чаще всего возникает в сборнике) – время напряженных раздумий, тревоги, творчества:

...Час одиночества нужен
И травам, и птицам, и мне.

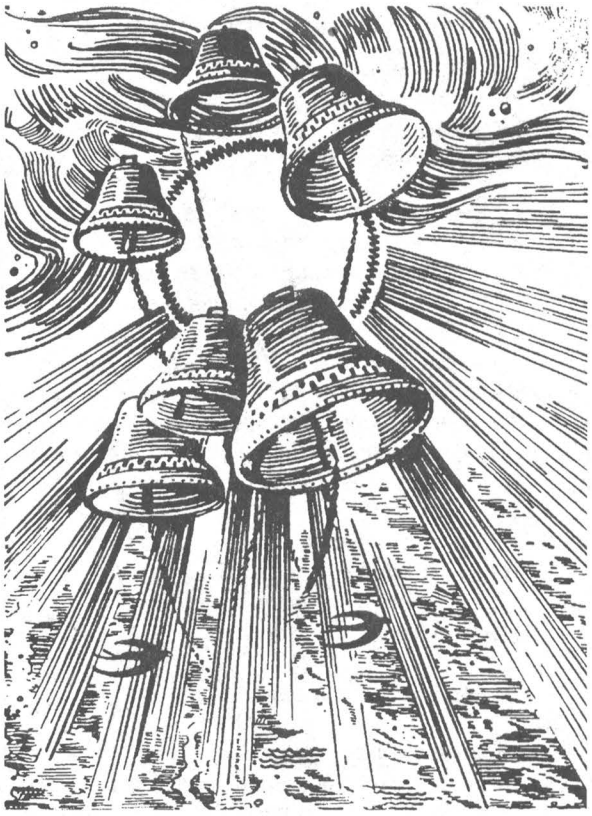
Но наступает утро... Роса («невыносимо синие подвески») является предвестником рассвета:

Как будто это
В ливне света,
С востока бьющего стеной,
В окно тянулась вся планета,
Чтоб поздороваться со мной.

И я уже в росе шагаю,
И помыслы мои чисты...

Прозрачная, чистая вода росы питала поэзию Игоря Киселева.

Росою синею – Россией
Тропа заросшая вела...

Он не уставал бродить по родине, любя ее
...всякую – землю,
По которой ходить довелось,

благословляя сильную доброту и добрую силу, благодаря за жизнь! Он все шел вперед, потому что постоянно слышал «зов таинственный и властный самой Поэзии», оставляя за собой в стихах «все то, что дышало» в нем:

Как дерево к радуге тянется,
Как радугу клонит к земле.

В тексте использованы иллюстрации к книгам Игоря Киселева, сделанные художником Василием Кравчуком.

Владимир МАЗАЕВ

СМЯТЕНИЕ ПЕСЧИНОК...

Как поэт, прекрасный лирик, романтик, Игорь Киселев живет в моей памяти прежде всего двумя строгими принципами. Их он придерживался не в словесных дискуссиях, а в своих стихах.

Первый – что сила поэзии не столько в пресловутом знании жизни (знающих жизнь – море), сколько в воображении (в умении мыслить образами).

Второй – что редкостные, загогулистые слова ищет тот, кто пытается говорить о чувствах, которых не испытывает. Примерно так.

Именно такие поэты, как Игорь Киселев, создавали и создают сегодня силовое поле нашей поэзии.

С ним мы однажды прожили памятную мне неделю на знакомой таежной пасеке в предгорьях Кузнецкого Алатау. Стояли золотые дни сентябрьского лета. Тайга купалась в радуге красок. Я ведь бывал здесь и прежде, вроде пригляделся уж. Игорь же, напротив, смотрел на все, изнемогая от эмоций. То увидит голубой отлив кедрача. То услышит лиловую тишину гор по горизонту. Вдруг заметил: белка спускается по дереву, изящно кружась вокруг ствола. Остановился, шепчет мне: «Я разгадал, это она обеспечивает себе кругозор безопасности!» – и сам радуется, как мальчишка.

А то еще – ушел к ручью с ведерком воды принести, долго что-то не было. Спрашиваю: что случилось? Ответ помню до сих пор? «Изучал смятение песчинок на струе за камешком!» – Ну, а вода-то где? – Он растерянно качнул пустое ведерко и, смущенный, – снова к ручью.

Моя главная задача на пасеке была добыть на ужин пару рябчиков, а Игорева – натопить к вечеру баньку. Парились мы в ней каждый божий день. Возвращаюсь как-то без добычи, вижу: на макушку пихты сел круглоголовый дятел. И я непроизвольно, движимый темным каким-то рудиментом (разбуженным неудачной охотой, что ли?), приостановился и выстрелил. Было метров сто пятьдесят, не меньше, попасть малокалиберной пулей в такую мелкую цель, да еще навскидку, практически невозможно. Но сработал закон подлости. Остывший от лихого выстрела, стоял я потом над мертвой птицей и спрашивал себя тупо: черт побери, зачем?..

Вечером, разомлевший на банном полке, признался в этом Игорю, ну вроде покаялся. Мне казалось, «покаяние» мое он пропустил мимо ушей...

Через год у него вышел сборник «Ночные реки». В нем обнаружил я стих «Дятел» (мне он его не читал, даже не показывал). Я поразился тому, как жалкая моя, вскользь брошенная сквозь банное облако фраза о загубленном дятле дала толчок стихам, где придуманные детали, «подробности» заклубились вдруг (выражаясь нонешним языком) аурой невыдуманных и столь пронзительно-щемящих чувств.

И, как водится, ни одного «редкостного» слова, языкового выверта.

...и с тех пор – скажи на милость! –
тяжкий грех в душе несу,
будто что-то изменилось
в этом сумрачном лесу...
На рассвете, на закате ль,
иль в полдневной синеве –
все я вижу: бьется дятел
на испуганной траве...

Теперь могу признаться, это истинная правда.

А было-то вроде всего ничего – лихой выстрел, запоздалое сожаление...

г. Кемерово

Валерий ПЛЮЩЕВ

ГРАДУС ПРАВДЫ

Пару лет болтался в Интернете текст нашего земляка Вячеслава Миронова. Наконец нашлись добрые люди и выпустили написанное под типичным мемуарным заглавием «Я был на этой войне» в московском издательстве «Библион». На крышке книжного переплета локализующий время действия подзаголовок: «Чечня, год 1995». Книга за короткое время нашумела и в стане критиков, и среди любителей качественной прозы.

Автор написанного о первой Чеченской кампании Вячеслав Миронов родился в 1966 году в Кемерове. Здесь же, в нашем областном центре, прошел свои «университеты» в Кемеровском военном командном училище связи, откуда выскочил свежеиспеченным лейтенантиком. В порыве отчаяния и рефлексии после очередного кровавого грозненского эпизода он откровенничает: «...одно и то же долбаное (когда на кону самая высокая цена – жизнь и пули свистят на самом деле, а не как в песне, пожалуй, и не такими словами можно вспомнить свою альма-матер. – *В. П.*) военное училище закончили мой отец, младший брат отца, мой тесть и я – идиот». Целая военная династия получается, которую Миронов намерен оборвать. Сына посылать на бойни, регулярно и неотвратимо происходящие вчера, сегодня и завтра на пространстве громадной некогда державы, он не намерен ни за какие коврижки.

Офицер Миронов послужил в Кишиневе, Кемерове, Новосибирске. Хлебнул лиха в горячих точках – дважды ранен, контузий не счесть. Наконец написал книгу о первой чеченской войне. Кто только не пытается ныне отметиться в этой горячей теме. Только генеральские воспоминания разлетаются стаями, что говорить о журналистах? Можно ли, по большому счету, верить многому из написанного? К тому же, как хорошо известно, очень часто мемуары высоких военных начальников «ваяют» на потоке литературные «негры». Книга «Я был на этой войне», созданная российским офицером, пока, можно сказать, единственная в своем роде – это роман-исповедь непосредственного участника, который ходил в атаку, отстреливался в обороне, выбирался из окружения. Этому источнику можно доверять.

При чтении отчего-то часто вспоминается бессмертный образ офицера-труженика войны в классической русской литературе – капитана Тушина. Многие воевавшие отдали дань жанру воспоминаний про ту, далекую от нас Отечественную. Иначе и быть не могло: грамотные военные, к коим относилось офицерство царской армии, рассказали о наполеоновском нашествии. Каждый дал свою собственную, индивидуальную версию, в результате получилась панорамная картина и пережитого народом, и блистательных побед над двунадесятью языками.

По примеру ратных предшественников, умеющих и воевать, и перо в руке держать, наш нынешний «товарищ капитан» с русской фамилией Миронов (удивительное совпадение фамилий и воинских званий с беззаветным служакой, для которого честь превыше всего, капитаном Мироновым из Белгородской крепости в «Капитанской дочке») создал свое произведение о пережитом и увиденном. Автор сплавил мемуарный жанр с художественным произведением – трудно отчленить, что происходило на самом деле, а что домыслено на основе услышанного от товарищей по оружию, что досочинено.

Хорошо известно, что такого накала события пробуждают дремлющие пласты подсознания у непосредственных участников. Причудливые картины, мифы, религиозные и прочие архетипы сознания так и рвутся из глубоких психологических тенет на поверхность. Литературный талант (русский человек, как известно, талантлив) позволил автору приручить на бумаге пестроту действительности и воображаемое. Результат – книга с высоким градусом неразбавленной правды, удивительная по энергетической мощи и силе, проза яростная, горькая, жестокая и страшная.

Почитать иных горе-писак, если не сказать резче, так вся наша армия сплошь одебилела – одна черная дедовщина. Тогда откуда берутся патриоты и герои, несущие тяжкий груз ратных дел? По черной логике, нет патриотизма, нет геройства и самопожертвования. И не должно быть. Но мы-то знаем, что народ не растерял этих качеств, как кое-кому ни хотелось бы этого. Наш автор работает на благородное дело укрепления фундамента народной уверенности в своих силах.

У Миронова завораживающий литературный стиль. На протяжении четырех с лишком сотен страниц, с самых первых и до последних строк, написанное держит читателя в плену. Вот самое начало: «Бегу. Легкие разрываются. Замучила одышка. Бежать приходится зигзагами, или, как у нас в бригаде говорят, «винтом». Господи, помоги...» Только про-

пустивший через себя боль собственную и невероятные страдания товарищей, переживший гибель друзей и простых мальчишек-солдат, неоднократно умиравший и возрождавшийся к жизни может рассказать так ярко и с такой убедительной силой.

Капитан-писатель разбивает написанное на главы, но деление это, скорее, условное: действие мчится без временных перерывов, то убыстряясь, то чуть замедляясь на размышлениях, рефлексиях главного героя и оценках событий.

О Чечне, повторюсь, наговорено воз с тележкой. Разного: надуманного и правдивого. Но вот открываешь страницы рассказа нашего земляка – непосредственного участника событий, и буквально столбенеешь от шоковой информации. Взять тот же национальный вопрос. Политики, интернационалисты всех мастей и окрасов в поте лица упражняются в умиротворении, лишь бы не разбудить «национального зверя» в электорате. В книге совсем по-иному: нет никакой пощады к противнику. Миронов убивает (не убьешь, убьют тебя!) и яростно ненавидит. Точно так же переполнены ненавистью его товарищи по оружию. Они знают врага в национальное лицо. Это враг сильный, смелый, жестокий, подлый и хитрый.

Во время штурма дудаевского дворца в Грозном противник прячется за распятыми на оконных рамах мертвыми и измученными российскими парнями, попавшими ему в руки. И вы хотите, чтобы после этого сибирская пехота, сибирская «махра», как сказано в «Я был на этой войне», брала пленных? Противная сторона к этому времени тоже не утруждала себя заботами по пленению наших солдатиков. Потому и держит офицер гранату в собственном резерве на критический случай. Точнее, случай, чтобы не быть захваченным врагом и чтобы не остаться калекой на всю оставшуюся жизнь. Уж лучше смерть!

Враги пехотного капитана – это «духи». Человеческого лица у них нет. Даже женщины-аборигенки, несмотря на естественный мужской сексуальный голод на войне, в глазах повествователя лишены маломальской женской привлекательности. Под стать им и дети, и аксакалы: для автора все они – «духи».

Война – это кровь, смерть, ужас и страх. Война – это запредельные выбросы адреналина в кровь, когда в человеке пробуждается древний звероподобный предок-неандерталец. Многократно капитан Российской армии возвращается к этим мыслям, подступаясь к ним то с одной, то с другой стороны. Приведем лишь одно из рассуждений (в книге их десятки): «...в экстремальных ситуациях в нем (в воюющем. – *В. П.*) просыпается древний человек, и всплывают из глубин подсознания рефлексы уничтожения и собственного выживания... Вот только загнать потом эти рефлексы внутрь очень трудно. Очень уж им нравится резвиться на воле после многолетнего заточения. Человеку приятно осознавать себя неким сверхчеловеком. Особенно приятно, когда уходят комплексы, приобретенные в результате воспитания, такие как совесть, сострадание к противнику, ближнему. Да и силенок прибавляется. Чем не подтверждение для гитлеровской, ницшеанской теории о белокурой бестии? Моральное состояние также улучшается, притупляются болевые рефлексы, почти уходит усталость. Геракл, да и только. Видимо, идет стимулирование выделения эндоморфинов. Они образуются и выделяются в организме при употреблении наркотиков. А здесь без наркоты ты получаешь кайф».

Натуралистично рассказаны сцены бойни: обоюдное зверство. И тут же авторское предупреждение: «Мне пока удается загонять этого зверя (собственную жестокость. – *В. П.*) в его клетку, что довольно-таки сложно. А вот молодые солдаты – они могут не справиться с ним, когда-нибудь он может и выскочить на «гражданке».

Не уходит Миронов и от таких военных экстремумов, как, например, пытки противника. Враг пытает наших, мы пытаем их – методика действий одна и та же. Как и тактика со стратегией (Миронов часто ссылается на то, что учились все в бывшем Советском Союзе в одних и тех же учебных заведениях). Отличие в важных нюансах: пытки со стороны чеченцев – это садизм и стремление запугать, загипнотизировать страхом. Наши тоже пытают, но по военной необходимости, когда требуется узнать для военных нужд, для сохранения жизней товарищей тщательно сохраняемые врагом сведения. Можно представить, как будут воротить нос от этих страниц кисейные барышни-читательницы, наследницы приснопамятной грибоедовской «княгини Марьи Алексевны».

Война по Миронову – это грязь и мерзость, теплые мозги, горячая липкая кровь и белые кости наружу, убийства и предательства. Вот он пишет об окружении в Грозном, из которого, на счастье, удалось выбраться: «Бойцы сами вытаскивали без всякого наркоза неглубоко сидящие осколки. Не то что обработать антисептиком раны, просто обмыть их не представлялось возможным. Поэтому, чтобы не было заражения и для остановки кровотечения, – бинты закончились, содержимое индивидуальных пакетов было съедено с голоду, – открытые раны посыпались

порохом из патронов, который потом поджигался. Порох вспыхивал, кисло воняя и распространяя вокруг запах опаленной плоти. Кровотечение останавливалось, рана закрывалась».

Более всего в этих рассказанных «мелких фактах» боевого повседневья поражает даже не «пороховая» обработка ран, а то, что с голодухи съели начинку индивидуальных пакетов, предназначенных как раз для раненых.

В своих утверждениях автор-офицер прям и несгибаем, как жезл: не разделяешь его точку зрения, тогда либо ты не информирован – это простительно, либо предатель – значит, тоже враг, только более гнусный. Однако война по Миронову – это и героизм, и презрение к смерти, и самопожертвование, и взаимовыручка. Последние качества воин проявляет только по отношению к своим. И в этом отличие нынешнего противостояния от элементов рыцарства кавказских войн XIX века, упоминая которые, наш мемуарист растравляет раны собственных сомнений.

Может быть, беда нашего капитана из сибиряков в том, что он не только действует, но и постоянно дает оценки: себе, друзьям, врагу, высшим офицерам и генералам из действующих рядом и наезжающих от армейских столичных «верхов».

На страницах книги буквально на кусочки раскладывается психология кадрового офицера эпохи «великого перестроечного перелома» и дается ее исчерпывающий диагноз. Уроки нового смутного времени накрепко вдолбили в подкорку серого вещества типичного представителя нынешней армии неверие во все и вся. Российский капитан не просто подвергает сомнению приказы московских лизоблюдов, он не доверяет там никому – ни «воякам» из Генштаба, ни престарелому гаранту Конституции с его челядью.

Вообще-то ничего оригинального в таком взаимоотталкивании нет: российский разлом между верхами и низами носит перманентный характер. Однако такое острое противопоставление воюющей армии государству и «Москве», демонстрируемое автором книги сотоварищи, чревато тяжелейшими последствиями и для страны, и для общества. Судите сами: ни один приказ от «паркетных вояк» не принимается офицерской косточкой безоговорочно. Всегда с резким осуждением глупости генералитета и политиканов. Чего стоят оценки войны сражающейся массой?! Потому-то и является горькой реальностью нынешняя пропасть между воюющей армией и обществом. Вот и попробуй побеждать с такой армией!..

И все это на фоне общественной глухоты по отношению к воюющим. Скажем честно, в последнее время наметилась чуть заметная тенденция к изживанию общественного безразличия к «человеку с ружьем». Пока, к сожалению, чуть заметная, потому как нет-нет да и выливает кое-кто из пишущих ушаты со словесными нечистотами на головы тех, кто сохранял верность присяге. И сохранил, несмотря на то, что вокруг все смрадно разлагалось и продавалось.

Армия в нашем Отечестве традиционно являлась политизированным и опасным инструментом в руках властной элиты общества. Однако в кризисные для государства моменты этот инструментарий мог легко развернуться совсем в другую желаниям властей сторону. Вот тогда и летит в тартарары вся с таким тщанием выстраиваемая в спокойные годы иерархия, в том числе и армейская. Декабристы когда-то это прекрасно доказали на собственном примере. Но декабрьское восстание в 1825 году – это давно. Армия в Чечне – это нынешние реальности. Не знаю, как кого, а меня раз за разом цепляли разбросанные по тексту мироновские рассуждения о спасительном для народа «освободительном походе на Москву».

Миронов с точностью чувствительного индикатора зафиксировал нынешнюю тупиковость чеченского вопроса. Он, думающий офицер, не видит никаких цивилизованных выходов оттуда, где оказались представители обеих воюющих сторон. Его рецепт прост, как мычание: вернуться с оружием в этот кавказский регион и вести себя с теми, кто убивает и не придерживается никаких цивилизованных норм, необходимо только с использованием силы и принуждения. Уже говорилось, что все чеченцы для Миронова – «духи», без разбора по политическому, половому, возрастному и иным признакам. Отношение к ним тоже как к «духам» или потенциальным «духам».

В этом и состоит безысходность книги-откровения, книги-исповеди «Я был на этой войне». Как будут вписываться все эти израненные войной физически и духовно герои и враги (без национального различия) в нормальную жизнь? Что необходимо делать обществу и государству для их психологической реабилитации? Когда будет наконец изжит этот чеченско-кавказский кошмар? Эти и другие вопросы, которые успели уже перейти в разряд проклятых, беспокоят при чтении, как больной зуб.

Кто даст ответы?..

Нет ответов.

г. Кемерово

ЭТО БЫЛО НЕДАВНО. ЭТО БЫЛО ДАВНО

Странно представить нашу сегодняшнюю жизнь без телевидения. А ведь всего каких-нибудь четыре десятилетия назад в домах кузбассовцев не светились голубые экраны... Часто думаю о счастливой судьбе творчества у самого истока телевизионного искусства на ТВ земли Кузнецкой.

И совсем не потому, что тогда, в начале шестидесятых годов, оно было в основном художественным вещанием. А потому, что в молодую сибирскую студию пришли признанные мастера театральных подмостков страны, как, например, заслуженный артист УзССР Л. Швидко, постановщик многих спектаклей в театрах оперетты Иванова, Краснодара А. Блехман, выпускник Киевского театрального института, уже тогда опытный телевизионный режиссер Б. Руденский, популярная филармоническая актриса В. Снегирева...

Меня, бывшего заведующего отделом культуры областной газеты «Кузбасс», много лет сотрудничавшего с театрами области, теперь являющегося главным редактором студии, увлекла идея ставить свои, именно телевизионные полнометражные спектакли, снимать телевизионные фильмы.

Энтузиастов этого большого дела, до этого неслыханного в местных условиях, как потом оказалось, было предостаточно. Их отношение к творческой деятельности было по-особенному глубокое, благоговейное.

Что это? Любовь к искусству? Уважение к людям, которые давали телезрителям тогдашней провинции возможность наслаждаться становившимся очень популярным ТВ. Ведь еще не было «Орбиты», а значит, и программ Центрального телевидения.

И неудивительно, что так жадно ожидались новые творческие работы «Голубого экрана».

Все мы, или почти все, были молоды. А молодость великолепна! Многим из нас тогда она казалась вечной. Но все до обидного прошло быстро...

Первым подлинно профессиональным телеспектаклем явилась работа по моей инсценировке повести А. Куприна «Гранатовый браслет».

Постановщиком спектакля мы пригласили широко известного в недалеком прошлом всей стране заслуженного артиста РСФСР А. Волгина, который ушел на пенсию из областного драмтеатра имени Луначарского. Хочу напомнить всего несколько штрихов его обширной художнической и педагогической деятельности в наших краях. Это он был первым наставником в Красноярском крае крупнейшего актера, народного артиста СССР И. Смоктуновского. Это в его спектаклях росли таланты – народный артист страны, лауреат нескольких Государственных премий В. Самойлов, народные артисты России Г. Ишкова и П. Бетев...

В удивительном по красоте, благородству, подбору актерского ансамбля «Гранатовом браслете» блистали заслуженные артисты РСФСР Н. Цагина и А. Смагина (обе играли в театре оперетты Кузбасса), заслуженные артисты БАССР В. Гутман и Г. Писаренко, заслуженный артист России В. Антонов, С. Балакин.

Конечно же, успеху у телезрителей (спектакль показывался трижды по местному ТВ) способствовали безукоризненное ведение телевизионного режиссера В. Руденского, яркое оформление художника-постановщика Р. Желеховского, высокопрофессиональная работа телеоператоров Ю. Командирова, Б. Черногубова, А. Синицына, звукорежиссера М. Фирсова.

Окрыленные небывалой творческой удачей, мы загорелись сложной работой над спектаклем по одному из лучших романов Д. Мамина-Сибиряка «Горное гнездо».

Трудно давалась инсценировка сложного произведения большого русского писателя с многочисленными персонажами и местами действия. И здесь свой богатый опыт сценического видения огромного полотна романа проявил уже тогда тяжело больной все тот же мастер А. Волгин, а телевизионного воплощения – неистощимый на находки, логичные раскадровки спектакля В. Руденский.

Спектакль ярко раскрывал грабителей, авантюристов, наглых дельцов, готовых на всякие гнусные жестокости, на разбой и обман, интриги, чтобы захватить богатство и деспотически распоряжаться целым индустриальным регионом.

Удивительные были созданы образы заслуженными артистами РСФСР Ф. Белинской и П. Князевым, Г. Морозовым, М. Квасовой и другими.

Хочу коротко рассказать еще об одной замечательной работе творческого коллектива студии ТВ.

Речь идет о телевизионном спектакле «Орлиная степь», поставленном талантливым режиссером театра имени Луначарского, заслуженным деятелем

искусств России В. Шабановым по роману М. Бубенова (автора известного романа о Великой Отечественной войне «Белая береза»).

Творческая бригада ТВ под художественным руководством главного режиссера студии В. Руденского буквально все действие спектакля вынесла на неоглядные степи (в то время вокруг телецентра на многие километры простирались никем не обжитые просторы). Были сооружены по ходу действия спектакля настоящий палаточный городок целинников, небольшой железнодорожный вокзал, заполненное водой озерцо. Все массовые сцены сопровождались духовым оркестром клуба Кемеровской ГРЭС, учащимися Кемеровского культпросветучилища.

В трудовых эпизодах были задействованы автомашины, тракторы, мотоциклы, лошади с Металлплощадки...

Телекамеры ПТС были расставлены так, что одна из них возвышалась на трехметровой вышке и брала под свой обзор общие планы действия спектакля, вторая – на электрокаре (позаимствованном на КЭМЗе) двигалась по настилу от одного объекта к другому, а третья, самая мобильная, – на открытом газике выхватывала крупные планы главных персонажей.

На экране шли подлинные, живые кадры: вот вздымается, бугрится глубокими бороздами земля. Ее мощные пласты налегают друг на друга, дыбятся, уходя к горизонту, чтобы там, где-то у самой кромки, слиться с грозным, клубящимся облаками небом. К счастью, погода сопутствовала съемкам. Тогда ведь видеозаписи и в помине не значилось.

Целина! Разбуженная, взбудораженная, поднятая к новой жизни человеком. Это его, совершившего поистине титанический подвиг, в замечательном телевизионном действии, в финале спектакля славил народный хор Дворца культуры Кировского района областного центра.

Особо понравились, судя по многочисленным письмам, поступавшим на студию телевидения, исполнители главных ролей трехчасового представления – тогда заслуженные артисты республики Г. Ишкова, П. Бетев, И. Ефанов, Т. Байкалова.

В те далекие годы земля Кузнецкая славилась своей художественной самодеятельностью, не раз завоевывавшей призовые места не только в Западной Сибири, но и в стране.

Нам, телевизионщикам, пришла идея убедить руководство облсовпрофа за довольно высокую цену приобрести в Москве синхронную съемочную кинокамеру для того, чтобы запечатлеть народные таланты шахтеров, металлургов, химиков, строителей Кузбасса. Цели своей добились. Кинокамера СК-1 оказалась в распоряжении студии телевидения. Мы пригласили на работу в штат ТВ опытного кинооператора В. Каменева из Новосибирска. Звукорежиссер В. Шамов, изобретательный, знавший все тонкости звукозаписывающей аппаратуры, со своими помощниками оборудовал необходимый агрегат для синхронных киносъемок. У соседей из кинохроники купили подешевле проявочную технику.

И вот в разгар лета 1962 года ТВ снарядило целую экспедицию, снабдив ее «пазиком», грузовиком под осветительную аппаратуру, и двинулось в жемчужину Кузбасса – Прокопьевск.

Киносценарий фильма-концерта «Поет земля Кузнецкая» я готовил с нашим поэтом В. Измайловым. Режиссуру руководство студии доверило А. Блехману, профессиональному специалисту-музыканту.

Кинокадры, как правило, снимались на открытом воздухе. Первая съемка на площади у здания-красавца нового драмтеатра имени Ленинского комсомола собрала тысячи горожан. Они пришли словно на праздник, чтобы порадоваться за свою гордость – ансамбль песни и танца завода «Электромашина», хореографом которого был М. Годенко, ставший потом известным во всем мире благодаря славе Красноярского танцевального коллектива, художественным руководителем которого долгие годы являлся он, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР.

Потом велась тщательная съемка академического хора Центрального клуба г. Киселевска под управлением Н. Зданевича (позднее заслуженного работника культуры РСФСР), великолепно исполнившего фрагмент оратории Г. Свиридова на известные стихи В. Маяковского «Я знаю, город будет...».

Снова царил праздник музыки, искусства в Новокузнецке, когда в один из воскресных дней по проспекту Металлургов прошел большой колонной сводный духовой оркестр Кузнецкого металлургического комбината. А в вечернее время нашим киносъемочным объектом стало чудо классической хореографии Дома культуры строителей, где блистала любимица новокузнечан – солистка балета В. Портная-Бородулина (впоследствии тоже заслуженный работник культуры России).

Потом на площадке сооружавшейся домны-великана Запсиба продолжались съемки концерта для строителей их же любимцев «Запсибовских ребят».

Спустя годы они стали профессионалами, популярными на Центральном телевидении, но уже под иным названием – «Ярославские ребята».

Завершилось турне – изнурительное по работе, радостное, однако, от общения с земляками, чудесными, талантливыми ребятами и девчатами – в Кемерове. Здесь на самой красивой улице Весенней прошли киносъемки гуляющих в вечернее время горожан под широко разливающуюся песню «Улица Весенняя, как ты хороша...». Песню написали знаменитая поэтесса, в то время гостившая в нашем областном центре, Б. Ахмадулина и ленинградский композитор Ф. Мартынов.

Отдыхать не приходилось. Эта же съемочная группа, только теперь с режиссером В. Руденским, приступила к работе над новым фильмом-концертом «Когда опускается занавес». Подготовили сценарий, где ведущей предстала диктор студии Г. Скударнова, на протяжении многих лет приносившая радость большой аудитории телезрителей.

Картина снималась только в ночное время, когда в роскошном новеньком Театре оперетты Кузбасса ни зрителей, ни обслуживающего персонала не находилось.

Интерьерами съемок выбирались лучшие архитектурно-колоритные фойе, ажурные лестничные марши, искусно обустроенные цветники, буфетные стойки, обширные гардеробные. Звучали очаровательные мелодии из знакомых венских оперетт и современных мюзиклов – И. Кальмана и Ф. Легара, И. Дунаевского, Ю. Милютина, Д. Кабалевского...

Снимались сцены из лучших спектаклей репертуара нашего театра и, конечно же, с участием прославленных мастеров сцены: неповторимых, обожаемых публикой долгие годы заслуженных артистов республики Н. Коносевич и А. Боброва (потом народного артиста РСФСР), обаятельных, лиричных артистов З. Дубровской и Б. Пенькова, заслуженной артистки России Л. Фроловой и подлинно фрачного героя Е. Григорьева, искрометной субретки заслуженной артистки РСФСР Г. Епифановой и чудесного простака Г. Соколова, всегда свежих и заразительных артистов-партнеров В. Райх и Б. Двойникова, ведущих солистов балета А. Елесиной и В. Мензелинцева, Н. Лурман.

Финалом полнометражного фильма-концерта послужила сцена из спектакля «Жемчужина Сибири» (авторы – известный поэт-кемеровчанин Е. Буравлев, композиторы Ю. Бирюков и Ф. Мартынов).

Подошло время взяться за съемки игрового телевизионного художественного фильма. Мною был написал сценарий, сюжет которого навеяли воспоминания о минувшей Великой Отечественной войне. Загорелся этой темой тоже участник войны режиссер А. Блехман.

В фильме, названном «Аппассионата», снялись тогда совсем молодые актеры областного театра, приехавшие в Кемерово из Перми, В. Дроздов и Г. Бурков. Да, тот самый, очень любимый всеми нами артист, снявшийся в бесчисленных фильмах, близкий друг незабвенного В. Шукшина.

Кинолента удалась. Ее тиражировали в Москве. За работу в отечественном телевидении В. Руденского и меня в 1964 году приняли в члены Союза кинематографистов СССР.

Вениамин ВЛАСОВ,
руководитель представительства
Союза кинематографистов России
по Кемеровской области

ТЕЛЕГРАММА

г. Москва, редакция журнала
«Наш Современник»,
17 ноября 2003 года

Поэты Кузбасса, поклонники, друзья Юрия Кузнецова глубоко скорбят по поводу его безвременного ухода.

Он был верным сыном России и всегда оставался преданным своему высшему предназначению на земле, до конца пронеся Божий Дар Поэта.

Мы особо благодарны ему за многочисленные публикации наших поэтов в журнале «Наш Современник». В последнем разговоре летом 2003 года он сказал: «Поэтов в Кузбассе густо».

Постараемся сберечь этот завет.

Выражаем глубокое соболезнование близким и друзьям Поэта. Скорбим вместе с вами.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Анатолий Кругляков. Жизнь после смерти. *Рассказ* 6
Юлия Лавряшина. Ничего страшного. *Рассказ* 10
Виктор Арнаутов. Все, Все! Антракт! *Рассказ* 14
Людмила Яковлева. Отец. Осторожно, лоси! *Рассказы* 21
Геннадий Трохин. Конец Гришки-зэка. *Рассказ* 30
Юрий Торубаров. Дань с продажи. *Рассказ* 33
Владимир Соколов. Баски. *Наброски для романа* 40

ПОЭЗИЯ

Анатолий Валентинов. Стоять на своей земле 3
Валентин Махалов. Всерьез задумалась душа 17
Надежда Трусь, Людмила Яковлева, Наталья Фролова.
Летом в зелени он утопает... 27
Алексей Бельмасов. Буквы бессмертия 37
Андрей Ребров. Река родного языка 153

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ «ПРИТОМЬЕ»

Герман Волков, Анжела Зуева, Михаил Пимонов,
Анна Молодых, Екатерина Фролова, Олеся Гущина,
Анастасия Гаузштейн, Валерий Дмитриев. Стихи 105
Дарья Пола. Немножко назад. *Маленькая повесть* 109

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Тайга-город. Интервью с мэром Тайги Александром Викторовичем Маером (интервью взяла О. К. Зубарева). 123
Атрошенко Б. И. Культура города Тайги. Художник Василий Коробейников 125
Сергей Павлов. Жизненное поле Николая Рюмина 129
Марина Александрова. Гармонисты 134

СВЕТЛИЦА

Никита Виноградников, Настя Присакарь, Людмила Шишкина, Наталья Басалаева, Даша Карпова, Светлана Николаева, Аня Горбунова, Светлана Ванюшкина. 139

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Владимир Ерёменко. Апология театра 143
Всерусский соборъ 152

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ

Мария Шибалова. «Надо чаще уходить в леса...» (Тема леса в поэтическом сборнике И. Киселева «Под солнцем и ненастьем...») 154
Владимир Мазаев. Смятение песчинок 159
Валерий Плющев. Градус правды 160
Вениамин Власов. Это было недавно. Это было давно 163

Технический редактор ***В. И. Труханова***
Корректоры: ***Л. В. Маренина, Т. С. Тодорович***
Компьютерная верстка ***М. Ю. Кузнецова***

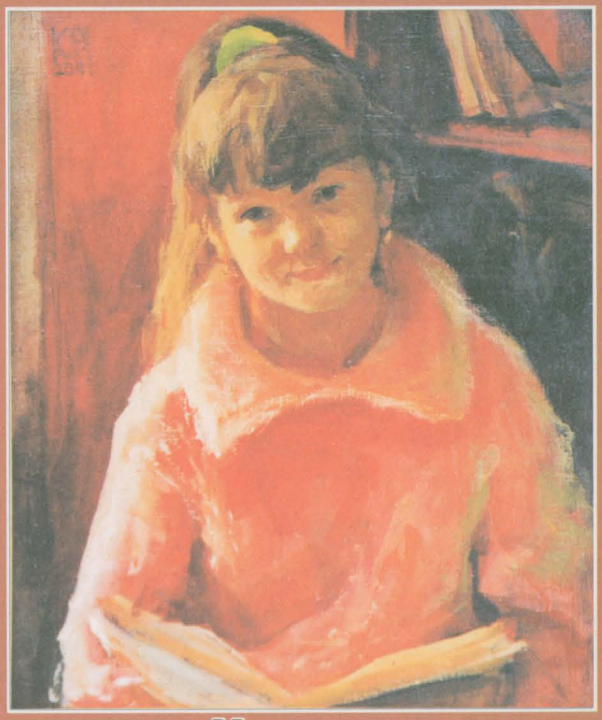
Тираж 700 экз. Заказ №22

Издательство «Кузбассвузиздат».
650043 Кемерово, ул. Ермака. 7. Тел. 58-34-48.

Internet: http://www.kvi.bip.ru

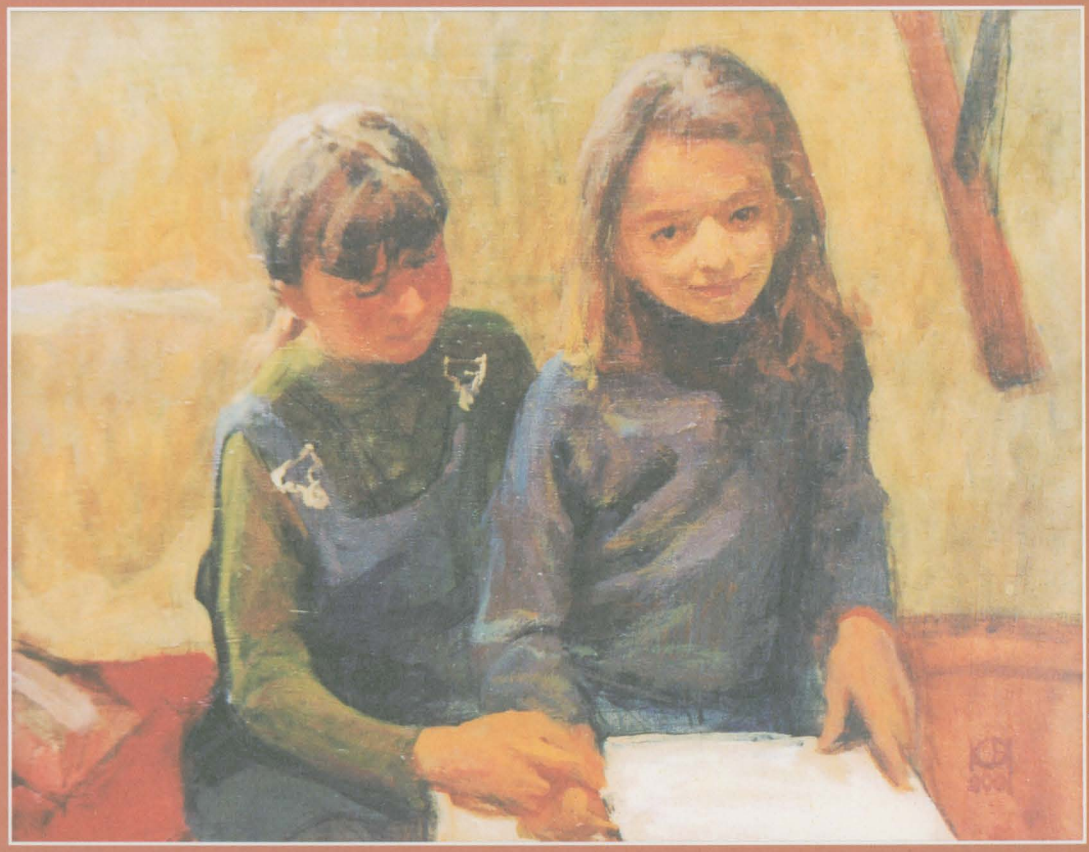

Влада

Интересная книга

Василий КОРОБЕЙНИКОВ

Воробушки

15-72

В. КОРОБЕЙНИКОВ. Пионы